U 296
.549

390-1-69
И 296/349
801-93
7186-2
89
89

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III.

П. Щебальскаго.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

398-1-69

185-2-57

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Политическая система Петра III была напечатана первоначально въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Къ изданію ея отдѣльною книгой побудило меня желаніе подѣлиться съ людьми, интересующимися отечественною исторіей, матеріалами, которые неудобно было печатать въ журналѣ, въ видѣ приложеній: таковы нѣсколько трактатовъ, не вошедшихъ ни въ *Полное Собраніе Законовъ*, ни въ иностранные дипломатическіе сборники; таковъ перечень международныхъ актовъ, заключенныхъ русскимъ правительствомъ по день вступленія на престолъ Екатерины II,—перечень, значительно пополняющій указанія имѣющіяся въ сборникѣ Мартенса и въ *Полномъ Собраніи Законовъ*.

Собирая эти матеріалы и приступая къ дипломатической исторіи Петра III, я предполагалъ перейдти потомъ къ подобной же исторіи послѣдующаго царствованія, къ которой настоящее изслѣдованіе мое было бы какъ бы вступленіемъ. Въ этомъ предположеніи я позволилъ себѣ слишкомъ можетъ-быть пространныя историческія объясненія событій занимавшей меня эпохи, связывая ихъ иногда съ событіями даже предшествующаго вѣка. Такая непропорціональность была бы незамѣтна и нашла бы оправданіе, еслибы мнѣ удалось возвести зданіе соотвѣтствующее фундаменту. Но обширныя историческія изслѣдованія можетъ предпринимать лишь тотъ, кто въ состояніи исключительно посвятить имъ все свое время; я же, начавъ заниматься настоящимъ трудомъ около трехъ лѣтъ тому назадъ, безпрестанно принужденъ былъ отрываться отъ него и едва успѣлъ довести его до конца.

П. Щ.

I.

Причины раздоровъ между Датскимъ и Гольштейнскимъ дворами. — Право герцога Карла-Фридриха на шведскій престолъ.—Покровительство оказанное ему Петромъ I.— Секретная статья брачнаго договора 1724 года. — Виды Гольштейнской династіи на русскій престолъ. — Воспитаніе герцога Карла Петра Ульриха.—Политика въ отношеніи его императрицы Анны.— Гольштейнскій дворъ и гольштейнское правительство въ Петербургѣ.—Попытка обмѣна Гольштейна на Ольденбургъ. — Рѣшеніе по этому поводу великаго князя Петра Ѳедоровича. — Положеніе гольштейнъ-датскаго вопроса въ 1761 году.

Та часть европейскаго материка, гдѣ соприкасаются между собой германскія и скандинавскія племена, а именно, полуостровъ Ютландія и окружающіе его острова, въ продолженіе многихъ столѣтій составляла особый политическій міръ. Интересы этого маленькаго міра имъ и ограничивались; совершавшіяся въ немъ событія не имѣли отголоска за его предѣлами. Государи, владѣвшіе этимъ полуостровомъ и этими островами, постоянно стремились къ сліянію оныхъ подъ одною державой, то посредствомъ завоеваній, то посредствомъ родственныхъ союзовъ; они сражались между собою, заключали мирные и брачные договоры, низлагали одинъ другаго, жили и умирали, не замѣчаемые съ великой исторической сцены, — а между тѣмъ здѣсь подготовлялись элементы борьбы между германскою и скандинавскою національностями, борьбы, долженствовавшей открыть въ наше время рядъ великихъ событій.

Государства, составлявшія помянутый особый политическій міръ, были королевство Датско-Норвежское и герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, изъ коихъ послѣднее входило въ составъ Германской имперіи. Всѣ эти владѣнія, то собираемыя подъ единою верховною властью, то распадавшіяся

на самостоятельныя части, находились въ соединеніи въ послѣдній разъ, въ XVI вѣкѣ, подъ державой Датскаго короля Фридриха III. По смерти его они снова раздѣлились, причемъ третій сынъ Фридриха, Адольфъ, сдѣлался родоначальникомъ династіи Гольштейнъ-Готторпской, бывшей съ тѣхъ поръ въ постоянной враждѣ со старшею Гольштейнъ-Глюкштадтскою или датскою вѣтвью, а предметомъ спора между ними было герцогство Шлезвигское. Казалось, что это небольшое владѣніе, такъ настойчиво оспариваемое двумя сосѣдними государями, удержится, наконецъ, за гольштейнскою короной. Въ 1658 году состоялся торжественный трактатъ, гарантированный Англіей, Франціей и Голландскими Соединенными Штатами, которымъ признавались полная независимость Шлезвига отъ Даніи и поступленіе его подъ державу герцоговъ Гольштейнъ-Готторпскихъ.

Однакожь, 17 лѣтъ спустя, герцогъ Христіанъ-Альбрехтъ, владѣвшій Гольштейномъ и Шлезвигомъ, принужденъ былъ подписать отреченіе отъ этого послѣдняго герцогства; но такъ какъ это отреченіе было у него исторгнуто насиліемъ, то онъ въ послѣдствіи протестовалъ и отвергалъ силу своего отреченія, обращался къ державнымъ порукамъ и къ императору Германскому, но безъ успѣха. Король Датскій вступилъ въ полное обладаніе Шлезвигомъ и пользовался имъ до 1689 года, когда, вслѣдствіе сильныхъ настояній императора и имперскаго сейма, онъ принужденъ былъ подписать (въ Альтонѣ) актъ, которымъ герцоги Гольштейнскіе возстановлялись въ правахъ своихъ на Шлезвигъ. Но прочное положеніе дѣлъ не утвердилось и послѣ Альтонскаго соглашенія. И Датскіе короли, и Гольштейнскіе герцоги, каждые съ своей стороны, старались пріискать сильныхъ союзниковъ и отдать подъ ихъ покровительство свои права и претензіи.

Въ концѣ XVII вѣка царствовалъ въ Гольштейнѣ Фридрихъ IV, женатый на сестрѣ Карла XII Шведскаго,—усердный союзникъ своего шурина въ Сѣверной войнѣ,—убитый въ сраженіи подъ Клишовымъ. Послѣ его кончины герцогское достоинство перешло къ сыну его Карлу-Фридриху, за малолѣтствомъ котораго регентомъ (администраторомъ) гер-

дства былъ дядя его Христіанъ-Августъ, въ послѣдствіи (съ 1705 г.) епископъ любскій. Во время его-то управленія и случилось то обстоятельство, которое въ продолженіе болѣе полувѣка оставалось въ числѣ неразрѣшенныхъ политическихъ процессовъ и едва не причинило въ Европѣ весьма серіозныхъ затрудненій. Травендальскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1700 году, Данія, обезоруженная Карломъ XII, обязалась не оказывать ни прямаго, ни косвеннаго пособія Сѣверному Союзу; но не стѣсняясь этимъ обязательствомъ, Датскій дворъ въ слѣдующемъ же году заключилъ съ Петромъ I тайный договоръ,* которымъ обязывался соединить свое оружіе съ русскимъ противъ Швеціи въ случаѣ вмѣшательства въ войну ея союзниковъ; когда же Карлъ XII потерпѣлъ пораженіе подъ Полтавой, то Датскій дворъ приступилъ къ оборонительному и наступательному союзу съ Россіей, обязуясь немедленно открыть военныя дѣйствія противъ Швеціи. Договоръ объ этомъ былъ заключенъ 11-го октября въ Копенгагенѣ,** и Померанія, принадлежавшая тогда Швеціи, сдѣлалась театромъ войны. Вытѣсненный изъ этой области въ 1713 году соединенными датскимъ, саксонскимъ и русскимъ корпусами, шведскій генералъ Стенбокъ вступилъ на гольштейнскую территорію и заключилъ съ администраторомъ Христіаномъ-Августомъ конвенцію, въ силу которой ему было дано убѣжище въ гольштейнской крѣпости Тенингенъ, на границѣ Шлезвига и Гольштейна; но вслѣдъ за шведскими войсками въ Гольштейнъ вступили союзные полки, и король Датскій воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобъ овладѣть Шлезвигомъ и даже частью Гольштейна, которые и были присоединены къ Даніи.

Такимъ образомъ, молодой герцогъ Карлъ-Фридрихъ увидѣлъ себя лишеннымъ большей части наслѣдственныхъ владѣній. Но пока живъ былъ его дядя, Карлъ XII, онъ могъ надѣяться, что одна или двѣ побѣды дадутъ Гольштейну перевѣсъ надъ Даніей. Къ несчастью для него, въ 1718 году Карлъ былъ убитъ

---

* *Полное Собраніе Законовъ* № 1.324.

** Тамъ же № 2.237.

Ближайшимъ претендентомъ на шведскую корону былъ молодой герцогъ Гольштейнскій, какъ сынъ старшей сестры покойнаго короля; тѣмъ не менѣе онъ былъ обойденъ въ пользу младшей сестры Карла XII, которая, принявъ корону, передала ее супругу своему, герцогу Гессенъ-Кассельскому, царствовавшему подъ именемъ Фридриха I. Новый король обнаружилъ съ первыхъ же шаговъ миролюбивое настроеніе, и между нимъ и сѣверными союзниками не замедлили открыться переговоры. И Швеція, и ея противники были утомлены двадцатилѣтнею войной. Долго поддерживавшійся союзъ сильно поколебался, какъ только Швеція обнаружила готовность къ уступкамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣла герцога Карла-Фридриха приняли плачевный оборотъ. При заключеніи мира съ Даніей въ 1720 году, король, его дядя, не только ничего не выговорилъ въ его пользу, но формально заявилъ, что онъ устраняется отъ всякаго вмѣшательства въ его разчеты съ Даніей и заранѣе соглашается съ постановленіями дворовъ, принявшихъ на себя посредничество при заключеніи мирнаго договора, то-есть Франціи и Англіи, а эти державы признали за Даніей пріобрѣтенія ея въ Шлезвигѣ. * Противъ этого договора герцогъ Карлъ-Фридрихъ протестовалъ самымъ сильнымъ образомъ и, въ качествѣ имперскаго принца, прибѣгнулъ къ посредству Германскаго императора. Императоръ принялъ въ немъ участіе: по его настоянію, король Датскій возвратилъ герцогу находившуюся въ его владѣніи часть Гольштейна и, между прочимъ, Киль, который съ того времени сдѣлался герцогскою резиденціей. Но это было удовлетвореніе далеко не полное, а потому Карлъ-Фридрихъ рѣшился искать пособія у того, который уже пріучилъ союзниковъ и противниковъ своихъ взирать на себя какъ на рѣшителя дѣлъ въ сѣверной Европѣ,—у Петра I. **

---

* *Histoire abrégée des traités*, p. Koch XIII, 299—301.

** Объ отношеніяхъ между Гольштейнскимъ и Петербургскимъ дворами смотри любопытную записку, составленную для императрицы Елисаветы, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о обмѣнѣ* и пр., находящуюся въ Московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ. (*Гольшт. дѣла* 1756—62 гг. № 5.)

Извѣстно, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни Карла XII между нимъ и Петромъ начало обнаруживаться сближеніе. Къ этому, не безъ большихъ, впрочемъ, затрудненій, удалось склонить Шведскаго короля его министру Гёрцу; что же касается Петра, то онъ былъ весьма расположенъ кончить войну, которая уже принесла Россіи всѣ необходимыя выгоды, предоставляя своимъ союзникамъ, слишкомъ часто покидавшимъ его въ трудныя минуты, самимъ поддерживать свои интересы. Уже были набросаны мысли, долженствовавшія лечь въ основаніе предполагаемаго трактата между Россіей и Швеціей, однимъ изъ секретныхъ пунктовъ коего царь отказывался отъ гарантіи Датскому двору его шлезвигскихъ владѣній и обѣщалъ не прекословить, еслибы Швеція пожелала возвратить ихъ герцогу Гольштейнскому. Предполагаемый трактатъ не состоялся за смертью Карла XII, но герцогъ Карлъ-Фридрихъ могъ убѣдиться изъ вышеизложеннаго, что Русскій царь расположенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оказать ему помощь. Съ другой стороны, и союзъ герцога Гольштейнскаго былъ очень полезенъ царю. Надо припомнить, что еще въ 1715 году Петръ устроилъ брачный союзъ между своею племянницей Екатериной Іоанновной и герцогомъ Мекленбургскимъ, владѣнія котораго занимали немаловажную часть балтійскаго прибрежья. Къ нимъ прикасались и владѣнія Гольштейнскаго герцога, который, кромѣ того, господствовалъ надъ частью Нѣмецкаго моря. Такимъ образомъ, владѣя морскимъ берегомъ отъ устья Невы до устья Двины и находясь въ связяхъ съ государями, которые господствовали надъ юго-западнымъ берегомъ Балтійскаго моря, Петръ могъ сообщить большое развитіе русскому мореходству и занять преобладающее положеніе на Балтійскомъ морѣ. Но это не все: герцогъ Гольштейнскій, хотя и устраненный отъ шведскаго престола избраніемъ на оный его тетки, оставался все-таки опаснымъ для Гессенъ-Кассельской династіи претендентомъ, какъ сынъ старшей изъ сестеръ Карла XII. Онъ могъ быть устраненъ отъ законнаго своего наслѣдія въ то время, когда не имѣлъ никакихъ матеріальныхъ

средствъ чтобы поддерживать свои права; но покровительство Русскаго императора не замедлило возстановить ихъ во всей силѣ. Графъ Бассевичъ, гольштейнскій министръ и главный орудователь сближенія между своимъ государемъ и Петромъ, свидѣтельствуетъ,* что его прибытіе въ Россію произвело въ Швеціи огромное впечатлѣніе и тотчасъ же образовало между тамошними государственными людьми преданную ему партію. Вотъ почему король Шведскій, политика котораго состояла въ томъ, чтобъ отвлечь отъ Петра его союзниковъ помощію небольшихъ уступокъ, вскорѣ по прибытіи герцога въ Петербургъ обнаружилъ миролюбивое расположеніе и въ отношеніи Россіи. На Ништадтскихъ переговорахъ обнаружилось, что пребываніе герцога при Русскомъ дворѣ очень тревожило шведское правительство: уступчивые вообще по всѣмъ требованіямъ Россіи, уполномоченные Фридриха, говоритъ Бассевичъ, отвергали съ такимъ упорствомъ все, что̀ клонилось къ пользѣ герцога и его усиленію,** что Остерманъ представилъ, наконецъ, о необходимости пожертвовать или поземельными пріобрѣтеніями, которыхъ царь домогался съ самаго начала войны, или интересами герцога. Разумѣется, интересы герцога были принесены въ жертву интересамъ Россіи, но лишь временно. Фридрихъ былъ бездѣтенъ и ближайшимъ его наслѣдникомъ былъ герцогъ Гольштейнскій. Доставить ему шведскую корону и связать его узами родства съ Русскимъ Императорскимъ домомъ—вотъ что̀ предположилъ Петръ. Съ этою цѣлью Русскій дворъ обратился къ шведскимъ чинамъ и исходатайствовалъ актъ (19-го ноября 1723 г.), которымъ они обнадеживали, что когда наступитъ часъ воли Божіей, „то онъ“, герцогъ, „найдетъ въ свободномъ избраніи плодъ того нѣжнаго уваженія, которое они къ нему питаютъ,“ и что онъ „можетъ почитать себя имѣющимъ болѣе нежели кто-либо правъ надѣяться достигнуть избранія“.*** Затѣмъ

---

* См. *Eclaircissements* въ IX томѣ Бюшингова *Magazin*.

** Совершенно то же свидѣтельствуетъ и Берхгольцъ. См. *Дневникъ* его, т. I, 159 и слѣд., и *Исторію Россіи* Соловьева, XVII т.

*** *Recueil des traités*, p. Martens, Supl. I.

Петръ сдѣлалъ Датскому королю представленіе о возвращеніи неправильно захваченной части Шлезвига, и получивъ отказъ, заключилъ со Швеціей договоръ (22-го февраля 1724 года), одною изъ секретныхъ статей котораго было постановлено употребить старанія къ возвращенію Гольштейнскому дому отнятыхъ у него владѣній и пригласить къ тому же императора Германскаго и королей Французскаго и Англійскаго. *

Давъ такое направленіе дѣламъ герцога Гольштейнскаго, Петръ рѣшился отдать ему руку своей дочери, и 24-го ноября 1724 года состоялся брачный договоръ о замужествѣ цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ. ** Третьимъ секретнымъ пунктомъ этого договора, императоръ, упоминая о принятомъ имъ обязательствѣ совокупно съ Шведскимъ королемъ, заявляетъ, что онъ „чрезъ сіе какъ наисильнѣе и обязательнѣе обѣщаетъ“, что „не токмо добрыя офиціи и представленія“ будетъ употреблять, но что, совокупно съ союзниками своими, предприметъ и другіе способы „и руки прежде опущати не изволитъ“, пока герцогу „за свое отъ короля Датскаго чрезъ столь многіе годы у него предъудержанное герцогство Шлезвигское справедливымъ образомъ совершенное удовольство.... исходатайствовано и онъ впредь въ довольную безопасность приведенъ будетъ.“ Далѣе, въ томъ же брачномъ договорѣ, Петръ обѣщаетъ за себя и за своихъ преемниковъ, что „при случаѣ испражненія шведскаго престола, онъ всякимъ удобнымъ образомъ, и если потребно, и со всею въ рукахъ имѣющеюся силой вспомогать будетъ, дабы его королевское высочество государь герцогъ, по собственному отъ шведскихъ государственныхъ чиновъ засвидѣтельствованному намѣренію, до дѣйствительнаго владѣнія королевскаго шведскаго престола достигъ.“

---

* Этотъ трактатъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ* (4.465), но безъ секретныхъ артикуловъ, которые см. въ Приложеніяхъ № I.

** Этотъ договоръ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, подъ № 4.605, но безъ принадлежащихъ къ нему секретныхъ пунктовъ; они приведены академикомъ Арсеньевымъ въ его *Царствованіи Екатерины I.*

Таковы были серіозныя надежды, поданныя Петромъ Гольштейнскому дому. Но онѣ этимъ еще не ограничивались. Вторымъ пунктомъ брачнаго договора, какъ герцогъ, такъ и цесаревна Анна, отрекались за себя и за своихъ потомковъ отъ всякихъ притязаній на русскій престолъ; но въ первомъ секретномъ пунктѣ того же трактата сказано слѣдующее: „Однакожъ, его императорское величество всероссійскій чрезъ сіе выговорилъ и себѣ предоставилъ, что ежели онъ въ какое ни есть время заблагоизобрѣтетъ и его императорскому величеству угодно будетъ одного изъ урожденныхъ Божескимъ благословеніемъ изъ сего супружества принцевъ къ сукцессіи короны и имперіи назначить и призвать, то его императорское величество въ томъ совершенную власть и мочь имѣть будетъ."

Такимъ образомъ потомкамъ Анны Петровны открывались весьма серіозные виды на русскій престолъ. Эти виды были неопредѣленны, ибо въ приведенномъ актѣ не объяснено, въ какомъ именно случаѣ можетъ быть призванъ къ сукцессіи одинъ изъ принцевъ этого дома; но тѣмъ болѣе широкое поприще открывалось надеждамъ и домогательствамъ,—и повидимому, ни въ томъ, ни въ другомъ не было недостатка. Бассевичъ, какъ извѣстно, утверждаетъ въ своихъ *Запискахъ*, будто Петръ I, умирая, произнесъ имя своей старшей дочери. Чтобъ отрицать это извѣстіе, нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ; но невозможно устранить и сомнѣніе: не пожелалъ ли гольштейнскій министръ, на основаніи словъ, приписанныхъ умирающему императору, выставить свою герцогиню соперницей вдовствующей императрицѣ и великому князю Петру Алексѣевичу? Болѣе нежели позволительно догадываться, что между множествомъ интригъ и происковъ, волновавшихся вокругъ смертнаго одра Петра Великаго, интриги Бассевича играли не послѣднюю роль.

Кратковременное царствованіе Екатерины I было временемъ весьма благопріятнымъ для Гольштейнскаго герцогства. Императрица вступила въ тѣсный союзъ съ Цесарскимъ дворомъ и поспѣшила поставить подъ его защиту гольштейнскіе интересы. Между ними заключена была конвенція 6-го (17-го)

августа 1726 года, которую король-императоръ обязывался, „если пріятельскія средства“ не успѣютъ доставить герцогу возстановленіе его правъ на Шлезвигъ, „то всѣ себѣ отъ Бога данныя силы къ тому употребить и, совокупно съ Россіей, оружіе дѣйствительно воспріять, и оное не прежде наисположить, пока свѣтлѣйшій герцогъ сатисфакцію получитъ.“ * Условіе о добрыхъ офиціяхъ внесено было въ договоръ, заключенный Екатериной съ Прусскимъ дворомъ (10-го (21-го) августа 1726 г.), который однако не захотѣлъ заручаться никакимъ положительнымъ обязательствомъ.** Но несравненно важнѣе чѣмъ помощь, выговоренная трактатами, было то положеніе, которое герцогъ занялъ въ Россіи, и та будущность, которая ему тамъ открывалась Была минута, когда кредитъ герцога, руководимаго ловкимъ Бассевичемъ, началъ угрожать самому Меншикову. Такъ напримѣръ, вовсе неожиданно для этого послѣдняго, онъ, герцогъ, сдѣланъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта. „Князь Меншиковъ совершенно этого не ожидалъ,—читаемъ мы въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ этого совѣта***, — спрашивалъ Макарова (доложившаго совѣту волю императрицы) хорошо ли онъ понялъ сіе повелѣніе, и поѣхалъ къ государынѣ для испрошенія вящшей резолюціи, но не могъ успѣть въ отрѣшеніи герцога.“ Какъ велика была заботливость императрицы о своемъ зятѣ видно изъ ея духовнаго завѣщанія. Въ этомъ послѣднемъ и торжественномъ выраженіи своей воли она писала между прочимъ: „Подъ опасеніемъ

---

* Этотъ трактатъ также напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ* (№ 4.946), но безъ находящейся при немъ конвенціи и секретнаго артикула, которые см. въ Приложеніяхъ № II.

** Этотъ трактатъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ* подъ № 4.947, кромѣ секретныхъ артикуловъ; а такъ какъ эти артикулы почти тождественны съ тѣми которые внесены въ трактатъ между Россіей и Пруссіей, заключенный 30-го сентября 1730 года, и такъ какъ этотъ трактакъ вовсе не напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, то онъ приводится вполнѣ въ Приложеніяхъ подъ № III.

*** *Чт. въ Общ. Ист. и Древн.* 1858 г., Протоколъ верх. тайн. совѣта 17-го февраля 1726 года.

нашей материнской клятвы, фамилія наша имѣетъ жить между собой согласно и великій князь покровительствовать герцогство Голштинское, доколѣ потомство цесаревны владѣть онымъ будетъ; достигнувъ же совершеннолѣтія, долженъ онъ исполнить все, что̀ можетъ еще не доставать къ тому, что̀ нами здѣсь выше упомянуто.“ Статьею VIII завѣщанія Екатерина призывала, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра II, къ наслѣдованію всероссійскаго престола самое цесаревну Анну съ ея *десцендентами;* слѣдовательно, значительно приближала ее къ престолу, въ сравненіи съ вышепомянутою секретною статьей брачнаго договора. Какими средствами Гольштейнскій дворъ достигъ, что императрица призывала къ престолонаслѣдію замужнюю дочь свою и съ десцендентами, и удовольствовался ли онъ такимъ положеніемъ дѣлъ — это вопросы еще не разрѣшенные. Но мы знаемъ, что въ продолженіе всего царствованія Екатерины происходила борьба, исходомъ которой могло быть возведеніе на русскій престолъ Гольштейнской линіи въ ущербъ великому князю Петру Алексѣевичу. Въ засѣданіи верховнаго совѣта 2-го апрѣля 1726 года Остерманъ, тогда еще преданный Меншикову, читалъ свое предположеніе касательно упроченія престолонаслѣдія. Это предположеніе состояло въ томъ, чтобы сочетать бракомъ цесаревну Елисавету съ великимъ княземъ Петромъ II Алексѣевичемъ и устранить такимъ образомъ Гольштейнскую линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ вступилъ въ сношенія съ посланникомъ шведскимъ, непріязненнымъ герцогу и его видамъ на шведскую корону. Но если онъ горячо стоялъ за права великаго князя, то другіе вліятельные въ то время люди, прикосновенные къ дѣлу царевича Алексѣя, не менѣе горячо стояли за герцога Гольштейнскаго: Девьеръ, Толстой, Ушаковъ и другіе сановники, участвовавшіе въ Девьеровскомъ заговорѣ, совѣщались между собой, какъ сказано въ манифестѣ Петра II, * „чтобы насъ отправить (за границу) и тѣмъ бы пресѣчь намъ дорогу къ наслѣдству монархіи

---

* *Полное Собраніе Законовъ* № 5.084.

Россійской, избравъ наслѣдника каждый по своей волѣ." Кого именно имѣли въ виду противники Петра Алексѣевича, въ манифестѣ не сказано, но кажется, что цесаревна Елисавета, совершенно равнодушная въ то время къ власти, никѣмъ не руководимая, не имѣвшая партіи, не могла имѣть столько вѣроятностей успѣха, какъ Гольштейнская линія. Меншикову удалось поразить своихъ враговъ, и права Петра Алексѣевача восторжествовали. Но за то съ первыхъ же дней новаго царствованія обнаруживаются слѣды непріязни со стороны тогдашняго правительства къ Гольштейнскому дому. Ходатайство герцогини Анны о выдачѣ ей движимаго имущества покойной императрицы „оставлено безъ отвѣта".* Подобнымъ же образомъ оставлено безъ отвѣта ходатайство ея о выдачѣ копіи съ духовнаго завѣщанія Екатерины, въ которомъ Гольштейнская линія призывалась къ престолу въ случаѣ бездѣтной кончины Петра II. Герцогъ пересталъ являться въ засѣданія верховнаго совѣта, и недѣль шесть спустя послѣ кончины своей тещи, то-есть въ концѣ іюня 1727 года, онъ уже заявилъ формальнымъ образомъ и намѣреніе оставить Россію. При этомъ онъ снова настаивалъ на полученіи копіи съ духовнаго завѣщанія, но верховный совѣтъ снова отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, прибавляя, что „копія съ завѣщанія императрицы Екатерины дать герцогу неприлично и невозможно, тѣмъ болѣе что сія копія ея королевскому величеству непотребна, ибо что касается до наслѣдія шведскаго (русскаго?) престола, то сіе состоитъ въ волѣ его императорскаго величества всероссійскаго, и никто посторонній въ сіе дѣло вмѣшиваться не можетъ." Мѣсяцъ спустя, именно 25-го іюля, Гольштейнская фамилія отправилась въ Киль, но предъ отъѣздомъ ея случилось еще одно весьма немаловажное недоразумѣніе: получивъ слѣдовавшія суммы, герцогиня въ выданныхъ ею квитанціяхъ подписалась „*наслѣдною* принцессою всероссійскою". Совѣтъ не принялъ этихъ квитанцій и потребовалъ, чтобъ она расписалась „*урожденною* принцессою всероссійскою".**

---

* Проток. В. Т. С. 19-го мая, 28-го и 29-го іюня 1727 г. въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.* 1858 г.

** Проток. В. Т. С. 21-го іюля 1727 г.

Всѣ эти черты, почерпнутыя изъ несомнѣнныхъ источниковъ, даютъ право заключить, что герцогскій Гольштейнскій домъ весьма серіозно смотрѣлъ на статьи, касающіяся престолонаслѣдія, въ брачномъ договорѣ и духовномъ завѣщаніи Екатерины, и что, вопреки верховному совѣту, цесаревна Анна продолжала почитать себя *„наслѣдною* принцессой всероссійскою". Академикъ Штелинъ въ *Запискѣ*, которую онъ составилъ о молодыхъ годахъ Петра III,* сообщаетъ, что сынъ цесаревны Анны и герцога Карла-Фридриха „воспитывался въ грекороссійскомъ исповѣданіи и училъ его закону Божію іеромонахъ греческій придворной церкви". Штелинъ утверждаетъ, сверхъ того, что лишь тогда уже, когда императрица Анна отняла у молодаго принца всякую надежду на наслѣдованіе русскаго престола, къ нему былъ приставленъ законоучитель евангелическаго исповѣданія, пасторъ Хоземанъ. Это извѣстіе не подтверждается ни однимъ изъ біографовъ Петра III, да и не вѣроподобно, чтобы наслѣдный принцъ двухъ протестантскихъ государствъ,— Голштиніи и Швеціи,—воспитывался въ духѣ восточнаго православія. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство Штелина, основанное хотя бы на однихъ слухахъ, не лишено значенія: оно доказываетъ, что Гольштейнская фамилія и по возвращеніи въ Киль не отказалась отъ надежды на русскую корону.

Осуществить такое возвышеніе Гольштейнской линіи было предназначено сыну цесаревны Анны, Карлу Петру Ульриху. Онъ родился въ Килѣ, 10-го (21-го) февраля 1728 года, а лишился матери, когда ему не было еще полныхъ трехъ мѣсяцевъ отъ роду. Штелинъ разказываетъ, что по поводу его рожденія сожженъ былъ фейерверкъ, на который непремѣнно захотѣлось взглянуть герцогинѣ Аннѣ; она встала съ постели, подошла къ окну и растворила его; когда же находившіяся при ней женщины замѣтили ей, что она подвергается опасности простудиться, то она отвѣчала: „Мы Русскіе холоду не боимся". Тѣмъ не менѣе чрезъ нѣсколько недѣль послѣ этой бравады Анна Петровна скончалась.

---

* *Чт. въ Общ. Ист. и Др.* 1866 г.

Со смертію ея должны были порваться многія изъ тѣхъ связей, которыя еще соединяли Гольштейнскій дворъ съ Русскимъ, а вступленіе Анны Іоанновны на русскій престолъ, повидимому, навсегда закрывало къ нему доступъ Гольштейнскимъ принцамъ. Это заставило герцога Карла-Фридриха обратить свое вниманіе на шведское наслѣдство и направить воспитаніе сына своего къ этой цѣли. Его стали учить шведскому языку, и Штелинъ говоритъ, что онъ видѣлъ тетрадку собственноручно писанныхъ великимъ княземъ переводовъ на шведскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало исчезать при герцогскомъ дворѣ и все, что̀ напоминало о Россіи. Этотъ дворъ былъ таковъ, какими были въ то время дворы мелкихъ германскихъ владѣтелей, и прототипомъ которыхъ (въ бо́льшихъ размѣрахъ) былъ дворъ Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I: утромъ вахтъ-парадъ, вечеромъ шумная бесѣда, оживляемая крупнымъ остроуміемъ въ какой-нибудь Tabak- или Tost-Collegium. Среди подобнаго-то двора легли на душу будущаго императора Россіи первыя впечатлѣнія. Смотрѣть изъ окна на муштровку солдатъ, говоритъ Штелинъ, было для него первымъ наслажденіемъ, лишеніе котораго, за какую-нибудь вину, повергало его въ отчаяніе. Почти съ колыбели онъ былъ записанъ въ военную службу и проходилъ одну за другою всѣ ступени іерархической лѣстницы. Девяти лѣтъ, въ день рожденія герцога, онъ былъ произведенъ въ секундъ-лейтенанты, причемъ радость его была такъ велика, что за обѣдомъ онъ не могъ ничего ѣсть. Страсть къ военнымъ экзерциціямъ была первая, которая развилась въ немъ; второю его страстью должна была сдѣлаться ненависть къ Даніи, захваты которой были постояннымъ предметомъ разговоровъ при Кильскомъ дворѣ и границу которой можно было видѣть изъ оконъ дворца. Глядя на сына своего, герцогъ нерѣдко говорилъ: „этотъ молодецъ отмститъ за насъ!“ Говоря такимъ образомъ, онъ, вѣроятно, разчитывалъ на силы Швеціи, а не Россіи.

Принцъ Гольштейнскій былъ устраненъ отъ русскаго престола волею императрицы Анны, но русскому правительству нельзя было не считаться съ его претензіей на Данію. Око

не могло вовсе отказаться отъ признанія правъ, такъ громко и еще такъ недавно провозглашавшихся, и не оказывать имъ покровительства, хотя бы для вида. Въ такомъ именно смыслѣ былъ императрицей Анной внесенъ въ договоръ (30-го сентября 1730 года) о возобновленіи дружественнаго союза съ Пруссіей секретный артикулъ о герцогѣ Гольштейнскомъ, совершенно подобный тому, который былъ постановленъ въ вышепомянутомъ трактатѣ 1726 года. * Русскій дворъ обѣщалъ для возстановленія правъ герцога употреблять „добрыя офиціи“, а прусскій—„содержать совершенное нейтральство“, если дипломатическія старанія не помогутъ. Между тѣмъ существованіе въ Килѣ лица, родствомъ котораго съ Русскою Императорскою фамиліей легко могла воспользоваться враждебная Россіи политика, тревожило императрицу Анну. Съ грубостію, отличавшею то время, она, по свидѣтельству Штелина, говаривала о молодомъ Карлѣ-Петрѣ (Петрѣ III): „чортушка въ Голштиніи еще живетъ!“ Съ своей стороны и Датскій дворъ не могъ оставаться равнодушнымъ относительно претензій на Шлезвигъ герцогскаго дома, который въ данную минуту могъ обратить противъ него силы если не Россіи, то Швеціи. Въ виду такой случайности датское правительство придумало сдѣлку, которою надѣялось или удовлетворить Карла-Фридриха, или же заявить предъ кабинетами Европы о невозможности придти съ нимъ къ какому бы то ни было соглашенію и свалить отвѣтственность за то на него. Проектъ этой сдѣлки былъ выраженъ въ сепаратномъ артикулѣ трактата вѣчной дружбы и взаимной гарантіи, заключеннаго 26-го мая 1732 года кабинетами Петербургскимъ и Вѣнскимъ въ Копенгагенѣ. ** Въ помянутомъ артикулѣ было сказано, что король Датскій предлагаетъ милліонъ ефимковъ герцогу Гольштейнскому, съ тѣмъ чтобъ онъ на вѣчныя времена отказался отъ своихъ претензій на Шлезвигъ. Императорскіе дворы заявляли съ своей стороны, что они расположены склонять герцога къ принятію

---

* Прилож. III. Этого трактата вовсе нѣтъ въ *Полн. Собр. Зак.*

** *Полн. Собр. Зак.* №№ 6.069 и 6.070.

данныхъ предложеній и что даютъ ему годъ на окончательное рѣшеніе; затѣмъ „ежели бы паче лучшаго упованія, герцогъ къ принятію сего представленія по прошествіи сего срока не склонился, то его королевское величество Датскій и Норвежскій ни къ чему вяще не обязанъ, но отъ всякихъ притязаній, которыя герцогъ Голштинскій учинить могъ бы, весьма и на вѣчныя времена свободенъ остаться хощетъ и имѣетъ, въ которомъ случаѣ его римско-цесарское и королевское величество и его императорское величество Всероссійскій сомнѣнія не имѣютъ декларовать, что они оба въ пользу упомянутаго герцога въ принятомъ обязательствѣ больше обязаны быть не хотятъ." Содержаніе Копенгагенскаго трактата было сообщено Карлу-Фридриху, и хотя рѣшеніе, принятое императорскими дворами, лишало его, повидимому, всѣхъ надеждъ возстановить свое право на Шлезвигъ (тѣмъ болѣе что императорскіе дворы секретною статьей помянутаго трактата гарантировали Даніи это владѣніе), онъ отказался однакожь самымъ положительнымъ образомъ отъ предложенной ему сдѣлки и оставался до самой смерти своей съ урѣзанными владѣніями, съ долгами, но и съ претензіями противъ Даніи.

Послѣдніе годы этого принца были горестны и безотрадны. Потерявъ такъ пышно раскрывшіяся надежды на русскій престолъ, онъ имѣлъ огорченіе видѣть себя устраненнымъ и отъ шведскаго наслѣдія, ибо партія его въ Швеціи держалась только благодаря русскому вліянію. Сохранивъ всѣ свои надежды, онъ охладѣлъ и къ самой жизни. „Безотрадныя воспоминанія о преждевременной кончинѣ дорогой моей жены, уже никогда болѣе не покидавшія меня, писалъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни *,—безнадежность моихъ видовъ на шведскую корону, враждебныя отношенія къ Даніи, возбужденныя настояніями о возвращеніи мнѣ Шлезвигъ-Гольштейна, наконецъ, разныя другія еще, частныя непріятности,—все это вмѣстѣ не могло не подѣйствовать болѣзнен-

---

* *О мемуарахъ герцога Карла-Фридриха,* барона М. А. Корфа *въ Сборникѣ Историч. Общества,* № I.

но на состояніе моего духа. Чтобы хоть сколько-нибудь развлечься отъ грустныхъ думъ, перемѣной внѣшней обстановки, я переѣзжалъ въ моихъ и гольштейнъ-готторпскихъ владѣніяхъ изъ одного мѣста въ другое, но не домогаясь ничего болѣе, кромѣ душевнаго успокоенія, я нигдѣ не могъ его найдти.“ Полный глубокаго разочарованія, герцогъ съ порога могилы обращался къ своему сыну съ слѣдующими пожеланіями: „Провидѣніе да умножитъ лѣта живота его, давъ ему тотъ покой и возвративъ тѣ законныя права, которые я утратилъ вслѣдствіе превратности судебъ.“

Карлъ-Фридрихъ скончался въ 1737 году, оставивъ сына своего, 14 лѣтъ, среди обстоятельствъ весьма затруднительныхъ. Назначенный за малолѣтствомъ герцога администраторъ, братъ покойнаго, Адольфъ-Фридрихъ, долженъ былъ проводить свою государственную барку между Сциллою враждебности Датскаго и Харибдою опасеній Петербургскаго и Стокгольмскаго дворовъ. Но въ Россіи произошелъ между тѣмъ переворотъ, давшій совершенно новое направленіе русской политикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбѣ молодаго герцога Гольштейнскаго. По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, одною изъ первыхъ ея заботъ было вызвать въ Петербургъ сына сестры своей, котораго она заочно нѣжно любила. Съ этою цѣлію отправленъ былъ въ Кильъ одинъ изъ близкихъ императрицѣ людей, баронъ П. А. Корфъ, причемъ однакожъ возложенное на него порученіе окружено было глубочайшею тайной; молодой герцогъ былъ какъ бы похищенъ изъ своего дворца; въ Килѣ узнали о его отъѣздѣ лишь на третій день*. Эта таинственность объясняется тѣмъ, что

---

* Ламартъ (*Hist. anecd. de Pierre III*) говоритъ: „on l'emmena ou plutôt, on *l'enleva* de Holstein“. Выраженіе *enleva* намекаетъ даже какъ бы на нѣкоторое насиліе въ отношеніи маленькаго герцога. Однакожъ ничего подобнаго не было. Его сопровождали отъ Киля до Петербурга нѣкоторыя лица изъ его гольштейнскихъ придворныхъ, а баронъ Корфъ оставался однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ Петру III людей до самой его смерти. На третій день по вступленіи своемъ на престолъ, Петръ произвелъ его въ полные генералы за то, что онъ „препровождая Его Императорское Вели-

въ Петербургѣ опасались какихъ-либо покушеній противъ герцога во время слѣдованія по владѣніямъ Мекленбургскимъ и Брауншвейгскимъ (такъ какъ это случилось вслѣдъ за низложеніемъ Брауншвейгской династіи); опасенія эти были такъ сильны, что одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ императрицы въ то время, маркизъ Шетарди, предлагалъ препроводить принца изъ Киля сначала въ Парижъ и уже оттуда моремъ доставить его въ Россію.* Это предложеніе не было принято, но послано было приказаніе замедлить слѣдованіе Брауншвейгской фамиліи,—которую, какъ извѣстно, предположено было препроводить за границу,—и не выпускать ея изъ Риги до прибытія туда Петра Ѳедоровича. Вопреки однакожь этимъ опасеніямъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ (5 февр. 1742 г.) совершенно благополучно, и таинственность его отбытія изъ Киля послужила лишь пищей для современныхъ сплетень. Въ Петербургѣ онъ былъ встрѣченъ съ подобающею торжественностію. Набожная императрица поспѣшила прежде всего отслужить благодарственный молебенъ, обласкала своего племянника, помѣстила его во дворцѣ и озаботилась окончаніемъ его образованія. Ему немедленно данъ былъ учитель русскаго языка (Исакъ Веселовскій) и законоучитель (Симеонъ Тодорскій); независимо отъ того, великій князь сохранилъ при себѣ свою Гольштейнскую свиту,—гофъ-маршала гр. Брюммера, камергеровъ Дукера и Берхгольца ** и нѣсколькихъ камердинеровъ. Въ ноябрѣ

чество изъ Голштиніи въ Россію, отличныя свои услуги персонѣ Его Императорскаго Величества оказывалъ". (Такъ значится въ приказѣ, коимъ онъ произведенъ: см. въ *Арх. воен. вѣдомства* въ Москвѣ, дѣла кн. А. М. Голицына, опись 191, стр. 419). Штелинъ говоритъ, будто для отправленія Петра Ѳедоровича въ Россію пріѣзжалъ въ Киль и І. А. Корфъ, бывшій посланникомъ въ Копенгагенѣ; но это невѣроятно, потому что пріѣздъ его могъ бы дать огласку дѣлу, которое желали содержать въ тайнѣ, и біографъ этого Корфа, баронъ М. А. Корфъ, вовсе не упоминаетъ о сказанномъ обстоятельствѣ.

* *Маркизъ Шетарди*, Пекарскаго.

** Авторъ *Дневника* о пребываніи въ Россіи герцога Карла-Фридриха.

1742 года онъ принялъ православіе и былъ торжественно объявленъ наслѣдникомъ всероссійскаго престола *.

Въ то же время дѣла Гольштейнскаго дома приняли благопріятный оборотъ и въ Швеціи. Въ планы шведской политики (руководимой въ это время Французскимъ дворомъ) входило возбуждать агитацію противъ Брауншвейгской фамиліи во время управленія ею Россіи и провозгласить себя поборницей правъ на престолъ Елисаветы Петровны: это было выставлено одною изъ причинъ войны объявленной Швеціей Россіи въ 1740 году. Въ то же время признано было полезнымъ возвысить и надежды Гольштейнскаго дома на корону Швеціи. За Карломъ-Петромъ, подобно какъ прежде за отцомъ его, было признано титло королевскаго высочества. Но вступивъ на престолъ, Елисавета поспѣшила доказать, что никакой солидарности нѣтъ и не было между ею и державой, воюющею противъ Россіи. Начатая въ 1741 году война продолжалась, и будучи очень неудачна для Швеціи, скомпрометтировала французскую партію и возвысила партію русскую, которая достигла того, что съ Россіей открыты были переговоры о мирѣ (въ Або), и что герцогъ Гольштейнскій провозглашенъ былъ кронпринцемъ. Но избраніе это опоздало. Депутація, пріѣхавшая съ извѣстіемъ о томъ въ Москву, прибыла тогда, когда уже Петръ Ѳедоровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Онъ отрекся отъ всѣхъ правъ и претензій на шведскую корону.

Въ 1745 году великій князь, въ качествѣ герцога Гольштейнскаго, былъ признанъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе своимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ. При немъ состоялъ особый статсъ-секретарь по гольштейнскимъ дѣламъ (баронъ Пехлинъ) и два секретаря. Гольштейнскій дворъ его увеличился; Брюммеръ и Берхгольцъ, которыхъ герцогъ не любилъ, были отпущены.** Оберъ-гофмаршаломъ къ великокня-

---

* *Полн. Собр. Зак.* № 8.568.

** По свидѣтельству Штелина, Брюммеръ необыкновенно грубо обращался съ молодымъ герцогомъ и однажды кинулся на него съ кулаками. Я удержалъ его, пишетъ Штелинъ, но бывшій при этомъ Берхгольцъ оставался равнодушнымъ зрителемъ этой сцены.

жескому двору былъ назначенъ князь В. П. Репнинъ, о которомъ императрица Екатерина въ своихъ *Запискахъ* отзывается съ большою похвалой; но Русскіе не составляли ни большей, ни вліятельнѣйшей части при этомъ дворѣ; оберъ камергеромъ при этомъ дворѣ сдѣланъ былъ прибывшій изъ Гольштейна баронъ Брокдорфъ, а адъютантами—лица, которыхъ, судя по ихъ фамиліямъ, можно почитать Гольштейнцами. Вскорѣ изъ Гольштейна прибыла рота герцогской гвардіи, офицеры которой сдѣлались любимыми собесѣдниками великаго князя. Предметами ихъ бесѣдъ, по словамъ Штелина, были гольштейнскія дѣла и жалобы на захваты Даніи; предметомъ докладовъ Пехлина—политика, финансы и внутреннее управленіе Гольштейна. Такимъ образомъ, это маленькое войско, этотъ маленькій дворъ и это маленькое государство были тѣмъ міромъ, въ которомъ постоянно обращался, первенствовалъ и властвовалъ великій князь. Весьма естественно слѣдовательно, что этотъ міръ ему нравился и интересовалъ его. Изъ подлинныхъ дѣлъ видно, что переписка по управленію гольштейнскими войсками въ Россіи производилась на нѣмецкомъ языкѣ. Сношенія съ различными вѣдомствами русскаго управленія производились съ соблюденіемъ этикета, установленнаго для сношеній съ чужестранными дворами, и бывало, что самые ничтожные случаи принимали видъ, если не значеніе международныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, баронъ Брокдорфъ жаловался на полицію, которая несправедливо арестовала кучера какой-то полковницы Браунъ, не начальнику полицейскаго управленія, а канцлеру графу Воронцову.

Императрица относилась весьма снисходительно и даже весьма благосклонно къ этому маленькому независимому правительству, находившемуся въ ея столицѣ, но не почитала серіознымъ ни это правительство, ни его занятія. Гольштейнскіе министры получали жалованье и пенсіи изъ русской казны, члены всѣхъ вѣтвей Гольштейнской фамиліи,—принцы и принцессы Гольштейнъ-Августенбургскіе и Гольштейнъ-Бекскіе, не говоря уже о Гольштейнъ-Готторпскихъ,—получали изъ Россіи частые подарки, а нѣкоторые—постоян-

ныя пенсіи. Значительныя суммы были нѣсколько разъ выдаваемы русскимъ правительствомъ для уплаты государственныхъ долговъ Гольштейна; принцу Адольфу Фридриху, при отъѣздѣ его въ Стокгольмъ въ качествѣ кронпринца, дано было 50 т. р. Но не взирая на эту широкую щедрость, и герцогъ, и его министры, къ глубокому своему огорченію, замѣчали, что императорское правительство недостаточно интересуется возвращеніемъ Шлезвига подъ Гольштейнскую державу. Дѣйствительно $^{14}/_{25}$ іюня 1745 года заключенъ былъ между Россіей и Швеціей трактатъ, которымъ гарантировались *настоящія* владѣнія Гольштейнскаго дома, что̀ было подтверждено и послѣ, 24-го іюня 1758 года *. Подобнымъ же образомъ, при заключеніи между Русскимъ и Вѣнскимъ дворами трактата 22-го мая (2 го іюня) 1746 года, обѣ императрицы особою сепаратною статьей гарантировали „нынѣ имѣющіяся въ Германіи“ владѣнія Гольштейнскаго дома, при чемъ постановлялось, что если переговоры о претензіяхъ этого дома не приведутъ дѣла къ желаемому окончанію, то договаривающіяся стороны вступятъ въ соглашеніе между собой о мѣрахъ къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса „о правостяхъ“ герцога. ** Эти постановленія были очень далеки отъ тѣхъ, которыя нѣкогда выговаривала Екатерина I въ пользу своего зятя; о вооруженномъ вмѣшательствѣ теперь не было и рѣчи, гарантія императорскихъ дворовъ касалась одного только Гольштейна; эти дворы предоставляли себѣ лишь содѣйствовать совершенію сдѣлки между герцогомъ и королемъ Датскимъ. Договоръ заключенный между Россіей и Даніей 10-го іюня 1746 года ***, заключаетъ въ себѣ ту же

---

* Трактаты 1745 и 1758 годовъ напечатаны въ *Полномъ Собраніи Законовъ* подъ №№ 9176 и 10852, но безъ секретныхъ артикуловъ; поэтому секретные артикулы перваго изъ поименованныхъ трактатовъ напечатаны въ Приложеніяхъ подъ № IV; таковые же артикулы трактата 1758 года совершенно сходны съ ними.

** Этотъ трактатъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ* за № 9.288, но безъ секретныхъ артикуловъ, которые см. въ № V Приложеній.

*** См. *Полное Собраніе Законовъ*, № 9.295, гдѣ трактатъ напеча-

мысль; 3-мъ, 4-мъ и секретнымъ артикулами этого трактата императрица принимала на себя гарантію всѣхъ безъ исключенія европейскихъ владѣній Датскаго короля противу всякихъ на нихъ претензій, за исключеніемъ лишь герцога Гольштейнскаго на Шлезвигъ, и заявляла о своей готовности склонять герцога къ прекращенію несогласій съ Даніей.

Итакъ, дипломатія снова возвращалась къ заботамъ объ установленіи соглашеній по поводу Шлезвига какъ и въ тридцатыхъ годахъ; но къ этому присоединилось теперь желаніе развести герцога съ Датскимъ королемъ и устранить непосредственное между ними соприкосновеніе. Въ этихъ видахъ датскій посланникъ въ Петербургѣ былъ уполномоченъ въ 1751 году сообщить графу Бестужеву и барону Пехлину мысль о вознагражденіи за Шлезвигъ и о промѣнѣ Гольштейна. Представителемъ Даніи былъ въ то время графъ Линаръ; * онъ выразилъ мысль своего правительства въ слѣдующемъ проектѣ конвенціи:

„1. Его императорское высочество великій князь отрицается отъ всѣхъ своихъ требованій на Шлезвигъ, въ чемъ и отрицательный актъ отъ себя дастъ.

„2. Его императорское высочество уступитъ долю свою въ герцогствѣ Гольштейнскомъ, на что его королевскому величеству и уступительный актъ дастъ.

„3. А напротивъ того, его королевское величество уступаетъ оба княжества Ольденбургское и Дельменгорстское и на то его императорскому высочеству уступительный актъ дастъ, которые всѣ акты, при размѣнѣ ратификацій, и выданы быть имѣютъ.

„4. Его императорскому высочеству получить полтора мил-

тянъ безъ секретныхъ артикуловъ. Они сообщены въ № VI Приложеній.

* Его отнюдь не должно смѣшивать съ однофамильцемъ его, находившимся въ качествѣ саксонскаго посланника при императрицѣ Аннѣ и при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Пункты, поданные имъ, находятся въ *Дѣлахъ Датскихъ* 1761 года, № 4, а именно: въ приложеніи къ промеморіи, поданной датскимъ секретаремъ посольства.

ліона рейхсталеровъ цвейдрителями, изъ которой суммы его королевское величество на себя беретъ всѣ признанные долги заплатить и въ томъ отъ заимодавцевъ квитанціи взять.

„5. Остальныя же послѣ уплаты долговъ деньги изъ полутора милліона платимы будутъ его императорскому высочеству ежегодно съ 5%, къ чему назначатся нѣкоторые доходы съ гольштейнскихъ земель.

„6. Излишество въ доходахъ обмѣняемыхъ земель по самой справедливости наградить и сравнить; а если гольштейнскихъ доходовъ больше явится, то его королевское величество наградитъ его императорское высочество надежными ежегодными доходами.

„7. По учиненіи обмѣна, наслѣдству остаться попрежнему непремѣнно.

„8. Ни которой сторонѣ полученныхъ земель не закладывать, развѣ что когда всѣ родственники герцогской линіи на обмѣнъ согласятся.

„9. Помянутымъ родственникамъ свободно къ сему обмѣну приступить; а если достанется имъ на сіи земли наслѣдство, и они на обмѣнъ еще не согласились, то съ обѣихъ сторонъ имѣетъ все въ прежнемъ состояніи остаться.

„10. Такимъ же образомъ и всему въ прежнемъ состояніи остаться, если въ королевскомъ домѣ мужская линія кончится, въ которомъ случаѣ Плеискій домъ помянутыя графства въ наслѣдство получитъ имѣетъ...“

Дальнѣйшихъ пунктовъ этого проекта нѣтъ надобности приводить; они касаются принятія на себя новыми владѣльцами обязательствъ, которыя были приняты ихъ предшественниками по предметамъ какъ политическимъ, такъ и денежнымъ, права высшихъ чиновъ того и другаго владѣнія вступать въ службу договаривающихся государей по своему усмотрѣнію, обезпеченія привилегіи гольштейнскаго дворянства, снабженія войскъ аммуниціей и т. п. Пунктъ 22-й относился къ болѣе важному вопросу,—о правѣ голоса на имперскомъ сеймѣ. „Его королевское величество не токмо согласуется, писалъ графъ Линаръ, къ перенесенію голоса имперскаго князя на графство Ольденбургское, но и объ-

щаетъ добрыя свои старанія вездѣ сильно употре́бить, дабы помянутое графство въ герцогство возвышено было; а до того времени каждый владѣтель имѣетъ свой голосъ, принадлежащій той землѣ, которою онъ владѣетъ, подавать на имперскихъ и окружныхъ собраніяхъ.“ Всѣ эти постановленія предполагалось со стороны Датскаго двора облечь въ форму трактата и просить Русскую императрицу гарантировать оный.

Баронъ Пехлинъ нашелъ датскія предложенія заслуживающими вниманія и въ такомъ смыслѣ доложилъ о нихъ своему герцогу. По свидѣтельству императрицы Екатерины, страстно любя Гольштейнъ, великій князь не хотѣлъ сначала и слышать ни о какомъ обмѣнѣ и ни о какомъ отреченіи отъ своихъ претензій на Шлезвигъ. Но Пехлинъ замѣтилъ ему, что выслушать не значитъ еще согласиться, и добился того, что ему было разрѣшено вступить въ объясненія съ графомъ Линаромъ. Права герцогскаго дома на Шлезвигъ несомнѣнны, написалъ онъ въ поданной по этому случаю запискѣ, и справедливость требовала бы, чтобы владѣніе незаконно отторгнутое у этого дома было возвращено ему: „только сомнительно, чтобы какая европейская держава, хотя бы сіе дѣло и за справедливое признавала, склонилась на то поступить, ибо въ самыя новѣйшія времена примѣру нѣтъ, чтобы какая-нибудь держава, по любви къ справедливости, а еще меньше, по дружбѣ или великодушію, за другую впуталась въ войну,“ а иначе какъ оружіемъ, замѣчалъ Пехлинъ, невозможно побудить Данію къ возвращенію Шлезвига, которымъ она спокойно владѣетъ, не взирая на протесты и постоянно заявляемыя права герцогскаго дома. Полтора милліона талеровъ за отреченіе отъ этихъ правъ была цѣна хорошая, по мнѣнію Пехлина, который находилъ, что эта сумма была бы очень полезна не только для уплаты герцогскихъ долговъ, но и для возстановленія баланса въ текущихъ расходахъ. Что̀ касается до обмѣна Гольштейна на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, то онъ казался барону Пехлину чрезвычайно выгоднымъ. Доходы этихъ графствъ значительно превышали

доходы получаемые съ Гольштейна, населеніе въ нихъ зажиточно, а сосѣдство ихъ съ Соединенными Голландскими Штатами, содержащими наемное войско, дало бы герцогу возможность посылать туда на службу два или три полка и получать за это хорошую плату. Но все это, по мнѣнію Пехлина, были еще наименьшими изъ выгодъ представляемыхъ обмѣномъ; самая главная изъ нихъ состояла въ томъ, что графства удалены отъ сосѣдства съ Даніей, тогда какъ по одну сторону Гольштейна находится это королевство, столь расположенное къ захватамъ, а по другую—владѣніе курфирста Ганноверскаго, который, будучи королемъ Англіи, не можетъ не казаться слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ. Что датское правительство имѣетъ замыслы на Гольштейнъ, объ этомъ Пехлинъ заключалъ изъ того положенія, въ какомъ возвращено было это владѣніе въ 1720 году: нынѣ въ немъ „королевскіе и высококняжескіе амты такъ перемѣшаны, что королевскіе почти совсѣмъ обняли великокняжескіе, и невозможно по великокняжескимъ землямъ трехъ, четырехъ или, по высшей мѣрѣ, пяти миль проѣхать, не найдя королевскаго амта, а еще меньше въ Гамбургъ или Любекъ нельзя проѣхать, не захватя датскихъ земель“. Такая черезполосица представляетъ невыгоды одному герцогу, замѣчалъ баронъ Пехлинъ, „а Даніи въ томъ нужды нѣтъ, ибо она себѣ земли умѣла такъ выбрать, что оныя другъ съ другомъ соединены“. Поэтому она „никоимъ образомъ полюбовно не склонится къ уничтоженію помянутаго общаго владѣнія“ и „яко сильнѣйшая сторона, всегда пользу въ томъ имѣетъ, а въ разсужденія сего и шляхетство (гольштейнское) отчасу больше къ Даніи нежели къ высококняжескому дому предаваться станетъ“. Правда, перевѣсъ Даніи исчезнетъ, когда герцогъ сдѣлается императоромъ Всероссійскимъ; но для того чтобъ этотъ перевѣсъ обнаружилъ свое вліяніе, придется прибѣгнуть къ оружію, отдѣлить до 70 тысячъ войска и послать ихъ за триста миль отъ своихъ границъ: но не будетъ ли это, замѣчалъ Пехлинъ, дѣломъ рискованнымъ? „При этомъ не можетъ ли пропасть половина изъ того корпуса, что̀ засвидѣтельствуютъ всѣ искусные въ войнѣ офицеры? Воз-

можно ли подумать, какимъ образомъ содержать столь великую армію безъ магазиновъ, для заведенія коихъ и укрѣпленнаго мѣста никакого нѣтъ!“

Таковы были соображенія, выставленныя барономъ Пехлиномъ. Они поколебали великаго князя, и Ольденбургъ съ Дельменгорстомъ начинали уже очень занимать его впечатлительное воображеніе; но, читаемъ мы въ одномъ современномъ докладѣ императрицѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, * „когда негоціація дошла уже до того, что не только пункты къ заключенной концессіи о конечной сдѣлкѣ его императорскаго высочества съ королемъ Датскимъ графомъ Линаромъ сообщены были барону Пехлину, но и промеморіею помянутаго графа высочайшая вашего императорскаго величества медіація со стороны Даніи испрошена была, а баронъ Пехлинъ его императорскому высочеству доложилъ, что уже пора, чтобъ и онъ испросилъ вашего императорскаго величества медіацію, то его высочество внезапно изволилъ декларировать, что дѣло сіе пресѣчено быть имѣетъ и онъ болѣе о томъ слышать не хочетъ“. Одною изъ причинъ такого рѣзкаго перерыва сношеній съ датскимъ посольствомъ слѣдуетъ, кажется, считать вліяніе великой княгини, которой казалось, что ни Пехлинъ, ни Бестужевъ не стоятъ совершенно искренно за интересы ея супруга. ** Какъ бы то ни было, но переговоры на этотъ разъ прекратились.

Между тѣмъ наступило время обширныхъ коалицій противъ Пруссіи. Находясь во главѣ ея, кабинеты Вѣнскій и Версальскій дѣлали величайшія усилія, чтобы привлечь къ союзу новыхъ членовъ, и съ этою цѣлію Французскій дворъ обратился между прочимъ къ Датскому, съ которымъ и заключилъ въ Копенгагенѣ 4-го мая 1758 года договоръ на слѣдующихъ основаніяхъ: Датскій король обязывался выставить 24 тысячи войска, за что, съ своей стороны, Фран-

---

* Докладъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 5-го октября 1759 года, въ *Дѣлахъ Голштинскихъ* архива мин. иностр. дѣлъ, № 5.

** *Зап. имп. Екатерины.*

ція обѣщала употребить старанія, чтобы склонить великаго князя Петра Ѳедоровича къ обмѣну Гольштейна на Ольденбургъ и Дельменгорстъ и къ принятію, при всеобщемъ замиреніи, Остъ-Фрисландіи взамѣнъ своихъ претензій на Шлезвигъ. Вслѣдствіе того договаривающіяся стороны, къ которымъ присоединилась и королева Венгро-Богемская, въ 1759 году обратились къ С.-Петербургскому двору, прося его посредничества передъ герцогомъ Гольштейнскимъ. Графъ Воронцовъ и И. И. Шуваловъ были назначены, чтобы выслушать датскія предложенія. Они нашли ихъ выгодными и представили государынѣ слѣдующія соображенія, во многомъ сходныя съ соображеніями представленными восемь лѣтъ тому назадъ Пехлиномъ. * „Нынѣшніе его императорскаго высочества доходы, писалъ канцлеръ графъ Воронцовъ, не превосходятъ 195.000 талеровъ; на обыкновенные расходы, *безъ сверщковъ* (процентовъ?), требуется болѣе 172.000 талеровъ, а долгу уже въ 1751 году было 2.300.000 талеровъ, и для того уже тогда къ заплаченію сверщковъ не доставало ежегодно по меньшей мѣрѣ 60.000 талеровъ. Слѣдственно его императорское высочество изъ своихъ голштинскихъ земель не только ничего не получаетъ налицо, но вмѣсто того всякій годъ въ новые знатные долги впасть долженъ. Насупротивъ того, изъ предоставленныхъ его императорскому высочеству Даніей графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, освобожденныхъ отъ всякихъ долговъ, получается въ годъ 150.000 талеровъ, съ предоставляемаго миромъ его императорскому высочеству Франціей и императрицей-королевою княжества Остъ-Фрисландскаго, сколько здѣсь извѣстно, пришло ежегодно въ казну короля Прусскаго 250.000 талеровъ, которыя обѣ суммы равны съ доходами, которые высококняжескій домъ Гольштейнъ-Готторпскій получалъ во время, когда еще безспорно владѣлъ Шлезвигомъ и своею частію Голштиніи вмѣстѣ. Мѣстоположеніе голштинскихъ областей государя великаго князя есть такое, что всюду окружены

---

* См. въ *Голштинскихъ Дѣлахъ* 1759 г. № 5 вышеприведенный докладъ.

чужими, такъ что въ разстояніи двухъ миль отъ Киля невозможно въ походъ отправить ни одной роты солдатства безъ захваченія датской земли. Правительство смѣшанное не меньше тамъ безпрестанныя заботы и замѣшательства приключаетъ, а впредь, въ разсужденіи первенства въ рангѣ, еще болѣе споровъ приключитъ. Гавань Кильской (sic), сколько онъ ни способенъ, за лежающею на устьи рѣки предъ онымъ датскою крѣпостью Фридрихсъ-ортомъ, никакой пользы принести не можетъ, какъ и коммерція тамъ не только датскими владѣніями со всѣхъ сторонъ, но и близостью *ансеатскихъ* городовъ, Гамбурга и Любека, обуздана и распространена быть не можетъ," между тѣмъ какъ предлагаемое великому князю владѣніе, писалъ канцлеръ въ заключеніе, орошается двумя большими рѣками, Везеромъ и Эмсомъ; наконецъ ни Ольденбургъ, ни Остъ-Фрисландія не имѣютъ слишкомъ сильныхъ сосѣдей; въ этомъ послѣднемъ владѣніи великая княгиня (Екатерина) должна современемъ получить гершафтъ Эверскій, и великій князь не утратитъ на имперскомъ сеймѣ голоса, принадлежащаго ему по гольштейнскимъ его владѣніямъ.

Графъ Воронцовъ и Шуваловъ касались въ своемъ докладѣ вопроса о предполагаемомъ обмѣнѣ исключительно съ точки зрѣнія гольштейнскихъ интересовъ; но они могли бы многое еще сказать и въ качествѣ русскихъ государственныхъ людей. Отношенія между Датскою и Гольштейнскою династіей были таковы, что отъ нихъ ничего нельзя было предвидѣть въ будущемъ кромѣ затрудненій и замѣшательствъ. Подчинить себѣ Гольштейнъ сдѣлалось однимъ изъ основаній датской политики, а съ другой стороны, только недостатокъ матеріальныхъ средствъ удерживалъ герцога отъ подкрѣпленія оружіемъ своихъ претензій на Шлезвигъ. Для сановниковъ Елисаветина двора не было тайной, что наслѣдникъ русскаго престола былъ проникнутъ такою же въ этомъ отношеніи неуступчивостію, какъ и отецъ его. Поэтому весьма можно было опасаться, что, сдѣлавшись императоромъ, онъ вовлечетъ Россію въ войну съ Даніей, а такъ какъ вѣроятность подобной войны не могла не быть предвидѣна

въ Копенгагенѣ, то необходимо было предполагать, что датское правительство уже заблаговременно озаботилось обезопасить себя надежными союзниками. Войну, которую Россія предприняла бы, пришлось бы вести, слѣдовательно, не противъ одной Даніи, но противъ цѣлой коалиціи, и для чего же? чтобы завоевать владѣніе, которое могло быть у насъ вырвано первымъ политическимъ ураганомъ. Вотъ почему, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, было весьма желательно положить разъ навсегда конецъ пререканіямъ между Даніей и Гольштейномъ, и образовать между ними промежуточное владѣніе.

Спрошенный по поводу датскихъ предложеній, великій князь отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ на имя императрицы:* „Датскій дворъ продолжаетъ настаивать на предположеніяхъ, которыя уже были имъ сообщены мнѣ нѣкогда чрезъ графа Линара. Безпокойство убило бы меня, ежели бы благоволеніе и матерняя вашего императорскаго величества любовь, коихъ я и домъ мой только знаменитыхъ опытовъ имѣлъ, не приводила меня въ безпечіе отъ противныхъ интереса и славѣ моей умысловъ“. Упомянувъ затѣмъ, что Петръ I постоянно стремился къ пріобрѣтенію владѣній на Балтійскомъ морѣ, великій князь выражалъ готовность ждать удобнаго времени для предъявленія своихъ правъ, потеря коихъ, говорилъ онъ, а равно „и состояніе моего дома, и при высокомъ предопредѣленіи моемъ довольно еще горестное“, тѣмъ живѣе заставляютъ желать торжественнаго удовлетворенія. „Когда нынѣшняя бѣдственная война, Германію терзающая, кончится, заключалъ великій князь, тогда надѣюсь увидѣть благополучное время моего возстановленія (даруй Боже, чтобъ оное близко было!). Свѣтъ съ воздыханіемъ ожидаетъ мира,—сего драгоцѣннаго дара,—отъ благотворящихъ вашего императорскаго величества рукъ, а я желаю еще, чтобы сверхъ того ваше императорское величество соизволили прекратить бѣдствія моего дома, коихъ жалостное воображеніе терзаетъ сердце мое“.

---

* Оригиналъ на французскомъ языкѣ; переводъ современный, см. *Дѣла Голштинскія*, 1756—62, № 5.

Ничто однако не подавало серіозныхъ надеждъ на близость мира, а положеніе Даніи, со всѣхъ сторонъ окруженной воюющими державами, становилось затруднительно. Съ другой стороны, зрѣлище завоеваній, которыя сдѣлали союзники, производило какое-то плотоядное раздраженіе въ датскомъ правительствѣ и образовало въ немъ партію, которая желала, чтобы датскій союзъ былъ, наконецъ, положенъ на вѣсы европейской политики, для того чтобы склонить оные въ ту или другую сторону. Подъ вліяніемъ этой безпокойной партіи положено было еще разъ открыть переговоры съ Россіей. Утомленные союзники,—такъ разсуждали въ Копенгагенѣ,—принуждены будутъ сдѣлать уступки, чтобы пріобрѣсти содѣйствіе свѣжихъ силъ: теперь можно кончить споръ съ Гольштейнскимъ домомъ самымъ выгоднымъ для Даніи образомъ; въ противномъ случаѣ великій князь обрушитъ на нее всѣ силы Россіи.

Поэтому въ началѣ 1761 года, датское правительство еще разъ обратилось къ русскому съ просьбой принять на себя посредничество между имъ и претендентомъ. Начало сношеній было и въ этотъ разъ благополучно: выслушать не значитъ еще согласиться! Для переговоровъ назначенъ былъ съ гольштейнской стороны оберъ-камергеръ герцога, баронъ Брокдорфъ *; Копенгагенскій дворъ уполномочилъ представителей Французскаго и Цесарскаго дворовъ въ Петербургѣ, барона Бретеля и графа Эстергази. ** 29-го марта былъ сооб-

---

* Екатерина (см. ея *Записки*) называетъ Брокдорфа ограниченнымъ, упрямымъ, зложелательнымъ интриганомъ, который, потворствуя прихотямъ и капризамъ великаго князя, болѣе всѣхъ способствовалъ непріязни, водворившейся мало-по-малу между наслѣдникомъ и его супругой. „Брокдорфъ, по ея словамъ, былъ безобразнѣйшій изъ людей и по внутреннимъ качествамъ, и по внѣшнему виду. Онъ былъ высокаго росту, съ длинною шеей, рыжъ и носилъ парикъ на мѣдныхъ пружинахъ; голова его была толстая и плоская; глаза впалые, маленькіе, почти безъ рѣсницъ и бровей; углы рта понижались къ подбородку, что давало ему какой-то жалобный и недовольный видъ.“

** См. въ дѣлѣ подъ № 4. (*Дѣла Датск.* 1761.)

щенъ съ датской стороны тотъ самый проектъ, который выработали совмѣстно графъ Линаръ и баронъ Пехлинъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ и который тогда едва не получилъ утвержденія. Но въ настоящее время конференціи остановились на этомъ первомъ шагѣ. Прошелъ цѣлый апрѣль, а съ гольштейнской стороны не было ни возраженій, ни контръ-проектовъ. Датскій резидентъ рѣшился, наконецъ, спросить у графа Воронцова въ какомъ положеніи дѣло, и получилъ въ отвѣтъ, что великій князь совершенно расположенъ привести къ окончанію шлезвигское дѣло, но что онъ пожелалъ вызвать изъ Киля, въ помощь Брокдорфу, еще одного гольштейнскаго сановника, который еще не прибылъ. Между тѣмъ и графъ Эстергази, и баронъ Бретель тяготились возложеннымъ на нихъ дѣломъ, а часто повторявшіеся недуги императрицы побуждали Датскій дворъ не давать дѣлу затягиваться. Онъ уполномочилъ вести переговоры въ Петербургѣ барона Гакстгаузена, который и былъ отправленъ туда въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Ему немного нужно было времени, чтобъ убѣдиться въ совершенномъ нерасположеніи великаго князя ко всякаго рода соглашеніямъ. Поэтому баронъ Гакстгаузенъ счелъ необходимымъ просить русскаго консула исходатайствовать положительный отзывъ: „начинаемая съ его величествомъ королемъ Датскимъ и Норвежскимъ негоціація будетъ ли производиться объ отрицаніи его высочества отъ всѣхъ донынѣ на высокопомянутое его величество чинимыхъ претензій, какого бы званія оныя ни имѣлись, за что бы получить постановленную денежную сумму? И для отвращенія всѣхъ будущихъ несогласій, склоненъ ли его высочество, съ нѣкоторыми кондиціями, уступить и отдать его королевскому величеству долю свою въ герцогствѣ Гольштейнскомъ, въ обмѣнъ на графства Ольденбургское и Дельменгорстское?“ *

Но эта весьма категорическая постановка вопроса ни мало не помогла; недѣли и мѣсяцы проходили, ничуть не приближая дѣла къ развязкѣ; великій князь просто переставалъ

---

* Тамъ же, промеморія барона Гакстгаузена 14-го мая.

отвѣчать на дѣлаемыя ему сообщенія. * Нашъ посланникъ при Датскомъ дворѣ, баронъ Корфъ, доносилъ, что тамъ начинаютъ быть этимъ очень недовольны, и что одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей при этомъ дворѣ, баронъ Бернсдорфъ, замѣтилъ ему, что король, можетъ-быть, принужденъ будетъ, хотя и противъ своей воли, „перемѣнить систему и принять предложеніе державъ, кои его во время нынѣшней войны такъ часто въ союзъ къ себѣ приглашали". ** Почти одновременно съ этимъ, любимецъ короля, графъ Мольтке, написалъ графу Воронцову письмо, весьма будто бы конфиденціальное, но доставленное чрезъ датское посольство, съ изъясненіемъ еще болѣе осязательнымъ той же самой мысли. Обращаясь къ русскому канцлеру какъ къ человѣку, котораго расположенія онъ никогда не забудетъ, графъ Мольтке убѣждалъ его употребить свои старанія чтобъ отвратить „бѣдствія, которыя послѣдуютъ" чрезъ отказъ великаго князя вступить въ соглашеніе. Упорное его молчаніе, продолжалъ графъ Мольтке, даетъ королю мѣру того, чего слѣдуетъ ожидать отъ него въ будущемъ, и принуждаетъ искать опоры противъ его замысловъ. *** Графъ Мольтке употребилъ даже зловѣщее слово *crise*. Съ своей стороны графъ Гакстгаузенъ имѣлъ 12-го іюля съ русскимъ канцлеромъ объясненіе, которое, повидимому, глубоко взволновало наше правительство. Канцлеръ явился съ нотой, поданною при этомъ датскимъ посланникомъ, въ конференцію **** и пред-

---

* Тамъ же, записка графа Воронцова барону Гакстгаузену отъ 16-го іюля.

** Рел. барона Корфа отъ 4-го (15-го) іюля въ *Дѣл. Датск.* (№ 3) Замѣтимъ кстати, что всѣ реляціи этого посланника, такъ же какъ и всѣ указы на его имя, писаны по-нѣмецки.

*** *Дѣла Датск.* № 4. Письмо графа Мольтке отъ 12-го іюля.

**** *Конференція* при Елисаветѣ, *кабинетъ* при Аннѣ и *верховный совѣтъ* при Екатеринѣ I были высшія правительственныя учрежденія, въ которыхъ, въ присутствіи государя, а иногда и безъ него, разсматривались и рѣшались всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики, и которыя посылали именные указы или рескрипты.

ставилъ, что датскій дипломатъ называетъ сообщенія свои *дружескимъ внушеніемъ*, но въ сущности заявленіе подобнаго рода „не бывало донынѣ употребительно, какъ токмо развѣ искалось когда прямое войны объявленіе или другому какому вѣроломному поступку оправданіе пріуготовить“. Конференція, соглашаясь съ мнѣніемъ канцлера, утвердила составленный имъ отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ надо искать въ копенгагенскихъ архивахъ; въ нашихъ дѣлахъ его нѣтъ, но о немъ весьма легко судить по рескрипту, который по этому поводу былъ данъ барону Корфу *. Въ рескриптѣ этомъ русскій канцлеръ, сдѣлавъ обзоръ всего хода споровъ Датскаго двора съ Гольштейнскимъ, свидѣтельствовалъ, что императрица хотя и находитъ, что Данія простираетъ свои претензіи слишкомъ далеко, но поставляя себѣ за славу „сохраненіе тишины въ сѣверѣ“ и рѣшившись свято исполнять принятое по трактату 1746 года обязательство, постоянно склоняла великаго князя къ миролюбивому разрѣшенію этого дѣла. Поэтому новый образъ дѣйствій Даніи, начавшійся съ пріѣздомъ барона Гакстгаузена и дошедшій наконецъ до „нахальства“, изумилъ русское правительство. 12-го іюля, писалъ канцлеръ, этотъ дипломатъ сдѣлалъ сообщеніе, существенное содержаніе котораго заключается въ томъ, „что если умедлится токмо категорическій со стороны его высочества великаго князя отвѣтъ, то Данія будетъ уже почитать его императорское высочество явнымъ непріятелемъ и потому станетъ принимать мѣры какъ противъ ея величества, такъ и противъ Имперіи нашей. Но, продолжалъ графъ Воронцовъ, Датскаго двора желанія и угрозы столько нахальны, сколько несправедливы.... Мы найдемъ способъ защищать утѣсненную невинность и честь и законность нашей Имперіи“, писалъ канцлеръ, присовокупляя однакожъ, что желая „сохранить миръ и тишину на сѣверѣ“, императрица и теперь продолжаетъ совѣтовать великому князю быть снисходительнымъ. Вы сообщите, за-

---

* Рескр. барону Корфу отъ 25-го іюля.

ключалъ канцлеръ, все это двору, при которомъ состоите *, и объявите, что если онъ нарушитъ нейтралитетъ, то въ Россіи это будетъ принято „за явное нарушеніе всѣхъ принятыхъ съ нами обязательствъ“, и сами вы тотчасъ же оставите Копенгагенъ.

Датскій дворъ вовсе не желалъ ссориться съ Россіей, и не только никакихъ новыхъ обязательствъ онъ ни съ кѣмъ не заключилъ, но и серіозныхъ сношеній о томъ не было **; поэтому энергическая депеша графа Воронцова смутила Бернсдорфа и Мольтке, которые увѣряли Корфа, что ничего подобнаго тѣмъ словамъ, которыя приписываются въ этой депешѣ Гакстгаузену, ему не было поручено сообщить русскому правительству; но они не скрывали отъ посланника, что образъ дѣствій великаго князя сильно тревожитъ короля, и что единственное средство успокоить его состоитъ въ томъ, чтобъ его высочество далъ отъ себя декларацію, „что онъ королю непріятелемъ не будетъ“ ***. Но и безъ этой деклараціи, которая никогда не была дана, размолвка между двумя сѣверными дворами скоро уладилась, когда въ Копенгагенъ пришло грозное для него извѣстіе о кончинѣ императрицы Елисаветы и о вступленіи на престолъ Петра Ѳедоровича.

---

* Корфу предписывалось прочесть полученный имъ рескриптъ, но выдать его за экстрактъ, сдѣланный будто бы имъ изъ министерской депеши.

** Рел. барона Корфа отъ 4-го (15-го) августа.

*** На депешѣ барона Корфа, которую, видно, предполагалось представить императрицѣ, рукою канцлера написано противъ помянутаго мѣста: „Не угодно ли вашему величеству будетъ присовѣтовать великому князю дать такую декларацію?“ Странно, что графъ Воронцовъ не убѣдился въ твердой рѣшимости великаго князя не вступать съ Даніей въ какія бы то ни было обязательства!

II.

Положеніе воюющихъ державъ въ концѣ 1761 года.—Первыя сношенія между новымъ императоромъ и королемъ Прусскимъ.—Перемиріе.—Баронъ Гольцъ.—Графъ Воронцовъ.—Странная особенность переговоровъ съ Пруссіей.—Мирный договоръ 24-го апрѣля.—Къ чему приготовлялъ этотъ договоръ?

Слишкомъ пять лѣтъ уже продолжалась тяжелая для Фридриха война, въ которой онъ долженъ былъ, почти безъ союзниковъ, состязаться съ силами Венгро-Богемскаго королевства (Австріи), Франціи, Россіи, Швеціи, Саксоніи и большей части мелкихъ германскихъ владѣній. Въ продолженіе этой неравной борьбы силы маленькаго въ то время Прусскаго королевства пришли въ крайнее истощеніе; блестящая при началѣ войны армія Фридриха, отлично организованная, отлично обученная, управляемая генералами, пріобрѣтшими и опытность, и авторитетъ въ предшествующую войну, утратила бо́льшую часть своихъ качествъ, между тѣмъ какъ боевыя достоинства непріятельскихъ армій увеличивались, такъ что не взирая на многія громкія побѣды Пруссаковъ, въ итогѣ успѣхъ былъ на сторонѣ союзниковъ. Начавъ войну занятіемъ Саксоніи, Фридрихъ потерялъ въ 1759 году Дрезденъ и уже не въ состояніи былъ вытѣснить оттуда Австрійцевъ, которые прочно утвердились какъ въ большей части Саксоніи, такъ и въ южныхъ округахъ Силезіи; французская армія, не взирая на совершенную неспособность ея генераловъ, имѣла свои зимнія квартиры въ 1760—1761 году на Везерѣ, во владѣніи союзниковъ Пруссіи. 1761 годъ долженъ былъ еще съ большею силой доказать неравномѣрность силъ между воюющими сторонами. Предположе-

но было, чтобы 60.000 Русскихъ, подъ начальствомъ генерала Бутурлина, вступили въ связь съ австрійскимъ генераломъ Лаудономъ, командовавшимъ 80.000 арміей, для дѣйствія на лѣвомъ берегу Одера; лѣвѣе Лаудона, въ Саксоніи, находился генералъ Даунъ, имѣя подъ своею командой до 60.000 человѣкъ, частію австрійскихъ войскъ, частію войскъ германскихъ князей. Наконецъ, со стороны Франціи, изъ-за Рейна должна была выступить 100.000 армія князя Субиза и произвести рѣшительное наступленіе совокупно съ 60.000 франко-германскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ герцога Броліо, на Везерѣ. Таковы были громадныя силы, долженствовавшія, казалось, раздавить Пруссію; со включеніемъ пятнадцати-тысячной шведской арміи, которая во время всей войны маневрировала близъ Штеттина, у союзниковъ было 370.000 человѣкъ подъ ружьемъ при открытіи кампаніи 1761 года.

Фридрихъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ противопоставить имъ болѣе 110.000, не считая гарнизоновъ, которые могли принять участіе въ войнѣ лишь пассивнымъ образомъ. Эта маленькая армія была притомъ далеко не та, которою Фридрихъ располагалъ при началѣ войны. Потому ли что онъ не имѣлъ достаточно довѣрія къ ней, или потому что собственный его геній начиналъ изнемогать, онъ, по заявленію величайшаго изъ военныхъ авторитетовъ, не обнаружилъ въ кампаніи 1761 года той предпріимчивости, которая нерѣдко разстраивала соображенія его противниковъ, и не воспользовался раннимъ временемъ года, представлявшимъ ему возможность открыть операціи на югѣ, когда состояніе дорогъ въ Польшѣ и старой Пруссіи не дозволяло еще русскимъ войскамъ покинуть свои зимнія квартиры; пользуясь ихъ невольнымъ бездѣйствіемъ, онъ могъ бы, по мнѣнію Наполеона, всѣми своими силами ударить на Австрійцевъ съ значительною вѣроятностію успѣха и затѣмъ, опять со всѣми же своими силами, встрѣтить Бутурлина. Фридрихъ не сдѣлалъ этого, не предупредилъ своихъ непріятелей, а когда огромныя ихъ массы пришли въ движеніе, то небольшія противопоставленныя имъ прусскія силы были

вынуждены отступать. Въ августѣ Лаудонъ и Бутурлинъ соединились по ту сторону Одера, и король увидѣлъ предъ собой армію вчетверо превосходившую его силы. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ находился въ самомъ опасномъ положеніи и вышелъ изъ него единственно благодаря несогласію и препирательствамъ русскаго и австрійскаго главнокомандующихъ. Въ началѣ сентября Бутурлинъ переправился на правый берегъ Одера и отвелъ свою армію на зимнія квартиры въ Польшу, но Лаудонъ овладѣлъ Швейдницемъ, важною въ стратегическомъ отношеніи крѣпостью, которая открывала всю Силезію. По счастію для Фридриха, австрійскіе генералы не предпринимали ничего рѣшительнаго во всю остальную кампанію. Съ своей стороны и французская армія дѣйствовала не съ бо́льшимъ успѣхомъ. Проманеврировавъ бо́льшую половину лѣта между Касселемъ и Мюнстеромъ, она какъ будто умышленно избѣгала встрѣчъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, располагавшимъ вдвое слабѣйшими силами. Въ концѣ іюля Броліо сдѣлалъ было движеніе къ сторонѣ Брауншвейга, но не былъ поддержанъ Сувизомъ, и опасаясь за свои сообщенія, поспѣшилъ возвратиться на Везеръ.

Какъ ни слабы были, слѣдовательно, дѣйствія союзниковъ вообще, Фридрихъ однакожь все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ ихъ арміями. Потеря Швейдница была потерей невознаградимою, вслѣдъ за которою послѣдовалъ ударъ еще болѣе жестокій: взятіе русскими войсками важной приморской крѣпости Кольберга. Честь этого подвига принадлежитъ Румянцову, и послѣдствія его могли быть очень важны, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій въ слѣдующемъ году. Магдебургская крѣпость оставалась единственнымъ пунктомъ на всемъ пространствѣ Прусскаго королевства, которую можно было почитать болѣе или менѣе внѣ опасности, почему туда перевезены были государственные архивы и истощенная казна Фридриха, равно какъ и семейство его. „Ничто не препятствовало отнынѣ Русскимъ,— говоритъ король Прусскій въ своей *Исторіи Семильтней войны*,—слѣдующею весной осадить Штеттинъ или овладѣть

Берлиномъ и всею Бранденбургіей.“ У короля оставáлось въ Силезіи не болѣе 30.000; у принца Генриха не болѣе того же числа, а войска дѣйствовавшія въ Померанiи противъ Русскихъ были такъ разстроены, что на нихъ нечего было разчитывать; бóльшая часть областей его были разорены или заняты непріятелемъ; неоткуда было болѣе брать рекрутъ, лошадей, продовольствія, денегъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда скончалась императрица Елисавета. Не взирая на то что она очень сердилась когда замѣчала, что „малый дворъ“ вмѣшивается въ политику, великій князь Петръ Ѳедоровичъ ни отъ кого не скрывалъ своего сочувствія къ Прусскому королю и громко не одобрялъ войны противъ него. Мы видѣли, что онъ не почиталъ нужнымъ скрывать свой образъ мыслей предъ самою государыней, съ министрами же ея онъ былъ еще откровеннѣе. „Вы увидите, твердилъ онъ имъ: мы будемъ раскаиваться, что вошли въ союзъ съ Австріей и Франціей.“ * Такой образъ мыслей былъ внушенъ великому князю опасеніемъ, чтобы Фридрихъ, въ виду всеобщихъ противъ него вооруженій, не вступилъ въ союзъ съ Даніей и не заручился обязательствомъ, которое воспрепятствовало бы ему въ послѣдствіи оказать пособіе голштейнскимъ домогательствамъ. ** Эти опасенія побудили его, при началѣ Семилѣтней войны, писать къ Фридриху, съ цѣлію отклонить его отъ всякихъ соглашеній съ Даніей ***. Исторіи еще неизвѣстно, какими

---

* Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ не было вызвано никакими политическими соображеніями, и можетъ-быть никогда наше правительство не играло въ дѣлахъ Европы столь пассивной роли, въ чемъ приглашаемъ читателей убѣдиться, заглянувъ въ Прилож. № VII.

** *Hist. de la guerre de Sept-ans*, Berlin 1842, chap. VII.

*** Отправляя, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ Петербургъ барона Гольца, чтобы завязать сношенія съ новымъ императоромъ, Фридрихъ написалъ въ собственноручномъ письмѣ на имя своего посланника между прочимъ слѣдующее: „....Vous lui (императору) direz que j'avais décliné jusqu'ici soigneusement toutes les propositions d'al-

соображеніями или какими обѣщаніями онъ старался не допустить Прусскаго короля до непріятнаго себѣ союза, но ему было естественно, съ своей точки зрѣнія, опасаться, чтобы чувство самосохраненія не принудило Фридриха опереться на Данію. Опасенія этого союза, а также несомнѣнное личное пристрастіе Петра Ѳедоровича къ Прусскому королю, были такъ сильны, что по свидѣтельству императрицы Екатерины, подтвержденному и многими другими, извѣстія объ успѣхахъ союзниковъ повергали его въ отчаяніе. Нѣкоторые современники утверждаютъ даже, что онъ находился въ тайныхъ и весьма странныхъ сношеніяхъ съ государемъ, состоявшимъ въ открытой войнѣ противъ Россіи, и передавалъ ему извѣстія, имѣвшія самое серіозное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, иностранные посланники въ Петербургѣ доносили своимъ дворамъ, будто предъ началомъ Семилѣтней войны великій князь предупреждалъ Фридриха, что Россія неготова еще къ походу и что ея армія (какъ и случилось) выступитъ развѣ слѣдующею весной; позднѣе когда участіе Россіи въ войнѣ сдѣлалось дѣйствительнымъ, стали ходить упорные слухи, будто рѣшенія конференціи, касающіяся военныхъ дѣйствій, сообщаются, съ вѣдома великаго князя, конференцъ-секретаремъ Волковымъ Фридриху. Всѣ эти и имъ подобные слухи сообщаемы были дипломатами, проживавшими въ Петербургѣ, своимъ дворамъ, а потому въ правительственныхъ сферахъ западной Европы составилось убѣжденіе, что вступленіе на престолъ Петра Ѳедоровича повлечетъ за собой глубокія измѣненія въ политической системѣ Россіи.

Такъ дѣйствительно и случилось. Въ самый первый день своего царствованія новый императоръ сообщилъ о томъ

---

liance que le Danemark m'avait faites, comme l'Empereur l'svait souhaité de moi au commencement de la guerre". Это письмо (отъ 7-го февр. н. ст.) находится въ Берлинскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ его списалъ вмѣстѣ со многими другими любопытными документами и отдалъ въ мое распоряженіе почтенный изслѣдователь русскихъ архивовъ Г. В. Есиповъ.

королю Прусскому.* Свидѣтельствуя о „непремѣнной дружбѣ своей“ къ Фридриху, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ и о склонности ко всему, что̀ касается „до возобновленія, распространенія и постояннаго утвержденія между обоими дворами, ко взаимной ихъ пользѣ, добраго согласія“. 28-го декабря, слѣдовательно на третій день своего царствованія, государь далъ на имя военной коллегіи рескриптъ, коимъ повелѣно пріостановиться закупкой лошадей для дѣйствующей арміи.** 29-го послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобъ освободивъ прусскихъ плѣнныхъ, предложить имъ или вступить въ службу государя въ его гольштейнскія войска, или возвратиться на родину, причемъ тѣхъ, которые пожелаютъ отправиться въ Пруссію, велѣно было снабдить провіантомъ и прогонами.*** Еще ранѣе, въ самый день своего вступленія на престолъ, новый императоръ возвратилъ шпаги двумъ значительнымъ прусскимъ офицерамъ, генералу Вернеру и графу Горту.**** Послѣдній изъ нихъ, какъ вид-

---

* *Дѣла Прусскія 1761 г.* № 8, см. дѣло объ отправленіи Гудовича въ Берлинъ и данную ему извѣстительную грамоту.

** Это *выведено на справку* въ опредѣленіи военной коллегіи 29-го декабря 1762 г. (см. *Опредѣленія военной коллегіи* въ Московскомъ архивѣ военнаго министерства).

*** Тамъ же, въ *Опредѣленіяхъ* того же числа. Нѣкоторые писатели,— пользующіеся, впрочемъ, авторитетомъ,—утверждаютъ, что въ первый же день своего царствованія государь прислалъ въ армію приказаніе пріостановить военныя дѣйствія; я не нашелъ никакихъ слѣдовъ подобнаго распоряженія, да оно едва ли и было: военныя дѣйствія и безъ того прекращались осенью, и арміи проводили зиму на винтеръ-квартирахъ, гдѣ могли происходить развѣ случайныя встрѣчи между разъѣздами.

**** Hermann, *Gesch. des Russ. Staats*, V, 275 и слѣд., *Шесть тысячелѣтій изъ Русской Исторіи*, Семевскаго. Въ *Дѣлахъ Прусскихъ*, арх. мин. ин. дѣлъ 1762 г., подъ № 18, находится письмо къ Петру отъ графа Горта изъ Бреславля, отъ 10-го (21-го) марта, въ коемъ онъ благодаритъ за оказанныя ему милости и извѣщаетъ, что нашелъ короля государя своего здоровымъ и очень тронутымъ дружественнымъ къ нему расположеніемъ императора. „J'ai eu la grande satisfaction,

но изъ современныхъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ, часто былъ приглашаемъ къ обѣденному и вечернему столу и даже удостоился особой довѣренности государя, который, по свидѣтельству, вообще заслуживающему довѣрія, избралъ его чтобы передать въ Берлинѣ о желаніи своемъ имѣть при Петербургскомъ дворѣ прусскаго резидента. Что касается до генерала Вернера, то его ревность къ службѣ и интересамъ Фридриха внушили императору столь высокое о немъ понятіе, что,—по собственному его выраженію, — онъ не усомнился „довѣрить ему свои мысли“ и шесть недѣль спустя употребить для прямыхъ сношеній съ королемъ Прусскимъ.

Первымъ офиціальнымъ представителемъ сочувственнаго этому королю образа мыслей Русскаго государя назначенъ былъ любимецъ Петра, камергеръ и бригадиръ А. В. Гудовичъ. На него возлагалось передать вышеупомянутую „извѣстительную грамоту“ прусскому министру, управлявшему иностранными сношеніями, графу Финкенштейну, вмѣстѣ съ письмомъ отъ канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова. Порученіе, данное Гудовичу къ Прусскому двору, было прикрыто другимъ порученіемъ: извѣстить Ангальтъ-Цербстскій княжескій домъ о перемѣнѣ происшедшей въ Россіи, а Цербстъ находится весьма близко отъ Магдебурга, гдѣ тогда находился графъ Финкенштейнъ, равно какъ и Прусскій дворъ. Извѣстіе, привезенное Гудовичемъ, разумѣется доставило ему отличный пріемъ въ Магдебургѣ; графъ Финкенштейнъ осыпалъ его любезностями, королева просила навѣстить ее; король, который находился въ это время въ Бреславлѣ, пригласилъ Гудовича къ себѣ,—и второстепенное, повидимому, порученіе при Прусскомъ дворѣ выдвинулось на первый планъ само собою. *

Обрадованный неожиданнымъ поворотомъ фортуны, Фридрихъ поспѣшилъ, конечно, извлечь изъ него возможную

пишетъ онъ, de lui faire rapport... de tout ce que j'ai eu et entendu des inclinations favorables de V. M. J. pour lui et de Votre façon magnanime de penser.“

* *Прусскія дѣла*, 1761 г. № 8, см. реляціи Гудовича.

пользу. Онъ тотчасъ же приказалъ освободить княжество Цербстское отъ контрибуцій, и собравъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые находились при арміи или вблизи ея, сдать ихъ „безъ всякаго рансону“ русскимъ генераламъ: князю Волконскому въ Помераніи и графу Чернышеву въ Силезіи. * Первый изъ нихъ доносилъ въ Петербургъ, отъ 28-го января, что онъ получилъ увѣдомленіе о томъ отъ штеттинскаго губернатора герцога Бевернскаго, который предупреждалъ его, что чрезъ нѣсколько дней всѣ русскіе плѣнные будутъ собраны въ Штаргартѣ, и испрашивалъ, не пожелаетъ ли онъ, Волконскій, заключить съ нимъ „генеральное перемирье“? Русскій генералъ, не имѣя на этотъ предметъ ни инструкцій, ни полномочій **, поспѣшилъ рапортовать какъ въ Петербургъ, такъ и въ главную квартиру, а между тѣмъ, понимая, что дѣло явно поворачиваетъ къ миру, сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ его пикеты и разъѣзды не стрѣляли по Пруссакамъ. Распоряженіе его было вполнѣ одобрено государемъ, который приказалъ ему, отъ 3-го февраля, заключить съ герцогомъ Бевернскимъ генеральное перемиріе. *** Волконскій немедленно далъ знать о томъ прусскому генералу; они съѣхались въ Штаргартѣ и въ одно засѣданіе постановили конвенцію. Она подписана 5-го марта и распространена на всѣ части русской и прус-

---

* Тамъ же; см. также реляціи кн. Волконскаго въ *Прусск. дѣлахъ* 1762 года.

** Князь Волконскій именно доноситъ о неимѣніи инструкцій: чего, очевидно, онъ не могъ бы писать 28-го января 1762 года, еслибы, какъ говорятъ нѣкоторые писатели, во всѣ части арміи были въ первый день новаго царствованія посланы приказанія заключить перемиріе. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ слѣдующую странность: въ циркулярной депешѣ къ русскимъ посланникамъ отъ 9-го марта положительно говорится, что повелѣніе объ освобожденіи прусскихъ плѣнныхъ было сдѣлано въ отвѣтъ на освобожденіе русскихъ плѣнныхъ по приказанію Фридриха; между тѣмъ мы видѣли, что такое повелѣніе объявлено было военной коллегіи три дня послѣ вступленія Петра на престолъ.

*** *Дѣла прусскія;* рел. Волконск. № 7.

ской армій *; князь Волконскій, вмѣстѣ съ реляціей о томъ на имя государя, отправилъ курьеровъ къ фельдмаршалу, къ генералу князю Голицыну въ Познань и къ графу Чернышеву въ Силезію.

Пока происходили и прежде чѣмъ могли огласиться всѣ эти сношенія, изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщена была представителямъ союзныхъ дворовъ въ Петербургѣ декларація, которая должна была разсѣять иллюзіи тѣхъ, которые, сверхъ чаянія, еще имѣли ихъ. Эта декларація, помѣченная 12-мъ февраля, была слѣдующаго содержанія:

„Его императорское величество, благополучно вступивъ на престолъ своихъ предковъ и почитая за первый свой долгъ распространить и умножить благополучіе своихъ подданныхъ, изволитъ видѣть съ отмѣннымъ сожалѣніемъ, что пламя нынѣшней войны, продолжающейся уже шесть лѣтъ, къ общей невыгодѣ всѣхъ державъ принимающихъ въ ней участіе, не только не прекращается, но все сильнѣе разгарается къ вящшему бѣдствію всѣхъ народовъ, и что родъ человѣческій подвергается тѣмъ сильнѣйшимъ бѣдствіямъ, что судьба войны, исполненная до сего времени колебаній, не менѣе имъ подвергаться можетъ и въ будущемъ; а потому его величество, сострадая по своему человѣколюбію о пролитіи столькихъ невинныхъ кровей и желая остановить толикое зло, счелъ за нужное декларировать дворамъ въ союзѣ съ Россіей находящимся, что,—поставляя превыше всѣхъ соображеній первѣйшій законъ, коимъ Всевышній повелѣваетъ монархамъ пещись о соблюденіи народовъ, кои имъ поручены,—намѣревается доставить миръ своему государству, для коего онъ такъ нуженъ и въ то же время такъ драгоцѣненъ, и содѣйствовать всѣми отъ него зависящими мѣрами къ возстановленію таковаго же мира во всей Европѣ. Въ этихъ именно соображеніяхъ его императорское величество расположенъ пожертвовать всѣми завоеваніями, сдѣланными во время настоящей войны россійскими войсками, въ увѣренности, что въ возвратъ того, союзные дворы предпочтутъ равномѣрно возвращеніе тишины и спокойствія выгодамъ, кои они могли бы ожидать отъ войны и которыхъ, однако, они инако пріобрѣсть не могутъ, какъ лишь дальнѣйшимъ пролитіемъ человѣческой крови; и посему его императорское величество имъ совѣтуетъ съ наилучшимъ намѣреніемъ употребить и съ своей стороны всѣ удобовозможныя старанія къ выполненію толь высокаго и полезнаго дѣла.“

---

* См. Прилож. VII.

Не трудно представить себѣ какое впечатлѣніе эта декларація должна была произвести. „Дворъ въ уныніи“, доносилъ изъ Варшавы русскій посланникъ генералъ Воейковъ. Другіе союзники Елисаветы Петровны были раздражены, и нѣкоторые не скрывали своего раздраженія. Такъ, напримѣръ, Французскій дворъ отвѣтствовалъ на русскую декларацію контръ-декларацією, въ коей, свидѣтельствуя о своемъ расположеніи прекратить бѣдствія войны, заявлялъ однако, что король намѣревается дѣйствовать не иначе какъ въ совершенномъ согласіи съ своими союзниками, и „почелъ бы себя виновнымъ въ отступничествѣ (défection), еслибы склонилъ слухъ къ отдѣльнымъ переговорамъ; что его христіаннѣйшее величество не помрачитъ свою собственную славу и славу своего королевства оставленіемъ своихъ союзниковъ, и что съ своей стороны онъ убѣжденъ въ совершенно подобномъ же образѣ мыслей и съ ихъ стороны“. Людовикъ XV очевидно преувеличивалъ обязательную силу договоровъ, ибо если они должны связывать самихъ заключившихъ ихъ государей, то мудрено утверждать, чтобы совершенно въ томъ же положеніи были и преемники этихъ государей: иначе политика никогда не имѣла бы возможности выбиться изъ проложенной колеи, и разъ заключенные союзы, не взирая на перемѣну обстоятельствъ, должны были бы продолжаться нескончаемо.

Между тѣмъ Фридрихъ поспѣшилъ отвѣтить на посылку Гудовича отправленіемъ въ Петербургъ адъютанта своего, полковника и камергера барона Гольца. Въ грамотѣ, которую онъ везъ съ собой, Прусскій король, отвѣтствуя на заявленія миролюбія и дружескихъ чувствъ со стороны императора, завѣрялъ, что онъ ничего искреннѣе не желаетъ „какъ прежнее обоимъ дворамъ толь полезное согласіе на прежнемъ основаніи нынѣ возстановя, распространить и съ точностію утвердить“.* Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Гольцъ былъ снабженъ весьма обширными полномочіями для установленія основаній сближенія между Россіей и Пруссіей. „Понеже мы усердно желаемъ,

---

* *Дѣла Прусск.* 1762, № 2. Письмо Фридриха, отъ 28-го января н. ст.

писалъ Фридрихъ, возобновить „союзъ и дружбу“ съ императоромъ Всероссійскимъ, то и уполномочиваемъ васъ „вступить въ переговоры съ министромъ или министрами помянутаго его величества императора Всероссійскаго.... и постановлять, заключать и подписывать съ ними тѣ артикулы, конвенцію или трактатъ, о которыхъ съ обѣихъ сторонъ согласенось будетъ“, даже „несмотря на то что еще въ сей полной мочи чего-либо не доставало, или бы именнаго нашего повелѣнія требовало“. *

(Такъ писалъ Фридрихъ въ грамотѣ, которую баронъ Гольцъ долженъ былъ въ свое время предъявить русскимъ министрамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снабдилъ своего посланника собственноручнымъ письмомъ **, которое несравненно болѣе раскрываетъ намъ виды Прусскаго короля и бросаетъ яркій свѣтъ на взаимныя въ то время отношенія Россіи и Пруссіи. Цѣль вашей поѣздки, писалъ Фридрихъ, состоитъ въ возможно скоромъ заключеніи наименѣе невыгоднаго мира. Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о видахъ Петербургскаго двора, но судя по благопріятному образу мыслей императора, надѣюсь, что мирныя условія не будутъ слишкомъ тяжелы, а особенно если вы поведете дѣло съ желаемымъ искусствомъ: англійскій посланникъ сэръ-Кейтъ не откажетъ вамъ въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ какъ о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, такъ и о свойствахъ лицъ имѣющихъ вліяніе на дѣла; я съ своей стороны рекомендую вамъ „дѣйствовать съ благоразуміемъ и осмотрительностію, обдумывать ваше поведеніе, взвѣшивать ваши слова, пріобрѣсть дружбу всѣхъ и не навлечь ни чьей непріязни.“ Вы должны также, продолжалъ Фридрихъ, внушать императору чрезъ его гольштейнскихъ фаворитовъ или чрезъ императрицу, а еще лучше лично ему самому, о моемъ желаніи быть съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, о твердости съ которою я уклонялся отъ союза съ Даніей, и наконецъ открыть, что вы снабжены

---

* Тамъ же. Это полномочіе подписано королемъ Прусскимъ 7-го февраля нов. ст.

** Отъ 7 февр. н. ст.; см. въ Берлинск. госуд. арх., *Russland*, 1762 г.

полномочіями для прекращенія войны. Относительно условій мира Фридрихъ писалъ слѣдующее:

„Разсмотримъ теперь каковы приблизительно могутъ быть предложенія со стороны Русскихъ. 1) Они могутъ предложить отвести войска свои за Вислу, возвратить намъ Померанію и удержать за собою Пруссію * навсегда или только до окончанія войны. Вамъ слѣдуетъ отвѣчать на это, что если они желаютъ удержать Пруссію до окончанія войны, то на это можно согласиться, потому что это былъ бы большой выигрышъ для насъ. 2) Если они предполагаютъ удержать Пруссію навсегда, надо предложить имъ, чтобъ они меня вознаградили съ той стороны, гдѣ мною будетъ указано, а вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны будете послать ко мнѣ курьера. 3) Если они согласятся очистить всѣ мои владѣнія взамѣнъ гарантированія Гольштейна, вы уполномочиваетесь немедленно согласиться, особенно если успѣете выговорить гарантію Силезіи. 4) Если сверхъ одного изъ этихъ трехъ предложеній императоръ пожелалъ бы съ моей стороны нейтралитета въ случаѣ войны его съ Даніей — соглашайтесь, но требуйте, чтобъ актъ объ этомъ, или статья трактата была сохраняема наисекретнѣйшимъ образомъ (soit tenu sécrétissime); скажите императору или его министрамъ, если дѣло будетъ идти объ этомъ, что вы просите не сообщать о томъ условіи даже англійскому посланнику, такъ же какъ вы съ своей стороны вмѣсте повелѣніе никому о томъ не открывать. 5) При переговорахъ о мирѣ вы могли бы сказать, что я очень желалъ бы чтобъ императоръ поддержалъ Шведскаго короля противъ партіи, которая его сильно преслѣдовала (qui l'a violemment persécuté), и чтобы онъ благоволилъ послать наставленіе своему министру въ Стокгольмѣ съ объявленіемъ тамошнему сенату о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ; что такой образъ дѣйствій несомнѣнно склонилъ бы Шведовъ къ миру, что императоръ сдѣлался бы такимъ образомъ миротворцемъ всего сѣвера, и что это было бы самое блестящее начало царствованія, о которомъ когда-либо свидѣтельствовала исторія. 6) Вы должны употребить всевозможныя усилія, чтобы проникнуть виды Петербургскаго двора: съ тѣмъ ли тамъ желаютъ окончить эту войну, чтобъ упрочить свое положеніе дома, или чтобы приготовиться къ войнѣ съ Даніей, или же имъ хотѣлось бы играть роль посредника между воюющими нынѣ державами. Отъ различія видовъ Петербургскаго двора измѣняется и самое

---

* Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о такъ-называемой старой Пруссіи, то-есть о той области, которая заключается между нижнимъ Нѣманомъ и нижнею Вислой, и которая была занята въ то время русскими войсками и управлялась русскимъ губернаторомъ.

положеніе вопроса; крайне важно, слѣдовательно, чтобъ я былъ о томъ извѣщенъ, равно какъ и о томъ, до какой степени мы могли бы извлечь пользу изъ посредничества этого двора. Вы однако не уполномочены теперь просить помянутаго посредничества; вы ограничтесь на этотъ разъ тѣмъ, чтобъ искусно вывѣдать, въ какой мѣрѣ можно было бы на нихъ разчитывать въ случаѣ, еслибъ пришлось къ нимъ обратиться. 7) Нѣтъ надобности говорить вамъ, что вы должны пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы внушать двору, къ которому вы отправляетесь, недовѣріе и даже, если возможно, ревность къ Австрійцамъ и Саксонцамъ. Вы можете разказать, съ какимъ лукавствомъ Австрійцы подвергали опасностямъ русскія войска, оставаясь сами въ положеніи равнодушныхъ зрителей,—что вы лично видѣли нынѣшній годъ; можете говорить о ихъ вѣроломствѣ и о недостойныхъ средствахъ, съ помощію коихъ они позволяютъ себѣ достигать своихъ цѣлей. Этотъ предметъ такъ обширенъ,—притомъ же онъ достаточно извѣстенъ вамъ,—что вы можете широко пользоваться имъ. Не упускайте въ особенности случая напоминать, что въ 1747 году Австрійцы гарантировали Гольштейнъ тогдашнему (?) герцогу и въ то же время Данію. * 8) Остается еще коснуться вопроса о Туркахъ. Вы приступите къ нему тогда лишь, когда получите увѣренность, что мирный трактатъ состоится; тогда вы объясните императору, что будучи стѣсненъ со всѣхъ сторонъ, я, по чувству самосохраненія, долженъ былъ войдти въ соглашеніе съ Турками; что главною моею цѣлію было побудить ихъ къ диверсіи со стороны Венгріи, и что Татары могли бы можетъ быть предпринять какой-нибудь набѣгъ на земли русскихъ казаковъ; но что изъ желанія сдѣлать угодное императору, я постараюсь устроить это дѣло, лишь бы онъ приказалъ внушить подъ рукою Портѣ, что онъ не станетъ препятствовать ея дѣйствіямъ со стороны Венгріи.

„Вотъ всѣ наставленія которыя, при недостаточности свѣдѣній о Петербургскомъ дворѣ, я могу дать вамъ. Переговоривъ съ адъютантомъ императора, графомъ Гудовичемъ, я пришлю вамъ болѣе точную инструкцію по всѣмъ пунктамъ, которыхъ вы должны будете коснуться.“

---

* Кажется, тутъ есть недоразумѣніе со стороны короля Прусскаго. Никакого трактата Вѣнскаго двора ни съ герцогомъ Гольштейнскимъ, ни съ королемъ Датскимъ мы не находимъ подъ 1747 годомъ ни у Мартенса, ни у Коха, ни у Венка; но обязательства которыя принималъ на себя этотъ дворъ въ 1726 году относительно Гольштейна совершенно отличны отъ обязательствъ принятыхъ въ 1732 году, о чемъ именно прописано въ первомъ секр. сепар. артикулѣ трактата 22-го мая 1746 г. (см. Прилож. V и главу I настоящаго изслѣдованія): не на это ли намекалъ Фридрихъ?

Я предполагаю изложить далѣе со всею подробностію переговоры происходившіе между Петербургскимъ дворомъ и барономъ Гольцемъ, пользуясь свѣдѣніями почерпнутыми изъ Московскаго и Берлинскаго архивовъ; здѣсь же достаточно будетъ сказать, что дѣйствительность далеко превзошла тѣ надежды, которыя возлагалъ король Прусскій на личное къ нему расположеніе императора. Пріѣхавъ въ Петербургъ 21-го февраля, баронъ Гольцъ имѣлъ аудіенцію 23-го *, и вслѣдъ затѣмъ миссія его изъ этикетной немедленно превратилась въ дипломатическую. Въ бумагахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ находится записка барона Гольца къ графу Воронцову, въ которой онъ благодаритъ канцлера за его готовность содѣйствовать успѣху переговоровъ всѣми средствами, зависящими отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ,—безотлагательною отправкой въ Берлинъ курьеровъ и т. п.; ** записка эта написана 25-го февраля, слѣдовательно на третій день послѣ аудіенціи барона Гольца.

Мы должны замѣтить здѣсь, что безотлагательное отправленіе курьеровъ было едва ли не единственнымъ средствомъ, находившимся во власти графа Воронцова, чтобы заявить свое участіе въ открывавшихся переговорахъ. Графъ Михаилъ Иларіоновичъ былъ канцлеромъ съ 1758 года и въ продолженіе 14-ти лѣтъ предъ тѣмъ состоялъ сотрудникомъ графа Бестужева въ качествѣ вице-канцлера. Существуютъ весьма уважительныя свидѣтельства, что дѣятельный и честолюбивый Бестужевъ, не любилъ допускать его участія въ дѣлахъ ***, и весьма вѣроятно, что Воронцовъ, ласкаемый при дворѣ какъ одинъ изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ возведеніи Елисаветы на престолъ, **** женатый на ея род-

---

* *Донесеніе барона Гольца*, отъ 23-го февраля (6-го марта), въ Берлинскомъ архивѣ.

** *Дѣла Прусскія* 1762, № 4-й.

*** Бантышъ-Каменскій, *Словарь дост. люд.*

**** Въ довольно рѣдкой нынѣ книгѣ *L'Antidote* etc. (p. 190), написанной Екатериною, сказано между прочимъ: „L'on ne saurait nier que Lestoc n'eut beaucoup de part à cet événement, mais le c-te Worontzow n'en avait pas moins." Таково свидѣтельство Ека-

ственницѣ (графинѣ Скавронской), богатый и еще молодой, не особенно сильно рвался къ дѣловымъ занятіямъ; но пробывъ такъ долго у источника политическихъ дѣлъ, онъ, даже безъ всякаго усилія, долженъ былъ пріобрѣсть въ нихъ нѣкоторую опытность; когда же, послѣ паденія Бестужева, онъ сдѣлался канцлеромъ, и все управленіе русскою политикой сосредоточилось въ его рукахъ, онъ сталъ заниматься дѣлами съ большимъ вниманіемъ: нѣкоторыя черновыя бумаги, исходившія изъ иностранной коллегіи, писаны его рукой, на многихъ сохранились собственноручныя его помѣтки; такія же помѣтки находимъ мы на поляхъ многихъ донесеній, приходившихъ къ нему изъ разныхъ нашихъ миссій. Прибавимъ къ этому, что графъ Воронцовъ былъ однимъ изъ числа самыхъ образованныхъ сановниковъ императрицы Елисаветы; онъ принадлежалъ къ той небольшой между ними группѣ, которая, по своимъ гуманнымъ понятіямъ и сочувствію интересамъ просвѣщенія и литературы, была какъ бы переходомъ къ Екатеринину вѣку. При новомъ императорѣ положеніе его, какъ роднаго дяди графини Елисаветы Романовны, было не только блистательное, но, можно сказать, исключительное. Но и теперь, какъ во время Бестужева, ему не доставало той живости ума и той силы почина, которыя овладѣваютъ волею людей и теченіемъ дѣлъ. Предъ нами находится записка о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, представленная имъ молодому императору,—и что̀ же мы находимъ въ ней? Ничего, кромѣ исчисленія трактатовъ, коими Россія связана съ различными дворами, и эти дворы между собой! Человѣкъ не свѣдущій въ дѣлахъ, при величайшей доброй волѣ, очень немногому научился бы изъ нея и ужь конечно не извлекъ бы никакой политической мысли. Графъ Воронцовъ былъ способенъ добросовѣстно вести текущую переписку, поддерживать завѣщанные ему отъ прежняго времени союзы и продолжать преданія системы Остермана, но Остермана не Петровскаго, а Аннинскаго времени, то-есть

терины, безъ сомнѣнія коротко изучившей всѣ подробности событія, случившагося за нѣсколько лѣтъ до ея прибытія въ Россію.

поддерживать „тишину въ сѣверѣ“ и ревниво охранять внѣшнее достоинство русской короны, безъ вниманія, впрочемъ, къ выгодамъ государства. Но Петръ III внесъ въ русскую политику, какъ мы не замедлимъ убѣдиться, совершенно новыя понятія и вполнѣ оригинальный взглядъ на международныя отношенія Россіи; поэтому, оставивъ Воронцова, какъ человѣка весьма исполнительнаго и лично ему пріятнаго, во главѣ управленія иностранными сношеніями и сохранивъ за нимъ всю представительную сторону этого высокаго положенія, онъ рѣшился самъ вести дѣло о сближеніи съ Пруссіей, долженствовавшее стать краеугольнымъ камнемъ его политики. Официально графъ Воронцовъ былъ назначенъ уполномоченнымъ со стороны Россіи, для переговоровъ съ барономъ Гольцемъ, но въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не только нѣтъ обыкновенныхъ протоколовъ конференцій по вопросу о сближеніи Пруссіи, но нѣтъ даже ни одной относящейся къ этому дѣлу бумаги. Очевидно, баронъ Гольцъ имѣлъ совѣщанія съ кѣмъ-то другимъ, помимо канцлера; когда же эти совѣщанія привели къ соглашенію и наконецъ къ заключенію мирнаго трактата, то проектъ этого государственнаго акта былъ препровожденъ къ канцлеру самимъ барономъ Гольцемъ при слѣдующей лаконической и многозначительной запискѣ: „Имѣю честь препроводить къ его сіятельству г-ну канцлеру Воронцову проектъ мирнаго трактата, который и имѣлъ счастіе вчера поутру читать его императорскому величеству и который удостоился его одобренія во всѣхъ частяхъ.“ * Не менѣе замѣчательно и то, что проектъ этого трактата написанъ рукой того же барона Гольца.... Таково было положеніе тогдашняго канцлера.

Получивъ записку барона Гольца и брульйонъ трактата, уже одобреннаго государемъ, графъ Воронцовъ не могъ, по тогдашнимъ понятіямъ, сдѣлать ничего иного, какъ приказать перевести его на русскій языкъ и утвер-

---

* *Прусск. дѣла*, № 4-й; записка отъ 21-го апрѣля (2-го мая).

дить своимъ подписомъ. Однако онъ имѣлъ мужество поѣхать къ государю и просить его о нѣкоторомъ измѣненіи въ текстѣ договора, требуемомъ достоинствомъ Россіи. Въ проектѣ перваго сепаратнаго артикула, между условіями, касавшимися временнаго пребыванія нашихъ войскъ въ прусскихъ владѣніяхъ, условлено было, чтобы снабженіе ихъ производилось „безъ всякаго, однакожь, земямъ его величества короля Прусскаго отягощенія", послѣ чего находилась слѣдующая фраза: „Его императорское величество будетъ въ томъ преступниковъ и непослушниковъ съ тѣмъ большею строгостію наказывать, что искренняя его къ королю Прусскому дружба побуждаетъ не позволять того, что могло бы быть во вредъ королевскимъ землямъ, *но стараться весьма о благополучіи и выгодахъ*, коихъ оныя достигнуть могутъ". Все это мѣсто, въ которомъ выражается такая чрезмѣрная заботливость императора о выгодахъ и благополучіи чужихъ земель, не вошло въ текстъ договора, утвержденный правительственными подписями, и не вошло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе представленія канцлера: на экземплярѣ, который былъ представленъ государю (въ русскомъ переводѣ), находится слѣдующая помѣта: „На подлинномъ подписано такъ: *кромѣ очерченнаго въ сепаратномъ артикулѣ пассажа, быть по сему*". Очерченный пассажъ и есть тотъ, который приведенъ выше. *

Трактатъ, выработанный вышеизложеннымъ порядкомъ, подписанъ барономъ Гольцемъ и графомъ Воронцовымъ 24-го апрѣля **. Онъ былъ неизмѣримо выгоднѣе чѣмъ ожидали въ Берлинѣ. Первый артикулъ его опредѣлялъ миръ между воюющими сторонами, обязывая ихъ въ то же время „ни самимъ непріятельствъ не дѣлать, ниже позволять чтобъ оныя дѣланы были". Вторымъ артикуломъ императоръ вызывался употребить добрыя офиціи для установленія мира между всѣми воюющими державами и, прежде всего, для прекращенія вой-

---

* *Прусск. дѣла*, № 9-й.

** *Пол. Собр. Зак.*, № 11.516.

ны со стороны короля шведскаго (арт. 7), который изъявлялъ къ тому свою готовность. * Шестымъ артикуломъ императоръ Петръ, „желая подать свѣту явное и неоспоримое доказательство безкорыстія“, обѣщался не только возвратить Пруссіи и очистить въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ Померанію, какъ надѣялся Прусскій король, отправляя въ Петербургъ барона Гольца, и не только не удерживалъ за собою старой Пруссіи, что̀ Фридрихъ Великій почиталъ вѣроятнымъ, но выражалъ готовность возвратить всѣ города и земли, занятые въ Пруссіи русскими войсками. Съ своей стороны король Фридрихъ принималъ обязательство (арт. 3) не только не заключать никакихъ союзовъ или обязательствъ, противныхъ интересамъ Русской Имперіи и наслѣдственныхъ земель императора въ Германіи, но и разорвать всѣ союзы и обязательства, поколику бы они не сходствовали съ настоящимъ трактатомъ. Къ этому трактату приложены два сепаратные артикула, которые, вмѣстѣ съ секретнымъ и 7-мъ артикуломъ, содержатъ въ себѣ указанія на дальнѣйшую политику договаривавшихся монарховъ. Русскій императоръ обѣщалъ, въ силу помянутаго 7-го пункта, стараться, какъ уже сказано, о заключеніи мира между королями Прусскимъ и Шведскимъ. Во второмъ сепаратномъ пунктѣ заключается предположеніе обратить мирный трактатъ въ союзный договоръ. „Имѣя искреннее желаніе для безопасности владѣній ихъ и поспѣшествованія взаимныхъ интересовъ тѣснѣе еще соединиться“, сказано тамъ, государи „согласились приложить стараніе, безпосредственно (immédiatement) по подписаніи настоящаго здѣсь, въ С.-Петербургѣ, сего числа постановленнаго мирнаго трактата, о заключеніи такого союза, который бы полезное и выгодное обоихъ дворовъ намѣреніе совершить могъ“. Наконецъ, въ первомъ сепаратномъ пунктѣ заключается поправка къ условію, по которому русскія войска слѣдовало вывести изъ прусскихъ владѣній въ двухъ-мѣсячный срокъ со дня под-

* Между Пруссіей и Швеціей было заключено перемиріе въ Рабницѣ 7-го апрѣля (нов. ст.).

писанія трактата. „Понеже, сказано тамъ, легко статься можетъ, что критическое европейскихъ дѣлъ положеніе не позволитъ возвратить изъ областей его величества короля Прусскаго всѣ или часть находящихся въ оныхъ россійскихъ императорскихъ войскъ на опредѣленный въ шестомъ артикулѣ срокъ, то его величество король Прусскій не только не почтетъ сіе за нарушеніе сего трактата.... но паче правительствамъ своимъ точнѣйшіе дастъ указы, дабы желанія помянутыхъ нашихъ войскъ исполняемы были".

Итакъ въ самомъ трактатѣ 24-го апрѣля, договариваясь о прекращеніи войны, прусское и русское правительства выражали намѣреніе вступить между собой въ союзъ, цѣлію котораго, какъ можно заключить изъ послѣдне-приведеннаго условія, была, повидимому, какая-то другая война. Что же имѣлъ въ виду императоръ Петръ III, выговаривая себѣ право продлить свыше оглашаемаго срока пребываніе своихъ войскъ въ Померапіи? Въ какихъ отношеніяхъ могла находиться Швеція къ этимъ предположеніямъ? Миръ между Пруссіей и Швеціей былъ заключенъ чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія мирнаго договора въ Петербургѣ (22-го мая); король Фридрихъ I обязывался очистить прусскія владѣнія въ продолженіе двухъ-недѣльнаго срока и безропотно возвратиться къ прежнимъ границамъ, къ тѣмъ, которыя были установлены въ 1720 г., послѣ двадцатилѣтней неудачной войны съ Россіей. Какія же причины и соображенія могли побудить шведское правительство къ такой неожиданной уступчивости?

На всѣ эти вопросы отвѣтъ заключается въ трактатѣ, къ которому было приступлено немедленно по подписаніи мирнаго договора, но не въ той части трактата, которая напечатана въ *Полномъ Собраніи Законовъ* и доступна общему изученію, а въ той, которая, подъ названіемъ *секретныхъ артикуловъ*, до послѣдняго времени оставалась тайной и была оглашена на первый разъ Фр. Шмидтомъ въ его превосходномъ изслѣдованіи *Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne*; эти секретные артикулы, съ присовокупленіемъ къ нимъ сепаратнаго (напечатаннаго въ *Полномъ Собраніи Законовъ*), заключаютъ въ своей совокупности ту политическую систему,

которую Россія готова была, казалось, усвоить, отчасти вслѣдствіе личныхъ мнѣній своего государя, отчасти вслѣдствіе вліянія на него короля Прусскаго. Этихъ секретныхъ артикуловъ три; они касаются вопросовъ датско-гольштейнскаго, курляндскаго и польскаго. Въ какомъ положеніи былъ первый изъ этихъ вопросовъ, когда Петръ III вступилъ на престолъ, — намъ уже извѣстно; два остальные, курляндскій и польскій, составятъ содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ настоящаго труда.

III.

Начало русскаго вліянія въ Курляндіи. — Виды на нее Саксонской династіи и польскихъ сеймовъ. — Искательство принца Карла Саксонскаго. — Покровительство оказываемое ему русскимъ правительствомъ. — Сопротивленіе его кандидатурѣ со стороны Курляндцевъ.—Баронъ Шёнпингъ въ Варшавѣ. — Баронъ Мирбахъ. — Пакты-конвенты. — Временный дипломъ данный принцу Карлу королемъ Польскимъ. — Трактатъ императрицы съ принцемъ Карломъ. — Имѣло ли силу назначеніе принца Карла герцогомъ Курляндскимъ?

Герцогства Курляндское и Семигальское съ округомъ Пильтенскимъ состояли еще съ XVI вѣка въ вассальной зависимости отъ Рѣчи Посполитой; они были леномъ Польскаго короля. Тѣмъ не менѣе наступило время, когда на судьбы Курляндцевъ и Курляндіи болѣе вліянія стали оказывать рѣшенія, принимаемыя въ Петербургѣ, нежели въ Варшавѣ. Это время начинается при Петрѣ I. Тѣсный союзъ его съ королемъ Польскимъ и важныя услуги, оказанныя имъ этому послѣднему, утвержденіе русскаго господства надъ Лифляндіей и Эстляндіей и, наконецъ, бракъ герцога курляндскаго Фридриха-Вильгельма съ царевной Анной Іоанновной положили начало преобладанію Россіи въ курляндскихъ дѣлахъ. Особенно важнымъ орудіемъ въ дѣлѣ утвержденія этого преобладанія былъ заключенный, при вышепомянутомъ брачномъ союзѣ, договоръ, * опредѣлявшій между прочимъ: что царевна принесетъ за собой въ приданое 200.000 р., что въ случаѣ смерти герцога, вдова его будетъ получать по 40.000 р. въ годъ изъ герцогской казны на свое содержаніе, и что на другой день послѣ свадьбы герцогъ дастъ

---

* *Полн. Собр. Зак.*, № 2272.

супругѣ своей, въ видѣ *утренняго подарка*, 10.000 р. Согласно условію, герцогу, при бракосочетаніи, выплачено было 50.000 р., но такъ какъ онъ весьма скоро послѣ свадьбы скончался, то эта сумма подлежала возвращенію. Прочія статьи брачнаго договора вовсе не были выполнены: утренній подарокъ не былъ выданъ герцогинѣ, и вдовьяго содержанія она не получала изъ герцогской казны. Кромѣ того, она употребила собственныя деньги на выкупъ изъ залога части герцогскихъ имѣній. Все это составило довольно значительную сумму, которую курляндская казна должна была герцогинѣ и которая ежегодно увеличивалась процентами.

Петръ I, доставлявшій своей племянницѣ средства дѣлать эти расходы, не торопился требованіемъ ихъ возвращенія; но каждый разъ, когда это согласовалось съ его видами, онъ предъявлялъ свой искъ и давалъ курляндскому правительству чувствовать зависимость его положенія, а для обезпеченія этого иска, взялъ въ залогъ коронныя имѣнія на соотвѣтствующую сумму и поручилъ состоявшему при герцогинѣ гофмаршалу Петру Бестужеву (отцу будущаго канцлера) управлять ими. Въ первое время такихъ имѣній было немного, не болѣе 28; * однако они давали возможность русскому правительству производить довольно сильное давленіе на рѣшенія курляндскихъ ландтаговъ (сеймиковъ) и образовать преданную себѣ партію въ средѣ мѣстнаго дворянства, отдавая эти имѣнія въ аренду на выгодныхъ для арендаторовъ условіяхъ. Въ послѣдствіи число такихъ имѣній значительно увеличилось, и въ 1758 году дошло до 125, съ чѣмъ вмѣстѣ, очевидно, усилились и средства вліять на курляндскія дѣла. Съ другой стороны, вдовствующая герцогиня, проживая въ Митавѣ и послѣ кончины герцога, была ласкова, доступна и имѣла людей лично ей преданныхъ. Когда же она призвана была на русскій престолъ, то сдѣланныя ею въ Курляндіи связи должны были усилиться; блескъ императорскаго двора

---

* Это видно изъ рескрипта русскому резиденту въ Митавѣ, отъ 14-го декабря 1757 года; см. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, *Дѣла курляндскія* 1758 г. № 2.

и выгоды представляемыя службой въ Россіи привлекли въ Петербургъ многихъ Курляндцевъ знатныхъ фамилій, между которыми наиболѣе извѣстными сдѣлались въ царствованія Анны и Елисаветы Корфы, Кейзерлинги, Менгдены и Бреверны.

Между тѣмъ прекращеніе герцогскаго Кетлерова дома,— послѣднимъ представителемъ котораго въ прямой линіи былъ герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, — подало поводъ къ весьма различнымъ комбинаціямъ относительно дальнѣйшей судьбы герцогствъ. Между мѣстнымъ рыцарствомъ преобладало желаніе произвесть избраніе новаго герцога и сохранить свое полунезависимое положеніе; напротивъ того, въ Польшѣ господствовало желаніе воспользоваться прекращеніемъ герцогской династіи, чтобъ обратить полунезависимый лекъ въ органическую часть Рѣчи Посполитой и раздѣлить его, по примѣру прочихъ областей, на воеводства. Таково было желаніе сената и сеймовъ польскихъ. Что касается до Польскихъ королей, то курляндскій вопросъ представлялся имъ съ совершенно иной точки зрѣнія, и виды ихъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, были діаметрально противоположны видамъ управляемаго ими народа. Честолюбивыя стремленія Саксонской династіи въ XVIII вѣкѣ извѣстны; саксонскіе курфирсты настойчиво добивались той же роли, къ которой стремился Бранденбургскій домъ, и было время, когда перевѣсъ былъ на сторонѣ Дрезденскаго двора. Это было именно въ то время, когда Августъ Сильный (le Fort) и его сынъ владѣли, кромѣ своей курфирсткой короны, короной Пяста. Владѣнія польско-саксонскихъ государей простирались отъ Эльбы до Днѣпра и Западной Двины. Но будучи самодержавными, наслѣдственными государями въ Саксоніи, они пользовались лишь призракомъ власти въ Польшѣ и вступали на польскій престолъ не иначе какъ по избранію. Утвердиться въ Польшѣ наслѣдственнымъ образомъ, возвысить свою власть надъ сенатомъ и сеймомъ и уничтожить границу между Польшей и Саксоніей, было постояннымъ стремленіемъ обоихъ Августовъ Но они чувствовали, что въ борьбѣ своей съ польскимъ

рыцарствомъ имъ трудно побѣдить, имѣя за собой лишь слабое наслѣдственное владѣніе; всякое усиленіе Польши было, слѣдовательно, противно ихъ династическимъ интересамъ и наоборотъ, все что̀ служило къ усиленію Саксонской династіи угрожало правамъ польскаго рыцарства. Вотъ почему постановленія польскихъ сеймовъ по поводу упраздненія престола въ Курляндіи и политика Августа совершенно противорѣчили между собой. Сеймы желали присоединить Курляндію къ владѣніямъ польскимъ, какъ вакантный ленъ; Августъ поддерживалъ подъ рукой претензіи Курляндцевъ на автономію, съ условіемъ, чтобъ они избрали въ герцоги его побочнаго сына, Морица. * Избраніе Морица состоялось (въ 1726 г.), но ему не удалось удержаться на курляндскомъ престолѣ частію по причинѣ рѣшительнаго отпора со стороны польскихъ сеймовъ, частію потому что здравая политика не позволяла Россіи допустить новое усиленіе Саксонской династіи: Петровскія преданія были въ то время еще сильны въ Россіи, и свѣжа была память о двусмысленныхъ отношеніяхъ между Петромъ и Августомъ въ послѣдніе годы Сѣверной войны. Русскія войска принудили Морица удалиться изъ Курляндіи. Но когда, въ свою очередь, туда прибыла польская коммиссія съ явнымъ намѣреніемъ сократить самостоятельность герцогства, то русское правительство вступилось за Курляндію и не допустило ея поглощенія.

Упраздненіе курляндскаго престола открывало еще другую, и очень важную для Россіи, сторону вопроса. Соперникомъ Морицу выступилъ, какъ извѣстно, князь Меншиковъ, причемъ права свои онъ основывалъ на своемъ званіи польскаго шляхтича, а этимъ званіемъ онъ пользовался потому, что владѣлъ помѣстьемъ (Горы-Горецкимъ) въ предѣлахъ республики. Смѣлая затѣя русскаго временщика, не поддержанная изъ Петербурга, не имѣла успѣха; но она откры-

---

* См. *Разсказы изъ Русской Исторіи*, Соловьева, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г., и *Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій* въ *Русск. Вѣстн.* 1860 г.

вала русскому правительству рядъ совершенно новыхъ видовъ въ курляндскомъ вопросѣ: русскій сановникъ, который владѣлъ бы имѣніями въ Польшѣ, а тѣмъ болѣе въ Курляндіи, имѣлъ, слѣдовательно, вѣроятность сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ! Что̀ не удалось Меншикову,—могъ сказать себѣ Бирономъ,—то, можетъ-быть, удастся мнѣ: стоитъ только приняться за дѣло поискуснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Меншиковъ, никогда прежде не помышлявшій о курляндской коронѣ, кинулся ловить ее, когда все уже было подготовлено въ пользу его противника, и не упрочивъ за собой даже поддержки своего правительства; Бирономъ, напротивъ, повелъ свою интригу издалека, искусно эксплуатировалъ исключительное положеніе свое при императрицѣ Аннѣ, сдѣлалъ связи въ Курляндіи, горячо поддерживалъ въ Петербургѣ кандидатуру на польскій престолъ саксонскаго курпринца (въ послѣдствіи Августа III) и выговорилъ себѣ за то съ его стороны помощь относительно курляндской короны. * Что касается до содѣйствія русскаго правительства его видамъ, то въ этомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться: сочувствіе имъ императрицы было несомнѣнно, а средства, которыми она располагала, неотразимы: они заключались въ старыхъ счетахъ русской казны съ курляндскою и въ покорности арендаторовъ казенныхъ амтовъ внушеніямъ, полученнымъ изъ Петербурга. Дѣло Бирона дѣлалось медленно, но за то прочно, и когда въ 1737 году въ Митавѣ созванъ былъ, съ соизволенія короля Польскаго и Рѣчи Посполитой, ландтагъ для избранія герцога „всѣ голосы,—писалъ императрицѣ агентъ ея въ Митавѣ, баронъ Бутлеръ,—на новоизбраннаго герцога, вашего императорскаго величества оберъ-каммергера, такъ единодушно соединены были, что ни единого прекословящаго слышно не было.“ **

Кончина императрицы Анны и паденіе Бирона открываютъ еще новый фазисъ въ курляндскомъ вопросѣ. Одно время Елисавета Петровна имѣла было въ виду дать Курляндіи

---

* См. Приложеніе VIII.

** *Дѣла Курляндскія* 1737 г., № 7, въ арх. мин. иностр. дѣлъ.

новаго герцога въ лицѣ одного изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, но это было лишь минутнымъ предположеніемъ, которое не имѣло дальнѣйшаго развитія. Между тѣмъ союзъ противъ Прусскаго короля связалъ тѣсною дружбой русскій дворъ съ саксонско-польскимъ, и Августъ III, вытѣсненный изъ Саксоніи, воспользовался этою дружбой, чтобы достигнуть того, что̀ не удалось его отцу, а именно сдѣлать третьяго сына своего, принца Карла, наслѣдственнымъ герцогомъ курляндскимъ. Во время рождественскихъ праздниковъ 1757—1758 г. при варшавскомъ дворѣ заговорили, что королевскіе принцы, Ксаверій и Карлъ, предполагаютъ отправиться весной на войну, и что первый изъ нихъ намѣревается стать въ ряды французской, а второй въ ряды русской арміи. Этотъ слухъ былъ такого рода, что русскій посланникъ въ Варшавѣ, князь М. Н. Волконскій, счелъ нужнымъ сообщить о немъ въ Петербургъ. Ему отвѣчали, что императрица съ удовольствіемъ соглашается на присутствіе принца Карла въ своей арміи, но что она была бы еще болѣе довольна, еслибъ онъ предъ тѣмъ посѣтилъ ея дворъ.

Принцъ прибылъ въ Петербургъ 31-го марта 1758 года съ блестящею свитой *. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и радушіемъ; его помѣстили въ только-что отстроен-

---

* О всемъ этомъ см. въ *Дѣлахъ Курляндскихъ* 1758 г. (№ 7/в), а также въ *Запискахъ Екатерины II*; въ этихъ послѣднихъ говорится, что принцъ Карлъ прибылъ 5-го апрѣля; но въ грамотѣ императрицы къ королю Августу, отъ 1-го апрѣля, именно сказано, что онъ пріѣхалъ *вчера*. Свита принца состояла изъ 28 человѣкъ, но въ этомъ числѣ были лакеи, поваръ, пажи, такъ что при немъ состояло собственно 16 человѣкъ, могшихъ имѣть политическое значеніе. И между тѣмъ оказывается, что въ этой небольшой группѣ людей, безъ сомнѣнія тщательно избранныхъ всесильнымъ графомъ Брюлемъ, обнаруживается глубокое политическое разномысліе и находитъ мѣсто интрига. Одинъ изъ кавалеровъ принца, и притомъ первый изъ нихъ, князь Любомірскій, привезъ съ собой жалобу гетмана графа Браницкаго на самого графа Брюля, и передавая ее нашему вице-канцлеру, попробовалъ вовлечь русское правительство въ виды гетмана.

номъ домѣ И. И. Шувалова, чрезвычайно великолѣпно отдѣланномъ—внутри богатою высеребренною рѣзьбой, снаружи лѣпною работой, до такой степени изобильною, что онъ казался, читаемъ мы въ *Запискахъ Екатерины II*, какъ бы обвѣшаннымъ кружевами. При саксонскомъ принцѣ велѣно было состоять графу И. Г. Чернышеву, дававшему тонъ тогдашнимъ придворнымъ щеголямъ. Императрица, извѣщая короля Августа о пребываніи его сына въ Петербургѣ, писала между прочимъ: „Хотя мнѣ уже съ нѣкоторыхъ лѣтъ много похвальнаго извѣстно было о добрыхъ качествахъ его высочества принца Карла, однакожъ онъ во время присутствія своего при моемъ дворѣ, къ превеликому моему удовольствію, гораздо превзошелъ то весьма выгодное мнѣніе, которое я имѣла о великодушныхъ его сентиментахъ....“ Такъ отзывалась Елисавета Петровна о своемъ гостѣ и сынѣ своего союзника; но бо́льшая часть отзывовъ, дошедшихъ до насъ о принцѣ Карлѣ, неблагопріятны для него. Мы приведемъ лишь два изъ нихъ, но принадлежащіе такимъ авторитетамъ, у которыхъ никто не станетъ оспаривать знанія людей. „Этотъ безпокойный человѣкъ, говоритъ по поводу его поѣздки въ Петербургъ Фридрихъ II, впутывался во всѣ придворныя интриги; его грубыя, гордыя и пренебрежительныя манеры поссорили его съ великимъ княземъ и его супругой“ *. Съ своей стороны, Екатерина называетъ его человѣкомъ ничтожнымъ и необразованнымъ: „Кромѣ охоты и танцевъ онъ ничего не зналъ, говоритъ она, и я сама слышала отъ него, что онъ во всю жизнь не бралъ въ руки иной книги, кромѣ молитвенника.“ Точно также не расположенъ былъ къ нему и великій князь. Но неблагопріятное о немъ мнѣніе *малаго двора* не имѣло никакого вліянія на дѣла, которыя саксонскій принцъ предполагалъ устроить въ Петербургѣ при покровительствѣ самой императрицы.

10-го апрѣля графа Воронцова посѣтилъ одинъ изъ сопровождавшихъ принца, генералъ Латеналь, и объявилъ ему „въ крайней откровенности“, что дѣла саксонскаго принца на-

---

* *Hist. de la guerre de Sept-ans.*

ходятся въ весьма дурномъ положеніи; что онъ не имѣетъ „достаточнаго дохода, чѣмъ бы, прилично съ честію, достоинствомъ и природою своею, себя безбѣдно содержать могъ; что онъ не имѣетъ надежды, чтобы при нынѣшнемъ состояніи, король его родитель могъ собою учинить ему какую-либо помощь, и едва опредѣленную ему пенсію, 22 т. талеровъ, на годъ выдавать; что въ разсужденіи многочисленной королевской фамиліи и неимущаго состоянія, не можно ему чаять, а еще того меньше по справедливости отъ короля требовать, какого-либо полезнаго для него основанія (établissement) и опредѣленія; что при такихъ обстоятельствахъ пріемлетъ онъ прибѣжище къ природному и извѣстному всѣмъ милосердію и щедрости ея императорскаго величества и на нее возлагаетъ всю свою надежду и упованіе“; что всѣ эти причины заставляютъ принца „просить высочайшей милости; что отъ нея нынѣ совершенно зависитъ жребій его, что онъ останется во всю жизнь свою благодарнѣйшимъ и усерднѣйшимъ къ пользѣ ея и во всемъ повиноваться и поступать (будетъ) по волѣ ея и произволенію.“ Послѣ этого длиннаго вступленія, генералъ Лашеналь изъяснилъ наконецъ, „чтобъ ея императорское величество соизволила его въ Курляндіи герцогомъ учинить, или какой другой этаблисементъ ему доставить, а между тѣмъ великодушно опредѣлить на его содержаніе пенсіонъ“ *.

Мы видѣли каково было положеніе, принятое русскимъ правительствомъ, когда, сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, одинъ изъ сыновей покойнаго курфирста саксонскаго овладѣлъ было курляндскою короной. Но съ того времени много перемѣнъ и поворотовъ произошло въ русской поли-

---

* Въ 1763 году напечатана была въ Варшавѣ любопытная брошюра подъ названіемъ *Mémoire sur les affaires de Courlande*, составленная на основаніи официальныхъ документовъ, но представлявшая курляндскій вопросъ съ точки зрѣнія Саксонской фамиліи. Въ ней говорится между прочимъ, будто императрица Елисавета сама вздумала наградить принца Карла Курляндіей, и что только по ея настоянію король Августъ согласился дать этотъ „этаблисементъ“ своему сыну.

тикѣ; въ качествѣ русскихъ кандидатовъ на митавскій престолъ выступали принцы различныхъ германскихъ домовъ, русскіе сановники и члены династій, царствовавшихъ въ сосѣднихъ государствахъ: среди этого разнообразія примѣровъ, исключающихъ всякое понятіе о системѣ, Воронцову мудрено было найдти какую-нибудь руководящую нить, какой-нибудь ключъ для разрѣшенія настоящаго случая. Повидимому, въ виды нашего правительства не могло входить намѣреніе усиливать Саксонскую династію возведеніемъ одного изъ ея членовъ на курляндскій престолъ; но, съ другой стороны, въ 1731 году проектированъ былъ трактатъ съ Пруссіей, въ которомъ Россія принимала на себя обязательство стараться о доставленіи курляндской короны одному изъ принцевъ Гогенцоллернскаго дома *; а если подобное обязательство могло казаться удобнымъ во время дружбы съ Пруссіей, то почему же теперь не оказать подобной же услуги союзному саксонскому двору?

Въ продолженіе шести недѣль графъ Воронцовъ не давалъ никакого хода сообщенію Лашеналя. Въ концѣ мая этотъ послѣдній заѣхалъ къ канцлеру навѣдаться и напомнить о своемъ дѣлѣ. Тогда графъ Воронцовъ составилъ записку, въ которой изложилъ все сообщенное ему о видахъ принца Карла и заключалъ, что отказать значило бы „умножить печальное состояніе его величества короля Польскаго и всего его двора, привести этотъ дворъ въ уныніе и ослабить его надежду, которую онъ всегда на сильную помощь и покровительство ея величества полагалъ“; но съ другой стороны, писалъ канцлеръ, невозможно предвидѣть, каково будетъ окончаніе нынѣшней войны, и при заключеніи всеобщаго мира можетъ представиться необходимость „Курляндію для какого-нибудь другаго полезнаго намѣренія употребить“. ** Записка Воронцова была внесена въ конференцію, которая взглянула на вопросъ болѣе благопріятнымъ для принца Карла образомъ чѣмъ канцлеръ. „Желаніе королевскаго

---

* *Борьба за польскій престолъ*, Герье.

** *Курл. дѣла*, 1758 г. № 7/в.

польскаго двора, дабы его высочество принцъ Карлъ герцогомъ курляндскимъ избранъ былъ, — заключала конференція именемъ императрицы,—съ нашимъ соизволеніемъ согласно.“ Поэтому резидентамъ нашимъ въ Варшавѣ и Митавѣ вмѣнялось въ обязанность стараться о доставленіи курляндской короны принцу Карлу и внушить рыцарству и земству курляндскому, „что какъ ни велико наше къ нимъ благоволеніе, оно будетъ еще натурально большимъ, когда основаніемъ къ тому будетъ наша къ его величеству королю Польскому дружба“ *.

Въ такомъ же смыслѣ дано было обнадеженіе принцу Карлу, когда, послѣ полугодоваго пребыванія въ Петербургѣ, онъ въ началѣ іюля выѣхалъ наконецъ въ Варшаву. По дорогѣ онъ завернулъ въ Митаву, видѣлся съ нѣсколькими вліятельными лицами и открылъ имъ свои виды и благосклонное къ нему расположеніе русскаго двора. Это случилось за нѣсколько дней предъ обыкновеннымъ ландтагомъ. Къ открытію этого собранія прибылъ въ Митаву нѣкто Алуа (Aloy), польскій военный совѣтникъ и провіантмейстеръ коронной арміи, и тотчасъ же по пріѣздѣ имѣлъ свиданіе съ оберъ-ратами. ** 10-го іюля, въ день открытія ландтага, онъ былъ представленъ сеймующимъ чинамъ и подалъ имъ вѣрительное письмо за подписью короннаго маршала и меморію, въ которой онъ выставлялъ на видъ рыцарству и земству продолжительность отсутствія герцога Бирона, безуспѣшность всѣхъ бывшихъ дотолѣ ходатайствъ въ его пользу, и внушалъ, что теперь наступило, повидимому, время, объявить ленъ вакантнымъ и просить короля о пожалованіи онаго кому-либо другому. Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Алуа, вопросъ о лицѣ, на которое должно пасть избраніе, не можетъ, кажется, подать повода къ колебаніямъ: „Все благородное рыцарство и земство великую склонность и пре-

---

* Тамъ же; рескриптъ конференціи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 31-го іюля.

** Въ *Дпл. Курл.* 1758 г. № 3; см. реляц. П. Бестужева отъ 10-го и 13-го іюля.

данность къ его королевскому высочеству свѣтлѣйшему принцу Карлу, котораго прибытіе всѣхъ обрадовало, только оказало, что кажется, якобы рыцарству ничто лучшимъ счастіемъ быть не могло бъ, какъ еслибъ его королевское величество оный ленъ его королевскому высочеству пожаловать соизволилъ". Въ вѣрительной грамотѣ, которою Алуа снабженъ былъ отъ короннаго канцлера графа Малаховскаго, была выражена, хотя и въ весьма темныхъ фразахъ, подобная же мысль; курляндскіе чины приглашались „всякую прозорливость и тщательность употребить" и притомъ „безъ всякаго потерянія времени, ибо не должно нынѣшняго времени пропустить".

Таково было предложеніе сдѣланное Курляндцамъ,— предложеніе столько же важное, сколько и неожиданное. Но именно эта важность и неожиданность были причиной, что рѣшеніе ландтага не могло состояться „безъ всякаго потерянія времени". Депутаты, находившіеся въ ландтагѣ, не имѣли ни инструкцій, ни полномочій отъ своихъ довѣрителей и не хотѣли принять на себя рѣшеніе столь важнаго дѣла. Поэтому собраніе было закрыто, и назначено новое на 2-е сентября (н. ст.).

Въ то время когда возникалъ вопросъ о возведеніи на престолъ принца Карла, русскимъ резидентомъ въ Митавѣ былъ Бестужевъ, тотъ самый, который находился на этомъ постѣ еще въ царствованіе Петра Великаго. Нынѣ предположено было отозвать его и назначить ему преемникомъ природнаго Курляндца, Симолина. * Существенною частію его назначенія, какъ видно изъ данной ему инструкціи **, было управленіе секвестрованными имѣніями и только между прочимъ, на основаніи „извѣстной его ревности и радѣнія", ему поручалось не оставлять безъ вниманія и прочихъ дѣлъ, касающихся интересовъ ея величества; о домогательствахъ принца Карла не было ни од-

---

* Брата того, который былъ въ Парижѣ представителемъ Россіи при началѣ революціи.

** *Курл. дѣла*, 1758 г. № 4, рескр. Симолину отъ 7 іюля.

ного слова въ этой инструкціи, хотя, конечно, нельзя предполагать, чтобы канцлеръ не сообщилъ новому резиденту, отправляя его, своихъ видовъ на дѣло, которое не замедлило выдвинуться на первый планъ. Симолинъ прибылъ въ Митаву уже по окончаніи ландтага.* Узнавъ о его пріѣздѣ, и полные еще сомнѣній, возбужденныхъ порученіемъ Алуа, двое изъ оберъ-ратовъ, — ландгофмаршалъ Сакенъ и канцлеръ Говенъ, — поспѣшили къ нему, въ надеждѣ узнать, какое положеніе приметъ русское правительство въ настоящихъ обстоятельствахъ, и въ какой мѣрѣ справедливо завѣреніе принца о покровительствѣ обѣщанномъ ему въ Петербургѣ. Вслѣдъ за упомянутыми оберъ-ратами, Симолина посѣтили и многіе другіе Курляндцы, изъ числа не успѣвшихъ еще разъѣхаться по домамъ; всѣ они надѣялись найдти въ словахъ только что аккредитованнаго дипломатическаго агента удовлетвореніе своему вполнѣ законному любопытству; но Симолину приходилось быть очень осторожнымъ. Нѣкоторые заявляли ему, что искательство принца Карла есть дѣло „нескладное“, такъ какъ онъ католикъ, а основными законами герцогства постановлено, говорили они, чтобы государемъ ихъ былъ человѣкъ аугсбургскаго исповѣданія. ** Не замедлилъ посѣтить Симолина и Алуа. Изъ его словъ можно было замѣтить, что независимо отъ вопроса о религіи претендента, весьма важное затрудненіе представлялъ Биронъ, хотя и сосланный, но не лишенный формальнымъ образомъ своихъ правъ, и отъ присяги которому весьма многіе не почитали себя разрѣшенными. Поэтому Алуа очень настаивалъ, чтобы русское правительство объявило въ какой-нибудь опредѣленной формѣ, что Биронъ и его сыновья, по важнымъ государственнымъ соображеніямъ, освобождены быть не могутъ, и чтобъ оно выразило желаніе и даже нѣкоторымъ образомъ пригласило бы короля Польскаго приступить къ избранію новаго герцога. Ходатайство такого рода доказывало, что безъ сильнѣйшей поддержки со стороны Россіи, канди-

---

* *Рел.* Симол. отъ 10-го авг.

** Рел. Симолина отъ 15-го и 18-го авг. и прил. къ нимъ.

датура принца не можетъ имѣть успѣха. Дѣйствительно, по собраннымъ справкамъ, изъ 27 kирхшпилей, посылавшихъ представителей на ландтагъ, не болѣе одиннадцати приняли сторону принца, такъ что большинство было или рѣшительно противъ него, или kолебалось; противъ него же были и оберъ-раты. Между рыцарствомъ обращалась безыменная *Записка*, за странною подписью *Sans-rèsèrve*, которая доказывала „нескладность“ кандидатуры принца Карла и подсмѣивалась надъ опрометчивостью, съ которою за это дѣло принялись въ Варшавѣ.* Съ небольшимъ тридцать лѣтъ тому назадъ, писалъ неизвѣстный авторъ этой *Записки*, у насъ тоже шла рѣчь объ избраніи герцога; но тогда переговоры объ этомъ производились долго; мы были увѣрены не только въ согласіи, но и въ желаніи kороля, чтобы графъ Морицъ былъ избранъ нами. И что же однако! Мы были признаны мятежниками и едва не лишились правъ, торжественно за нами утвержденныхъ. Не рискуемъ ли мы гораздо болѣе въ настоящее время? Коронный kанцлеръ польскій, „сей великій и прозорливый министръ, въ письмѣ своемъ, ни о kоролѣ, ни о республикѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, въ такой похвальной предосторожности, дабы въ случаѣ распри оныхъ обоихъ, ничѣмъ не отвѣчать“. Да и kакое право имѣемъ мы приступить kъ избранію герцога, kогда нашъ законно-избранный государь и герцогъ еще живъ? Развѣ мы получили извѣстіе, что онъ никогда kъ намъ не вернется? Или онъ заслужилъ въ нашихъ глазахъ потерю своихъ правъ? Нѣтъ, „изъ насъ предъ Богомъ, съ чистою совѣстію, kаждый признаться можетъ, что онъ, по всему своему проницанію, того не найдетъ, чтобы герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ и въ малѣйшемъ нарушеніи вѣрности kъ своему ленному государю явился, а наименьше бы такое ужасное преступленіе дѣйствительно учинилъ, по kоторому бы онъ и его, во время паденія онаго, еще малолѣтные наслѣдники, лена лишены быть могли“. Словомъ, заключалъ авторъ, „благородное рыцарство и земство, безъ поврежденія своей со-

* Прилож. kъ реляціи Симолина отъ 10-го августа.

вѣсти, чести и славы, и безъ опасенія великаго отвѣтствія предъ свѣтлѣйшею республикой, до тѣхъ поръ, пока княжескій стулъ законнымъ порядкомъ испражненъ не будетъ, ни на какія новыя намѣренія поступать и о семъ дѣлѣ ни малѣйшимъ образомъ депутатамъ внушать не могутъ и не смѣютъ".

Кто бы ни былъ таинственный Sans-résèrve, написавшій вышеизложенный памфлетъ, онъ очень вѣрно характеризовалъ положеніе дѣлъ, указывая на опасное для Курляндіи различіе между видами короля и Рѣчи Посполитой и на существенную необходимость предварительнаго торжественнаго провозглашенія курляндскаго престола упраздненнымъ. Но для этого прежде всего надобно было, чтобы русское правительство объявило Бирона формально лишеннымъ престола. Начавъ дѣло, писалъ Sans-résèrve, надо его докончить; „если Россія дала Польшѣ короля, то пусть же она дастъ герцога Курляндіи". Въ такомъ же смыслѣ, но еще опредѣлительнѣе, изъяснялся (8-го августа) Прассъ, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ: * „Понеже", представлялъ онъ канцлеру, „герцогъ Биронъ уже съ давняго времени не пользуется герцогствомъ Курляндскимъ, да чаятельно и никогда онымъ пользоваться не будетъ,—ибо тѣ же государственныя причины, по которымъ онъ по сіе время задержанъ былъ, какъ видно, и нынѣ еще состоятъ,—того ради, можно было бы иногда склонить его къ тому, чтобъ онъ права, которое онъ на Курляндію *имѣть думаетъ*, самъ добровольно отрекся и поступился бы онымъ торжественнымъ актомъ, напротивъ чего можно бы выговорить ему иныя какія, пустаго токмо и безполезнаго титла прочнѣйшія, выгоды." Въ случаѣ же, продолжалъ саксонскій резидентъ, еслибы Биронъ не согласился на такое предложеніе, желательно было бы, „чтобъ ея императорское величество соизволила объявить торжественнымъ образомъ королю и республикѣ, что къ задержанію герцога Бирона поводъ подавшія причины настоятъ непремѣнно, что ея им-

---

* *Курлянд. дѣла* 1758 г., № 5. Записка Прасса приложена къ рескрипту на имя Симолина отъ 13-го октября.

ператорское величество не позволитъ никогда, чтобъ онъ или дѣти его могли когда-либо выѣхать изъ Россіи или же владѣть герцогствомъ Курляндскимъ", каковое объявленіе и подало бы поводъ королю Польскому провозгласить упраздненіе лена и разрѣшить новое избраніе, а между тѣмъ „ея императорское величество могла бы повелѣть своему правительству рекомендовать принца Карла курляндскимъ чинамъ". Въ заключеніе, и какъ о новомъ доказательствѣ дружбы императорскаго двора, Прассъ ходатайствовалъ, чтобы секвестръ съ герцогскихъ имѣній былъ снятъ,* и всѣ денежныя претензіи русскаго правительства къ герцогству, какъ за время управленія онымъ Бирона, такъ и за прежнее время, были бы имъ уступлены принцу Карлу, въ замѣнъ чего этотъ послѣдній обезпечилъ бы бывшей герцогской фамиліи приличное содержаніе. Въ помощь офиціальнымъ представленіямъ, Августъ писалъ лично къ императрицѣ, трогательно изображая ей горестное положеніе, въ которое повергла его война: „Я удостовѣренъ, писалъ онъ, что ваше императорское величество милостивое напамятованіе о сей печальной фамиліи усугубите нынѣ тѣмъ вяще, ибо находящійся въ Дрезденѣ прусскій комендантъ свирѣпство и ярость противъ города и всѣхъ жителей ежедневно болѣе оказываетъ и къ королевскому замку, въ которомъ дѣти мои живутъ, ни малѣйшаго уваженія не имѣетъ, а наконецъ, истребовалъ мой и моей супруги покои, по указу короля своего, для солдатъ. О безпрестанномъ страхѣ и ужасѣ уже и упоминать нельзя, въ коихъ дѣти мои и всѣ жители денно и нощно находятся, потому что они всякій моментъ должны ожидать сожженія предмѣстія, гдѣ всѣ домы наполнены порохомъ и соломой."

Сильный потокъ увлекалъ русскую политику съ того осторожнаго пути, который предначертывалъ графъ Воронцовъ послѣ первыхъ изъясненій о видахъ принца Карла, и канцлеръ нашъ не имѣлъ довольно силы или желанія, чтобъ

---

* Секвестръ этотъ былъ наложенъ по вступленіи Елисаветы Петровны на престолъ, см. Прилож. IX.

удержаться въ самимъ же имъ очертанномъ кругѣ. Но по нерасположенію ли къ направленію, которое принималъ курляндскій вопросъ, или по другой какой-либо причинѣ, Воронцовъ не торопился сообщать Симолину рѣшеніе конференціи 31-го іюля, и нота Прасса оставалась еще безъ отвѣта.

Между тѣмъ приближался срокъ ландтага, на которомъ долженствовалъ быть разрѣшенъ вопросъ объ избраніи герцога. Дѣла принца Карла, столь успѣшно начавшіяся въ Петербургѣ, оставались въ Курляндіи въ прежнемъ положеніи: „Духи такъ раздѣлены, доносилъ Симолинъ, отъ 18-го августа, что съ одной стороны желаютъ освобожденія герцога Бирона, а съ другой, избранія новаго герцога.“ Митавскій кирхшпиль далъ своему депутату неблагопріятную для принца Карла инструкцію; партія его слаба, писалъ Симолинъ, хотя и усиливается, благодаря хлопотамъ Алуа и барона Мирбаха,—человѣка, который начиналъ играть видную роль въ этомъ дѣлѣ. Алуа писалъ безыменныя письма, которыя распространялъ между рыцарствомъ, а Мирбахъ нашептывалъ своимъ пріятелямъ, что если они поддержатъ принца Карла, то получатъ отъ него чины и аренды. Эта агитація не обѣщала однако большаго успѣха, пока существовало сомнѣніе, въ какой степени русскій дворъ одобряетъ кандидатуру принца Карла, будетъ ли онъ поддерживать этого кандидата и не явится ли когда-нибудь ему соперникомъ Биронъ? Рѣшеніе вопроса находилось, слѣдовательно, въ рукахъ русскаго правительства, а оно не присылало Симолину никакихъ дополнительныхъ инструкцій, хотя уже приближался день открытія ландтага. „Военный совѣтникъ Алуа объ успѣхѣ своей негоціаціи начинаетъ сомнѣваться“, доносилъ Симолинъ, „ибо всякій на меня смотритъ, а не видитъ болѣе, какъ (то) что я донынѣ въ семъ дѣлѣ весьма индифферентно поступаю, и никто понять не можетъ, для чего я ни здѣшнему правительству, ниже депутатамъ кирхшпилей никакихъ министеріальныхъ внушеній или декларацій не чиню.“

Дѣйствительно, бо́льшая часть депутатовъ прибыли на ландтагъ съ порученіемъ отъ своихъ кирхшпилей домогаться

возвращенія герцога Эрнста-Іоанна, а Симолинъ только *подъ рукою* могъ имъ внушать, что это едва ли согласно съ видами императрицы. Открытіе ландтага послѣдовало 22-го августа (2-го сентября). Ландботенъ-маршалъ, коимъ былъ баронъ Шёппингъ, произнесъ при этомъ рѣчь, которая ясно клонилась къ тому, чтобы выставить кандидатуру принца Карла въ выгодномъ свѣтѣ. Затѣмъ баронъ Шёппингъ, съ депутаціей отъ рыцарства, сдѣлалъ визитъ русскому резиденту; они просили у него совѣта, какъ имъ поступить въ такомъ деликатномъ дѣлѣ какъ избраніе герцога; ибо, — говорили они,—на одномъ письмѣ коронаго канцлера Малаховскаго и на совѣтахъ Алуа имъ невозможно основать столь важное рѣшеніе. Мнѣніе Симолина имѣло бы, слѣдовательно, большой вѣсъ въ настоящемъ случаѣ, но онъ могъ позволить себѣ сказать только, что по причинѣ дружбы своей къ королю Польскому, ея величеству, конечно „не непріятно будетъ слышать о возстановленіи его высочества принца Карла герцогомъ курляндскимъ“. *

Наконецъ, на третій день послѣ свиданія съ депутаціей отъ ландтага, когда всѣ умы были въ величайшемъ смущеніи и когда, какъ выражается Симолинъ, „дѣло въ самомъ великомъ кризѣ было“, пришла депеша изъ Петербурга, въ которой графъ Воронцовъ сообщалъ извѣстное уже намъ рѣшеніе конференціи: содѣйствовать возведенію принца Карла на тронъ Кетлеровъ, „согласно съ соизволеніемъ императрицы“. При этомъ резиденту ставилось въ обязанность „о семъ дѣлѣ старанія присовокупить и для того съ военнымъ совѣтникомъ Алуа во всемъ откровенно и согласно поступить“, а чинамъ курляндскимъ внушать, что благоволеніе къ нимъ государыни усилится, если они скрѣпятъ ея союзъ съ королемъ Польскимъ избраніемъ принца Карла. Это заявленіе было шагомъ впередъ, но только однимъ шагомъ; графъ Воронцовъ не далъ ни одного изъ тѣхъ обѣщаній, которыхъ домогались въ своихъ меморіяхъ Алуа и Прассъ, такъ что

---

* См. реляцію Симолина отъ 29-го августа и приложенный къ ней Diarium ландтага.

Симолинъ, который хотѣлъ бы имѣть болѣе инициативы въ совершавшемся вокругъ него, рѣшился нѣсколько дополнять смыслъ полученной имъ инструкціи и внушалъ обращавшимся къ нему „сей фаворабельный случай не упускать“. Но все это было недостаточно для Курляндцевъ. Выслушивая внушенія Симолина, они уклонялись отъ рѣшительныхъ обязательствъ, говоря, что дѣло это общее и ни отъ кого въ частности не зависитъ, что впрочемъ у нихъ всѣхъ совѣсть связана прежнею присягой, и что, наконецъ, — говорили болѣе откровенные, — религія принца Карла есть весьма важное противъ него возраженіе. „И теперь, говорили они, отъ республики противъ здѣсь жительствующихъ католиковъ никакого правосудія показывано не было,“ чего же ждать, когда принцъ католическаго исповѣданія будетъ у насъ герцогомъ! Симолинъ доносилъ, что у оберъ-ратовъ происходятъ безпрестанныя совѣщанія и сборища прибывшихъ депутатовъ, а оберъ-ратамъ, замѣчалъ онъ, естественно не хочется разстаться съ властію, которою они облечены въ отсутствіи герцога. Они выдвигаютъ на первый планъ вопросъ объ обязательствахъ въ отношеніи Бирона, и ихъ образъ мыслей раздѣляетъ большинство депутатовъ. 27-го августа (7-го сент.) Симолинъ сообщилъ ландтагу формальнымъ образомъ о видахъ нашего двора. Декларація его была выслушана довольно холодно. Однако Симолинъ, собственными комментаріями придавая участію русскаго правительства въ настоящемъ дѣлѣ больше значенія, чѣмъ сколько обнаруживалось изъ рескриптовъ получаемыхъ изъ Петербурга, успѣлъ поколебать сомнѣнія нѣкоторыхъ депутатовъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, доносилъ онъ отъ 29-го августа, уже потребовали отъ своихъ кирхшпилей „про запасъ“ секретныхъ инструкцій въ пользу принца Карла. Съ своей стороны, сильно агитировали Алуа и баронъ Мирбахъ. Мирбахъ произнесъ, въ засѣданіи 27-го августа, длинную и искусную рѣчь, въ которой доказывалъ какъ для Курляндіи важно и необходимо согласоваться съ видами русскаго правительства, и что надо воспользоваться настоящимъ случаемъ, когда виды этого грознаго сосѣда и

интересы Курляндіи совершенно совпадаютъ. Все это, конечно, не оставалось безъ вліянія на ландтагъ; но если русское правительство дѣйствительно интересовалось кандидатурой принца Карла, то оно должно было бы дѣйствовать открыто и не теряя времени, потому что ландтагу предстояло приступить къ избранію делегата отъ герцогства на польскій сеймъ и къ начертанію ему инструкціи: а отъ этой инструкціи и отъ личности этого делегата дѣло могло получить то или другое направленіе. Делегатомъ былъ избранъ самъ ландботенъ-маршалъ, расположенный къ кандидатурѣ принца Карла; за то при обсужденіи инструкціи настроеніе Курляндцевъ выразилось въ смыслѣ ему неблагопріятномъ. * Сторонники принца внесли проектъ такой инструкціи, въ которой между прочимъ возлагалось на делегата представить королю и республикѣ, что хотя коронный маршалъ и заявилъ бывшему ландтагу о потерѣ всякой надежды на возстановленіе Бирона, но собраніе тѣмъ не менѣе проситъ его величество сдѣлать еще разъ представленіе въ пользу герцога; затѣмъ, если по письму коронаго канцлера, „сего ни для помянутаго герцога, ниже ради наслѣдниковъ его получить уже нельзя, и дача лены праздною объявлена будетъ“. — то баронъ Шёппингъ долженъ былъ просить о сохраненіи свѣтскихъ правъ и свободы аугсбургскаго исповѣданія и „объявить о склонности земства къ принцу Карлу“. Итакъ тѣ депутаты, на которыхъ опиралась кандидатура принца, ставили ее въ непремѣнную зависимость отъ формальнаго устраненія прежняго герцога и признанія престола вакантнымъ. Но эта инструкція не была одобрена ландтагомъ, который возложилъ составить другой проектъ на самихъ оберъ-ратовъ, нерасположеніе коихъ къ принцу Карлу было извѣстно. Въ составленномъ ими проектѣ они точно также обязывали делегата требовать прежде всего новыхъ ходатайствъ за Бирона, а въ случаѣ неуспѣшности оныхъ и провозглашенія лена упраздненнымъ, делегатъ долженъ былъ объявить что „мы, — говорила ин-

---

* См. рел. Симолина отъ 4-го сентября и приложенія къ ней.

струкція, — за наивящее наше благополучіе почли бы, когда бы его королевское высочество принцъ Карлъ аугсбургское исповѣданіе принялъ и насъ бы чрезъ то въ состояніе привелъ всенижайше просить, чтобъ его высочеству сіи герцогства въ ленъ отданы были бъ, — тѣмъ наипаче.... что чрезъ то секвестрація и всякія другія съ тѣмъ сопряженныя дѣла прекращены быть могли бъ.“ Такимъ образомъ партія, внесшая второй проектъ, ставила избраніе принца Карла въ зависимость не только отъ провозглашенія лена упраздненнымъ, но отъ сложенія съ Курляндіи всѣхъ счетовъ русскаго правительства и отъ принятія претендентомъ протестантскаго вѣроисповѣданія. Ландтагъ принялъ этотъ проектъ, который внесенъ былъ оберъ-ратами съ просьбой, чтобъ онъ былъ или принятъ безъ измѣненій, или же записанъ въ протоколъ отъ слова до слова: вотъ слѣдовательно о чемъ происходили и къ чему привели тѣ тайныя совѣщанія, на которыя, по словамъ нашего резидента, ежедневно собирались оберъ-раты и часть депутатовъ.

Симолину удалось достать копію съ этого проекта въ тотъ же самый день какъ онъ читался на ландтагѣ. Онъ увидѣлъ, что необходимо спѣшить и дѣйствовать энергически, ибо на слѣдующее утро должно было послѣдовать закрытіе ландтага. Поэтому Симолинъ, не взирая на позднее вечернее время, отправился къ канцлеру барону Говену, куда, по его просьбѣ, былъ приглашенъ и ландъ-гофмаршалъ Сакенъ. „Инструкція, принятая нынче и которую отъ меня, повидимому, скрывали, мнѣ извѣстна: вотъ копія съ нея, сказалъ имъ Симолинъ, и прочитавъ вслухъ этотъ актъ предъ изумленными собесѣдниками своими, прибавилъ, что его необходимо измѣнить. „Но онъ уже принятъ и утвержденъ ландтагомъ“, отвѣчали оберъ-раты, готовые впрочемъ,—какъ они говорили, — сдѣлать все возможное чтобъ избѣгнуть неудовольствія со стороны императрицы Всероссійской. Тогда Симолинъ сообщилъ имъ, какія мѣста въ инструкціи надлежало бы, по его мнѣнію, исправить, и затѣмъ поспѣшилъ къ ландботенъ- маршалу. Изложивъ ему, какъ непріятно было бы русскому двору узнать о такомъ

знакѣ невниманія къ его желаніямъ, онъ просилъ барона Шёппинга заявить объ этомъ, въ качествѣ предводителя ландтага, сеймующимъ чинамъ въ слѣдующемъ же засѣданіи. Окончивъ такимъ образомъ съ офиціальными лицами, Симолинъ возвратился домой, гдѣ ожидали его предварительно приглашенные имъ арендаторы казенныхъ имѣній, и потребовалъ, чтобъ они настаивали на измѣненіяхъ въ инструкціи делегату, подъ опасеніемъ потерять свои аренды.

На слѣдующее утро, маршалъ, вполнѣ преданный Саксонской династіи, передалъ собранію содержаніе сообщенія, сдѣланнаго ему Симолиномъ. Русскій резидентъ, сказалъ баронъ Шёппингъ, находя, что данная мнѣ инструкція противна соизволенію императрицы Всероссійской, „скрыть не можетъ, что рыцарство и земство, чрезъ свои такіе поступки, гнѣвъ ея императорскаго величества на себя навлечетъ, и что отправляемая (въ Петербургъ) депутація за благо не примется, и я сіе разсудилъ бы и рыцарству и земству представилъ, что ея императорское величество и его величество король обнадежить соизволили о избраніи его королевскаго высочества принца Карла герцогомъ курляндскимъ всячески способствовать, которое ея императорское величество всеконечно и дѣйствительнымъ учинить соизволитъ.“ — „Между обоими дворами, — продолжалъ ораторъ, охотно развивая тему Симолина,—состоялось уже о томъ соглашеніе, и ея величество министрамъ своимъ указать соизволила о вступленіи по сему дѣлу съ польскимъ дворомъ въ негоціацію:“ неужели же, заключилъ баронъ Шёппингъ, — не взирая на все это, „земство обоихъ дворовъ гнѣвъ на себя навлечь захочетъ, а въ персонѣ его королевскаго высочества принца Карла найдти раздраженнаго герцога“?...

Такой энергическій образъ дѣйствія, пишетъ Симолинъ, подѣйствовалъ, и въ текстѣ инструкціи, утвержденной уже ландтагомъ, сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія, весьма впрочемъ незначительныя; изъ нея устраненъ былъ довольно безтактный намекъ на снятіе секвестра, какъ бы въ вознагражденіе за избраніе принца Карла, но статьи касав-

шіяся Бирона и вѣроисповѣданія принца оставлены были безъ измѣненія.

Утвержденіемъ инструкціи на приведенныхъ основаніяхъ заключились засѣданія ландтага. Донося о заключительныхъ его дѣйствіяхъ, Симолинъ даетъ чувствовать, что ими руководилъ онъ, и онъ одинъ, и что вся честь успѣха принадлежитъ исключительно ему, такъ какъ ни Мирбаха, ни Алуа уже не было въ Митавѣ. Дѣло въ томъ, однакожъ, что Симолинъ вовсе не имѣлъ достаточныхъ основаній торжествовать побѣду; вопросъ о вѣроисповѣданіи оставался еще весьма сильнымъ оружіемъ противъ принца Карла; формальное провозглашеніе лена упраздненнымъ тоже представляло серіозныя затрудненія, а Биронъ имѣлъ въ средѣ курляндскаго рыцарства довольно сильную и очень дѣятельную партію. * Братъ герцогини, фонъ-Трейденъ, имѣвшій значеніе въ странѣ; баронъ Бутлеръ, каммергеръ и въ продолженіе многихъ лѣтъ русскій резидентъ въ Митавѣ, руководившій дѣломъ избранія Бирона въ герцоги и остававшійся ему преданнымъ; внукъ Бутлера, Плетенбергъ, человѣкъ молодой, но вліятельный, — таковы были наиболѣе видные между партизанами Бирона; кромѣ того, одинъ изъ Кейзерлинговъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ наслѣднымъ герцогомъ Петромъ. Все что̀ дѣлалось въ Митавѣ, было извѣстно въ Ярославлѣ, мѣстѣ жительства Бироновъ, и если протесты членовъ изгнанной фамиліи противъ отнятія у нея правъ на курляндскій престолъ не производили впечатлѣнія въ Петербургѣ, откуда графъ Воронцовъ внушалъ имъ „предаться судьбѣ Всевышняго“ и „довольствоваться ея императорскаго величества милостями“,** то въ Курляндіи придавали несравненно болѣе значенія подобнымъ протестамъ; мы уже видѣли съ какимъ искусствомъ нѣкто, скрывшій свое имя подъ

---

* См. рел. Симолина отъ 24-го сентября, 6-го октября и 20-го ноября Письмо, о которомъ говорится нѣсколько ниже, совѣтовало Курляндцамъ обратиться за помощью къ Пруссіи и Австріи, такъ какъ Россія и Польша нарушаютъ-де права рыцарства.

** *Кур. дѣла* 1758 г., № 9.

псевдонимомъ Sans-réserve, отстаивалъ права Бирона; въ то же время чья-то услужливая рука пустила въ обращеніе письмо подобнаго же содержанія, и это письмо находило многочисленныхъ читателей, какъ свидѣтельствовалъ нашъ резидентъ, предупреждавшій правительство противъ происковъ Бироновой партіи и обращавшій на нихъ его вниманіе.

Впрочемъ, послѣ закрытія ландтага, главнымъ поприщемъ курляндскаго вопроса становилась уже не Митава, а Варшава, гдѣ 27-го сентября (8-го октября) долженствовалъ открыться очередной сеймъ. Нельзя было ожидать благопріятнаго на немъ расположенія умовъ для курляндской автономіи, а потому курляндскіе политики сильно разчитывали на его оппозицію, или же на то что онъ будетъ сорванъ, какъ это случалось неизмѣнно съ самаго начала царствованія Августа. Эти надежды не были обмануты: сеймъ 1758 года закрылся на шестомъ засѣданіи. * Извѣстіе объ этомъ такъ обрадовало оберъ-ратовъ, что они не въ состояніи были скрыть свою радость отъ Симолина. Но вслѣдъ за тѣмъ стали получаться изъ Варшавы тревожныя вѣсти: прошелъ слухъ, будто курляндскій делегатъ, превышая данную ему власть, на аудіенціи у короля прямо просилъ отъ имени своихъ вѣрителей о дарованіи имъ герцога въ лицѣ принца Карла. Этотъ слухъ не замедлилъ подтвердиться. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву, Шёппингъ имѣлъ свиданіе съ короннымъ канцлеромъ, и показалъ ему рѣчь, которую онъ предполагалъ произнести на аудіенціи у короля Прочитавъ ее, графъ Малаховскій съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что въ ней нѣтъ ни слова о принцѣ Карлѣ.** Затѣмъ Шёппингъ былъ приглашенъ къ графу Брюлю, который, прочитавъ проектъ его рѣчи, сдѣлалъ такое же замѣчаніе и присовокупилъ, что король не дозволитъ произнести ее въ своемъ присутствіи, а Курляндія, если она будетъ упорствовать, не-

---

* См. сеймовой журналъ, прил. къ рел. Симолина отъ 27-го сентября.

** Рел. Симолина отъ 6-го и 27-го октября и приложенія къ нимъ

минуемо навлечетъ на себя гнѣвъ русской императрицы. Наконецъ, самъ король пожелалъ просмотрѣть рѣчь курляндскаго делегата и, какъ сообщено было этому послѣднему, объявилъ, что онъ о ней „и слышать не хочетъ, если не будетъ упомянуто о его высочествѣ принцѣ Карлѣ“. Послѣ всего этого Шёппингъ не счелъ умѣстнымъ упорствовать долѣе и написалъ рѣчь въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ король. Тогда онъ былъ допущенъ на аудіенцію. Онъ изъяснилъ между прочимъ, что курляндскіе чины *удостоверились* въ невозможности достигнуть освобожденія стараго своего герцога. „Они поручили мнѣ,—сказалъ онъ,—дабы я въ такомъ случаѣ, еслибы ленъ тѣхъ герцогствъ объявленъ былъ за праздный, донесъ, что рыцарство за наибольшее себѣ благополучіе вмѣняетъ покорно просить о пожалованіи помянутаго лена его королевскому высочеству принцу Карлу, который, чрезъ оныя герцогства въ Петербургъ и обратно ѣдучи, всѣхъ сердца и мысли великими своими достоинствами и благосклонностію подвигнулъ къ высокому своему почитанію“.

Такимъ образомъ, первый шагъ былъ сдѣланъ. Представитель Курляндіи отъ имени своихъ вѣрителей, хотя и безъ полномочія ихъ, торжественно проситъ о дарованіи этой странѣ герцога въ особѣ принца Карла Саксонскаго. Затѣмъ оставалось добиться положительнаго отвѣта о видахъ русскаго двора относительно Бирона и побѣдить сопротивленіе сейма водворенію въ Курляндіи Саксонской династіи. Что касается до видовъ русскаго двора, то съ этой стороны послѣдовало наконецъ категорическое изъясненіе. Правительство наше заявило положительнымъ образомъ, что „ни бывшій герцогъ Биронъ, ни его дѣти, для непремѣняемыхъ питатскихъ государственныхъ правилъ, никогда выпущены быть не могутъ“. * Итакъ, дѣло распутывалось и со стороны русскаго двора, хотя, должно признаться, съ медленностію, которую не легко объяснить. Оставалось отстранить сопротивленіе со стороны Поляковъ. Сеймъ былъ, какъ сказано, разорванъ: это

* Рескриптъ конференціи отъ 7-го октября. *Курл. дѣла* № 7, в.

давало королю право внести курляндскій вопросъ на обсужденіе сената, а сенатомъ было несравненно легче руководить нежели сеймомъ. Графъ Брюль принялъ свои мѣры съ этою цѣлію. Не внося еще дѣла формальнымъ образомъ въ сенатъ, онъ устроилъ частное собраніе изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ въ домѣ перваго свѣтскаго сенатора, каштеляна краковскаго, графа Понятовскаго.* На этомъ собраніи находились: примасъ, бискупъ краковскій Солтыкъ, два брата Чарторыйскіе (воевода русскій и канцлеръ литовскій), коронный канцлеръ графъ Малаховскій, подскарбій литовскій графъ Флемингъ, надворный маршалъ коронный графъ Мнишекъ, князь Масальскій и, наконецъ, русскій посланникъ Россъ. Предполагая всѣхъ этихъ сенаторовъ расположенными содѣйствовать видамъ принца Карла, графъ Брюль и Малаховскій изложили сущность дѣла, а Россъ засвидѣтельствовалъ, что русскій дворъ вполнѣ входитъ въ эти виды и не намѣревается даровать свободы Бирону. Присутствовавшіе со вниманіемъ выслушали сдѣланныя имъ сообщенія и обѣщали переговорить о томъ со своими друзьями. Но когда внесено было въ сенатъ формальное заявленіе о желаніи будто бы курляндскаго рыцарства имѣть принца Карла своимъ герцогомъ и о соображеніяхъ, которыя склоняютъ короля согласиться на желаніе Курляндцевъ, то графъ Понятовскій, Чарторыйскіе, князь Масальскій и нѣкоторые другіе сенаторы выразили мнѣніе, что дѣло, по своей государственной важности, можетъ быть разрѣшено единственно сеймомъ въ полномъ своемъ составѣ:** они понимали, что отдать дѣло на рѣшеніе сейма все равно что похоронить его, такъ какъ сеймы уже пятнадцать лѣтъ сряду не доходили до конца. Дѣло дѣйствительно имѣло государственное значеніе, и рѣшать его на скорую руку казалось тѣмъ неприличнѣе, что, вопервыхъ, образъ воззрѣнія на него польскаго рыцарства былъ уже извѣстенъ, и вовторыхъ, потому что за нѣсколько дней до сенатусъ-кон-

---

* *Дѣла Польск.* 1758 г., № [180]/в; рел. Гросса отъ 20-го сентября

** Реляціи Гросса 21—30-го октября.

соліума полученъ былъ изъ Митавы протестъ оберъ-ратовъ противъ превышенія барономъ Шёппингомъ своихъ полномочій. Тѣмъ не менѣе оно было рѣшено однимъ сенатомъ, и рѣшеніе его оказалось благопріятнымъ для принца Карла. Такъ какъ, гласило сенатское постановленіе, прежній герцогъ „настоящаго владѣнія и правленія не имѣлъ“ (то-есть не управлялъ герцогствомъ лично), а рыцарство не присягало ему на вѣрность, самъ же онъ, состоя на службѣ у сосѣдней державы, подвергся немилости тамошняго государя, у котораго король не могъ до сего времени исходатайствовать его освобожденія; такъ какъ герцогства, находясь 18 лѣтъ безъ герцога, нынѣ просятъ чрезъ своего делегата, въ случаѣ формальнаго признанія курляндскаго престола празднымъ, допустить на оный принца Карла; такъ какъ, съ своей стороны, петербургскій дворъ даетъ нынѣ знать, что ни герцогъ Эрнстъ Биронъ, ни его дѣти освобождены не будутъ, и, наконецъ, такъ какъ „права и вольности тѣхъ герцогствъ, тако жъ и республики, ненарушимо соблюдены быть имѣютъ“,—то сенатусъ-консиліумъ предоставлялъ королю, согласно конституціи 1736 года, даровать курляндскую корону принцу Карлу, съ тѣмъ „чтобы права, привилегіи и преимущества благороднаго шляхетства курляндскаго, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ, соблюдалъ ненарушимо.“ *

Въ Курляндіи, между тѣмъ, умы были сильно раздражены оборотомъ, даннымъ барономъ Шёппингомъ дѣлу о престолонаслѣдіи. Оберъ-раты послали протестъ противъ нарушенія имъ своихъ полномочій, а для обсужденія какъ положенія дѣлъ вообще, такъ и поступка Шёппинга, они пригласили курляндское рыцарство на такъ-называемую *братскую конференцію*, которая назначена была на 24-е ноября. ** По словамъ нашего резидента въ Митавѣ, оберъ-раты (одинъ

---

* Оговорка относительно правъ Курляндіи внесена по представленію Гросса, какъ видно изъ его реляціи отъ 30-го октября.

** О всемъ послѣдующемъ см. реляціи Симолина отъ 20-го октября и 28-го ноября, въ *Дѣл. Курл.* 1758 г., № 6.

изъ нихъ, баронъ Офенбергъ, былъ въ отсутствіи) дѣйствовали очень дружно. По цѣлымъ днямъ, доносилъ Симолинъ, сидятъ они запершись всѣ вмѣстѣ и никого не допускаютъ къ себѣ, кромѣ одного лишь довѣреннаго дѣльца, нѣкоего Цигенгорна, юстицъ-совѣтника,—„общаго правительства здѣшняго консультанта“. Видя такую настойчивость со стороны оберъ-ратовъ и зная настроеніе умовъ въ Курляндіи вообще, Симолинъ начиналъ безпокоиться. „Чаятельно, писалъ онъ, что всѣ креатуры правительства (то-есть оберъ-ратовъ) явятся на братскую конференцію, дабы,—ежели не всѣ преданные интересамъ вашего императорскаго величества, королевскаго польскаго двора и принца Карла на оную пріѣдутъ,—большинствомъ голосовъ достигнутъ намѣреній своихъ. И я, для уничтоженія всѣхъ такихъ хитрыхъ видовъ, принужденъ искать всевозможные способы къ умноженію партіи нашей и къ подкрѣпленію дѣла избранія. Я потому велѣлъ подъ рукою дать знать всѣмъ арендаторамъ, дабы они конечно пріѣхали на братскую конференцію, а кто на оную не будетъ, тотъ лишится своей аренды. И я уповаю, заключалъ Симолинъ, что сіе много подѣйствуетъ.“ Онъ просилъ однакожъ, чтобъ ему доставлены были средства держать открытый столъ во время дворянскаго съѣзда и чтобы, съ другой стороны, къ этому времени, по прежнимъ примѣрамъ, введенъ былъ въ городъ русскій караулъ. Въ то же самое время Симолинъ старался дѣйствовать и на противную партію, усиливаясь расторгнуть ее. Его приводило въ негодованіе, что однимъ изъ главныхъ ея столбовъ былъ Цигенгорнъ, саксонскій уроженецъ; Симолинъ предостерегалъ его чрезъ третье лицо, что подобный образъ дѣйствій можетъ повредить ему въ послѣдствіи. „Сіе увѣщаніе, замѣчаетъ нашъ резидентъ,—весьма расположенный удивляться собственному искусству, — столько успѣха возымѣло, что онъ (Цигенгорнъ) на другой день, чрезъ тайнаго совѣтника Кейзерлинга, извинился мнѣ, что онъ донынѣ обязанъ былъ исполнять приказанія правительства (курляндскаго), но какъ онъ теперь уже своего герцога имѣетъ, то твердо намѣренъ объявить правительству, что онъ больше не будетъ мѣшаться въ семъ дѣлѣ.“ Мы увидимъ, что дѣй-

ствительно Цигенгорнъ перешелъ на сторону принца Карла, но было ли это слѣдствіемъ внушеній Симолина, трудно рѣшить.

Между тѣмъ съ половины ноября рыцарство начало съѣзжаться на конференцію. Несомнѣнная поддержка, оказанная принцу Карлу со стороны какъ варшавскаго, такъ и русскаго двора, приводила въ смущеніе его противниковъ и ободряла его приверженцевъ. Шёппингъ, возвратившійся изъ Варшавы, ни мало, казалось, не опасался грозы, которую собирались поднять противъ него оберъ-раты, и не уставалъ твердить о превосходныхъ качествахъ будущаго герцога. Только-что вернувшійся изъ продолжительнаго отсутствія оберъбургграфъ Офенбергъ громко порицалъ дѣйствія своихъ товарищей, оберъ-ратовъ. Наконецъ, арендаторы казенныхъ амтовъ, исполняя требованіе Симолина, наѣхали въ большомъ количествѣ и готовы были, повидимому, служить покорнымъ орудіемъ видамъ русскаго резидента. Одинъ изъ нихъ, Клопманъ, завернувъ однажды къ Симолину, спрашивалъ его: не будетъ ли ему противно, если, какъ слышно, его, Клопмана, изберутъ въ предсѣдатели братской конференціи? Не имѣя ничего противъ этой кандидатуры, доноситъ Симолинъ, и имѣя поводъ возлагать на нее большія надежды, я „не упустилъ пропозицію сдѣлать *нашей партіи*“, чтобъ она поддержала Клопмана. * Съ своей стороны и оппозиція не отказывалась отъ противодѣйствія, и слова ея начинали отзываться раздраженіемъ. „Не нужно намъ герцога вовсе: намъ же придется его кормить!“ провозглашали иные радикалы.

Конференція открылась 24-го ноября ст. ст. Оппозиція съ яростію накинулась на Шёппинга, но дѣло о немъ не получило дальнѣйшаго хода, потому что собранію представлены были: постановленіе варшавскаго сената, согласіе на оное короля и полномочіе, которое далъ принцъ Карлъ извѣстному намъ барону Мирбаху на заключеніе съ представителями Курляндіи *пактовъ-конвентовъ*, или предварительныхъ обязательствъ, долженствовавшихъ установить взаимныя отношенія между

* Реляція Симолина, отъ 14-го ноября.

нимъ и страной. Отвергать безусловно предлагаемаго претендента не было болѣе разумнаго повода, потому что русская императрица гарантировала, что старый герцогъ никогда болѣе не возвратится, а король Польскій, совмѣстно съ Рѣчью Посполитою (хотя и не въ строго легальной формѣ), дали дѣлу такой оборотъ, что они какъ будто только утверждали волю митавскаго ландтага. Поэтому конференція назначила изъ среды своей коммиссію для обсужденія, вмѣстѣ съ полномочнымъ принца, проекта пактовъ-конвентовъ. Баронъ Мирбахъ былъ Курляндецъ и, какъ можно заключить по его образу дѣйствій, человѣкъ очень ловкій; будучи весьма самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ умѣлъ однакожь внушить довѣріе къ себѣ даже тѣмъ, кто не раздѣлялъ его взглядовъ. Такъ въ настоящемъ случаѣ принцъ Карлъ отправилъ его въ Митаву представителемъ своихъ интересовъ, а между тѣмъ Мирбахъ расположенъ былъ поддерживать его кандидатуру лишь условно. Онъ находилъ, что для Курляндіи весьма опасно оставаться долѣе при номинальномъ герцогѣ, ибо такое положеніе возбуждало въ польскихъ сеймахъ постоянное желаніе поглотить эту страну. Теперь ей представлялся случай упрочить свою автономію возведеніемъ на престолъ новой династіи, равно поддерживаемой и Польшей и Россіей: зачѣмъ же упускать столь благопріятный случай? Но необходимо, говорилъ Мирбахъ, принять мѣры, чтобъ оградить герцогства отъ посягательствъ, къ которымъ можетъ быть расположенъ претендентъ, какъ членъ весьма честолюбиваго Саксонскаго дома, какъ католикъ и какъ человѣкъ, поставленный силою вещей въ двойную зависимость отъ двухъ сосѣднихъ дворовъ. Подобный взглядъ могъ не нравиться лишь Симолину, поддерживавшему принца Карла безусловно, и той части Курляндцевъ, которая добивалась, чтобы при избраніи принца, рекомендуемаго Россіей, снятъ былъ секвестръ съ казенныхъ имѣній. Но ловкій Мирбахъ обезоружилъ эту партію, объявивъ за вѣрное, съ авторитетомъ человѣка, имѣвшаго близкія сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Варшавѣ, что вопросъ о снятіи секвестра уже рѣшенъ, и что

даже указъ объ этомъ подписанъ; „а я не понимаю, сказалъ онъ, почему здѣшній резидентъ этого не знаетъ или, зная, не сообщаетъ“.

Вышеизложенный взглядъ барона Мирбаха на тѣ отношенія, которыя должны были установиться между герцогствомъ и герцогомъ, былъ усвоенъ и всею коммиссіей, которая составляла пакты. Они были внесены въ засѣданіе братской конференціи, $^{5}/_{16}$ декабря, и приняты съ рукоплесканіями; вечеромъ Митава освѣтилась радостными огнями, а на слѣдующее утро собраніе объявлено закрытымъ.

Что касается до самыхъ пактовъ, то читатель найдетъ въ Приложеніяхъ (№ XI) полный текстъ ихъ. Здѣсь достаточно сказать, что проектомъ, выработаннымъ подъ руководствомъ Мирбаха, принцъ Карлъ обѣщалъ вѣрность королю и республикѣ, сохраненіе за герцогствами и ихъ рыцарствомъ и земствомъ принадлежащихъ имъ правъ, равно какъ неприкосновенность господствующаго вѣроисповѣданія и церковнаго управленія; онъ обѣщалъ не строить католическихъ церквей и часовень и не допускать чтобъ ихъ строили; разсмотрѣть на какихъ правахъ основано пребываніе въ герцогствахъ іезуитскихъ и другихъ католическихъ братствъ, сообщить о томъ ландтагу *до приведенія Курляндцевъ къ присягѣ*, и наблюдать, чтобы на будущее время такія братства не заводились. Принцу Карлу предоставлялось устроить въ митавскомъ замкѣ католическую капеллу, но съ оговоркой, что она будетъ уничтожена, когда вступитъ на престолъ герцогъ аугсбургскаго исповѣданія. Вообще ограждеміе Курляндіи отъ напора католицизма составляло, какъ видно, одну изъ главныхъ заботъ коммиссіи, составлявшей пакты.* Кромѣ того, Карлъ долженъ былъ дать обязательство отдавать въ аренду коронные амты не иначе какъ природнымъ Курляндцамъ, *не состоящимъ въ чужестранной службѣ*; не скупать рыцарскихъ маетностей, не входить „своею персоною“ ни въ какія международныя обязательства, не поступать въ иностранную службу и хлопотать, при всеобщемъ замѣ-

---

* См. Приложенія XII.

реній, *чтобы герцогства были гарантированы въ своихъ правахъ* всѣми державами и, наконецъ, *милостиво выслушать рыцарство и земство, если они до учиненія присяги* (которая должна была произойдти по выдачѣ принцу инвеституры) *о чемъ-либо станутъ ходатайствовать.*

Таковъ былъ проектъ пактовъ, представленныхъ Курляндцами претенденту. Они не могли понравиться принцу, принадлежавшему къ дому, извѣстному своимъ католическимъ усердіемъ и своими стремленіями къ неограниченной власти. Можно сказать, что правительство короля Августа оскорбилось, получивъ изъ Митавы подобные пакты; оно находило, что Курляндцамъ не предоставлено договариваться съ своими герцогами (какъ будто возможно устранить договоръ, когда есть избраніе!): это ясно выражено въ *Ремаркахъ* на митавскій проектъ, сообщенныхъ изъ Варшавы нашему двору. Варшавскіе министры находили совершенно неумѣстными слѣдующія выраженія въ самомъ приступѣ къ проекту договора: „господа оберъ-раты,—сказано тамъ, — рыцарство и земство наше предложеніе (относительно написанія пактовъ) приняли со всякимъ благодареніемъ и съ вышепомянутымъ уполномоченнымъ нашимъ министромъ *постановили слѣдующіе пункты.*“—„Курляндцы, читаемъ мы въ *Ремаркахъ*, не имѣютъ такого права, чтобы предписывать своимъ государямъ посредственныя или безпосредственныя кондиціи и отрѣшать права и узаконенія *постановленныя* отъ того, коего они признали и признаютъ за верховнаго своего государя; но токмо могутъ настоять въ томъ, дабы все, что̀ пожаловано имъ отъ ихъ государя, и что̀ получили они въ силу заключенныхъ между герцогомъ Готгардомъ Кетлеромъ и между королемъ и Польскою республикой конвенцій, было содержано и соблюдаемо свято и ненарушимо, и если какія жалобы должно поправить, то могутъ представлять своему государю.“ Что же касается до герцога курляндскаго, продолжаетъ составитель *Ремарокъ*, то онъ и власти не имѣетъ дать то, что̀ въ помянутыхъ конвенціяхъ не означено, „а изъ сего довольно явствуетъ, что многіе артикулы сей кон-

венціи, заключенной съ г. Мирбахомъ, во всемъ противны формѣ правительства, конституціямъ и регламентамъ коммиссій польскихъ чиновъ.“ Далѣе, по поводу пунктовъ, обязывавшихъ принца Карла отказаться отъ безусловной свободы распоряжаться казенными амтами, отъ права отдавать ихъ въ аренду Курляндцамъ, находившимся на службѣ иностранныхъ правительствъ (въ числѣ которыхъ можно было подразумѣвать и польское), и особенно по поводу запрещенія покупать имѣнія у частныхъ лицъ, авторъ *Ремарокъ* съ негодованіемъ замѣчалъ, что Курляндцы хотятъ лишить своего герцога правъ принадлежащихъ каждому простому дворянину; далѣе, относительно требованія отъ принца обязательства не вступать ни въ какую иностранную службу, и домогательства, чтобы международнымъ актомъ была ограждена политическая и религіозная свобода герцогствъ, правительство короля Августа замѣчало: „невозможно загладить являющейся въ томъ явной недовѣренности къ правительству и верховной власти республики. Сіе есть тайный проискъ и протекція иностранныхъ державъ противъ республики.“

Но самое сильное негодованіе возбудили въ Варшавѣ предосторожности, принятыя Курляндцами относительно вопросовъ вѣры; „справедливо ли то будетъ, восклицаетъ составитель *Ремарокъ*, требовать, чтобы католики полученнаго и имѣвшаго позволеніе при герцогахъ-лютеранахъ лишились подъ владѣніемъ принца, рожденнаго отъ отца и матери ревностно католицкій законъ исповѣдующихъ?“ Между тѣмъ пакты были утверждены отъ имени принца Карла и даже съ такою оговоркой, что онъ позволяетъ чинамъ высказать и дальнѣйшія свои желанія до принесенія ими присяги, обѣщая „оныя милостиво выслушать“, а въ дѣйствительности тѣмъ самымъ обязываясь признать и принять всѣ требованія, какія Курляндцы пожелали бы сдѣлать. Мирбахъ совершенно опуталъ принца Карла. По зрѣломъ обсужденіи, руководители послѣдняго рѣшили, что король выдастъ ему *временный* дипломъ на управленіе страной, что приняты будутъ рѣшительныя мѣры для подавленія курляндской оппози-

ціи и что до того времени ему слѣдуетъ подписать митавскіе пакты съ большими оговорками. Поэтому въ данной принцемъ ратификаціи *, свидѣтельствуясь въ намѣреніи своемъ „не вводить никакихъ перемѣнъ и новостей“ ни въ духовныхъ, ни въ гражданскихъ дѣлахъ, онъ присовокупляетъ: „но какъ сверхъ того, въ означенномъ отъ нашего полномочнаго соглашенномъ договорѣ, разныя никогда отъ нашихъ предмѣстниковъ не требованныя, ниже дозволенныя новости вмѣшаны,“ то указывая на тѣ же самыя статьи пактовъ, на которыя было указано и въ *Рекларкѣ*, принцъ Карлъ замѣчалъ: „оные пункты, нашимъ вышепомянутымъ уполномочнымъ въ скорости и подъ претекстомъ, чтобы не остановить негоціаціи,—въ противность точнаго содержанія данной ему отъ насъ единственно на древнихъ договорахъ и земскихъ узаконеніяхъ расположенной полной мочи,—хотя и приняты были, однакожь съ нашей стороны никогда ратифицированы быть не могутъ.“ Не взирая на то и вопреки одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ митавскаго акта, принцъ Карлъ, титулуя себя герцогомъ и дѣлая видъ, что все дѣло улажено и что остается обдѣлать лишь мелкія подробности, заявлялъ, что получивъ отъ короля, верховнаго государя Курляндіи, временный дипломъ, въ ожиданіи узаконенной инвеституры, онъ въ непродолжительномъ времени созоветъ ландтагъ для принятія присяги и окончательнаго соглашенія.

Что касается до Симолина, то мы должны признаться, что онъ былъ совершенно одураченъ. Полагаясь на свое вліяніе, онъ не довольно бдительно, повидимому, слѣдилъ за дѣйствіями коммиссіи вырабатывавшей пакты; узнавъ объ окончаніи ея работъ, онъ писалъ въ Петербургъ, съ самодовольствіемъ, заключающимъ въ себѣ много комическаго: „благодареніе Богу! сія трудная и сумнительная негоціація къ безсмертной славѣ вашего императорскаго величества нынѣ окончена“. Лишь тогда уже, когда пакты были подписаны, онъ замѣтилъ, что ставя герцогу въ обязанность не давать аренды Курляндцамъ, служащимъ иностраннымъ государямъ, ком-

---

* *Дѣло о избраніи* и пр. въ *Дѣл. Курл.* 1758 г., стр. 340.

миссія могла имѣть въ виду между прочимъ и тѣхъ, которые служили въ Россіи. Симолинъ поспѣшилъ, хотя и post-factum, замѣтить Мирбаху, что при составленіи пактовъ не было обращено никакого вниманія на совѣты русскаго двора. На это торжествующій Курляндецъ отвѣчалъ съ величайшею развязностію, что рекомендаціи императрицы всероссійской, до кого бы онѣ ни касались, не могутъ не быть уважены, но такъ какъ со стороны русскаго резидента, котораго, — прибавлялъ Мирбахъ не безъ иронія, — безъ сомнѣнія, зналъ, благодаря своему высокому положенію въ краѣ, о содержаніи пактовъ, еще до внесенія ихъ въ конференцію, не было предъявлено никакого протеста, то онъ и рѣшился подписать этотъ актъ вмѣстѣ съ прочими.... Симолинъ отвѣтилъ на это письмо другимъ, которое онъ старался сдѣлать сколь возможно колкимъ; но для колкости надо нѣсколько веселости, а у Симолина не могло быть весело на душѣ. Напротивъ того, баронъ Мирбахъ, по закрытіи конференціи, съ величайшею развязностію и такою же любезностію сдѣлалъ ему визитъ, разсыпался въ увѣреніяхъ преданности, и признавая за собой нѣкоторую опрометчивость въ подписаніи пактовъ, сваливалъ это на совѣты Алуа, который между тѣмъ скакалъ на почтовыхъ въ Варшаву.

Настоящій случай былъ большимъ дипломатическимъ пораженіемъ, но пораженіемъ, которому подверглась не столько политика русская, сколько ея представитель въ Митавѣ; Симолинъ былъ одураченъ, но у графа Воронцова попрежнему оставались,—какъ онъ выражался,—„руки развязанными“ дѣлать дальнѣйшія уступки, или не дѣлать ихъ. Вопросъ о снятіи секвестра и объ уступкѣ претензій на курляндскую казну все еще не былъ разрѣшенъ. Теперь наступало время разрѣшить и этотъ вопросъ и вообще опредѣлить отношенія Россіи къ герцогу курляндскому. Воронцовъ предполагалъ внести все это на обсужденіе конференціи; но прежде онъ пожелалъ узнать мнѣніе резидента, пребывающаго въ Курляндіи. Оскорбленное самолюбіе раскрыло глаза Симолину. Въ отвѣтной своей депешѣ, отъ 27-го декабря, онъ весьма

ясно и вѣрно изображаетъ положеніе настоящаго дѣла и предупреждаетъ правительство уже не противъ партіи враждебной принцу Карлу, а противъ руководителей принца. „Изъ внушеній и поступковъ бывшихъ здѣсь полномочныхъ его королевскаго высочества герцога, то-есть Мирбаха и особенно Алуа,—пишетъ онъ,—видится подлинно, что прилагается стараніе со стороны польской, дабы Курляндію какъ ни есть вывесть совсѣмъ изъ коннекціи у Россійской имперіи.... и Алуа о семъ съ нѣкоторыми здѣшними дворянами дѣйствительно говорилъ.“ То же самое, продолжалъ онъ, видно и изъ пактовъ: лишь служащіе въ русской службѣ получаютъ здѣсь аренды,—очевидно, слѣдовательно, противъ кого направлено ограниченіе герцогскаго права раздавать казенныя земли служащимъ у сосѣднихъ державъ. Между тѣмъ существованіе партіи преданной намъ, которую умѣлъ образовать Петръ Великій, Симолинъ считалъ необходимою для славы Имперіи и ея интересовъ, а потому полагалъ, что русскому двору слѣдуетъ не только настоять на исключеніи изъ пактовъ ограниченія въ раздачѣ казенныхъ земель, но что надобно владѣть въ странѣ и непосредственно распоряжаться нѣкоторыми имѣніями. По-настоящему, писалъ Симолинъ, до окончанія войны не слѣдовало бы снимать секвестра со всѣхъ этихъ имѣній, а только выдавать герцогу съ нихъ доходы, удерживая за собой распоряженіе ими; но если это признано будетъ невозможнымъ, то должно не упускать изъ вида по крайней мѣрѣ того, что собственныя имѣнія Бирона ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ отчужденію: эти имѣнія куплены Бирономъ на свое частное имя и на русскія деньги. Далѣе, заключалъ Симолинъ, надлежитъ требовать свободнаго отправленія богослуженія для православныхъ, права имѣть въ Митавѣ православную церковь, права жительства и торговли для русскихъ купцовъ, права свободнаго прохода для нашихъ войскъ и обязанности со стороны здѣшнихъ помѣщиковъ выдавать бѣглыхъ русскихъ крестьянъ.

По потокъ, въ продолженіе цѣлаго года увлекавшій нашу политику въ сферу саксонскихъ интересовъ, мчался съ прежнею силой. Конференція рѣшила, что въ ознаменованіе друж-

бы императрицы къ Польскому королю и расположенія къ принцу, необходимо покончить съ претензіями русскаго правительства на Курляндію и снять наложенный на тамошнія коронныя земли секвестръ, о чемъ графъ Воронцовъ и увѣдомилъ графа Брюля. * По разчету, который находится въ дѣлахъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, цифра этихъ претензій простиралась къ началу 1759 года до 3.665.207 р. 71 к.

Итакъ все, что могло сдѣлать русское правительство для своего союзника, было сдѣлано, и даже болѣе. Принцъ Карлъ поспѣшилъ прибыть въ Петербургъ, чтобы выразить императрицѣ свою признательность и заключить съ нею договоръ въ качествѣ курляндскаго герцога. Онъ пріѣхалъ 18-го (29-го) марта, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Митавѣ, гдѣ, по его свидѣтельству, сдѣланъ былъ ему самый восторженный пріемъ (чему противорѣчитъ донесеніе Симолина), и приступилъ къ переговорамъ. Такой старый дѣлецъ какъ Воронцовъ не могъ не замѣтить, что странно заключать обязательства съ принцемъ, положеніе котораго было весьма не твердо и не прочно, которому не принесена присяга, и самыя права котораго на престолъ Курляндіи были крайне сомнительны: все это было болѣе чѣмъ очевидно, но потокъ продолжалъ увлекать русскую политику, а Воронцовъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые рѣшаются идти противъ теченія. 1-го іюня былъ подписанъ актъ, въ которомъ императрица торжественно объявляла, что хотя и имѣетъ немаловажныя претензіи на вотчины и имѣнія „бывшаго“ герцога Курляндскаго, равно какъ и на герцогство, но „по особливой къ его величеству королю польскому и къ республикѣ сосѣдственной дружбѣ, и по отмѣнному доброжелательству къ его высочеству“, она произносила торжественное за себя и за преемниковъ своихъ отреченіе отъ всѣхъ этихъ пре-

---

* Вѣдомость объ этихъ претензіяхъ находится въ дѣлѣ *О избраніи* и пр., стр. 374, а относительно сообщенія графа Воронцова см. тамъ же французскій брульйонъ отъ 23-го марта.

тензій, объявляла о снятіи секвестра „съ сего числа“ со всѣхъ имѣній и имуществъ, находившихся подъ запрещеніемъ, и предоставляла оныя въ полное владѣніе принца. Изъ этого исключались лишь, какъ и представлялъ Симолинъ, личныя имѣнія Бирона; они были оставлены попрежнему въ завѣдываніи русскаго резидента въ Курляндіи,—в прочемъ, „до будущаго рѣшенія“. Все это выражено во вступленіи помянутаго акта. Затѣмъ, въ послѣдующихъ его пунктахъ утверждалось за Россіей: 1) право соорудить въ Митавѣ и содержать на собственномъ иждивеніи православную церковь и домъ для церковно-служителей, 2) право содержать (на чьемъ иждивеніи, не видно) домъ для русской миссіи, въ которомъ проѣзжающіе черезъ Митаву офиціальныя лица могли бы останавливаться; 3) выговорено было, чтобы какъ проѣзжимъ русскимъ купцамъ, такъ и тѣмъ, которые пожелаютъ поселиться въ герцогствѣ, пріобрѣсть свои дома и открыть торговлю, было оказываемо имущественное и личное защищеніе, согласно существующимъ въ Курляндіи постановленіямъ и привилегіямъ, взамѣнъ чего и они обязываются во время пребыванія въ герцогствѣ платить всѣ публичныя подати наравнѣ съ прочими жителями; 5-й пунктъ опредѣлялъ право свободнаго прохода русскихъ войскъ чрезъ территорію герцогства; 6-й — обязанность мѣстныхъ властей въ Курляндіи заготовлять для этихъ войскъ, согласно предварительному извѣщенію, квартиры и потребное для ихъ содержанія, за плату. Слѣдующими пунктами возлагалась на Курляндію обязанность содержать, во все продолженіе настоящей войны, существующіе магазины наполненными, такъ чтобы проходящія войска могли изъ нихъ продовольствоваться, за плату же (п. 7); снабжать проходящія войска нужнымъ количествомъ подводъ, дровъ и лѣса, за предварительно-условленную цѣну (п. 8); девятымъ пунктомъ выговаривался свободный входъ въ курляндскія гавани для русскихъ галеръ и другихъ судовъ, экипажи коихъ могли получать пропитаніе также за плату. Относительно арендной суммы съ возвращаемыхъ имѣній полагалось, чтобы по Ивановъ день 1759 года

платежи поступали въ русскую казну, а послѣ того эти имѣнія должны были поступить „въ полную его высочества герцога курляндскаго диспозицію“, причемъ рекомендовались благосклонному вниманію герцога лица покровительствуемыя Россіей; 11-мъ пунктомъ постановлялись нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ устройства почтъ и слѣдованія русскихъ курьеровъ; наконецъ пунктомъ 12-мъ герцогъ обѣщалъ „стараться“, чтобъ этотъ актъ былъ „объявленъ“ на первомъ имѣющемъ собраться ландтагѣ.*

Вотъ все что̀ выговорено въ пользу Россіи взамѣнъ тѣхъ уступокъ, которыя она сдѣлала для возведенія на курляндскій престолъ саксонскаго принца. Мнѣ казалось не лишнимъ подробно изложить весь ходъ дѣла объ этомъ избраніи въ виду весьма распространеннаго въ исторической литературѣ мнѣнія, будто принцъ Карлъ былъ „излюбленникомъ“ Курляндцевъ, и что удаленіе его изъ Митавы, случившееся при Екатеринѣ, было совершено вопреки единодушному желанію его подданныхъ и съ попраніемъ всѣхъ предшествовавшихъ обязательствъ. Относительно чувствъ Курляндіи къ принцу Карлу мы видѣли истину; въ этомъ отношеніи самые подозрительные скептики не могутъ заподозрить приводимыя мною свидѣтельства, ибо русскій резидентъ, поддѣлываясь подъ настроеніе своего правительства, скорѣе могъ преувеличивать расположеніе чѣмъ нерасположеніе къ саксонскому принцу ландтаговъ и братской конференціи. Что же касается до нарушенныхъ будто бы Екатериною правъ, слѣдовало бы предварительно рѣшить, существовали ли эти права? былъ ли дѣйствительно *избранъ* принцъ Карлъ? могъ ли онъ безъ самообольщенія почитать себя герцогомъ Курляндіи? Не было ли самообольщеніемъ и со стороны его покровителей признавать его за владѣтельнаго герцога, заключать съ нимъ

---

* Согласно принятому плану, текстъ этого договора слѣдовало бы помѣстить въ Приложеніяхъ; но за нимъ нельзя признать международнаго значенія, такъ какъ принца Карла невозможно почитать правильно избраннымъ герцогомъ Курляндіи.

договоры, принимать отъ него грамоты и т. п.? Въ продолженіе трехъ лѣтъ между нимъ и его нареченными подданными не послѣдовало соглашенія, и въ минуту кончины его покровительницы, русской императрицы, курляндскія дѣла оставались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ были на другой день послѣ закрытія братской конференціи 1759 года.

IV.

Двоякое вліяніе Россіи на Польшу. — Московскій договоръ 1686 года. — Люблинскій сеймъ и династическія стремленія Августа II. — Договоръ 1709 года. — Договоръ Берлинскій 1720 года. — Характеристика польскихъ партій. — Чарторыйскіе. — Порученіе генерала Веймарна. — Соглашеніе по вопросу о диссидентахъ между Россіей и Пруссіей; протестантскіе и православные диссиденты; жалобы Ѳеофана Леонтовича и Георгія Конисскаго.—Ослабленіе русскаго вліянія въ Польшѣ.

Вліяніе наше на Польшу было двоякое, — по дѣламъ религіознымъ и по дѣламъ чисто политическимъ. Многочисленный единоплеменный и единовѣрный народъ, слагавшій обширное государство, не могъ, по самой силѣ вещей, не оказывать вліянія на массу русскихъ и православныхъ жителей Польскаго государства, а слѣдовательно и на польское правительство. Девятою статьей Московскаго договора 1686 года это вліяніе было узаконено. Въ помянутой статьѣ, между прочимъ, значится: „....постановили, что великій государь, его королевское величество, церквамъ Божіимъ и епископіямъ: Луцкой и Галицкой, Премышльской, Львовской, Бѣлороссійской и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ: Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской, и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой греко-россійской вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людемъ, въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ той же вѣрѣ оставающимъ, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велитъ, и быти то не имѣетъ, и по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти. А понеже нынѣшнимъ Кіева въ сторону ихъ царскаго величества отъятіемъ, епископомъ вышеупо-

мянутамъ въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ, по духовному ихъ чину и обыкновенію довелось примати благословеніе и рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита: и то никому изъ нихъ въ милости его королевскаго величества вредити не имѣетъ....“

Такимъ образомъ духовное главенство надъ польскими православными подданными признавалось за митрополитомъ русскимъ, русскимъ подданнымъ, и вѣротерпимость въ отношеніи православныхъ становилась подъ гарантію международнаго акта, противъ нарушенія котораго русское правительство могло при каждомъ случаѣ протестовать. Московскій договоръ былъ очень неблагосклонно принятъ въ Польшѣ; про уполномоченныхъ съ польской стороны распространили молву, будто они допустили подкупить себя русскимъ дворомъ. Король Янъ III ратификовалъ договоръ, говорятъ, со слезами на глазахъ; тѣмъ не менѣе едва ли кто-нибудь изъ современниковъ, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Москвѣ, могъ оцѣнить всю важность вышеприведенной IX статьи Московскаго трактата. Въ Польшѣ негодовали и сердились за допущенныя этимъ трактатомъ поземельныя уступки, но только въ исходѣ XVIII вѣка оцѣнена была Поляками вся важность предоставленнаго Россіи покровительства ея зарубежнымъ единовѣрцамъ и подчиненія ихъ духовному начальству кіевскаго митрополита. Во время такъ-называемаго *Долгаго* сейма (1788—92) представленъ былъ сеймующимъ чинамъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: * „Въ 1686 г., при Іоаннѣ III (Собѣсскомъ), воспослѣдовало подтвержденіе Андрусовскаго замиренія. Кіевъ сдѣлался столицей митрополіи, и греки, живущіе въ Польшѣ, привыкли почитать грековъ россійскихъ начальниками своими, или, по крайней мѣрѣ, пріятельскимъ обществомъ. Пришло время царствованія и замѣшательства Августа II. Достопамятная для него дружба Петра Великаго можетъ служить началомъ основательнаго неуніатовъ польскихъ съ россійскимъ духовенствомъ соединенія. Неуніаты тамошніе и особливо ихъ духовенство

---

* *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1861 г.

и науки, да и самое настроеніе заимствовали изъ Россіи. Митрополія кіевская высшимъ была ихъ начальствомъ; хотя неуніаты по своему мѣстопребыванію принадлежали Польшѣ, а умысломъ и склонностью къ Россіи: словомъ, польскіе неуніаты были россійскою епархіей."

Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, хотя они были произнесены съ цѣлію возбудить сеймъ противъ Россіи; вліяніе Кіева съ пребывающею въ немъ православною митрополіей на православное населеніе западнаго края было дѣйствительно громадно и могло стать могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства. Но независимо отъ того, историческія событія доставили ему весьма сильное вліяніе и въ чисто политической сферѣ. „Достопамятная дружба" Петра I съ Августомъ II положила прочное основаніе этому вліянію. Возвративъ своему союзнику престолъ, отнятый у него Карломъ XII, русскій царь вскорѣ призванъ былъ умиротворить страну, взволнованную до дна, и примирить народъ съ его королемъ. Не любя Августа, какъ Нѣмца, и основательно опасаясь его династическихъ видовъ, очень значительная часть Польши отказывалась было признать его королемъ и упорно стояла за Станислава Лещинскаго. Наконецъ, утомясь десятилѣтнимъ междуусобіемъ, многіе изъ числа знатныхъ Поляковъ стали выражать желаніе, чтобы русскій царь взялся установить покой въ ихъ отечествѣ. Докося о сдѣланныхъ по этому поводу заявленіяхъ, тогдашній русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Гр. Ѳ. Долгоруковъ, предупреждалъ царя, что, по всей вѣроятности, рыцарство не согласится помириться съ королемъ безъ гарантій со стороны послѣдняго. Это было сообщено королю, который тоже призывалъ посредничество Россіи.

Дѣло завязывалось важное,—одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя царь дѣлалъ собственными руками. Въ началѣ 1716 года онъ долженъ былъ отправиться въ Германію, къ Пирмонтскимъ водамъ. Навстрѣчу ему, въ Гданскъ, выѣхало множество магнатовъ; прибылъ и самъ король, и здѣсь, между пированіями по поводу бракосочетанія царевны Екатерины Іоанновны, министры короля Польскаго съ министрами царя

Русскаго устраивали судьбу Польши. На первой же происходившей между ними конференціи (24-го марта) были, между прочимъ, постановлены слѣдующія достопамятныя условія. Для окончательнаго умиренія Польши предположено было собрать сеймъ, на которомъ послу царскому быть въ качествѣ медіатора, „дабы обѣ партіи къ примиренію привесть, а ежели которая партія на добрыхъ кондиціяхъ помириться не похочетъ, чтобы въ такомъ случаѣ онъ, посолъ, объявилъ, что его царское величество другую возьметъ (подъ свою протекцію) и противъ той, которая примириться не хочетъ, себя объявитъ". Въ послѣдствіи, къ этому, и безъ того весьма знаменательному, заявленію присоединено было условіе, что „въ нужномъ случаѣ онъ, посолъ, имѣть будетъ полный указъ къ генералу царскому Рену, чтобъ оный, по его опредѣленію, съ войсками царскаго величества изъ Украйны маршировалъ и противъ того дѣйствовалъ, кто внутреннему покою противенъ". Эти-то кондиціи препровождалъ царь въ Петербургъ при извѣстномъ письмѣ своемъ сенату: „Господа сенатъ, о здѣшнемъ объявляю, что дѣло между королемъ и Рѣчью Посполитою почитай окончили, ибо пункты, на чемъ быть миру, между королевскими министрами и послами конфедератскими здѣсь на мѣрѣ постановили, и обѣ стороны приняли, и отданы послу князю Долгорукову, который идетъ въ Ярославль и тамъ яко медіаторъ при съѣздѣ вершить будетъ, съ которыхъ актовъ посылаю при семъ списокъ, изъ коихъ увидите, что *сами* (Поляки) *такъ себя обязали въ волю медіаторскую, что вихнуть нельзя.*" Послѣ долгихъ споровъ, нѣсколько разъ приводившихъ едва не къ полному разрыву, умиротвореніе послѣдовало, и 3-го ноября (н. ст.) заключенъ былъ въ Люблинѣ между королемъ и представителями его народа актъ, подписанный, между прочимъ, и русскимъ посломъ-медіаторомъ. Это былъ собственно не международный актъ, но онъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что къ постановленію, касающемуся чисто внутреннихъ дѣлъ Рѣчи Посполитой, прикладывалъ свою подпись иностранный министръ. Мы не имѣемъ надобности разбирать во всей по-

дробности Люблинскій трактатъ, но полагаемъ нужнымъ указать на нѣкоторыя черты его. * Чины и станы Рѣчи Посполитой соглашались принять сторону своего короля въ войнѣ его противъ Швеціи и постановляли оборонять отечество противъ Карла XII; съ своей стороны они требовали, чтобы саксонскія войска были въ опредѣленный срокъ выведены изъ предѣловъ республики, причемъ означены были даже маршруты для различныхъ колоннъ этого войска; для личной охраны короля предоставлялось ему имѣть въ Варшавѣ саксонскую гвардію, которая, однако, ни въ какомъ случаѣ не должна была превосходить 1.200 человѣкъ, въ чемъ ея непосредственный начальникъ, полковникъ, долженъ былъ дать присягу. Далѣе, воспрещалось королю имѣть при себѣ въ Варшавѣ министровъ и сановниковъ саксонскихъ; ему дозволялось содержать лишь небольшую канцелярію, изъ шести человѣкъ, для сношеній съ наслѣдственными его землями; онъ не долженъ былъ отлучаться изъ Польши болѣе двухъ разъ въ годъ и находиться въ отлучкѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ сложности, причемъ ссылка на болѣзненное состояніе не принималась во вниманіе. Король обязывался отнюдь не смѣшивать управленія двухъ подвластныхъ ему государствъ и не управлять Польшей посредствомъ саксонскихъ министровъ, а Саксоніей посредствомъ польскихъ.... Этихъ указаній достаточно, чтобъ уразумѣть, какъ фальшивы, неискренни и натянуты были отношенія короля къ его польскимъ подданнымъ,—а имѣя это въ виду, не трудно представить себѣ, какой широкій доступъ открывали эти отношенія медіатору во внутреннія дѣла Польши. Стоило одной изъ саксонскихъ колоннъ своротить, при слѣдованіи въ отечество, съ назначенной дороги, стоило одному лишнему саксонскому чиновнику пріѣхать въ Варшаву, и медіаторъ получалъ возможность протестовать. Правда, по духовнымъ дѣламъ князь Долгоруковъ былъ очень уступчивъ

---

* Подлинникъ, на латинскомъ языкѣ, въ Моск. арх. иностр. дѣлъ, о подробностяхъ же любопытныхъ переговоровъ по этому дѣлу см. *Ист. Россіи* Соловьева, т. XVI.

и допустилъ подтвердить въ Люблинскомъ актѣ прежнія конституціи, запрещавшія диссидентамъ (иновѣрцамъ) публичное отправленіе богослуженія, возведеніе храмовъ, и т. п.; но утвержденіе посломъ Петра Великаго этихъ статей Люблинскаго акта не могло уничтожить силы формальнаго и торжественнаго, верховною властію ратифицированнаго Московскаго договора, и, — какъ доказали послѣдствія, — Петръ весьма часто и сильно протестовалъ противъ притѣсненій, чинимыхъ православнымъ обывателямъ западной Руси.

Положеніе, въ которое поставила себя Польша по отношенію къ царю, не могло, естественно, не тяготить ея, и менѣе всѣхъ былъ имъ доволенъ король Августъ. Сѣверный союзникъ его становился между нимъ и его польскими подданными и наносилъ страшный ущербъ его власти, утвердить и упрочить которую, установленіемъ въ Польшѣ наслѣдственнаго престола, было постояннымъ стремленіемъ саксонской политики. Документы, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, доказываютъ, что Августъ надѣялся сдѣлать Петра орудіемъ своихъ династическихъ видовъ, но что въ дѣйствительности Петръ умѣлъ воспользоваться тайными домогательствами Польскаго короля въ интересѣ собственной политики. Такъ, въ 1709 году былъ предначертанъ трактатъ, въ которомъ, между прочимъ, постановлялось, что царь будетъ способствовать признанію, еще при жизни Августа, наслѣдникомъ польской короны старшаго его сына.* Этотъ договоръ былъ составленъ саксонскими министрами и уполномоченнымъ со стороны Россіи, Литтой, но не былъ ратифицированъ Петромъ. Августу не удалось употребить силы Россіи для организованія обширнаго государства рядомъ съ нею, а между тѣмъ тайна саксонской политики въ отношеніи Польши была разоблачена Петромъ и сдѣлалась въ его рукахъ могущественнымъ оружіемъ противъ весьма ненадежнаго союзника.

Случай употребить это оружіе не замедлилъ представиться. Смерть Карла XII и вступленіе на шведскій престолъ

---

* См. Реестръ трактатовъ съ Польшей, договоръ $^{11}/_{22}$ октября.

Фридриха I открыли сѣвернымъ союзникамъ виды на сепаратныя соглашенія со Швеціей, болѣе или менѣе выгодныя. Дворы Лондонскій и Вѣнскій вызвались быть посредниками между Фридрихомъ и Августомъ, Августъ поспѣшилъ принять ихъ предложеніе, а Петръ, опасаясь чтобъ его союзникъ не только не покинулъ его, но и не примкнулъ къ его врагамъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ принять противъ того мѣры. Онъ обратился къ королю Прусскому.

Отношенія Пруссіи къ Польшѣ были довольно сходны съ нашими. Подобно тому какъ восточныя области Рѣчи Посполитой были населены единовѣрцами и единоплеменниками Россіи, въ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ воеводствахъ польскихъ, — въ Самогитіи, Варміи, Инфляндахъ, Познани и др., жило много Нѣмцевъ и диссидентовъ евангелическаго исповѣданія, а Пруссія, заодно со Швеціей, издавна выставляла себя защитницей духовныхъ интересовъ всего протестантскаго міра и провозгласила это въ Оливскомъ договорѣ (1660 г.). Нѣсколько лѣтъ послѣ этого договора, именно въ 1686 году, заключенъ былъ между Пруссіей и Швеціей союзъ, въ трактатѣ о коемъ было заявлено, что интересъ договаривающихся державъ требуетъ охраненія мира и спокойствія въ Польшѣ, и что эти державы „какъ возможно стараться будутъ, чтобы при всякихъ приключающихся случаяхъ въ королевствѣ и въ Рѣчи Посполитой польской, права и привилегіи цѣлы и ненарушимы пребывали.“ * Итакъ Пруссія, равно какъ и Швеція, еще за тридцать лѣтъ до Люблинскаго акта и медіаціи князя Долгорукова, пришли къ той же политической системѣ относительно Польши, какъ и Петръ. Поэтому въ настоящихъ обстоятельствахъ Русскому царю и Прусскому королю не трудно было вступить между собой въ соглашеніе, тѣмъ болѣе что они оба имѣли причины тревожиться сближеніемъ Августа съ королемъ Англійскимъ и съ императоромъ Германскимъ: Петръ—потому что боял-

---

* Трактатъ, выписка изъ второй секретной статьи коего приведена здѣсь, находится въ копіи при одной изъ реляцій русскаго посланника въ Берлинѣ, графа А. Головкина, см. *Дѣла Прусск.* 1720 г., № 5.

ся союза его со Швеціей, Фридрихъ-Вильгельмъ — потому что опасался упроченія Саксонской династіи на польскомъ престолѣ. Тѣмъ не менѣе тѣсный союзъ, котораго оба государя желали, встрѣтилъ значительныя препятствія; они были воздвигнуты политикой Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ, которые, стремясь расторгнуть Сѣверный союзъ, убѣдили шведское правительство сдѣлать значительныя уступки Пруссіи и заключить съ нею отдѣльный миръ. Весьма естественно, что Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ компрометтировать себя въ такую минуту предъ Швеціей формальнымъ соглашеніемъ съ опаснѣйшимъ изъ ея противниковъ, но онъ охотно согласился дать царю негласное, однакожъ торжественное обязательство, что ни въ какомъ случаѣ не обратитъ оружія противъ Россіи. Вслѣдствіе этого, и переговоривъ предварительно съ королемъ, но сохраняя глубокую тайну даже въ отношеніи его министровъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ графъ А. Головкинъ привезъ прямо въ его кабинетъ коротенькій договоръ, состоящій всего изъ трехъ пунктовъ, который Фридрихъ-Вильгельмъ тутъ же подписалъ и скрѣпилъ своею кабинетною печатью 6-го (17-го) февраля 1720 года, въ Потсдамѣ, получивъ отъ графа Головкина обѣщаніе, что и царь дастъ совершенно такое же обязательство. Первый пунктъ этого трактата касался предполагаемаго мира Пруссіи со Швеціей, третій — взаимной гарантіи владѣній договаривавшихся государей, а второй — польскихъ дѣлъ. Онъ изложенъ слѣдующимъ образомъ:

„Оба ихъ величества хотятъ нынѣ и впредь особливо на то смотрѣть, дабы Рѣчь Посполитая и при своихъ вольностяхъ, основаніяхъ и конституціяхъ, ея правахъ и привилегіяхъ всегда ненарушимо содержана была; если же королевскій польскій дворъ ко опроверженію Рѣчи Посполитой какія клонящіяся намѣренія окажетъ, или Рѣчь Посполитую туда склонять будетъ, дабы оная приступила къ учиненному недавно въ Вѣнѣ союзу между цесаремъ и королями великобританскимъ и польскимъ, или суверенная и самовластная правленія видъ въ Польшу по малу ввести захочетъ, то его королевское величество прусское и его царское величество совѣтомъ и дѣломъ не только тому противляться, но и Рѣчи Посполитой сильно вспомоществовать будутъ, дабы сіе отставлено и все въ прежнемъ состояніи и основаніи въ Польшѣ

содержано было; наипаче же никакимъ образомъ не будетъ допущено, чтобъ курпринцъ саксонскій на престолъ польскій ни при животѣ королевскомъ, ниже по его смерти возведенъ былъ, противъ чего хотятъ его королевское величество и его царское величество всѣ свои попеченія и труды приложить и всѣ сильныя средства употребить. Не меньше того и впредь хотятъ также оба ихъ величества въ польскихъ дѣлахъ не токмо откровенно другъ другу сообщать и соглашаться, но и далѣе общія мѣры, смотря по конъюнктурамъ, предвосприимать." *

Таковъ актъ, утверждавшій роковое для Польши соглашеніе между Россіей и Пруссіей. Должно замѣтить при этомъ, что тайный трактатъ 1720 года далеко не открываетъ всей степени единомыслія установившагося между Петромъ и его союзникомъ по польскому вопросу; какъ велико оно было, намъ указываютъ переговоры, происходившіе въ Берлинѣ въ 1719 году. ** Въ виду происковъ Англіи и Австріи, при Варшавскомъ дворѣ, царь, какъ сказано, пожелалъ сблизиться съ Пруссіей и утвердить это сближеніе формальнымъ актомъ. По заявленіи объ этомъ графа Головкина, въ мартѣ была сообщена ему прусскимъ правительствомъ программа договора, на основаніи которой, и согласно сдѣланнымъ въ Петербургѣ замѣчаніямъ, составленъ былъ проектъ, сообщенный русскому правительству въ сентябрѣ, потомъ измѣненный еще разъ въ ноябрѣ. Въ обоихъ этихъ проектахъ возвѣщалось о намѣреніи договаривающихся дворовъ не допускать Августа установить наслѣдственную форму правленія, поддерживать шляхетскія вольности, словомъ, повторялось то же что̀ вошло въ трактатъ 1720 года, но кромѣ того, въ числѣ предположеній Пруссіи, на которыя Россія не возражала, было положено не допускать избранія въ короли польскіе никого кромѣ шляхтичей поль

---

* Трактатъ этотъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не былъ напечатанъ; онъ находится въ Приложеніяхъ, подъ № XIII; что же касается до извѣстій о томъ какъ онъ заключенъ, то объ этомъ см. реляцію графа Головкина отъ 21-го февраля въ *Дѣлахъ Прусск.* 1720 года подъ № 5.

** *Пруск. Дѣла* 1719 г., №№ 5, 11 и 14.

скихъ. „Если чрезъ королевскую смерть или его уступленіе королевство порожно станетъ, никоторый изъ княжескаго дому урожденный принцъ, но нѣкоторый изъ польскаго природнаго шляхетства, при которомъ (еже прежнія времена свидѣтельствуютъ) вольность народная всѣхъ лучшую имѣетъ безопасность, чрезъ порядочное вольное избраніе оное королевство получилъ.“ * Точно также Прусскій дворъ предлагалъ, а Русскій не противился, соединить свои силы для защищенія диссидентовъ. По этому поводу предполагалось постановить слѣдующее: „Его королевское величество прусское и его царское величество хотятъ такожде всѣ свои попеченія, старанія и труды приложить дабы именуемыхъ диссидентами, какъ протестантской такъ и греческой церкви, отъ утѣсненія и гоненія, по се время бывшаго, освободить, дабы такое насильство не только на предбудущее время развратить (sic), но и въ обидѣ и насильствѣ, — которыя имъ понынѣ, чрезъ заключеніе ихъ церквей и отдачу ихъ римскимъ католикамъ и еще многими иными образы противъ государственныхъ уложеній, нанесены, — какъ наискорѣе управа дана была.“.

Трактатъ, въ который предполагалось включить эту статью, какъ сказано, не состоялся, а въ актѣ 1720 года ничего не говорилось о диссидентахъ; но изъ выше изложеннаго видно, что виды русскаго и прусскаго правительствъ были въ этомъ отношеніи совершенно согласны, и что слѣдовательно могущественный рычагъ, которымъ въ послѣдствіи дѣйствовали въ Польшѣ Екатерина и Фридрихъ II, былъ выкованъ еще гораздо ранѣе, почти за полвѣка до Радомской конфедераціи. Петру не удалось употребить его въ дѣло, а его преемники выпустили изъ рукъ этотъ рычагъ, хотя статьи о покровительствѣ диссидентамъ вносились во всѣ трактаты заключавшіеся съ Пруссіей, начиная съ трактата 1726 года; но дипломаты писали о необходимости защищать диссидентовъ и ссылались на права въ этомъ отношеніи представляемыхъ державъ, въ дѣйствительности же проте-

---

* См. въ упомянутомъ дѣлѣ, подъ № 11, *Проектъ*.

стантскіе, и еще болѣе православные иновѣрцы Польскаго государства были все болѣе и болѣе тѣснимы до тѣхъ поръ, пока сначала изъ Берлина, а потомъ и изъ Петербурга не вздумали наконецъ перенести дѣло о нихъ съ пергамена на реальную почву. Что же касается до рѣшенія поддерживать въ Польшѣ избирательную форму правленія и шляхетскія вольности, то къ нему присоединился и Стокгольмскій дворъ, какъ видно изъ трактата заключеннаго имъ съ Петромъ 22-го февраля (2-го марта) 1724 года.

XVIII вѣкъ былъ эпохой высшаго развитія всѣхъ причудливыхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, выработанныхъ своеобразною исторіей Польши, шедшей почти во всемъ наперекоръ исторіи остальной Европы. Въ то время какъ на всемъ европейскомъ материкѣ монархическая власть усиливалась и достигала своего апогея, а личная свобода гражданъ все болѣе и болѣе приносима была въ жертву государственному порядку, когда вездѣ падало вліяніе духовенства на свѣтскія дѣла, и свобода совѣсти была признана священнымъ правомъ людей, въ Польшѣ религіозныя гоненія достигли небывалыхъ размѣровъ, монархическое начало падало съ каждымъ новымъ царствованіемъ, и правительственная власть потеряла наконецъ почти всякое значеніе; за то принципъ личной свободы достигъ въ этой странѣ такого развитія, какого онъ не имѣлъ и не имѣетъ ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. Разумѣется, этою почти безграничною личною свободой пользовались лишь весьма немногіе: не только не весь народъ, но и далеко не все шляхетство, а лишь небольшое число значительнѣйшихъ магнатовъ. Польскій магнатъ уподоблялся вассалу феодальныхъ временъ: онъ имѣлъ свой замокъ, свой дворъ, свое войско, простиравшееся иногда до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; нѣкоторые магнаты содержали своихъ собственныхъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ, какъ, напримѣръ, гетманъ Браницкій при Константинопольскомъ, и каждый изъ такихъ магнатовъ былъ полнымъ самодержцемъ въ предѣлахъ своихъ маетностей надъ всѣмъ, что находилось на поверхности и въ нѣдрахъ принадлежавшей ему земли, надъ

озерами, рѣками и дорогами, надъ полями и лѣсами, надъ церквами и корчмами, надъ пернатыми и косматыми жителями лѣсовъ, надъ четвероногими, пасущимися на лугахъ, и надъ двуногими, обитающими въ лачугахъ. Все похищенное у центральной власти шло на усиленіе власти магнатовъ. Признавая свои владѣнія за нѣчто самостоятельное и ставя свои фамильные интересы на высоту интересовъ династическихъ, словомъ, уподобляя себя монархамъ, польскіе магнаты *вступали въ союзъ* съ Россіей, Пруссіей или Франціей, приглашали ихъ войска на помощь себѣ и своимъ и принимали *субсидіи* отъ своихъ заграничныхъ *союзниковъ*. „Мы республиканцы и государи, говорили польскіе вельможи, — и соблюдаемъ только свои выгоды.“ * Когда одинъ изъ агентовъ русскаго правительства, въ разговорѣ съ князьями Чарторыйскими, выразилъ удивленіе, что иностранные дворы разсыпаютъ въ Польшѣ массы золота, то получилъ въ отвѣтъ: „безъ этого во всѣхъ республикахъ, а тѣмъ болѣе здѣсь, ничего нельзя сдѣлать“. Мы сами, прибавили Чарторыйскіе, съ нѣсколькими родственниками, роздали болѣе 100.000 ефимковъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. ** Очевидно, въ ихъ глазахъ всякій свободный шляхтичъ имѣлъ право служить кому хотѣлъ: польскому королю, русскому императору или какому-либо иному государю. Это было дѣло его *политики*.

Такое безграничное развитіе личной свободы и признаніе каждаго магната какъ бы независимымъ государемъ образовало тѣ партіи, которыя терзали и наконецъ растерзали на части Польшу. „Вы понимаете, monseigneur, — писалъ одинъ изъ князей Любомірскихъ графу Бестужеву,—что въ странѣ свободной, какъ мое отечество, съ наилучшими намѣреніями, но не имѣя опоры въ большомъ числѣ друзей, можно достигнуть цѣли лишь съ величайшею трудностію.“ *** Ошибочно было бы думать при этомъ, что эти „друзья“

---

* *Борьба за польскій престолъ* Герье.

** Донесеніе генерала Веймарна, въ *Дѣлахъ Польскихъ* 1756 г.

*** *Дѣла польск.* 1757, № 14.

группировались съ цѣлію доставить торжество тѣмъ или другимъ политическимъ началамъ, той или иной правительственной программѣ. Партій подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ нынѣ въ странахъ пользующихся политическою свободой и которыя, возбуждая своимъ взаимнодѣйствіемъ жизнь и самодѣятельность націи, регулируютъ въ то же время ходъ государственной машины,—такихъ партій въ Польшѣ не было; эти „республиканцы и государи“ стремились разорвать государство, котораго они считались первенствующими сынами, а не скрѣпить его, какъ дѣлаютъ партіи нынѣшнихъ конституціонныхъ государствъ. Вотъ почему французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Шуазель, политическій другъ Польши, писалъ французскому посланнику въ Варшавѣ о тамошнихъ партіяхъ: „Раздоры вельможъ образуютъ тамъ партіи, которыя слѣдуютъ одному лишь внушенію своего интереса или личной вражды, и которыя, дабы воспользоваться щедротами двора (Версальскаго), то записываютъ въ немъ, то вооружаются противъ него.“ * По свидѣтельству одного русскаго посланника въ Польшѣ, „всѣ французскіе партизаны были, четыре года тому назадъ, соединены съ гр. Мнишкомъ (преданнымъ саксонскому двору), но съ того времени отдѣлились отъ него за разными партикулярными интересами.“ Такъ коронный гетманъ Браницкій, прибавляетъ князь Волконскій, — отсталъ отъ своихъ родственниковъ Чарторыйскихъ, чтобы не подумали, будто они имъ управляютъ. Гетманъ польный литовскій Масальскій оставилъ русскую партію послѣ того, какъ не удались ему старанія доставить, при содѣйствіи Россіи, мѣсто коадъютора Виленской епархіи своему племяннику. Очевидно, партіи, руководимыя подобными интересами, не могутъ быть названы политическими партіями въ строгомъ значеніи этого слова; но такъ какъ въ нихъ заключается тѣмъ не менѣе *фокусъ политической* жизни Польши и точка опоры различныхъ политическихъ вліяній извнѣ, то не безполезно сдѣлать очеркъ каждой изъ этихъ партій.

---

* *Hist. de la diplomatie franç.*, p. Flassan., VI, 135.

Въ началѣ второй половины XVIII вѣка ихъ было три: придворная, французская и русская. Августъ III былъ добродушнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простодушнѣйшій изъ смертныхъ. Можно сказать, что онъ ничего не наслѣдовалъ отъ блестящаго отца своего, кромѣ подагры и широкихъ бровей, суровый видъ которыхъ страннымъ образомъ противорѣчилъ общему выраженію его румянаго, добродушнаго лица. Цѣлый день этотъ здоровый и добрый король либо ходилъ по комнатѣ, либо молился Богу; по вечерамъ, какъ только наступалъ часъ, установленный этикетомъ, онъ спѣшилъ на половину королевы. Не менѣе своего супруга добродѣтельная, королева была и скучна столько же какъ онъ. Отъ этой, во многихъ отношеніяхъ достойной почтенія, четы старые придворные Августа II, участники его шумныхъ пировъ, сторонились какъ отъ чумы: веселыя преданія Варшавы пропадали; пріемныя комнаты зáмка, равно какъ и палацы окружавшіе королевскій зáмокъ, пустѣли,—и среди этой-то пустоты первенствовалъ и господствовалъ саксонскій министръ графъ Брюль, человѣкъ гремѣвшій своимъ богатствомъ и своею роскошью и оставившій единственнымъ слѣдомъ своего существованія прекрасную террасу въ Дрезденѣ и прекрасный домъ въ Варшавѣ. Графъ Брюль, будучи Саксонцемъ, не имѣлъ, по силѣ Люблинской конституціи, права проживать постоянно въ Варшавѣ; но онъ пріобрѣлъ въ королевствѣ небольшое имѣніе, а Чарторыйскіе помогли ему причислиться къ польскому дворянству. Сдѣлавшись такимъ образомъ польскимъ шляхтичемъ, Брюль могъ уже, не нарушая закона, получить въ Польшѣ нѣсколько старостъ и другихъ крулевщизнъ, которыя приносили ему отъ 70 до 80 тысячъ злотыхъ годоваго дохода, въ добавокъ къ доходамъ его саксонскихъ имѣній. Это мирило его съ Польшей, но не мирило съ нимъ Польши. Его роскошное гостепріимство и заискивающія манеры не привлекали къ нему Поляковъ; они уклонялись отъ его праздниковъ столько же, какъ отъ скуки и этикета, царствовавшихъ въ королевскомъ зáмкѣ. Придворная партія была самою ничтожною между всѣми партіями,

раздѣлявшими польское дворянство. По статистикѣ польскихъ партій составленной нашимъ посланникомъ въ 1756 году, насчитывалось въ той изъ нихъ, которая именовалась придворною, не болѣе 16 именъ и то по большей части незначительныхъ. * Самое видное между ними мѣсто занималъ гр. Мнишекъ, наслѣдникъ одного изъ первыхъ именъ въ государствѣ, но человѣкъ способностей посредственныхъ. Впрочемъ, онъ дозволялъ женѣ своей руководить собой, а жена его была дочь графа Брюля, который и былъ душой и руководителемъ придворной партіи.

Въ сороковыхъ годахъ, французскій дворъ сталъ употреблять серіозныя усилія, чтобы составить себѣ партію въ Польшѣ. Варшава издавна признана была французскою политикой весьма удобнымъ пунктомъ для образованія силы, противодѣйствующей возрастающему могуществу Россіи. Недовольный возведеніемъ на польскій престолъ саксонскаго курфирста, въ ущербъ Станиславу Лещинскому, Версальскій кабинетъ содержалъ съ тѣхъ поръ въ Варшавѣ лишь второстепенныхъ агентовъ, но эти агенты имѣли достаточно полномочій и денегъ чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. Французскіе резиденты естественно обратились прежде всего къ старымъ приверженцамъ Лещинскаго,—Потоцкимъ,—и безъ труда усвоили имъ виды своего правительства. Эта знаменитая фамилія была такъ многочисленна и имѣла такое большое число кліентовъ, что одна она была уже значительною силой въ рукахъ Франціи: только одна фамилія Чарторыйскихъ могла противодѣйствовать ей. Но такъ какъ Чарторыйскіе находились въ холодныхъ отношеніяхъ ко двору, то французская партія естественно сблизилась съ придворною, у Чарторыйскихъ же ей удалось похитить одного изъ самыхъ видныхъ, по своему положенію и богатству, магнатовъ, вполнѣ отвѣчавшаго своими качествами и недостат-

---

* Это и другія свѣдѣнія о партіяхъ и личностяхъ заимствованы главнѣйше изъ донесеній генерала Веймарна, князя Волконскаго и Гросса, см. въ *Дѣлахъ Польскихъ* 1756 года.

ками идеалу *старожитной* Польши, и потому чрезвычайно популярнаго,—великаго гетмана коронnаго графа Браницкаго. Это былъ старый рубака и старый волокита, отмѣнно щедрый и гостепріимный, болѣе тщеславный нежели честолюбивый, и болѣе способный быть представителемъ чѣмъ руководителемъ партіи. Въ весьма преклонныхъ уже лѣтахъ онъ женился на дочери каштеляна краковскаго Понятовскаго (родной сестрѣ будущаго короля) и породнился такимъ образомъ съ Чарторыйскими. Но брачныя узы не перемѣнили старыхъ привычекъ разгульнаго вельможи. Построивъ для молодой жены своей Бѣлостокскій замокъ,—этотъ граціозный образцикъ затѣйливой архитектуры,—и поставивъ ее полною надъ нимъ хозяйкой, гетманъ нашелъ, что онъ сдѣлалъ для нея все что̀ слѣдовало, и устроивъ себѣ особый гаремъ, пировалъ въ немъ вмѣстѣ со своими старыми собутыльницами. Съ своей стороны, молодая графиня не замедлила, по словамъ современниковъ, приблизить къ особѣ своей генерала Мокроновскаго, замѣчательнаго столько же мужественною красотой, сколько и тѣми поэтическими порывами къ свободѣ и славѣ, которые дѣлаютъ Поляковъ такими увлекательными политическими говорунами. Этотъ мечтательный умъ, странымъ образомъ привившійся на серіозномъ характерѣ, видѣлъ спасеніе родины въ неуклонномъ подражаніи старожитной Польшѣ и гибель отечества въ мысляхъ, проповѣдуемыхъ Чарторыйскими, а такъ какъ французскій резидентъ въ Варшавѣ зналъ, какое вліяніе имѣютъ жены польскихъ магнатовъ на своихъ мужей и какъ важно имѣть на своей сторонѣ гетманшу, чтобы располагать гетманомъ, то генералу Мокроновскому отпускаемо было изъ суммъ французской миссіи 3.000 талеровъ ежегодной пенсіи. Пруссія съ своей стороны давала содержаніе секретарю графа Браницкаго, на котораго дѣйствовали такимъ образомъ два, и въ данную минуту, два противоположныя вліянія. Французское вліяніе превозмогло; гетману было обѣщано изъ Парижа выставить его кандидатомъ въ короли послѣ смерти Августа II (котораго, впрочемъ, онъ былъ ровесникъ).

Таковы были главныя лица французской партіи, которая блистала громкими именами своихъ членовъ, пользовалась сочувствіемъ шляхетства, льстя его преданіямъ и привычкамъ, и которую французская политика успѣла сблизить съ королемъ и графомъ Брюлемъ. Партія эта была многочисленна и представительна, но ее едва ли можно было почитать важною политическою силой, потому что она не имѣла въ виду никакой серіозной цѣли и не заключала въ себѣ никакихъ государственныхъ и политическихъ стремленій. Несравненно болѣе ея имѣла значеніе въ этомъ отношеніи партія Чарторыйскихъ; это была, можно сказать, первая въ Польшѣ вполнѣ политическая партія, съ опредѣленною программой, съ ясно сознанными политическими идеалами. Князья Августъ и Михаилъ Чарторыйскіе были въ числѣ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей при дворѣ Августа II; когда же первый изъ нихъ, благодаря чрезвычайно выгодному браку, сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей Рѣчи Посполитой, а второй занялъ мѣсто канцлера литовскаго, то эта древняя, но захудалая фамилія достигла такой высоты, какой рѣдко достигали частные люди даже въ старинной, вельможной Польшѣ. Объ этихъ личностяхъ, сильно выдающихся изъ среды своихъ соотечественниковъ, было писано весьма много, но едва ли мы найдемъ гдѣ-нибудь болѣе вѣрный и въ то же время болѣе художественный ихъ портретъ какъ въ сочиненіи Рюльера,* писателя далеко не безукоризненнаго, но даровитаго, и который въ настоящемъ случаѣ умѣлъ избѣгнуть весьма обыкновенныхъ въ его сочиненіи односторонности и декламаціи. „Никогда“, говоритъ Рюльеръ, —

„природа не создавала двухъ братьевъ съ болѣе противоположными другъ другу качествами, но и болѣе, каждый по-своему, способныхъ послужить партіи. Они пользовались равнымъ уваженіемъ, хотя и по разнымъ причинамъ, и едва ли кто въ состояніи былъ бы сказать, кто изъ нихъ старшій и глава фамиліи. Одинъ, воевода русскій, женившійся на богатой вдовѣ, сохранялъ посреди своего колоссальнаго богатства и царской роскоши строгую экономію, отличался въ по-

* *Histoire de l'Anarchie de la Pologne.*

веденіи своемъ большимъ тактомъ, а въ манерахъ тою серіозностію, которая возбуждаетъ довѣріе. Онъ лично надзиралъ за всѣми администраторами своихъ имѣній; но эта бдительная рачительность князя Августа, умножавшая его средства, не дѣлала его глухимъ къ нуждамъ его друзей и кліентовъ, связывая въ то же время, при помощи безпрестанныхъ займовъ у него, дѣла всего польскаго дворянства съ его дѣлами и нерѣдко сосредоточивая въ его рукахъ весьма значительныя суммы, которымъ онъ могъ въ данную минуту дать то или другое направленіе. Онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного воеводства въ другое, имѣя въ каждомъ изъ нихъ обширныя владѣнія; во время пребыванія въ этихъ имѣніяхъ, окрестное дворянство стекалось къ нему,—могущественному и надежному покровителю, магнату привлекающему къ себѣ своею представительностію, своимъ вліяніемъ и щедростію, пользующемуся огромною репутаціей благоразумія, честности и правдивости, и вполнѣ способному склонить общественное мнѣніе въ пользу задуманнаго имъ дѣла. По словамъ людей хорошо знающихъ положеніе Рѣчи Посполитой, князь Августъ могъ располагать четвертою частію всего рыцарства. Вся эта масса его приверженцевъ еще издавна предназначала его къ престолу; но будучи однихъ лѣтъ съ королемъ (Августомъ III), онъ имѣлъ мало вѣроятности ему наслѣдовать, и честолюбіе,—эта первая страсть его юности,—мало-по-малу засыпало въ его сердцѣ. Страной овладѣвала какая-то распущенность; слѣдуя общему потоку, и онъ могъ позволить себѣ предаваться особаго рода лѣни, въ которую нерѣдко погружается честолюбіе, не нашедшее удовлетворенія. Ему начинали уже ставить въ упрекъ, что онъ предлагаетъ самые благоразумные совѣты съ какимъ-то равнодушіемъ или пренебреженіемъ и не даетъ себѣ труда поддерживать свое мнѣніе серіознымъ образомъ. Казалось, что будучи попрежнему признаваемъ многочисленными приверженцами своими кандидатомъ на престолъ, онъ предоставлялъ имъ самимъ заботу о своемъ возвышеніи. *

„Его братъ Михаилъ, руководимый съ молодыхъ лѣтъ опытнымъ государственнымъ человѣкомъ (Флемингомъ) и достигшій званія великаго канцлера литовскаго, отличался знаніемъ людей и искусствомъ въ дѣлахъ. Умъ предпріимчивый и настойчивый, коротко знакомый съ интригами республиканскаго общества, свѣдущій въ искусствѣ организовать партіи на сеймикахъ, онъ зналъ характеръ, имена и

---

* Послѣдняя часть портрета не совсѣмъ вѣрна: князь Августъ, равно какъ его братъ, начали устраняться отъ дѣлъ уже тогда, когда ихъ замѣнили сначала русское вліяніе и князь Репнинъ, а потомъ партія, имѣвшая во главѣ Игнатія Потоцкаго и Коллонтая.

связи, по малой мѣрѣ, болѣе ста тысячъ шляхтичей, изъ коихъ съ каждымъ онъ могъ объясняться по поводу ихъ собственныхъ дѣлъ или различныхъ случаевъ ихъ жизни. Проницательный взглядъ его мгновенно угадывалъ въ каждомъ ту пружину, которая способна заставить его дѣйствовать; но его характеръ дѣлался иногда опаснымъ для него самого и вреднымъ для его собственныхъ видовъ. Это столь важное для главы партіи искусство читать въ сердцахъ людей сообщало его уму такую ѣдкость, что онъ не въ состояніи бывалъ удержаться отъ ироніи даже и тогда, когда желалъ нравиться. Онъ въ совершенствѣ зналъ законы и принятыя на каждый случай формы; умѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ обращать ихъ въ свою пользу или уклоняться отъ ихъ обязательности; во все вмѣшивался, ко всему прилагалъ свою безпокойную дѣятельность, хотѣлъ бы все дѣлать въ республикѣ и добиться, чтобы дворъ пользовался лишь тѣмъ, что̀ дастъ его рука; находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы поддерживать увлеченія противоположныхъ партій, и былъ способенъ, если нужно, поднять бремя народной ненависти.... Собственно ему принадлежитъ оригинальная мысль заставить самые пороки своихъ согражданъ и честолюбіе Россіи послужить дѣлу преобразованія польскаго государственнаго права. Онъ взялъ себѣ за образецъ тѣхъ знаменитыхъ министровъ, которые во время слабыхъ государей пользовались неограниченною властію, которые заставляли народъ склонять голову подъ тяжестію ихъ руки, которые безпощадно топтали пятой своихъ противниковъ, проводили безпощадный уровень надъ всѣми партіями и сообщали государству внѣшній порядокъ. Такого рода славы желалъ достигнуть Михаилъ Чарторыйскій; ему казалось болѣе лестнымъ владѣть безграничнымъ могуществомъ въ качествѣ министра, утвердить въ странѣ настоящую монархію и прекратить въ ней безначаліе, нежели возвести на престолъ брата, зятя или племянника.“

Рюльеръ, такими живыми чертами изобразившій князей Августа и Михаила Чарторыйскихъ, не вполнѣ сочувствуетъ ихъ политической программѣ; но внѣ ея не было спасенія для Польши. Эта программа заключалась въ томъ, чтобы замѣнить систематическую, традиціонную анархію Польши строгимъ порядкомъ, чтобъ уничтожить право каждаго посла (депутата) останавливать рѣшеніе цѣлаго сейма своимъ единоличнымъ несогласіемъ, чтобъ организовать регулярную армію, устроить государственные финансы и сдѣлать власть королевскую наслѣдственною, при чемъ имѣлось въ виду

возвести на престолъ кого-либо изъ „фамиліи“; словомъ, Чарторыйскіе желали бы обратить Польшу въ государство имѣющее монархическую форму правленія, съ сохраненіемъ народнаго представительства.

Возвысившись, какъ сказано, еще при Августѣ II, Чарторыйскіе оставались близкими двору нѣкоторое время и послѣ его смерти; благодаря ихъ вліянію, графъ Брюль, не имѣвшій права, какъ Саксонецъ, постоянно пребывать въ Варшавѣ, былъ принятъ въ среду польскаго шляхетства и сталъ ближайшимъ совѣтникомъ короля въ управленіи польскими дѣлами. Но властолюбивый саксонскій министръ и честолюбивые магнаты не долго оставались въ добрыхъ отношеніяхъ. Чарторыйскіе не могли занимать перваго мѣста въ придворной партіи, потому что оно принадлежало королю, а занять второе не допускалъ ихъ Брюль. Тогда они кинулись въ оппозицію, и въ рядахъ ея не замедлили найдти преданія, которыя въ свою очередь повліяли на всю ихъ дальнѣйшую политическую дѣятельность. На родной сестрѣ ихъ женатъ былъ генералъ Понятовскій, человѣкъ невысокаго происхожденія, достигшій однако своими заслугами и ловкостію званія перваго въ республикѣ свѣтскаго сенатора въ качествѣ каштеляна краковскаго). Въ молодости своей онъ держался стороны Станислава Лещинскаго и воевалъ противъ Русскихъ; но признавъ во́-время силу совершившихся фактовъ, онъ покорился имъ и, въ качествѣ стараго солдата, сожалѣлъ лишь о томъ, что вокругъ него исчезали и послѣдніе слѣды всякаго порядка, всякой дисциплины, въ чемъ онъ вполнѣ сходился съ своими шурьями. Власть твердая и страна спокойная,—таковъ былъ политическій идеалъ стараго каштеляна. Онъ любилъ вспоминать то время, когда Московскій царь принималъ на себя медіацію между королемъ и народомъ, бросая между ними свое могущественное veto. „Это былъ великій человѣкъ, говаривалъ каштелянъ краковскій; я имѣлъ честь быть лично извѣстенъ ему и очень желалъ бы теперь, на старости, взглянуть на его дочь.“ Первое духовное лицо въ Польшѣ, примасъ, точно также

охотно переносился мыслію ко времени медіаціи Петра I и къ Люблинской конституціи. *

Чарторыйскіе едва ли питали сочувствіе къ русскому правительству, но они не могли отрицать его силу, а сильное правительство было именно то, чего они желали для своего отечества. Притомъ, какъ видно изъ дѣлъ хранящихся въ нашихъ архивахъ, русскія войска во время смутъ, сопровождавшихъ воцареніе Августа III, имѣли приказаніе оставлять неприкосновенными ихъ имѣнія, ** изъ чего можно заключить, что между Чарторыйскими и Петербургскимъ дворомъ существовали нѣкоторыя сношенія еще въ то время. Поэтому, когда они разссорились съ графомъ Брюлемъ и убѣдились, что ни Брюль, ни Августъ не въ состояніи водворить прочный порядокъ въ странѣ, а сеймы не захотятъ допустить онаго, сближеніе съ Россіей сдѣлалось для нихъ необходимостію. Но искательство ихъ не вдругъ увѣнчалось успѣхомъ; правительство императрицы Елисаветы не обращало особаго вниманія на польскія дѣла и лишь предъ началомъ Семилѣтней войны увидѣло необходимость серіозно заняться ими. Еще въ 1746 году между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами заключенъ былъ договоръ о взаимной помощи, который весьма тѣсно связывалъ ихъ политику. *** Въ четвертомъ секретномъ сепаратномъ артикулѣ этого договора сказано, между прочимъ, что хотя королева Венгро-Богемская и твердо намѣрена соблюдать заключенный въ Дрезденѣ съ королемъ Прусскимъ миръ, однакожь „въ такомъ случаѣ, когда бы сверхъ всякаго чаянія и противу общаго желанія, его величество король Прусскій сперва отъ такого мира отступилъ“ и сдѣлалъ нападеніе на наслѣдственныя владѣнія королевы Венгро-Богемской, Русской импера-

---

* Въ *Польскихъ дѣлахъ* 1756 г., см. посылку въ Польшу генерала Веймарна и его *Архивъ*.

** Въ архивѣ топографическаго депо, подъ № 43.119—123—3 и 43.123—123—3, хранятся два охранные листа воеводѣ русскому, первый отъ 27-го января 1734 г., за подписью кн. Ал. Шаховскаго, а второй отъ 13-го апрѣля 1735 г., за подписью Воейкова.

*** Прилож. V.

трицы или Польской республики, Дрезденскій миръ слѣдовало почитать нарушеннымъ и его условія ничтожными, а договаривающіяся стороны обязывались оказать одна другой помощь вооруженною рукой. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда едва начинали затихать громы войны за австрійское наслѣдство, уже составлялись комбинаціи въ предположеніи новой войны, которой, по увѣренію Вѣнскаго кабинета, могла ожидать со стороны Прусскаго короля и Россія. Нѣсколько лѣтъ спустя произошло удивившее всю Европу тѣсное сближеніе между Вѣнскимъ и Версальскимъ дворами. Въ Версали заключенъ былъ союзъ (въ 1756 г.), къ которому приступила и Россія; Фридрихъ II, съ своей стороны, вошелъ въ близкія сношенія съ Англіей, и въ обоихъ непріязненныхъ лагеряхъ стали дѣятельно приготовляться къ войнѣ. Русское правительство, обязанное выслать вспомогательную армію противъ Пруссіи, должно было обезпечить себѣ возможность провести ее къ прусскимъ границамъ, а для этого необходимо было согласіе польскаго сейма, для чего, въ свою очередь, надобно было условиться съ вождями русской партіи. Съ этою цѣлію, лѣтомъ 1756 г., посланъ былъ въ Литву, Русь и Польшу генералъ Веймарнъ *. Ему дано было множество писемъ къ вліятельнымъ лицамъ, почитавшимся болѣе или менѣе склонными къ Русскому двору, и нѣкоторая сумма денегъ. Въ дѣйствительности, какъ видно изъ переписки генерала Веймарна съ правительствомъ, оно не знало хорошенько ни состава, ни силы партіи, именовавшейся по преданію русскою; Веймарну предстояло сдѣлать нѣкоторымъ образомъ статистику этой партіи, послѣ чего уже предполагалось прислать въ Варшаву сановное лицо съ надлежащими полномочіями и характеромъ посла. Согласно данной изъ Петербурга инструкціи, генералъ Веймарнъ посѣтилъ въ ихъ замкахъ большое число польскихъ магнатовъ и наконецъ имѣлъ свиданіе съ Чарторыйскими въ имѣніи князя Августа, Пулавахъ **, гдѣ происходилъ между ними разго-

---

* Въ *Дѣлахъ Польск.* 1756 г., см. реляціи Веймарна и его *Архивъ*.

** Подробности объ этомъ см. въ брошюрѣ моей: *Русская политика и русская партія въ Польшѣ.*

воръ, ярко обрисовывающій и характеръ польскихъ партій вообще и требованія ревнителей русскаго союза въ Польшѣ. Поблагодаривъ русскаго генерала за доставленную имъ сумму (6.000 червонцевъ), Чарторыйскіе выразили сожалѣніе, что императорское правительство доселѣ небрегло поддержкой своего вліянія между рыцарствомъ Рѣчи Посполитой, и дали почувствовать, что привезенная сумма довольно незначительна. „Здѣсь, сказали они, наилучшими разсужденіями безъ денежныхъ издержекъ ничего учинить невозможно.“ Взгляните, прибавляли они, на Францію: на послѣднихъ сеймикахъ она издержала до 100.000 гульденовъ. Мы сами, съ нѣсколькими нашими родственниками, чтобъ оказать какое-нибудь сопротивленіе французскому вліянію, въ послѣдніе два года истратили такую же сумму. Но мы—частные люди и не можемъ долго вынести такихъ затратъ. Русское правительство должно бы ассигновать на предметъ Польши отъ 25 до 50.000 ефимковъ ежегодно, да пожертвовать единовременно тысячъ сто. Дѣла очень плохи. Франція, пользуясь пріобрѣтеннымъ въ послѣднее время вліяніемъ, вымогаетъ у короля такія назначенія, которыхъ Россія никакъ не должна терпѣть. Оба гетмана, коронный—графъ Браницкій и литовскій—князь Радзивиллъ, принадлежатъ къ ея недоброжелателямъ. Обыкновенно гетманы бываютъ не въ ладахъ съ королемъ, но теперь совершенно напротивъ. Франціи удалось сблизить ихъ между собой, и въ этомъ заключается величайшая опасность для страны. Гетманъ есть предводитель главной и, можно сказать, единственной ея военной силы, рыцарства; это первый человѣкъ въ господствующемъ сословіи, въ сословіи, которое даетъ странѣ законы и управляетъ ею; это избранникъ и представитель той части націи, которая составляетъ третью долю правительства и имѣетъ *третью долю въ верховной власти* *. Что̀ можетъ противостать имъ, когда гетманы находятся въ хорошихъ отношеніяхъ между собой и со дворомъ? Остается одинъ сенатъ, который принужденъ предъ

---

* Лишь совокупное дѣйствіе короля, сената и сейма заключало въ себѣ всѣ аттрибуты верховной власти.

ними безмолвствовать, да притомъ сенаторы „такіе люди, которыми легко управлять и поворачивать можно, если только пріемлются надлежащія мѣры". Примасъ лишенъ всякаго значенія, канцлеры почти устранены отъ дѣлъ, важнѣйшія между коими проходятъ, минуя ихъ, чрезъ руки Брюля и Мнишка, и всѣми этими людьми, всѣми этими совокупно дѣйствующими силами орудуетъ Франція. Франція овладѣла дворомъ и рыцарствомъ: рыцарствомъ—потому что она сыплетъ деньгами и раздаетъ крулевщизны и должности; дворомъ—потому что она сблизила короля съ гетманами, а королеву очаровала обѣщаніемъ доставить принцу Ксаверію польскую корону, когда тронъ сдѣлается вакантнымъ.

Такъ говорили князья Чарторыйскіе, и по желанію ихъ Веймарнъ записалъ при нихъ же все сказанное ими, и прежде отправленія къ своему двору, прочелъ имъ то, что было имъ записано. Мысли ихъ переданы, слѣдовательно, совершенно вѣрно; но нельзя безусловно согласиться съ вѣрностію этихъ мыслей, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается до французскаго вліянія. Желая склонить Россію ко вмѣшательству въ дѣла Польши, Чарторыйскіе естественно должны были преувеличивать значеніе непріязненной ей партіи. Сближеніе между королемъ и гетманами было явленіемъ случайнымъ, и скоро послѣ того какъ объ этомъ сближеніи говорилось въ Пулавахъ съ такимъ опасеніемъ, именно въ 1758 году, графъ Браницкій приносилъ Русскому двору не менѣе горькія жалобы на короля и князей Чарторыйскихъ. * Назначенный въ томъ же году посланникомъ въ Варшаву, князь М. Н. Волконскій свидѣтельствовалъ, что и великій гетманъ литовскій „кажется быть противъ двора недовольнымъ"; описывая положеніе партій въ Польшѣ, онъ не придавалъ преобладающаго значенія французскому вліянію, а мнѣніе его нельзя не почитать авторитетнымъ.

О вліяніи Пруссіи Волконскій едва упоминалъ; по его словамъ, прусской партіи почти не существовало. Но мы видѣли въ чемъ состояла политика Прусскаго двора относительно

---

* См. стр. 63.

Польши; мы видѣли, что этотъ дворъ орудовалъ двумя могущественными рычагами, а именно покровительствомъ протестантскимъ диссидентамъ и поблажкой постоянно усиливавшейся въ Польшѣ анархіи. Агенты Прусскаго двора не шумѣли, не сыпали золотомъ, подобно французскимъ, но они и не имѣли въ этомъ надобности: политика, которой они служили органами, покоилась на прочныхъ основаніяхъ, и могущество ея обнаружилось несомнѣннымъ образомъ, когда направлять ее начала изъ Берлина искусная и твердая рука, и когда, съ другой стороны, русское правительство отклонилось отъ преданій Петра I. Со времени трактата съ цесарскимъ дворомъ, 6-го (17-го) августа 1726 года, вліяніе этого двора сдѣлалось преобладающимъ въ Петербургѣ и мало-помалу создало какую-то атмосферу искусственныхъ интересовъ, въ которую и увлекло Россію. Не взирая на то, что содержаніе прусско-русскаго трактата 1720 года подтверждалось новыми обязательствами между этими дворами, и что въ нихъ были постоянно вносимы статьи о покровительствѣ диссидентамъ, * русское правительство какъ бы утратило сознаніе важности для него права покровительствовать своимъ единовѣрцамъ и не допускать утвердиться на польскомъ престолѣ Саксонскому дому съ его династическими стремленіями. По поводу смерти Августа II, оно заявило было о намѣреніи устранить отъ избранія курпринца саксонскаго, но это намѣреніе уступило предъ желаніемъ не отклоняться отъ совокуннаго дѣйствія съ Вѣнскимъ дворомъ; Россія выступила наконецъ какъ самая жаркая союзница этого курпринца, который, какъ извѣстно, и обязанъ былъ престоломъ русскому золоту и русскому оружію. При такомъ подчиненіи политики Петербургскаго двора вѣнскому союзнику, очевидно не могло быть и рѣчи объ энергическомъ заступничествѣ за диссидентовъ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1733 года послы протестантскаго исповѣданія обратились къ представителямъ Пруссіи и Англіи, прося ихъ покровительства; видя это, русскій послан-

* См. трактаты 1726, 1729, 1730, 1743 годовъ.

никъ тотчасъ же предъявилъ и свои права на покровительство православнымъ подданнымъ Рѣчи Посполитой *, но дѣйствія русской политики не могли имѣть въ этомъ отношеніи ни свободы, ни силы, будучи парализуемы внушеніями представителей „его католическаго величества". Какъ дипломатическая переписка временъ Анны и Елисаветы, такъ и дѣла той же эпохи, хранящіяся въ архивѣ святѣйшаго синода, удостовѣряютъ, что многочисленныя и частыя представленія въ пользу православныхъ диссидентовъ никогда не были дѣлаемы съ должною настойчивостію и твердостію. Канцлеръ литовскій, въ вѣдомство коего они поступали, отвѣтствовалъ обыкновенно, что о заявленномъ фактѣ будетъ произведено тщательное изслѣдованіе, и дѣло затягивалось на неопредѣленное время, а между тѣмъ общественное мнѣніе въ Польшѣ раздражалось подобными представленіями, и чувство національнаго достоинства брало подъ свою защиту самыя возмутительныя религіозныя гоненія. Сороковые года были временемъ самыхъ тяжелыхъ страданій для Бѣлоруссіи и Украйны и насильственнаго обращенія ихъ жителей въ унію; ** чудовищный замыселъ обратить нѣсколько милліоновъ людей изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое казался близкимъ къ осуществленію. Совершенно въ иное положеніе начинали между тѣмъ приходить диссиденты протестантскіе. Прежде всего нельзя не замѣтить, что общественное мнѣніе Западной Европы, хотя еще и не особенно сильное въ то время, не дозволяло безнаказанно преслѣдовать протестантовъ; они были членами европейской семьи, которая начинала уже громко подавать голосъ въ ихъ защиту. Случай бывшій въ 1724 году въ Торунѣ привелъ въ движеніе всѣ стаики современной прессы, возбудилъ дипломатическую переписку и занесенъ въ исторію какъ фактъ возмутительный и выходящій изъ ряду, между тѣмъ какъ въ восточныхъ областяхъ Польскаго государства подобные случаи совершались весьма часто, и когда о нихъ дѣлались представленія

---

* *Борьба за польскій престолъ.*

** См. мою брошюру: *Народн. движенія на Волыни и въ Подоліи.*

дипломатическимъ путемъ, то польское правительство относилось къ нимъ съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, да и сами адвокаты православныхъ диссидентовъ, то-есть представители Русскаго двора въ Варшавѣ, давали своему правительству чувствовать, что для сохраненія добрыхъ отношеній съ Рѣчью Посполитою слѣдуетъ быть уступчивѣе*. Еще рѣзче обнаружилось различіе въ положеніи диссидентовъ протестантскихъ и православныхъ, когда новый король Пруссіи Фридрихъ II, возвысивъ свой престолъ рядомъ побѣдъ надъ цесарскими войсками, энергически принялъ въ Европѣ положеніе покровителя идеи религіозной терпимости и защитника протестантовъ. Между многочисленными представленіями синоду, которыми настоятель виленскаго Святодуховскаго монастыря Ѳеофанъ Леонтовичъ-Доруминъ старался возбудить русское правительство къ болѣе энергическому образу дѣйствій по диссидентскому вопросу, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее любопытное мѣсто „Его величество король Прусскій, — доносилъ Ѳеофанъ въ 1758 году, — польскихъ кальвиновъ, которые ради закона своего чрезъ много лѣтъ въ непрестанныхъ бѣдствіяхъ находились, прошедшаго 1756 года письмами своими его величеству королю Польскому и министрамъ республики Польской, также къ Радзивиллу, хоружему великаго княжества Литовскаго, отправленными, сверхъ чаянія скоро, дѣйствительно и полезно защищалъ, и притомъ ихъ же, кальвиновъ, честностію своего слова королевскаго обнадежилъ, что всѣ ихъ шляхетскія вольности будутъ возвращены.“ Видя столь дѣйствительную помощь, пріобрѣтенную протестантами, продолжалъ Леонтовичъ, здѣшніе православные скорбятъ, „что держава россійская ниже защитить церкви православныя, ниже обиды тамошнему благочестію безпрерывно продолжающіяся пресѣчь и отвратить не возмогла“. Святѣйшій синодъ приглашаетъ ихъ указомъ своимъ возложить упованіе на единовѣрную имъ державу: но народъ разсуждаетъ, „что

---

* См. объ этомъ, а равно о личности Ѳеофана Леонтовича, мою брошюру: *Русская полит. и русск. партія въ Польшѣ.*

если имъ, благочестивымъ, теперь на надежду, въ помянутомъ святѣйшаго синода указѣ объявленную, положиться, а протестантовъ, кои ихъ, благочестивыхъ, въ силу своей мирносоюзной съ нами дружбы, тайными и явными образами до сихъ поръ какъ ни есть удерживали (поддерживали), оставить: то Поляки греческій ихъ, въ своемъ государствѣ, законъ въ единъ годъ до послѣдней души искоренятъ". Опасаясь этого, заключалъ Леонтовичъ, бѣлорусскіе православные рѣшились участвовать въ кальвинистскомъ соборѣ, имѣвшемъ вскорѣ собраться, „и у его величества короля Прусскаго обѣщанной себѣ протекціи просить". Но, — заключалъ виленскій монахъ-политикъ, — „если сему неспокойному и хитрому государю удастся въ польской области не только протестантскаго, но и греческаго закона людей защищать и ихъ въ первобытное состояніе привесть, то отсюда легко можно заключить, какіе онъ, король, себѣ авантажи, а сосѣднимъ государствамъ пакости безъ всякихъ искушовъ и трудовъ причинить можетъ". О сильномъ возбужденіи духа между польскими протестантами представлялъ и знаменитый могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, и свидѣтельствовалъ, подобно Леонтовичу, что ихъ вліяніе начинаетъ сильно обнаруживаться на православное народонаселеніе; наконецъ фельдмаршалъ Бутурлинъ доносилъ въ 1761 году, что жители Великой Польши, сосѣдственной съ Пруссіей и населенной большимъ числомъ протестантовъ, „давно преданы королю Прусскому". * Напротивъ того къ Русскому двору, по мѣрѣ того какъ онъ сближался съ Варшавскимъ, со стороны Поляковъ обнаруживалось все болѣе и болѣе холодности. Не взирая на значительные расходы съ нашей стороны, сеймы плохо слушались внушеній русскаго посольства, горько жаловались на безпрестанное движеніе русскихъ войскъ по территоріи Рѣчи Посполитой, требовали огромныхъ суммъ за причиняемые этими движеніями убытки, грозили конфедераціей, уклонялись отъ признанія за Елисаветой Петровной императорскаго титула, усиленно и насиль-

---

* Воен. арх., въ Москвѣ, см. *Дѣла Бутурлина.*

ственнымъ образомъ обращали въ унію покровительствуемыхъ ею православныхъ, а шляхетство пограничныхъ съ нами областей заводило безпрестанныя ссоры съ русскими начальствами. Въ запискѣ, составленной при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II и хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ *, сказано, что по освидѣтельствованію, произведенному въ 1753 году, „явилось за Поляками во владѣніи здѣшнихъ земель 988 верстъ квадратныхъ.“ Наѣзды изъ-за польской границы, а съ другой стороны побѣги русскихъ крестьянъ за границу повторялись такъ часто, что было рѣшено преградить всѣ дороги между Россіей и Польшей, „опричь знатныхъ“, засѣками, рогатками и надолбами, учредить заставы и пограничныя таможни, придвинувъ форпосты къ самой границѣ и соединивъ ихъ между собой рвами и засѣками. „Но, говорится въ помянутой запискѣ, съ польской стороны отъ разныхъ обывателей въ томъ всякія препятствія дѣлаются, а именно: собираясь къ самой границѣ многолюдствомъ, какъ крестьяне такъ и воинскіе люди съ огнестрѣльнымъ оружіемъ да съ топорами и косами, поставленныя противъ форпостовъ рогатки рубятъ, мосты и форпосты, такожъ иногда и ближнія деревня пожигаютъ“ и пр.

Таково было странное положеніе, допущенное нашею политикой при Елисаветѣ въ отношеніи къ Польшѣ. Поддерживая союзъ съ Августомъ для цѣлей чуждыхъ Россіи, русская дипломатія упускала изъ виду политику Петра — жить въ ладу съ націей, съ сеймами, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находила возможности оказать поддержку и диссидентамъ, которые одни остались бы союзниками Россіи, когда обстоятельства принудили бы ее поссориться съ польскою націей. Всѣмъ этимъ было пожертвовано желанію сохранить добрыя отношенія съ Августомъ III, союзъ съ которымъ могъ имѣть какое-нибудь значеніе единственно въ виду войны съ Пруссіей—войны, въ которую Россія не имѣла ни малѣйшаго основанія вмѣшаться.

---

* *Дѣла Польск.* 1762 г. № 10.

Вступленіе на престолъ Петра III, извѣстнаго своимъ сочувствіемъ къ королю Прусскому, не могло не отозваться безпокойствомъ при Варшавскомъ дворѣ. Оно значительно увеличилось и превратилось „въ великое уныніе“, когда посланникъ русскій въ Варшавѣ, генералъ Воейковъ, сообщилъ тамошнему правительству извѣстную декларацію 12-го февраля. Французскій и цесарскій посланники тотчасъ же помирились и поспѣшили обнаружить холодность въ сношеніяхъ съ Воейковымъ. Ими же, по мнѣнію нашего посланника, пущенъ былъ по городу тревожный слухъ, что если Русскій дворъ помирится съ Прусскимъ, и если между ними состоится союзъ, то Вармія и Восточная Пруссія легко могутъ быть потеряны для Польши (со стороны Россіи не предполагалось завоевательныхъ замысловъ). Впрочемъ многіе радовались, что передвиженіе русскихъ войскъ чрезъ Польшу прекратится. Самъ графъ Брюль оказался гораздо менѣе встревоженнымъ чѣмъ должно было ожидать отъ ревностнаго слуги Саксонской династіи. Въ разговорѣ объ этомъ предметѣ съ Воейковымъ онъ обнаружилъ довольно миролюбивое настроеніе и просилъ только „о неоставленіи“ Саксонскаго двора, какъ наиболѣе претерпѣвшаго отъ настоящей войны.

V.

Условія предложенныя Петромъ III Даніи.—Конгрессъ.—Переговоры со Швеціей. — Виды Петра III на Курляндію. — Разладъ принца Карла съ рыцарствомъ.—Переговоры съ Бирономъ.—Положеніе партій въ Курляндіи.—Усиленіе приверженцевъ Бирона. — Отреченіе Бирона.—Посольство Репнина въ Пруссіи и Гольца въ Петербургѣ.—Приверженцы и противники системы Петра III въ Петербургѣ.

„Здѣшній дворъ, повидимому, не безъ опасенія находится; въ адмиралтействѣ замѣтна усиленная дѣятельность“, доносилъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, баронъ Корфъ * (отъ 13-го февраля), по полученіи извѣстія о кончинѣ императрицы Елисаветы. Но если таково было впечатлѣніе произведенное однимъ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Петра III, то декларація 12-го февраля, вообще надѣлавшая столько шума въ Европѣ, должна была произвести сильнѣйшую тревогу въ Копенгагенѣ. Прошло еще двѣ недѣли, и барону Корфу сообщенъ былъ рескриптъ (отъ 1-го марта) спеціально касавшійся отношеній Россіи къ Датскому двору. ** Мы не отрицаемъ, писалъ новый императоръ, что Датскій дворъ неоднократно искалъ вступить съ нами въ соглашеніе по голштинскимъ дѣламъ, но его предложенія были постоянно таковы „что мы не могли съ честію и достоинствомъ принять ихъ“; во время же послѣднихъ переговоровъ по этому предмету графъ Гакстгаузенъ выражалъ даже угрозы.... Послѣ этого, продолжалъ Петръ, „непростительно погрѣшили бы мы предъ собою, предъ свѣтомъ и отечествомъ, еслибы съ своей стороны не употребили благовременно достаточныхъ осторожностей; но дабы и въ семъ случаѣ ничего не упустить что̀

---

* Іоганъ-Альбрехтъ, въ послѣдствіи президентъ Академіи Наукъ.

** Этотъ рескриптъ былъ сообщенъ нашимъ миссіямъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ.

могло бы способствовать возстановленію и утвержденію со всѣми державами добраго, ко взаимной пользѣ, согласія, высочайше повелѣваемъ мы вамъ, тотчасъ же по полученіи сего рескрипта, объявить датскому министерству именемъ нашимъ, на нарочно испрашиваемой конференціи, что чѣмъ искреннѣе наше желаніе продолжать и распространять съ его величествомъ постоянную дружбу и доброе сосѣдство, тѣмъ прискорбнѣе намъ видѣть противныя оному съ его стороны оказательства, какъ угрозами, такъ и чинимыми во всѣхъ датскихъ земляхъ вооруженіями, которыя не инако можемъ мы почитать, какъ за такія, кои со временемъ противъ насъ обращены будутъ, и что потому въ необходимости видимъ мы себя требовать формальнаго изъясненія, намѣренъ ли его величество жить съ нами въ согласіи и удовольствовать справедливыя на герцогство Шлезвигское требованія, ибо въ противномъ случаѣ, какъ по нуждѣ, такъ и для произведенія неоспоримыхъ нашихъ правостей, принуждены мы будемъ поступать на такія мѣры, отъ которыхъ, къ сожалѣнію нашему, могутъ крайнія, но легко еще теперь упреждаемыя, послѣдовать бѣдствія.“

Къ этому рескрипту приложена была записка, въ которой изъяснялось положеніе голштинскаго вопроса съ точки зрѣнія русскаго правительства. Желательно было бы, писалъ канцлеръ, чтобы въ Копенгагенѣ обратили вниманіе на выгодность голштинскихъ наслѣдственныхъ земель при Балтійскомъ морѣ, на значеніе которое онѣ даютъ своему владѣтелю на имперскихъ собраніяхъ, и наконецъ на то что онѣ неправильно и къ ущербу герцогскаго дома, въ продолженіе полувѣка, удерживаемы были Даніей. Если всѣ эти условія будутъ приняты въ серіозное соображеніе, и на основаніи ихъ будутъ сдѣланы новыя предложенія, то, замѣчалъ графъ Воронцовъ, государь не откажется отъ нѣкоторыхъ уступокъ, какъ ни справедливы его требованія.

Нота, поданная баропомъ Корфомъ, согласно рескрипту 1-го марта, не могла быть чѣмъ-нибудь неожиданнымъ для датскаго правительства, но произведенное ею впечатлѣніе было однакожь очень сильно; король находился во Фриденбургѣ;

немедленно потребовалъ онъ туда своихъ министровъ. Графъ Мольтке, хоть и больной, поскакалъ, вопреки приказанію докторовъ. * На другой день *великій оракулъ Датскаго двора*, по выраженію Фридрихъ II, баронъ Бернсторфъ, пригласилъ къ себѣ русскаго посланника и сообщилъ ему результатъ министерскаго совѣщанія. Онъ заключался въ увѣреніяхъ въ искреннемъ желаніи Датскаго двора сохранить дружественныя отношенія къ Россіи, и въ предложеніи возобновить трактаты заключенные при августѣйшей теткѣ его величества. Выслушавъ это сообщеніе, баронъ Корфъ сказалъ что находитъ въ немъ отвѣтъ на одну лишь часть своей ноты; относительно же того, расположенъ ли королевско-Датскій дворъ оказать удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ императора, онъ не находитъ ни слова. „Таковъ отвѣтъ, который его величество приказалъ сдѣлать вамъ, отвѣчалъ баронъ Бернсторфъ; что же касается до споровъ относительно голштинскихъ дѣлъ, то о нихъ надлежитъ быть настоящей негоціаціи.“ Объясненія подобнаго рода не обѣщали привести дѣла къ соглашенію. Датскій дворъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями барона Гольца въ Петербургѣ, не только зналъ о предметѣ частныхъ его совѣщаній съ довѣренными лицами Петра III, но и досталъ тайными путями копію мирнаго трактата 24-го апрѣля и многозначительныхъ прибавочныхъ къ нему пунктовъ. ** Въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга говорили еще гораздо ранѣе,—и разумѣется не могъ не слыхать этого датскій посланникъ,—что война между Россіей и Даніей есть дѣло рѣшеное, что императоръ, за однимъ изъ тѣхъ ужиновъ, гдѣ онъ предавался большой откровенности, много смѣялся, говоря что Данія дѣлаетъ видъ будто надѣется устоять противъ соединенныхъ силъ Россіи и Голштиніи, армію которой положено было довести до двѣнадцати тысячъ ***; всего этого не могъ не знать

---

* *Дѣла Датскія*, рел. б. Корфа, отъ 4-го апр., и приложеніе къ ней.

** Реляція барона Корфа отъ 20-го мая.

*** Рел. гр. Остермана 16-го мая, къ коей приложены экстракты изъ депешъ барона Поссе, изъ Петербурга. *(Дѣла Швед.)*

Датскій дворъ, а потому военныя приготовленія производились тамъ съ большею дѣятельностію.

Надо признаться что оборонительныя средства, которыя приготовляла Данія, были немаловажны: по свѣдѣніямъ барона Корфа *, она имѣла къ концу зимы 1761—62 г. тридцать линейныхъ кораблей съ 1.852 пушками и 15.166 матросами, восьмнадцать фрегатовъ съ 400 пушекъ и 3.000 моряковъ, наконецъ восемь различнаго наименованія меньшихъ судовъ, съ 63 орудіями. Кромѣ того, предполагалось построить еще десять кораблей, пять фрегатовъ и семь мелкихъ судовъ. Вывозъ хлѣба изъ Даніи, Норвегіи и датской части Голштиніи былъ воспрещенъ; послѣдовало распоряженіе объ укомплектованіи сухопутной арміи, боевой составъ или *ордеръ-де-баталь* коей предполагалось довести до 9 баталіоновъ гренадеръ, 43 баталіоновъ мушкетеръ и 1 баталіона егерей, а въ кавалеріи до 38 эскадроновъ кирасиръ, 28 эскадроновъ драгунъ и 6 эскадроновъ гусаръ. ** Назначено было устроить на голштинской границѣ лагерь на 40.000 человѣкъ, начальство надъ которымъ предполагалось поручить генералу, пользовавшемуся въ то время высокою репутаціей, Сенъ-Жермену, *** бывшему въ послѣдствіи военнымъ министромъ Франціи.

Переговоры между тѣмъ не прекращались, хотя съ обѣихъ сторонъ дѣлались военныя приготовленія. Рѣшеніе принятое Датскимъ дворомъ сообщено было конференціи, которая, собравшись 21-го мая, признала справедливымъ не отвергать безусловно предложенія Даніи о новомъ обсужденіи споровъ съ нею по голштинскимъ дѣламъ, но, съ другой стороны, принять мѣры чтобъ это не сдѣлалось только предлогомъ къ оттяжкѣ времени. Въ такомъ смыслѣ былъ написанъ на имя барона Корфа рескриптъ. Въ немъ изъяснялось прежде всего что, очевидно, Данія не намѣрена вступить на путь соглашеній, „но почитая долгое и спокойное владѣніе похищенными землями за право, видимымъ образомъ

---

* Реляціи отъ 23-го февраля и 2-го марта.

** Прилож. къ реляціи барона Корфа отъ 1-го мая.

*** Реляція барона Корфа отъ 4-го апрѣля.

ищетъ только выиграть время, въ такомъ чаяніи, что не всегда армія наша будетъ въ близости къ доставленію праведнаго удовлетворенія, а тѣмъ временемъ могутъ обстоятельства сдѣлаться и полезными Даніи, такъ что протяженіемъ вновь спокойнаго похищенныхъ земель владѣнія, мнимое на нихъ ея право утверждалось бы еще болѣе". Нашъ интересъ, напротивъ того, писалъ канцлеръ, требуетъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а именно сосѣдствомъ какъ съ Голштиніей, такъ и съ датскими владѣніями нашей арміи, только что прошедшей школу военныхъ трудовъ и поприще побѣдъ. Правда, театръ военныхъ дѣйствій,—если бы до нихъ дошло дѣло,—представляетъ для насъ неудобство отдаленности, но это неудобство отчасти отстранено пріобрѣтеніемъ Кольберга, а король Прусскій, съ своей стороны, предложилъ, по особой дружбѣ своей, Штетинъ въ качествѣ плацъ-д'арма для русской арміи и, вѣроятно, не откажется дать и Кюстринъ, если это окажется нужнымъ. Правда и то, что многіе дворы неблагосклонно взираютъ на усиленіе наше на Балтійскомъ морѣ и потому доброжелательствуютъ Даніи; но мы не знаемъ ни одного между ними, отъ котораго могла бы Данія получить дѣйствительную помощь. Напротивъ того, король Прусскій „совершенно въ нашихъ интересахъ", а Швеція, если она не будетъ въ состояніи воспользоваться затрудненіями Даніи, ни въ какомъ случаѣ мѣшать намъ не будетъ. Не взирая однакожь на всѣ эти важныя политическія соображенія, заключалъ графъ Воронцовъ, мы рѣшаемся принять предлагаемыя Датскимъ дворомъ негоціаціи, съ тѣмъ впрочемъ чтобъ онѣ происходили въ Берлинѣ, непремѣнно подъ медіаціей короля Прусскаго, и открылись не позже 1-го іюля по старому стилю; а дабы не могло дѣло затянуться, предложенія, которыя Русскій дворъ представитъ, должны имѣть характеръ ультиматума: непринятіе ихъ окончательно разрываетъ переговоры. Баронъ Корфъ поставлялся въ извѣстность что онъ назначенъ, вмѣстѣ съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ (въ послѣдствіи извѣстнымъ дипломатомъ), быть представителемъ Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Ему предписывалось немедленно со-

общить Датскому двору рѣшеніе русскаго правительства и просить о назначеніи въ Берлинъ своихъ уполномоченныхъ къ означенному сроку, и притомъ съ такими инструкціями, чтобъ они могли принять или отвергнуть русскія предложенія въ семидневный срокъ, не ссылаясь на недостатокъ полномочій. * Барону Корфу разрѣшалось сообщить Датскому двору, что въ случаѣ согласія онаго на всѣ вышеизложенныя условія, медіатору предоставлялось откинуть нѣкоторыя требованія, заранѣе указанныя въ Петербургѣ.

Когда рескриптъ, содержаніе котораго здѣсь приведено, былъ полученъ барономъ Корфомъ, короля Датскаго не было въ Копенгагенѣ; недѣли за три предъ тѣмъ онъ предпринялъ поѣздку въ Шлезвигъ и Гольштейнъ съ цѣлію, между прочимъ, осмотрѣть расположенныя тамъ войска. ** Сдѣлавъ необходимыя приготовленія, баронъ Корфъ отправился вслѣдъ за нимъ (19-го іюня); но достигнувъ берега, онъ принужденъ былъ остановиться за непогодой и ждать пока море утихнетъ. Король находился въ это время въ Травендалѣ, куда поспѣшилъ и Корфъ, однако никакъ не могъ поспѣть ранѣе 28-го іюня. *** Тотчасъ же по прибытіи онъ видѣлся съ Бернсторфомъ и сообщилъ ему о согласіи Русскаго двора на конгрессъ и объ условіяхъ на коихъ онъ возобновляетъ переговоры. Датскій министръ замѣтилъ, что когда два правительства желаютъ покончить существующія между ними недоразумѣнія, то обыкновенно мѣсто и время для переговоровъ о томъ назначаются съ обоюднаго согласія, каковое еще нужнѣе относительно медіаціи; однако,—прибавилъ Бернсторфъ,—король соглашается на всѣ сдѣланныя императоромъ предложенія и сдѣлалъ уже назначенія на предполагаемый конгрессъ; онъ опасается только, что датскіе уполномоченные не поспѣютъ къ сроку, такъ какъ имъ необходимо взять съ собою различные документы хранящіеся въ копенгагенскихъ архивахъ. Противъ этого нечего было возражать; баронъ Корфъ и самъ

---

* Рескриптъ барону Корфу отъ 24-го мая.
** Реляція барона Корфа отъ 1-го іюня.
*** Реляція барона Корфа отъ 29-го іюня.

опасался опоздать, хотя предполагалъ выѣхать въ ту же ночь. Дѣйствительно, онъ добрался до Берлина лишь 5-го іюля. *

Мы видѣли, что графъ Воронцовъ, въ депешѣ отъ 24-го мая къ барону Корфу, указывалъ на Швецію, какъ на страну которой не было причинъ опасаться. Въ ней царствовалъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій администраторъ Гольштейна, родной братъ покойнаго отца Петра III. Молодой императоръ, отъ природы расположенный вѣрить въ исполнимость всѣхъ своихъ желаній, былъ убѣжденъ, что такой близкій родственникъ и притомъ членъ Голштинскаго дома неминуемо войдетъ во всѣ интересы его политики. Онъ тѣмъ болѣе предавался этой надеждѣ, что между Швеціей и Пруссіей, какъ мы видѣли, ** дѣло шло къ миру, и было заключено перемиріе; но хотя мирный трактатъ между Адольфомъ-Фридрихомъ и королемъ Прусскимъ былъ дѣйствительно подписанъ (22-го мая ст. ст.), условія его не оправдали однакожъ ожиданій императора. Окончивъ продолжительную войну, веденную безъ энергіи, но за то не принесшую никакихъ выгодъ, шведское правительство было радо наступившему затѣмъ спокойствію и вовсе не намѣревалось принимать участія въ столкновеніяхъ приготовлявшихся между Россіей и Даніей. Говоря съ русскимъ посланникомъ при Стокгольмскомъ дворѣ, графомъ И. А. Остерманомъ, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Экеблатъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы на сѣверѣ установилось общее спокойствіе и чтобы несогласія между Россіей и Даніей уладились мирнымъ путемъ, но не подавалъ никакого повода ожидать содѣйствія Швеціи. Чтобы вывести Шведскій дворъ изъ круга этихъ неопредѣленностей, графу Остерману поручено было сообщить стокгольмскому министерству о положеніи нашихъ сношеній какъ съ Даніей, такъ и съ Пруссіей, и дать ему почувствовать, что по причинѣ близкаго родства Шведскаго королевскаго дома съ Русскимъ, отъ него ожидается, что онъ подкрѣпитъ домога-

---

* Реляція отъ 6-го іюня.

** См. стр. 55.

тельство императорскаго правительства. Для этого, писалъ канцлеръ графу Остерману, * „Шведскій дворъ могъ бы дать пристойно Датскому двору выразумѣть, что легко можетъ Швеція подкрѣпить притязанія наши самымъ дѣломъ“. Ему было приказано также вывѣдать, не найдетъ ли королевское правительство возможнымъ, „въ случаѣ, если дѣла между Россіей и Даніей дойдутъ до разрыва, оказывать русскимъ кораблямъ вспоможеніе въ шведскихъ гаваняхъ и доставлять предметы потребные арміи въ Померанію,—разумѣется, за справедливое вознагражденіе. Министръ выслушалъ все что̀ сообщилъ ему русскій посланникъ и обѣщалъ доложить королю, а чрезъ нѣсколько дней отвѣчалъ ему, что король твердо рѣшился не вступать въ обязательства, которыя могли бы быть предосудительны для спокойствія Швеціи; ** впрочемъ шведское правительство не отказывало русскимъ кораблямъ въ дозволеніи заходить въ принадлежащія ему гавани для исправленій и пополненія своихъ запасовъ; оно не отказывало и въ полученіи изъ шведскихъ владѣній различныхъ потребныхъ для арміи предметовъ, но заявляло, что не сочтетъ себя въ правѣ отказать и Даніи въ подобныхъ же услугахъ, если она будетъ просить о томъ. Не менѣе сдержанности обнаружило шведское правительство и въ сношеніяхъ своихъ съ Пруссіей. Фридрихъ обратился къ королю Шведскому съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему заключить тройственный союзъ (Швеціи, Россіи и Пруссіи), но и это предложеніе было отклонено. Адольфъ-Фридрихъ хотѣлъ мира и болѣе ничего.

Обратимся теперь къ дѣламъ курляндскимъ. Можно было предвидѣть, что съ началомъ новаго царствованія они примутъ неблагопріятный для принца Карла оборотъ, зная какое расположеніе обнаружилъ къ этому принцу Петръ, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Въ послѣдствіи непріязнь эта еще усилилась и обратилась въ нѣкотораго рода отвращеніе. Моло-

---

* Рескр. 24-го мая (*Дѣла Шведск.* 1762 г.)

** Рел. Остермана 4-го, 11-го и 18-го іюня.

дой саксонскій принцъ, покончивъ дѣла свои въ Петербургѣ, отправился въ армію генерала Фермора, при которой дѣлалъ, въ качествѣ волонтера, кампанію 1758 года. Но вскорѣ оттуда пришли неблагопріятныя о немъ извѣстія: * говорили, что въ сраженіи при Цорндорфѣ онъ предался постыдному бѣгству. Въ дѣлахъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось письмо, которое принцъ писалъ по этому случаю императрицѣ: онъ оправдывался, жаловался на клеветниковъ, личныхъ враговъ, завистниковъ, интригу и т. д. Не видя особенной надобности изслѣдовать это обстоятельство, мы замѣтимъ, что оно ни мало не измѣнило къ нему расположенія императрицы, а къ неблагосклонности, какую при первой встрѣчѣ обнаружилъ къ нему великій князь, присоединило еще презрѣніе. Императрица Екатерина говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что во время втораго посѣщенія принцемъ Петербурга, въ 1759 году, Петръ Ѳедоровичъ рѣшительно не хотѣлъ говорить съ нимъ, „какъ съ отъявленнымъ негодяемъ“.

Въ числѣ владѣтельныхъ особъ, которымъ приготовлены были извѣстительныя грамоты о вступленіи на престолъ новаго императора, находился и принцъ Карлъ, какъ признанный нашимъ дворомъ герцогъ Курляндіи; но Петръ не согласился подписать этой грамоты, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на ней: „Е. И. В—омъ совсѣмъ отмѣнена“. **

Желая выяснить свое положеніе при Митавскомъ дворѣ, Симолинъ поспѣшилъ испросить себѣ инструкцію, *** напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ что онъ еще не получилъ повелѣнія формальнымъ образомъ объявить герцогу и рыцарству о вступленіи на престолъ новаго императора. На это представленіе послѣдовалъ слѣдующій весьма категорическій отвѣтъ: „Мы предписываемъ и желаемъ, чтобы опыя (прежнія инструкціи) оставляя вовсе, поколику касаться могутъ до совершеннаго въ Курляндіи утвержденія нынѣшняго герцога

---

* *Зап. Екатерины.*

** *Дѣла Курлянд.* **1761 г. № 4.**

*** **Реляція отъ 8-го января 1762 г.**

обратили вы, напротивъ того, въ защиту и подкрѣпленіе поборствующаго за вольность и преимущества свои рыцарства и дворянства, кои еще не сдѣлали сему принцу присяги, подкрѣпляя ихъ при всякомъ случаѣ (сколько справедливость о соблюденіи правъ ихъ въ цѣлости позволить можетъ) въ прежнихъ мнѣніяхъ къ сопротивленію и отнюдь не преклоняя въ пользу герцога къ принужденному единогласію." * Въ этихъ словахъ заключался самый крутой поворотъ въ отношеніи прежней политики по курляндскимъ дѣламъ, поворотъ, который, какъ можно предугадывать изъ всего вышеизложеннаго, былъ очень сочувственно принятъ въ Курляндіи; нашему резиденту было гораздо легче поддерживать оппозицію въ отношеніи герцога, нежели склонять рыцарство на его сторону. „Наставленіе сіе, писалъ Симолинъ отъ 29-го января въ отвѣтъ на полученный имъ рескриптъ, принялъ я въ такое правило, по которому поступать могу съ надежнымъ успѣхомъ къ пріобрѣтенію дѣйствительнаго исполненія воли и намѣренія вашего императорскаго величества." Приближалось время открытія новаго ландтага; онъ былъ открытъ 20-го января (1-го февраля). Вопросъ религіозный долженъ былъ и теперь стать камнемъ преткновенія. Почти всѣ кирхшпили, которые обнаружили оппозицію на прежнихъ ландтагахъ, прислали и на нынѣшній депутатовъ съ прежними иструкціями. Переговоривъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, Симолинъ доносилъ: „Ласкаю себя, что непримѣтныя мои внушенія.... принесли желанный свой плодъ и очень обрадовали тѣхъ, кои донынѣ дѣйствовали противъ герцога. По всякому чаянію, здѣшній сеймикъ (ландтагъ), который для герцога теперь не весьма авантаженъ, вскорости уничтоженъ быть можетъ подъ такимъ претекстомъ, дабы депутаты имѣли время до будущаго сеймика согласовать всѣ кирхшпили къ стараніямъ о соблюденіи цѣлости своей религіи, правъ и преимуществъ, а я межъ тѣмъ не премину свои внушенія распространять." **

---

* Рескриптъ 22-го января.

** Рел. Симол. отъ 29-го января.

Между тѣмъ герцогъ, извѣстясь о вступленіи на престолъ Петра III, поспѣшилъ отправить къ нему извѣстнаго уже намъ генерала Лашеналя съ собственноручнымъ поздравительнымъ письмомъ. Ландтагъ, съ своей стороны, тоже пожелалъ послать депутацію въ Петербургъ, и выбралъ для этого фонъ-Гейкинга и камеръ-юнкера Плетенберга, людей, которые въ предшедшемъ году были посылаемы въ Варшаву отъ нѣкоторыхъ кирхшпилей для принесенія жалобъ на своего наречennаго герцога; первый изъ этихъ депутатовъ вовсе не присягалъ Карлу, а послѣдній извѣстенъ намъ какъ партизанъ Бирона. Такое назначеніе, конечно, не могло быть пріятно принцу Карлу, тѣмъ болѣе что о рѣшеніи ландтага онъ вовсе не былъ предувѣдомленъ.* Получивъ наконецъ извѣщеніе о рѣшеніи принятомъ ландтагомъ, принцъ увѣдомилъ его, что отправленіе генерала Лашеналя имѣетъ характеръ совершенно партикулярный, и что онъ желалъ бы принять участіе въ торжественной депутаціи, отправляемой въ Петербургъ, предлагая принять въ составъ депутаціи вмѣсто Гейкинга, какъ не присягавшаго ему, канцлера Кейзерлинга. Чтобъ объявить Симолину объ этомъ новомъ предметѣ препиранія ландтага съ герцогомъ, нарочно забѣжалъ къ нему извѣстный намъ предсѣдатель братской конференціи 1758 года, нынѣ ландботенъ-маршалъ Клопманъ, только что обращенный русскимъ резидентомъ къ убѣжденіямъ непріязненнымъ принцу Карлу. Онъ говорилъ Симолину, что назначеніе Гейкинга и Плетенберга сдѣлано по его старанію, и что онъ будетъ настаивать дабы никакъ не допустить смѣны котораго-либо изъ нихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это вполнѣ удалось ему. Ландтагъ отказался измѣнить составъ депутаціи назначенной по большинству голосовъ, но предложилъ принцу присоединить къ ней уполномоченнаго и отъ себя, присовокупляя, что въ противномъ случаѣ пошлетъ своихъ депутатовъ безотлагательно. На это принцъ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ препятствовать отправленію депутаціи, но не можетъ принять въ ней никакого участія, такъ какъ одинъ изъ ея членовъ принадлежитъ къ числу явныхъ его противниковъ.

---

* Реляція отъ 2-го и 9-го февр. и прилож. къ нимъ.

Дѣла принца Карла, не блестящія и въ то время когда его усердно поддерживала императрица Елисавета, сдѣлались теперь крайне сомнительными. Главное затрудненіе составлялъ, по-прежнему, религіозный вопросъ. Ландтаги собирались, но они настойчиво требовали чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ обязательство воспитывать дѣтей своихъ въ протестантской религіи, и чтобы при этомъ былъ постановленъ законъ, который устранялъ бы отъ престола лицо, которое, хотя бы и принявъ протестантство, въ послѣдствіи перешло бы въ католицизмъ. * Это требованіе было повторено и на ландтагѣ собравшемся въ концѣ зимы 1761 — 62 года, на которомъ принцъ Карлъ имѣлъ ничтожное число преданныхъ ему депутатовъ. Въ виду такого заключенія курляндскихъ чиновъ, принцъ и теперь, такъ же какъ и прежде, распустилъ ландтагъ. Сторона непріязненная герцогу, и во главѣ ея Клопманъ, рѣшительно входившій во вкусъ новой политики Русскаго двора, были рады роспуску ландтага, надѣясь усилиться къ новому ландтагу еще нѣсколькими голосами. „Нынѣшній сеймикъ пять недѣль продолжался, писалъ по этому поводу Симолинъ, а окончился безплодно, и чаять можно, что при начатіи новаго, принцъ едва ли не лишится и вышепомянутыхъ шести кирхшпилей съ своей стороны.“ По закрытіи ландтага и предъ отъѣздомъ своимъ изъ Митавы, депутаты, какъ обыкновенно, явились во дворецъ откланяться. Обратясь къ принцу, ландботенъ-маршалъ выразилъ сожалѣніе, что минувшій ландтагъ „противъ воли своей не допелъ до конца“. При этихъ словахъ, пишетъ Симолинъ, „герцогъ не могъ скрыть своего неудовольствія и ландботенъ-маршалу отвѣтствовалъ на сіе, что онъ желаетъ, что хотя бъ депутаты возвратились и себя такимъ образомъ предуготовили, дабы впредь не были подвержены отвѣту предъ королемъ и республикою“. Депутаты разъѣхались. Вслѣдъ за ними отправился и принцъ, сначала въ Варшаву, а потомъ въ Германію на воды, поручивъ свои интересы въ Курляндіи совѣтнику Цигенгорну (сдѣлавшему не менѣе крутой поворотъ

* Ред. отъ 23-го февраля.

какъ и Клопманъ, только въ противоположную сторону),— человѣку, по словамъ Симолина, всѣмъ ненавистному. По тому же свидѣтельству, кирхшпили вообще одобрили образъ дѣйствій своихъ депутатовъ, равно какъ и сдѣланныя ими назначенія въ петербургскую депутацію.

Эта депутація принята была въ Петербургѣ весьма благосклонно. Туда же приглашенъ былъ оберъ-бургграфъ баронъ Офенбергъ. Между этими лицами и довѣренными совѣтниками императора происходили частыя совѣщанія; очевидно, что-то важное для Курляндіи замышлялось въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время прибылъ туда изъ мѣста своей ссылки Биронъ и былъ при дворѣ милостиво принятъ и даже обласканъ, то несомнѣннымъ казалось, что онъ будетъ возстановленъ на митавскомъ престолѣ. Въ дѣйствительности, однакожъ, императоръ имѣлъ совершенно другіе виды. Устройство Курляндіи входило въ кругъ тѣхъ соображеній, совокупность которыхъ можно назвать политическою системой Петра III. Онъ предполагалъ отдать Курляндію родному дядѣ своему, герцогу Георгу-Лудвигу Гольштейнъ-Готторпскому.

Герцогъ Георгъ-Лудвигъ или, какъ его чаще называли, принцъ Георгъ, генералъ прусской службы, былъ, по собственнымъ его словамъ, „изъ Гольштейнъ-Готторпскаго дома, одинъ такой несчастливый принцъ, который ни маетностей, ни удѣлу никакого не имѣетъ, и принужденъ, яко простой партикулярный человѣкъ, чрезъ 26 лѣтъ искать въ военной службѣ пропитанія своего". * Жалобы принца Георга были, кажется, нѣсколько преувеличены; изъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, видно, напримѣръ, что его супруга, урожденная принцесса Гольштейнъ-Бекская, владѣла имѣніями въ Восточной Пруссіи **, хотя весьма можетъ быть что они приносили очень незначительные дохо-

---

* См. въ *Дѣлахъ Голшт.* 1761 года, № 2, письмо пр. Георга къ гр. Воронцову.

** *Дѣла Голшт.* 1759 года, № 2. См. ходатайство ея предъ императрицей объ освобожденіи этихъ имѣній отъ контрибуціи.

ды. Какъ бы то ни было, но принцъ Георгъ былъ очень радъ, когда, въ началѣ 1761 года, великій князь его племянникъ предложилъ ему принять на себя управленіе Голштиніей въ качествѣ генералъ-губернатора. Около того же времени умерла его тёща, герцогиня Гольштейнъ-Бекская, получавшая изъ русской казны 15 т. р. ежегодной пенсіи; принцъ Георгъ поспѣшилъ обратиться съ ходатайствомъ къ императрицѣ о назначеніи ему хотя части этой пенсіи, присовокупляя при этомъ, что онъ уже оставилъ прусскую службу, на которой, по его словамъ, одна необходимость доселѣ его удерживала.

Между тѣмъ императрица скончалась, и генералъ-губернаторъ Голштиніи не успѣлъ еще перебраться въ Киль изъ Кенигсберга, гдѣ постоянно проживала его супруга, какъ вступленіе на престолъ Петра Ѳедоровича дало новый поворотъ колесу его фортуны. Въ самый день кончины Елисаветы Петровны, ея преемникъ написалъ къ нему грамоту съ извѣщеніемъ о вступленіи на прародительскій престолъ „къ общему удовольствію“ его подданныхъ, и съ приглашеніемъ прибыть въ Россію вмѣстѣ съ семействомъ своимъ. Съ этою грамотой былъ посланъ флигель-адъютантъ подполковникъ Семенъ Порошинъ, * на котораго было возложено и сопровождать принца Георга до Петербурга. Генералу Панину, назначенному между тѣмъ въ должность кенигсбергскаго губернатора, было предписано ** отдавать императорскому дядѣ воинскую честь какъ владѣтельному принцу, всѣмъ вообще военнымъ начальникамъ, чрезъ мѣста расположенія которыхъ принцъ долженъ былъ проѣзжать, — встрѣчать его съ пушечною пальбой, а для *сообразнаго съ его достоинствомъ трактованія* отправлены были придворные служители со столовымъ серебромъ. Въ то же время во всѣ города отъ Риги до Петербурга посланы были указы о заготовленіи лошадей для проѣзда высокихъ путешественниковъ, а Симолину было приказано стараться

---

* *Дѣла Голшт.* 1761 г. № 3.

** *Дѣла Прус.* 1762 г. № 7, см. реляціи П. И. Панина отъ 13-го и 14-го января; а также *Дѣла Голшт.* 1762 г. № 19.

чтобы въ Митавѣ принцу была приготовлена торжественная встрѣча. Взявъ изъ суммъ кенигсбергскаго управленія шесть тысячъ рублей, принцъ выѣхалъ 12-го января; принцесса пустилась въ путь особо и нѣсколько позже. Въ Петербургѣ ихъ встрѣтили съ величайшею торжественностью и почетомъ. Принцу пожалованъ былъ титулъ высочества; * нѣсколько дней спустя онъ получилъ чинъ фельдмаршала, а въ исходѣ мая сдѣланъ былъ членомъ высшаго совѣта, установленнаго, какъ гласилъ императорскій манифестъ, чтобы подъ руководствомъ самого государя „трудиться надъ многими до того принадлежащими дѣлами“. **

Взглядъ Петра на положеніе курляндскаго вопроса былъ слѣдующій. Онъ находилъ, что такъ какъ принцъ Карлъ и курляндское рыцарство не утвердили еще взаимною присягой взаимныхъ между собою отношеній, то нѣтъ достаточныхъ причинъ признавать водвореніе этого принца въ Митавѣ совершившимся фактомъ. Но если не признавать государемъ Курляндіи принца Карла, то неизбѣжно приходилось признать герцогомъ Бирона; съ этимъ вполнѣ соглашался Петръ, но онъ былъ увѣренъ что этотъ послѣдній, находясь въ полной зависимости отъ русскаго правительства и проникнутый благодарностью за свое освобожденіе, не усомнится отречься отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга, особенно когда ему будетъ предложено приличное вознагражденіе. Къ переговорамъ съ нимъ по этому предмету и было приступлено немедленно по прибытіи его въ Петербургъ изъ ссылки. Но эти переговоры шли не такъ успѣшно какъ надѣялся императоръ. Биронъ не соглашался уступить свое мѣсто Георгу,—и вотъ почему изслѣдователь не безъ удивленія замѣчаетъ, что права Бирона были выставляемы предъ Курляндцами такъ настойчиво въ противность

---

* См. *Опредѣленія военн. колл.* 1762 года за янв. и февр., въ архивѣ воен. мин., въ Москвѣ.

** *П. С. З.* № 11.538. Одновременно съ принцемъ Георгомъ возвышенъ былъ и принцъ Гольштейнъ-Бекскій, находившійся въ русской службѣ еще въ царствованіе Елисаветы. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ помянутаго совѣта.

видамъ Петра. Дѣйствительно, до самаго исхода мая мѣсяца Симолину писалось только о Биронѣ и его правахъ; въ такомъ же смыслѣ данъ былъ отвѣтъ и курляндской депутаціи при ея отпускѣ. Императоръ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, * „сколь мало съ фундаментальными правами герцогства Курляндскаго сходственно имѣть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей". Обо всемъ этомъ депутаты были уполномочены объявить курляндскому рыцарству и земству и присовокупить, „что Е. И. В., безъ утраты времени, чрезъ своего акредитованнаго министра *о еще потребномъ* къ сему полезному намѣренію имъ дать знать изволитъ".

Объ этомъ *потребномъ* для блага Курляндіи предполагалось возвѣстить чрезъ особое вполнѣ довѣренное лицо, а именно чрезъ извѣстнаго уже намъ А. В. Гудовича. ** На него возлагалось, какъ видно изъ заготовленной на его имя инструкціи, объяснить Курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть терпимъ на герцогскомъ престолѣ, и что прежній и единственно законный ихъ герцогъ Эрнстъ-Іоганъ, будучи на свободѣ, долженъ вступить въ свои права. Но Гудовичу поручалось открыть „наиболѣе благонамѣреннымъ" изъ Курляндцевъ что Бирона отказывается отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга. „Если, сказано между прочимъ въ этой инструкціи, усмотрите вы какое-либо между ними (Курляндцами) со стороны Польскаго двора и республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и короля Прусскаго протекціей обнадеживать, а въ случаѣ надобности и формально сіе обнадеживаніе дать. Но за верхъ вашего искусства и всѣхъ услугъ поставили бы мы, еслибъ вы предуспѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя съ сво-

---

* *Дѣла Курл.* 1762 г. № 5.

** Тамъ же, № 8. Рескриптъ былъ заготовленъ на его имя 2-го мая.

имъ герцогомъ въ нашу протекцію, подъ гарантію его величества; а кондиціи могутъ себѣ выговорить какія сами пожелаютъ."

Посольство Гудовича не состоялось, а Симолину не было открыто то къ чему съ такимъ жаромъ и, такъ сказать, не торгуясь стремилось русское правительство. Соглашеніе съ Бирономъ подвигалось туго, и еще 3-го іюня канцлеръ видѣлъ себя вынужденнымъ сообщить Симолину о своихъ видахъ лишь намеками: „Мы никогда допустить не можемъ, чтобы принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ престоломъ, въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ," * писалъ онъ съ твердостію, которой могъ бы позавидовать самъ Фридрихъ, защитникъ протестантизма; но затѣмъ онъ дѣлалъ заключеніе, намекавшее на неопредѣленное положеніе дѣлъ въ Петербургѣ: „мы намѣрены, писалъ онъ, герцога Эрнста-Іогана *на нѣкоторое время* во владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ оставить, тѣмъ паипаче что онъ, въ разсужденіи партикулярныхъ своихъ обстоятельствъ, *можетъ-быть, склонится уступить Курляндію другому герцогу евангелической вѣры*". Рѣшеніе императора было твердо, но не легко было привести оное въ исполненіе. Для этого, и именно съ цѣлію лишить принца Карла его доходовъ, а съ ними и средствъ набирать себѣ приверженцевъ, тѣмъ же рескриптомъ повелѣвалось на герцогскія имѣнія снова наложить секвестръ. Этотъ рескриптъ, не взирая на свои недомолвки, могъ раскрыть Симолину истинное положеніе дѣлъ; но онъ получепъ былъ въ Митавѣ около 10-го іюня, а тамъ между тѣмъ началась сильная агитація на почвѣ Бироновыхъ правъ. Главнымъ поводомъ къ ней было возвращеніе Гейкинга и Плетенберга и возникшее между ними разногласіе. Плетенбергъ возвратился первымъ, именно въ концѣ апрѣля или началѣ мая.** Не заѣзжая въ Митаву, онъ проѣхалъ прямо къ

---

* Переводъ съ этого рескрипта, какъ видно изъ помѣтокъ на отпускѣ онаго, былъ сообщенъ принцу Георгу.

** См. реляціи Симолина отъ 25-го мая и 15-го іюня, а также приложенія къ нимъ. Въ особомъ дѣлѣ (№ 5) о пребываніи въ Петербургѣ курляндскихъ депутатовъ имѣется заготовленная для нихъ

своему дѣду, каммергеру Бутлеру, къ которому поспѣшило собраться окрестное дворянство, и здѣсь начались толки, которыми Симолинъ былъ очень недоволенъ. Между тѣмъ Гейкингъ оставался еще въ Петербургѣ. Будучи болѣе своего товарища сторонникомъ Россіи, онъ вполнѣ вошелъ, когда остался одинъ, въ виды русскаго правительства, — по крайней мѣрѣ на сколько они были ему открыты. На отпускной аудіенціи государь сказалъ ему, что онъ „герцога Эрнста-Іогана, законнаго государя Курляндіи, не только освободилъ, но и хощетъ его такъ подкрѣпить, чтобы при несомнѣнномъ его правѣ, счастіе и благополучіе Курляндіи.... на крѣпкомъ основаніи находилось.“ Пріѣхавъ въ Митаву, Гейкингъ сдѣлался усерднымъ провозглашателемъ правъ Бирона; не довольствуясь словесною пропагандой въ столицѣ герцогства, онъ написалъ циркулярное письмо, заключавшее въ себѣ отчетъ о петербургской его поѣздкѣ, и разослалъ оное по кирхшпилямъ. Естественно, письмо это попало въ руки партіи начавшей группироваться вокругъ старика Бутлера и Плетенберга. Послѣдній изъ нихъ счелъ своею обязанностію дать отпоръ Гейкингу, и написалъ ему письмо, распущенное также по рукамъ во множествѣ копій, въ которомъ выражалось удивленіе, что нѣкоторымъ словамъ инструкціи, данной имъ ландтагомъ, бывшій его соделегатъ далъ совершенно произвольное и неодобряемое имъ, Плетенбергомъ, толкованіе. „Находящіяся въ нашей инструкціи слова объ измѣненіяхъ, которыя Курляндія по положенію своему претерпѣвала,—писалъ онъ,—въ ономъ письмѣ не только упомянуты, но и въ такой силѣ истолкованы, якобы благородное рыцарство и земство оными словами о несогласіи между ими и его королевскимъ высочествомъ разумѣло. При моемъ въ Петербургѣ пребываніи о несогласіяхъ кои въ герцогствѣ состоятъ ничего упомянуто не было, а потому, безъ сомнѣнія, ваше высокоблагородіе по отъѣздѣ моемъ такую негоціацію начали.“ Но, заключалъ Плетенбергъ, такіе перего-

---

нота, изъ помѣты на коей можно заключать что Плетенбергъ уѣхалъ еще въ апрѣлѣ.

воры съ иностранными державами я почитаю законопротивными и протестую противъ всякаго съ моей стороны участія въ нихъ. Такое колкое объясненіе вызвало отвѣтъ Гейкинга, который, не вдаваясь въ полемику со своимъ противникомъ, пользовался случаемъ чтобъ еще разъ во всеуслышаніе провозгласить о правахъ Бирона....

Между тѣмъ переговоры съ Бирономъ окончились. Когда именно онъ подписалъ отреченіе въ пользу принца Георга, на это нѣтъ прямыхъ указаній въ дѣлахъ Московскаго архива, но это должно было, очевидно, произойти въ промежутокъ времени между 3-мъ іюня,—когда графъ Воронцовъ извѣщалъ Симолина что Бирон*ъ можетъ-быть* согласится отречься отъ своихъ правъ,—и 8-мъ іюня, когда былъ подписанъ уполномоченными союзный трактатъ съ Пруссіей, въ которомъ упоминается объ отреченіи Бирона какъ о фактѣ уже совершившемся. * Недовольный, повидимому, образомъ дѣйствія графа Воронцова, принцъ Георгъ рѣшился взять въ свои руки курляндскія дѣла вообще. Въ рескриптѣ отъ 3-го іюня распоряженіе касающееся секвестра герцогскихъ имѣній сдѣлано согласно его собственноручной запискѣ (на нѣмецкомъ языкѣ, съ переводомъ Сальдерна); всѣ послѣдующіе рескрипты составлялись первоначально по-нѣмецки, очевидно для того чтобъ быть предварительно представленными принцу, для удобствъ котораго велѣно были Симолину ** писать свои донесенія и по-русски, и по-нѣмецки. Впрочемъ это послѣднее распоряженіе сдѣлано было 25-го іюня и заключается въ томъ же рескриптѣ, коимъ резиденту нашему было разрѣшено объявить, что герцогъ Эрнстъ-Іоганъ „только претекстомъ служитъ“, и что онъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу.

Но такая запутанная политика произвела запутанность и въ положеніи дѣлъ. Въ продолженіе полугода Симолину приходилось формировать партію въ третій разъ и производить агитацію въ пользу третьяго претендента. Умы начи-

---

* См. тд. VI, стр. 164.

** *Курляндскія дѣла*, № 3.

кали раздражаться; самымъ податливымъ людямъ должно было надоѣсть и казаться неприличнымъ перемѣнять безпрестанно свое политическое знамя. Признаніе въ серіозныхъ затрудненіяхъ, съ которыми предстояло бороться Симолину, сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ его депеши отъ 15-го іюня: „Нынѣ, пишетъ онъ, здѣсь три партіи, одна для принца Карла, другая для герцога Эрнста-Іогана и третья для его высочества герцога Гольштейнъ-Готторпскаго. Первою руководствуетъ извѣстный Гейкингъ (однофамилецъ члена петербургской депутаціи), который предъ симъ бывалъ въ Дрезденѣ и при всякомъ случаѣ показывалъ свою неблагонамѣренность къ Россійскому двору. Его поступки всегда были сомнительны и только къ тому простирались, дабы завести въ земляхъ несогласія. Онъ напослѣдокъ соединился съ совѣтникомъ Цигенгорномъ и получилъ себѣ кредитъ у принца Карла, отъ котораго гауптманомъ дубенскимъ пожалованъ. Сей Гейкингъ и Цигенгорнъ употребляютъ всякіе способы на составленіе и содержаніе партіи принца Карла, состоящей главнѣйше въ арендаторахъ (герцогскихъ имѣній), которые хотя и не стали платить (герцогскому правительству) до должнаго указу, однакожь пребываютъ въ сомнѣніи по учиненнымъ отъ оныхъ Гейкинга и Цигенгорна нескладнымъ внушеніямъ, а именно, что здѣшнее правленіе никоимъ образомъ отмѣнено быть не можетъ, потому что оно защищеніе имѣетъ отъ другихъ дворовъ, своихъ свойственниковъ, и что будто его величество король Прусскій самъ склоненъ за него заступать у вашего императорскаго величества.... Тѣмъ которые мнѣ о семъ сообщали я доказывалъ неосновательность такихъ вредныхъ самому благу разсужденій и безнадежныхъ обѣщаній, присовѣтывая поступками заслуживать милость и награжденіе вашего императорскаго величества.... Что же касается до другой и третьей партіи, продолжалъ Симолинъ, то изъ нихъ нѣкоторые являютъ склонность къ тому и другому, однакоже наипаче ожидаютъ, какая далѣе принята будетъ резолюція отъ вашего императорскаго величества въ разсужденіи наложеннаго ареста на герцогскіе доходы. Подлинно, что секвестръ много можетъ

дѣйствовать въ здѣшнихъ дѣлахъ и совсѣмъ уничтожить партію принца Карла; ибо искусство доказало, сколь они, Курляндцы, привыкли размѣривать сентименты и преданность къ своимъ партикулярнымъ видамъ, почему современемъ иногда можно будетъ соединить всѣ партіи въ пользу того, котораго ваше императорское величество истинно намѣрены назначить къ симъ герцогствамъ.“ Но неизвѣстность „истинныхъ“ намѣреній Русскаго двора приводила въ смущеніе самыхъ преданныхъ его сторонниковъ, и, съ другой стороны, ободряло его противниковъ. Полемика между Плетенбергомъ и Гейкингомъ подала поводъ къ новымъ заявленіямъ. По извѣстію Симолина, кѣмъ-то было написано и пущено безыменное письмо, авторъ котораго, „похваляя поведеніе и честные сентименты Плетенберговы, позволялъ себѣ обругать и обвинить всячески Гейкинга, будто онъ поступалъ противу земскихъ законовъ, вѣрности и обязательства рыцарства. Содержаніе онаго столь отважно, сколь и возмутительно для здѣшняго шляхетства. Авторъ, вступая не въ принадлежащее для него разсужденіе, не только защищаетъ право и преимущество короля и республики Польской, показывая на трактаты при избраніи герцога Бирона и принца Карла..., но и не стыдится научать, что ваше императорское величество не можете мѣшаться въ это дѣло, яко потому единственно отъ короля и республики зависящее, не упоминая однако о тѣхъ гарантіяхъ, которыя даны отъ всепресвѣтлѣйшихъ вашихъ предковъ на подлежащія республикѣ провинціи и, устрашая, уговариваетъ шляхетство самыми неосновательными мнѣніями, не имѣть сношеній съ чужими дворами, но вѣрными оставаться его королевскому высочеству.“

Агитація, которую производили нѣкоторые члены курляндскаго дворянства, начинала принимать довольно непріятное для нашей политики направленіе. Плетенбергъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Вигандомъ, отправился въ Литву для свиданія съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ литовскимъ, послѣ чего онъ предполагалъ ѣхать въ Варшаву; въ августѣ ожидали возвращенія изъ-за границы принца

Карла, и трудно предвидѣть чѣмъ кончились бы дѣла въ Курляндіи, еслибы за нихъ не взялась наконецъ менѣе прихотливая и болѣе твердая рука. Но рескриптъ на имя Симолина, извѣщавшій его объ отреченіи Бирона въ пользу принца Георга, былъ послѣднимъ въ царствованіе Петра; три дня спустя вступила на престолъ Екатерина. Какъ извѣстно, она устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и настояла на прямомъ и безусловномъ возстановленіи перваго изъ нихъ въ его правахъ; 4-го августа подписанъ былъ императрицей актъ, которымъ она снимала секвестръ съ герцогскихъ имѣній и возвращала Бирону всѣ владѣнія дарованныя ему лично Анной Іоанновной. Съ своей стороны, Биронъ, отрицаясь за себя отъ всякихъ претензій противъ Россіи, обнадежилъ въ дѣйствительномъ исполненіи обязательствъ, данныхъ герцогомъ Карломъ Елисаветѣ Петровнѣ, и между прочимъ взялся отстроить православную церковь въ Митавѣ, къ чему, какъ можно судить по словамъ заключеннаго въ 1762 г. акта, едва ли было и приступлено. Биронъ отправился сначала въ Ригу, откуда ему было удобнѣе нежели изъ Петербурга вести переговоры со своими приверженцами и дѣйствовать на своихъ противниковъ. Изъ донесенія Симолина и рижскаго генералъ-губернатора Брауна оказывается, что рыцарство не обнаружило непріязни къ Бирону. Для однихъ онъ былъ единственнымъ герцогомъ, уклоненіе отъ вѣрноподданства которому было преступленіемъ; другіе,—и такихъ было весьма много,—склонялись на его сторону изъ опасенія католическаго вліянія, которое, безъ сомнѣнія, не замедлило бы обнаружиться при принцѣ Карлѣ. Для всѣхъ, наконецъ, освобожденіе герцогскихъ имѣній отъ долговъ и секвестра стояло на первомъ планѣ. Что касается до короля Августа, то онъ долго протестовалъ противъ рѣшенія принятаго новымъ русскимъ правительствомъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, это рѣшеніе было неизмѣнно, а съ другой, настоянія короля въ пользу своего сына не встрѣчали поддержки въ польскомъ сенатѣ, то онъ былъ принужденъ наконецъ признать совершившійся фактъ и покориться ему.

Между тѣмъ съ Прусскимъ дворомъ продолжались дѣятельныя сношенія. Вслѣдъ за подписаніемъ въ Петербургѣ мирнаго договора 24-го апрѣля назначенъ былъ къ Берлинскому двору полномочный министръ, и для этого весьма въ то время важнаго поста избранъ былъ молодой человѣкъ, которому въ послѣдствіи суждено было занять видное мѣсто въ ряду русскихъ военачальниковъ, администраторовъ и дипломатовъ,—князь Н. В. Репнинъ, сынъ стараго генерала, состоявшаго нѣкоторое время оберъ-гофмаршаломъ при великокняжескомъ дворѣ. Ему было только 28 лѣтъ; но еще ранѣе, именно въ 1759 году, мы уже встрѣчаемъ его,—правда, не облеченнымъ еще властію, но уже въ весьма видномъ положеніи,—именно военнымъ агентомъ съ русской стороны при французской арміи, откуда онъ посылалъ въ Петербургъ свои замѣчанія о ходѣ военныхъ дѣйствій. * Это было блестящее начало. Репнинъ могъ быть увѣренъ, что онъ будетъ осыпанъ въ Берлинѣ знаками вниманія, а вниманіе короля Прусскаго ручалось за милости императора. Положеніе Репнина представляло и особливыя выгоды: ему приказано было представиться непосредственно самому Фридриху, ѣхать прямо туда гдѣ король находится и, слѣдовательно, состоять лично при немъ; пося званіе полномочнаго министра, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ облеченъ и обязанностями принадлежащими военному агенту. ** Репнинъ выѣхалъ изъ Петербурга больной, *** и поскакалъ прямо въ Бреславль, гдѣ была главная квартира короля. Въ Бреславлѣ же находился графъ З. Г. Чернышевъ, который въ предшествующее царствованіе состоялъ со своимъ

См. дѣла воен. топогр. депо подъ означеннымъ годомъ.

** См. рескриптъ на имя Репнина отъ 16-го мая въ *Делахъ Прусск.* № 10.

*** Репнинъ выѣхалъ 11-го мая; указъ о его назначеніи послѣдовалъ 8-го мая; но рескриптъ на его имя подписанъ 16-го, слѣдовательно черезъ пять дней послѣ его выѣзда. Зачѣмъ такъ медлили рескриптомъ или зачѣмъ такъ спѣшили отправленіемъ Репнина изъ Петербурга, кажется, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ суетливостью и путаницей, которая замѣчается во всѣхъ вѣдомствахъ съ самаго начала новаго царствованія.

корпусомъ въ распоряженіи австрійскаго фельдмаршала Лаудона, а по прекращеніи войны со стороны Россіи, слѣдовалъ изъ Силезіи въ Познань. Репнинъ немедленно отыскалъ Чернышева, а тотъ, пользуясь боевою безъэтикетностію, тотчасъ же доложилъ королю о прибытіи русскаго посланника. Аудіенція назначена была на слѣдующее утро; обязанность министра иностранныхъ дѣлъ исполнялъ въ настоящемъ случаѣ королевскій генералъ-адъютантъ Круземаркъ; онъ ввелъ князя Репнина въ кабинетъ Фридриха Великаго. Послѣ обычнаго „комплимента“ Репнинъ передалъ королю о желаніи своего государя образовать конференцію для разрѣшенія датско-голштинскихъ споровъ на условіяхъ, которыя намъ уже извѣстны. Король отвѣчалъ, что нужныя приказанія уже посланы графу Финкенштейну, „которому, доноситъ князь Репнинъ, король проситъ чтобъ сами в. и. в. прямо повелѣвать изволили, а онъ ему указалъ в. и. в-ва приказамъ во всемъ повиноваться“. Король пригласилъ русскаго посланника въ тотъ же день отвѣдать его походной кухни, и точно такое же приглашеніе повторилъ назавтра. Оба раза у него обѣдалъ и графъ Чернышевъ, и оба раза король пилъ за здоровье своего дорогаго сосѣда и друга, присовокупляя, по словамъ Репнина, „что онъ не можетъ довольно часто столь дражайшее здоровье пить“. *

Еще больше ласокъ было расточаемо въ Петербургѣ посланнику Прусскаго короля. Баронъ Гольцъ, какъ уже было сказано, пріѣхалъ 21-го февраля н. ст.; едва оправившись отъ дороги, онъ поспѣшилъ къ британскому посланнику. Сэръ-Кейтъ принялъ его очень дружелюбно, оставилъ обѣдать у себя, и за столомъ сообщилъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ при Петербургскомъ дворѣ, назвавъ какъ тѣхъ, на которыхъ было можно разчитывать королю, такъ и тѣхъ, которые были непріязненно къ нему расположены. „Число послѣднихъ, доносилъ Гольцъ, далеко превосходитъ число первыхъ“; но, прибавлялъ онъ со словъ своего собесѣдника, „образъ мыслей новаго госуда-

* *Прусск. дѣла*, № 10, рел. кн. Репнина отъ 30-го іюня.

ря и расположеніе нѣсколькихъ лицъ, мнѣнія которыхъ е. в. выслушиваетъ, повидимому обѣщаютъ намъ успѣхъ". * Дѣйствительно, за исключеніемъ самого Петра, въ довольно большомъ числѣ депешъ прусскаго дипломата мы находимъ весьма мало именъ этихъ доброжелателей, а именно принца Георга и Сальдерна—только; къ числу ихъ можно, пожалуй, по догадкамъ, присоединить еще 4—5 человѣкъ, каковы М. И. Воронцовъ, Н. И. Корфъ, Гудовичъ, Гольштейнъ-Бекъ. За то расположеніе государя къ Фридриху выразилось самымъ сильнымъ образомъ. Вотъ какъ описываетъ баронъ Гольцъ свою первую аудіенцію у Петра III: **

„Вчера я представлялся е. в-ву императору. Едва давъ мнѣ кончить очень коротенькое привѣтствіе по поводу вступленія его на престолъ и засвидѣтельствованіе дружбы в. в-ва, императоръ выразилъ мнѣ живѣйшія увѣренія въ уваженіи, дружбѣ и безкопечномъ почтеніи, которыя онъ всегда питалъ къ в. в-ву и которыя надѣется доказать самымъ недвусмысленнымъ образомъ; къ этому е. в. прибавилъ мнѣ на ухо, что имѣетъ еще многое сообщить мнѣ." Аудіенція происходила предъ обѣдней. Прусскій посланникъ послѣдовалъ въ церковь за государемъ, который указалъ ему мѣсто возлѣ себя. „Во время богослуженія, продолжаетъ Гольцъ, императоръ много говорилъ со мною какъ о в. в-вѣ, такъ и о прусской арміи, о которой онъ имѣетъ поразительно полныя свѣдѣнія; нѣтъ полка въ арміи в. в-ва, въ коихъ онъ не зналъ бы поименно трехъ или четырехъ послѣдне-назначенныхъ командировъ и многихъ старшихъ офицеровъ. По выходѣ изъ церкви, мнѣ было приказано обѣдать у ихъ в-въ. Во время стола е. в. послалъ мнѣ сказать на ухо, что онъ пьетъ безъ церемоніи за здоровье в. в-ва, и что этотъ тостъ болѣе всѣхъ ему интересенъ. Послѣ обѣда е. в. спросилъ у меня, снабженъ ли я полномочіемъ для того чтобъ окончить дѣла какъ можно скорѣе, чего е. в. желаетъ больше всего на свѣтѣ; я отвѣчалъ, что в. в-ву угодно было довѣрить мнѣ

---

* Прилож. XV. Депеша отъ 23-го февр. (6-го марта).

** Деп. отъ 25-го февр. (8-го марта).

полномочія, и что я ожидаю лишь приказаній и изложенія видовъ е. в-ва относительно устройства дѣлъ одинаково желательнаго обоимъ дворамъ, на что̀ е. и. в. обѣщалъ доставить мнѣ чрезъ нѣсколько дней выраженіе своихъ мыслей."

Вечеръ того же дня баронъ Гольцъ провелъ во дворцѣ и ужиналъ у государя, съ которымъ игралъ въ карты, и который показывалъ ему разные имѣющіеся у него портреты Прусскаго короля. Наконецъ послѣ ужина Петръ распространился въ разговорахъ съ нимъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ терпѣлъ въ предшествующее царствованіе за то, что не скрывалъ привязанности своей къ королю Прусскому, и въ заключеніе выразилъ желаніе имѣть прусскіе ордена *Чернаго Орла* и *За Заслугу*.

Таковъ былъ пріемъ оказанный государемъ прусскому посланнику. Этотъ послѣдній былъ съ перваго же дня поставленъ въ такое положеніе, что ему, повидимому, нечего было заботиться мало или велико число друзей Пруссіи въ Петербургѣ, пока государь былъ живъ и оставался вѣренъ своему образу мыслей. Впрочемъ Гольцъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Петру, долженъ былъ сблизиться съ приверженцами Пруссіи, изъ коихъ первымъ былъ принцъ Георгъ. Какъ извѣстно, этотъ принцъ поставленъ былъ на такую высоту, что никто въ Россіи не могъ съ нимъ считаться. Но часть дипломатическаго корпуса не согласилась сдѣлать въ его пользу уступки изъ общепринятыхъ правилъ этикета. Представители дворовъ Французскаго, Австрійскаго и Испанскаго, носившіе названіе *пословъ*, не хотѣли сдѣлать ему визитъ первые, хотя, какъ сообщалъ канцлеръ именемъ государя нашимъ миссіямъ, „мы требовали этого какъ дѣла совмѣстнаго съ достоинствомъ нашего дома": Упрямые въ дѣлѣ этикета дипломаты объявили, что имъ необходимо для этого разрѣшеніе ихъ правительствъ, а наше, съ своей стороны, дало имъ знать, что до того времени они не будутъ допущены на аудіенцію для представленія своихъ вѣрительныхъ грамотъ.* Государь былъ чрезвычайно

---

* Циркуляръ отъ 10-го марта.

раздраженъ этимъ недостаткомъ уваженія къ своему дядѣ, и напротивъ, очень признателенъ тѣмъ посольствамъ, которыя были болѣе сговорчивы. Баронъ Гольцъ, разумѣется, тотчасъ же поспѣшилъ сдѣлать визитъ принцу, и за то на другой же день послѣ пріемной своей аудіенціи, онъ получилъ приглашеніе отъ государя къ обѣду у его дяди. *

Между тѣмъ баронъ Гольцъ получилъ отъ своего короля депешу, въ которой ему предписывалось не начинать самому переговоровъ о замиреніи, а ожидать предложеній о томъ съ русской стороны.** Поэтому, не взирая на явный къ тому вызовъ со стороны самого государя въ день достопамятной аудіенціи, Гольцъ не дѣлалъ никакихъ предложеній. Предписаніе Фридриха было основано на вѣрномъ пониманіи характера Петра III. Дѣйствительно, въ своемъ нетерпѣніи онъ пригласилъ къ себѣ прусскаго посланника и выразилъ желаніе имѣть составленный въ Берлинѣ проектъ мирнаго трактата, заявивъ съ своей стороны, что онъ совершенно расположенъ возвратить Пруссіи занятыя русскими войсками ея провинціи, возстановить прежнія границы и гарантировать оспариваемыя Австріей прусскія графства Глацъ и Силезію, требуя въ замѣнъ лишь гарантіи Гольштейна. „Мнѣ кажется, что кромѣ того императоръ нечуждъ мысли о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ съ вашимъ величествомъ, писалъ Гольцъ,*** при чемъ ему хотѣлось бы получить въ свое распоряженіе отрядъ прусскихъ войскъ, взамѣнъ чего онъ готовъ 12-ти-тысячный русскій отрядъ присоединить къ прусской арміи“. **** Баронъ Гольцъ однажды намекнулъ государю, что король очень былъ бы доволенъ, еслибы могъ набирать рекрутъ въ прусскихъ провинціяхъ занятыхъ еще Русскими, и получилъ увѣреніе, что тотчасъ же сдѣлано будетъ надлежащее распоряженіе. † Изыскивая средства сдѣлать

---

* Донесеніе отъ 25-го февраля (8-го марта), Прилож. XV.

** Рескриптъ отъ 22-го февраля н. ст.

*** Донес. отъ 2-го (13-го) марта.

**** Донес. отъ 26-го марта (6-го апрѣля).

† Деп. отъ 2-го (13-го) марта.

удовольствіе Фридриху, государь приказалъ своему посланнику въ Швеціи стараться чтобы власть короля Шведскаго, женатаго на сестрѣ Прусскаго короля, сильно ограниченная конституціей 1720 года, была увеличена. „Ваше величество изволите усмотрѣть изъ этого, до какой степени простирается привязанность императора къ семейству вашему, ибо, я думаю, едва ли когда-либо Русскій государь ходатайствовалъ за усиленіе верховной власти въ Швеціи," доносилъ по этому поводу Гольцъ. *

Разумѣется, за всѣ эти услуги Фридрихъ могъ отплачивать своему поклоннику и другу только мелкими любезностями. Такъ, напримѣръ, по первому слову барона Гольца, онъ поспѣшилъ послать Петру орденъ Чернаго Орла. ** Поднесеніе и принятіе этого ордена сопровождалось большою торжественностію; знаки онаго возложены были на государя принцемъ Георгомъ. „Вслѣдъ за тѣмъ, пишетъ Гольцъ, его императорское величество прошелъ въ апартаменты гдѣ находились придворные, чтобы засвидѣтельствовать объ удовольствіи, которое ему доставило это доказательство дружбы вашего величества, причемъ онъ показывалъ письмо ваше многимъ дамамъ и кавалерамъ. Около двухъ часовъ, его величество сѣлъ за столъ. Онъ провозгласилъ здоровье вашего величества, о чемъ салютаціонные выстрѣлы извѣстили господъ посланниковъ французскаго и австрійскаго." *** Послѣ обѣда, какъ разказываетъ Гольцъ, государь еще долго разговаривалъ съ нимъ о желаніи своемъ, чтобы поскорѣе получены были изъ Берлина мирныя предложенія, и затѣмъ, подозвавъ канцлера, выражалъ ему сочувствіе за его предан-

---

* Деп. отъ 26-го марта (6-го апрѣля).

** По этому поводу Фридрихъ, не пропускавшій случая посмѣяться даже надъ самыми серіозными вещами, писалъ къ англійскому посланнику въ Берлинѣ: „Вотъ очень странный кавалеръ (ордена Чернаго Орла), любезный г. Митчель: онъ продовольствуетъ 80 т. человѣкъ на мой счетъ (въ Восточной Пруссіи); это, впрочемъ, единственный изъ кавалеровъ этого ордена, который дозволяетъ себѣ такія вольности" (*Oeuvres de Fred.*, Berlin, t. XXV).

*** Деп. отъ 12-го (23-го) марта.

ность Пруссіи, за которую онъ будто бы много пострадалъ въ предшествующее царствованіе.

Такимъ образомъ баронъ Гольцъ могъ быть совершенно спокоенъ въ отношеніи Петра, а его воля все рѣшала и всему давала направленіе. Тѣмъ не менѣе онъ съ безпокойствомъ замѣчалъ, какъ мало было въ Петербургѣ людей раздѣлявшихъ образъ мыслей своего государя. Въ депешѣ отъ 2-го (13-го) марта онъ просилъ короля какъ можно спѣшить присылкой проекта мирнаго трактата, потому что „промедленіемъ могли бы воспользоваться люди противной партіи, число которыхъ очень велико". Нѣсколько дней спустя, собравъ болѣе свѣдѣній о настроеніи умовъ въ Петербургѣ, онъ писалъ въ Берлинъ, что французское посольство не теряетъ надежды на сохраненіе обязательствъ заключенныхъ покойною императрицей, ибо извѣстный любимецъ государя и главный дѣлецъ Волковъ вполнѣ преданъ врагамъ Пруссіи, о чемъ свидѣтельствуетъ-де перехваченная депеша французскаго посланника. „Этотъ Волковъ, писалъ Гольцъ, имѣетъ чинъ статскаго совѣтника и состоитъ секретаремъ при его императорскомъ величествѣ: онъ дѣйствительно принадлежитъ къ *лигѣ* и получаетъ деньги отъ нея. Надѣюсь, что перехваченный документъ поможетъ намъ сломать ему шею. Генералъ Мельгуновъ и Шуваловъ, фаворитъ покойной императрицы, принадлежатъ къ Волковской шайкѣ. Первый, говорятъ, будетъ посланъ къ вашему величеству съ благодарностію за орденъ. Онъ вполнѣ принадлежитъ нашимъ непріятелямъ, но императоръ, который не подозрѣваетъ этого, весьма расположенъ къ нему и будетъ очень признателенъ за хорошій пріемъ ему въ Берлинѣ, о чемъ я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего величества. Что касается до Шувалова, то онъ сдѣланъ вчера начальникомъ кадетскаго корпуса, благодаря его другу Мельгунову. Всѣ эти господа искусно скрываютъ отъ государя свою игру, но я льщу себя надеждою, что помянутая депеша поможетъ намъ съ Кейтомъ обличить ихъ. Я приготовляю описаніе личностей, окружающихъ императора. Осмѣливаюсь увѣрить ваше величество, что въ этой стра-

нѣ все интригуетъ (dans ce pays-ci tout est cabale), и даже женщины въ своихъ любовныхъ шашняхъ работаютъ въ пользу кого-нибудь или чего-нибудь." *

Утвердившись на такой точкѣ зрѣнія, баронъ Гольцъ просилъ короля оказать какую-нибудь „приличную и значительную любезность" Е. Р. Воронцовой, что̀ вѣроятно-де было бы пріятно и государю, прислать табакерку съ королевскимъ портретомъ Сальдерну и орденъ Чернаго Орла принцамъ Георгу и Гольштейнъ-Бекскому, изъ коихъ послѣдній не иначе какъ со слезами на глазахъ, писалъ баронъ Гольцъ, говоритъ о дружбѣ императора къ вашему величеству. Признательностію всѣхъ этихъ лицъ, близкихъ къ государю, прусскому посланнику казалось не безполезнымъ заручиться въ виду непріязненности почти всего двора къ Пруссіи. Особенно безпокоилъ его Мельгуновъ, котораго онъ называлъ однимъ изъ самыхъ способныхъ людей въ Россіи.

Въ послѣднихъ числахъ марта пріѣхалъ графъ Шверинъ, адъютантъ Фридриха, и привезъ проектъ мирнаго трактата съ письмомъ короля. Государь выразилъ Гольцу желаніе чтобы конференціи открылись немедленно и назначилъ Волкова, очевидно не подозрѣвая что прусскому дипломату такое назначеніе было не совсѣмъ пріятно. Но такъ такъ вопросъ о мирѣ былъ рѣшенъ и, притомъ, такъ какъ баронъ Гольцъ ежедневно видалъ государя, бесѣдовалъ съ нимъ и пользовался величайшею довѣренностію съ его стороны, то дѣло не могло ни затянуться, ни уклониться отъ того характера самопожертвованія, который неоднократно заявленъ самимъ государемъ. Трактатъ былъ подписанъ 24-го апрѣля, а ратификаціи обмѣнены 24-го мая. Затѣмъ оставалось положить основанія прочному союзу между Россіей и Пруссіей, который составлялъ предметъ горячихъ желаній Петра III.

---

* Деп. отъ 12-го (23-го) и 27-го марта (7-го апрѣля).

VI.

Инструкція Петра III Сальдерну.—Трактатъ 8-го іюня.—Не изданныя его статьи.—Характеръ заключающейся въ нихъ политической системы.—Настроеніе умовъ въ Петербургѣ.—Военныя силы Россіи.—Инструкція Румянцову.—Начало военныхъ дѣйствій.—Отчаянное положеніе дѣйствующей арміи.—Рапортъ Румянцова Екатеринѣ II.

„1) Die Restitution Schleswig, Femern et (sic) Heiligland. 2) Zur Wiedervergütung die dänische Hälfte von Holstein mit allen Vestungen die dazu gehören. *Peter.*“ Такова была лаконическая инструкція данная Петромъ III Сальдерну при отправленіи его на Берлинскій конгрессъ.* Сальдернъ числился въ это время не болѣе какъ конференцъ-совѣтникомъ, но мы уже видѣли, что онъ въ дѣйствительности былъ главнымъ дѣльцомъ въ сложномъ дѣлѣ о курляндскомъ престолѣ, и не подлежитъ сомнѣнію, что ему предстояло играть на предположенномъ конгрессѣ первенствующую роль, потому что, находясь у самаго источника тогдашней политической системы, онъ долженъ былъ лучше знать ея тайны чѣмъ его товарищъ, Корфъ. Онъ прибылъ въ Берлинъ 26-го іюня. Короля тамъ еще не было; о датскихъ уполномоченныхъ не было и слуха; графъ Финкенштейнъ, долженствовавшій предсѣдательствовать въ совѣщаніяхъ, хотя и находился въ Берлинѣ, не имѣлъ еще никакихъ инструкцій отъ своего государя, а между тѣмъ оставалось всего четыре дня до открытія конгресса. Явно было что дѣлу не разрѣшиться путемъ переговоровъ, и что война неминуема.

Но война между Россіей и Даніей должна была происходить близъ границъ Пруссіи, и притомъ Фридриху, при

---

* *Дѣла Прусск.* № 11. „1 Возвращеніе Шлезвига, Фемерна и Гельголанда. 2) Въ вознагражденіе за убытки отдача датской половины Гольштейна со всѣми крѣпостями къ оной принадлежащими.“

тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливались между нимъ и Петромъ III, едва ли можно было бы уклониться отъ непосредственнаго въ ней участія. Дѣйствительно, 25-го марта государь коснулся въ разговорѣ съ Гольцемъ своего желанія чтобы Пруссія приняла участіе въ голштинско-датскихъ дѣлахъ. „Я старался увѣрить его въ добрыхъ намѣреніяхъ вашего величества, доносилъ Гольцъ, * но и далъ почувствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, что имѣя на рукахъ тяжелую войну, вашему величеству невозможно будетъ отдѣлить часть своихъ войскъ для содѣйствія его предположеніямъ, и что я нахожу болѣе достойнымъ его величества отказаться отъ нѣсколькихъ клочковъ земли, которые могло бы доставить ему оружіе, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться миротворцемъ Сѣвера. Его императорское величество отвѣчалъ на это, что онъ не требуетъ войскъ теперь же и отъ всей души желаетъ, чтобы ваше величество съ успѣхомъ употребляли ихъ противъ своихъ враговъ, но что онъ хотѣлъ бы ихъ содѣйствія въ случаѣ надобности, и что съ своей стороны онъ отдалъ бы въ ваше распоряженіе двѣнадцати-тысячный корпусъ. Я думаю, замѣчалъ прусскій посланникъ, что можно было бы получить этотъ корпусъ немедленно, еслибы вашему величеству угодно было войти въ виды императора касательно Гольштейна.“ Предвидя это, Фридрихъ еще 21-го марта (н. ст.) ** предупреждалъ барона Гольца, что на него возложено будетъ ходатайствовать, взамѣнъ услугъ (complaisances) по голштинскимъ дѣламъ, о вооруженной помощи Россіи, съ тѣмъ чтобы принудить непріятелей Пруссіи къ возвращенію ей всѣхъ занятыхъ ими областей. Снабженный такимъ наставленіемъ, баронъ Гольцъ ожидалъ приглашенія начать переговоры о союзномъ трактатѣ. „Министерство сильно занято датскими дѣлами и пріисканіями способовъ вести войну, доносилъ баронъ Гольцъ отъ 25-го мая (6-го іюня); поэтому переговоры о союзѣ замедлились, и устранить этого я былъ не въ состояніи. Однако мнѣ удалось имѣть конференцію съ принцемъ Георгомъ, на-

---

* Деп. отъ 26-го марта (6-го апрѣля), Прилож. XV.

** Тамъ же.

значеннымъ самимъ императоромъ, и съ канцлеромъ.“ Впрочемъ переговоры не могли быть долги; въ этой первой конференціи съ русской стороны прочтенъ былъ полный проектъ трактата съ сепаратными пунктами. Баронъ Гольцъ получилъ копію съ этого проекта; онъ нашелъ, что главный трактатъ былъ совершенно сходенъ съ трактатомъ 1743 года, кромѣ числа вспомогательныхъ съ обѣихъ сторонъ войскъ, но за то онъ остался недоволенъ сепаратными пунктами, гдѣ между прочимъ говорилось, что Берлинскій дворъ утвердитъ того кандидата на польскій престолъ, въ случаѣ его упраздненія, котораго укажетъ императорское правительство. Гольцъ потребовалъ, чтобъ это было измѣнено, и представилъ свой контръ-проектъ. Впрочемъ не въ сепаратныхъ пунктахъ заключалась важность съ точки зрѣнія Берлинскаго двора: ему надо было, какъ писалъ Фридрихъ своему посланнику отъ 21-го марта: 1) взамѣнъ „снисхожденія“ со стороны Пруссіи по голштинскимъ дѣламъ, добиться вооруженной медіаціи Россіи, съ тѣмъ чтобы принудить его противниковъ возвратить ему всѣ завоеванныя у него области, и 2) уклониться отъ обязательства немедленной помощи Россіи войскомъ, такъ какъ тяжелая и опасная война могла еще продлиться неопредѣленное время. Въ какой мѣрѣ удалось барону Гольцу осуществить виды своего государя видно изъ самаго трактата, напечатаннаго въ *Полномъ Собраніи Законовъ* (кромѣ секретныхъ пунктовъ). *

Въ первыхъ четырехъ пунктахъ этого трактата возвѣщалось о послѣдовавшемъ между обоими дворами утвержденіи дружбы и согласія касательно взаимной помощи. Эта помощь была опредѣлена въ 15 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 5 тысячъ конницы, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи, со всякаго рода военными припасами и пр., каковая помощь выговаривалась на все время „пока обиженная сторона, за такое причиненное ей насильство и неправду, совершенно награждена“ будетъ (п. 5). Положено было пополнять означенныя войска рекру-

---

* См. № 11.566.

тами и довольствовать жалованьемъ отъ *прошенной стороны* (п. 6), состоять же имъ въ подчиненіи главнокомандующаго *просящей стороны*, но подъ непосредственнымъ начальствомъ собственнаго генерала, которому предоставлялось право участвовать въ военныхъ совѣтахъ и подавать голосъ при обсужденіи военныхъ операцій (п. 7); постановлялось, чтобъ эти войска были не болѣе изнуряемы чѣмъ войска просящей стороны и по возможности вмѣстѣ съ послѣдними содержались и употреблялись (п. 8). Пункты 9 и 10 касались права войскъ просимой стороны имѣть своихъ священниковъ и участвовать въ добычѣ; далѣе постановлялось, что обстоятельства могутъ потребовать и болѣе того контингента, который значится въ п. 5, и что договаривающимся не препятствуется оказать другъ другу болѣе сильную помощь чѣмъ вышеозначенная (п. 11). Въ пунктѣ 12 объяснялось, что для обороны своихъ береговъ или для иной военной цѣли, королю Прусскому предоставляется требовать у своего союзника, вмѣсто сухопутнаго войска, нѣсколько кораблей. Точно также дозволялось замѣнить пособіе войсками соотвѣтствующимъ денежнымъ взносомъ, а именно—по 600.000 р. въ годъ (п. 13), причемъ договаривающіяся стороны обязывались, что одна сторона безъ согласія другой мира съ непріятелемъ не заключитъ и даже въ переговоры не вступитъ (п. 14); но за то постановлялось, что если прошенная сторона, уже послѣ подачи помощи, сама будетъ атакована, то послѣ двухъ мѣсяцевъ со дня заявленія о томъ своему союзнику, она можетъ отозвать принадлежащія ей войска для собственной своей защиты (п. 15). Далѣе было заявлено о правѣ другихъ державъ присоединяться къ настоящему договору (п. 17), о безпрепятственной торговлѣ между подданными обѣихъ сторонъ (п. 18) и о томъ что настоящій трактатъ заключенъ на 20 лѣтъ.

Сличая этотъ трактатъ съ предшествующими, мы замѣчаемъ, что всѣ они, такъ сказать, отлиты въ одну форму; но вглядываясь внимательно, мы усмотримъ и довольно важныя нововведенія. Такъ напримѣръ, прусская гарантія распространена была въ настоящемъ случаѣ и на тѣ владѣнія

Русскаго императора, коими онъ „внѣ Россійской имперіи владѣетъ“, и договаривающіяся стороны обязались взаимною помощью несравненно большею нежели прежде: по прежнимъ трактатамъ она опредѣлялась въ 3.000 пѣхоты и 2.000 конницы; подобнымъ же образомъ возвышена была и цифра субсидій, которая прежде ограничивалась 200.000 рублей. Въ настоящій трактатъ включена была сверхъ того оговорка, которой не находимъ въ прежнихъ, именно о томъ случаѣ когда бы пропенная сторона сама подверглась нападенію. Эта оговорка очень существенна. Очевидно, она не могла служить въ пользу Россіи, ибо на нее никто не думалъ нападать, и предполагавшееся движеніе ея арміи къ датскимъ границамъ не могло быть подведено подъ эту статью; но кампанія со стороны противниковъ Пруссіи могла начаться наступленіемъ на это государство, и тогда не могло ли прусское правительство потребовать русскаго вспомогательнаго корпуса? Такимъ образомъ, если не ошибаюсь, проведена была и осуществлялась мысль Фридриха, выраженная въ письмѣ къ барону Гольцу отъ 21-го марта.

Что̀ касается Петра, то его виды раскрываются во всемъ ихъ объемѣ въ приложенныхъ къ трактату секретныхъ и сепаратныхъ артикулахъ, къ которымъ мы и переходимъ. Въ настоящемъ случаѣ были составлены два сепаратные артикула. Первый изъ нихъ не имѣетъ большаго значенія; имъ постановляется, что, въ случаѣ войны Россіи съ Персіей или Пруссіи съ Англіей (а такія войны не предвидѣлись), условія о взаимномъ пособіи не имѣютъ мѣста; въ случаѣ же войны между Россіей и Турціей или между Пруссіей и Франціей, пособіе оказывается не войсками, а деньгами. Что́ касается до втораго сепаратнаго пункта, то въ немъ заключается взаимное обязательство Пруссіи и Россіи покровительствовать польскимъ диссидентамъ, какъ православнаго, такъ и протестантскаго исповѣданія. Это покровительство, какъ мы видѣли, издавна включаемо было въ трактаты между Россіей и Пруссіей. Второй сепаратный артикулъ договора 1762 года почти буквально переписанъ съ перваго сепаратнаго артикула трактата 1743 года, а этотъ послѣдній повторялъ

лишь то что было внесено въ договоры 1730 года * и что предоставлено Россіи по Московскому трактату 1686 года, а Пруссіи — по трактату Оливскому. Не приводимъ текста сепаратныхъ артикуловъ, такъ какъ онъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ*. Но въ этомъ сборникѣ не напечатаны секретные пункты, которые читатель встрѣтитъ здѣсь еще впервые на русскомъ языкѣ, въ копіи съ акта, за подписью графа Воронцова и барона Гольца, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. **

Артикулъ секретный I.

Въ постановленномъ и подписанномъ сегодня оборонительномъ трактатѣ хотя именно не выговорено и не постановлено ничего о законныхъ и справедливыхъ притязаніяхъ его императорскому величеству Всероссійскому, яко герцогу Голштинскому, на Шлезвигъ, по наслѣдственному праву принадлежащихъ; но понеже его королевское величество Прусское, для изъявленія искренней и непоколебимой дружбы своей, также въ разсужденіи сихъ толь законныхъ и неоспоримыхъ притязаній, склоненъ и готовъ дѣйствительно и всѣми способами вспомогать, чтобъ его императорское величество Всероссійское помянутое герцогство Шлезвигское отъ его величества короля Датскаго обратно получить и во всѣхъ справедливыхъ и законныхъ притязаніяхъ своихъ удовольствованъ быть могъ, то его королевское величество Прусское симъ секретнымъ артикуломъ обѣщаетъ и торжественнѣйше обязуется употребить сперва при Датскомъ дворѣ всѣ удобьвозможныя представленія и сильнѣйшія увѣщеванія, прилагая въ этомъ ревностнѣйшее стараніе свое, дабы Данія, не допуская до крайности, способомъ производимой съ его императорскимъ величествомъ Всероссійскимъ полюбовной негоціаціи, удовольствовала его императорское величество во всѣхъ его справедливыхъ и законныхъ притязаніяхъ; напротивъ чего его императорское величество обѣщаетъ въ помянутой негоціаціи всякую съ своей стороны возможную податливость показы-

---

* См. Прилож. XVI.

** Подлинникъ этого трактата (по реестру трактатовъ съ Прусскимъ дворомъ, № 62) написанъ по нѣмецки; текстъ здѣсь приводимый списанъ съ перевода, хранящагося вмѣстѣ съ подлинникомъ и тѣмъ актомъ ратификаціи (написаннымъ на пергаменѣ), который былъ приготовленъ для подписи Петра III. Эта подпись не была приложена за кончиной государя, какъ отмѣчено на русскомъ переводѣ.

вать. Но если, несмотря ни на какое съ стороны его императорскаго величества Всероссійскаго снисхожденіе и не взирая на чинимыя отъ его королевскаго величества Прусскаго сильныя представленія и увѣщеванія, Датскій дворъ въ упорности своей, какъ и донынѣ чрезъ многіе годы то чинилъ, останется, и потому его императорское величество Всероссійское поневолѣ принужденъ будетъ негоціацію разорвать, а прародительскія наслѣдственныя свои владѣнія доставать силою оружія, въ такомъ случаѣ обязуется его королевское величество Прусское не токмо сему не препятствовать, но еще отдать въ диспозицію его императорскаго величества Всероссійскаго корпусъ своихъ войскъ, состоящій въ 15 тысячахъ человѣкахъ пѣхоты и въ 5 тысячахъ человѣкахъ конницы, которое войско во всемъ, на основаніи подписаннаго сего же числа союзнаго оборонительнаго трактата, содержано и до тѣхъ поръ въ диспозиціи его императорскаго величества оставлено быть имѣетъ, пока его императорское величество Датскимъ дворомъ совершенно удовольствовано будетъ. Также обязуется его королевское величество Прусское за себя и наслѣдниковъ своихъ, не токмо княжескую долю Голштиніи, которою его императорское величество владѣетъ, но и помянутое герцогство Шлезвигское, по полученіи онаго его императорскимъ величествомъ Всероссійскимъ со всѣми другими владѣніями, какъ оныя достанутся его императорскому величеству постановляемымъ рѣшительнымъ трактатомъ съ его королевскимъ величествомъ Датскимъ, — гарантировать на вѣчныя времена его императорскому величеству Всероссійскому, всѣмъ его величества наслѣдникамъ и Голштинскому его императорскаго величества дому. Во взаимность чего его императорское величество Всероссійское симъ секретнымъ артикуломъ наиторжественнѣйше обязуется его Прусскому величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ на вѣчныя времена гарантировать спокойное, законное и какъ на Бреславскомъ, такъ и на многихъ другихъ торжественныхъ трактатахъ основывающееся владѣніе герцогства Шлезскаго (Силезскаго) и графства Глацкаго; которой гарантіи, не взирая на нынѣшнія воинскія замѣшательства, имѣть совершенную свою силу и дѣйствіе со дня размѣны ратификацій союзнаго оборонительнаго трактата и сего секретнаго артикула во всѣ времена, также и при будущемъ генеральномъ замиреніи. Во увѣреніе того съ сего секретнаго артикула,—который равной силы и дѣйствія быть имѣетъ, якобы оный въ заключенный сего числа главный союзный оборонительный трактатъ отъ слова до слова внесенъ былъ,— два равногласящіе экземпляра сочинены, подписаны и припечатаны. Что̀ учинено въ С.-Петербургѣ. Іюня 8-го дня 1762 года. (*Михайло графъ Воронцовъ. Бернгардъ-Вильгельмъ баронъ Гольцъ.*)

Артикулъ секретный II.

Понеже какъ его императорскому величеству Всероссійскому, такъ и его королевскому величеству Прусскому, соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привилегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи, подъ ихъ собственнымъ герцогомъ, въ силу договоровъ поверженія коронѣ Польской и республикѣ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики Польской права, ненарушимо оставлены и содержаны были; такожь чтобы въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и что сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе быть могло никогда предвоспріято не было; того ради обои ихъ величества между собою чрезъ сіе обязались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать. А какъ его королевское высочество саксонскій принцъ Карлъ отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставы, вольности и привилегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣютъ, и по которому помянутаго его королевскаго высочества отрицанію, его свѣтлость Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; но въ разсужденіи оказанныхъ его свѣтлости и всей его фамиліи великихъ отъ его императорскаго величества Всероссійскаго милостей и отъ признанія за оныхъ, его свѣтлость за себя и за своихъ потомковъ совершенно отрекся отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей своихъ и совсѣмъ отъ оныхъ отказался въ пользу его высочества Голштейнъ-Готторпскаго герцога Георгія-Людвига и его наслѣдниковъ, по избраніи его высочества курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то его императорское величество Всероссійское, равно какъ и его королевское величество Прусское, по желанію своему его императорскому величеству Всероссійскому во всемъ по возможности снисхожденіе показывать, согласились и обязались не токмо дѣйствительному избранію въ герцоги Курляндскіе и Семигальскіе помянутаго его высочества не препятствовать, но еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать, а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе его высочества, и обще всѣми силами, поспѣшествовать; сверхъ же того его императорское величество объявляетъ

что непремѣнно учинять распоряженіе, чтобы помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганъ обратно получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напредъ сего гершафство Вартенбергъ. Во увѣреніе, и пр.

Артикулъ секретный III.

Понеже интересъ его императорскаго величества Всероссійскаго и его королевскаго величества Прусскаго требуетъ пещися и стараться о томъ, чтобы республика Польская при ея правѣ вольнаго избранія соблюдена и никому дозволено или допущено не было помянутое королевство наслѣдным или себя самодержавнымъ надъ онымъ учинить, того ради его императорское величество Всероссійское и его королевское величество Прусское, по случаю постановленнаго сегодня союзнаго трактата, симъ артикуломъ секретнымъ взаимно обѣщались и паикрѣпчайше обязался, во всѣхъ случаяхъ ежели отъ кого, кто бъ онъ ни былъ, предпріято будетъ лишить республику Польскую права ея вольнаго избранія, или оное королевство наслѣдственнымъ, или же себя самодержавнымъ надъ онымъ учинить, того не допущать, но такія неправильныя и сосѣдямъ опасныя намѣренія всѣми образы и способами, совокупными совѣты и силами, а въ потребномъ случаѣ и оружіемъ отвращать, опровергать и уничтожать. Впрочемъ его императорское величество Всероссійское и его королевское величество Прусское симъ секретнымъ артикуломъ согласились, въ случаѣ кончины его величества владѣющаго нынѣ короля Польскаго, обще и сходственно съ вольнымъ избраніемъ республики способствовать, чтобъ избранъ былъ въ короли Польскіе особливо кто-либо изъ Пястовъ, который интересу самой націи, также и всѣхъ сосѣдственныхъ державъ приличественнѣе и никому не предосудителенъ будетъ, и о которомъ при настояніи того случая обои величества между собою въ дружеской откровенности согласиться изволятъ. Во увѣреніе того, и пр.

Итакъ секретныя статьи трактата 8-го іюня заявляли о полномъ соглашеніи Россіи и Пруссіи по тремъ весьма крупнымъ вопросамъ, составлявшимъ основу тогдашней политики нашей: по предмету датско-голштинскаго спора, по дѣламъ курляндскимъ, и по предмету политики въ Польшѣ. Петръ III и Фридрихъ II обязывались употребить всѣ усилія чтобы возвратить захваченные Даніей Шлезвигъ и часть Голштиніи и чтобъ утвердить на Курляндскомъ престолѣ одну изъ вѣтвей Голштинской династіи; относительно Польши подтверждались старинныя преданія русско-прусской

политики. Мы видѣли, что еще въ 1720 году между Петромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ состоялся договоръ, коимъ оба правительства заявляли о своихъ историческихъ, на договорахъ основанныхъ правахъ, защищать польскихъ своихъ единовѣрцевъ, и выражали рѣшимость пользоваться этими правами; они заявляли о сознанной ими необходимости поддерживать въ Польшѣ избирательную форму правленія, равно какъ и другія права рыцарства и сеймовъ; а такъ какъ договаривающіяся стороны очень хорошо видѣли, что на правительство польское опереться имъ невозможно, то они договорились организовать тамъ партію для содѣйствія ихъ политикѣ. Это совершенно тѣ же основанія, которыя находимъ и въ трактатѣ 1762 года. Они же приводились, лишь съ самыми малыми измѣненіями, во всѣхъ дружественныхъ трактатахъ съ Пруссіей: въ трактатѣ 10-го (21-го) августа 1726 года и въ заключенномъ при его ратификаціи *секретнѣйшемъ актѣ*, въ трактатахъ 9-го (20-го) сентября 1729 года, 30-го сентября 1730 года, 16-го декабря 1740 и 16-го (27-го) марта 1743 года. * Такъ въ отношеніи Польши характеръ нашихъ дипломатическихъ актовъ не измѣнялся. Но политика наша по отношенію къ этой странѣ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе зависѣла отъ личнаго состава правительства, отъ образа мыслей и характера государей нежели отъ дипломатическихъ актовъ. Дипломатія сдѣлала въ этомъ отношеніи все, что отъ нея возможно требовать; но могли ли имѣть дѣйствительную силу какіе бы то ни было акты въ царствованіе императрицы Анны, напримѣръ когда Бирономъ заискивалъ покровительства Польскаго короля, чтобъ сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ, или при Елисаветѣ, когда стоило разжалобить императрицу описаніемъ насилій причиняемыхъ Польскому королю Прусскимъ, чтобы парализовать всѣ историческія и дипломатическія права наши на вліяніе въ Польшѣ? Содержаніе прусско-русскаго договора 1720 г. прописывалось во всѣхъ совершавшихся затѣмъ международныхъ актахъ съ такою же, надо думать, безсознательностію, съ какою въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ англійскіе короли писались королями Фран-

* См. Прилож. XVI.

ціи. Право наше на покровительство православнымъ диссидентамъ было формально признано еще въ концѣ XVII столѣтія, а между тѣмъ ни одинъ изъ русскихъ государей до Екатерины, ни даже самъ Петръ I, не пользовался всею широтой этого права. Предполагалъ ли воспользоваться имъ Петръ III? Это не подтверждается никакимъ съ его стороны заявленіемъ, никакимъ намекомъ, а равнодушіе, которое онъ всегда оказывалъ къ интересамъ православія, заставляетъ думать, что и въ настоящемъ случаѣ статья о диссидентахъ была съ нашей стороны внесена въ трактатъ машинально, вслѣдствіе установившагося обычая. Но никакъ нельзя предполагать того же со стороны Прусскаго короля, который, какъ мы уже видѣли, извлекалъ существенныя выгоды изъ права предоставленнаго ему Оливскимъ трактатомъ, который умѣлъ стать надеждою Поляковъ-протестантовъ населявшихъ сѣверозападныя воеводства Польши, сосѣднія съ Пруссіей, и колебалъ довѣріе къ Россіи даже въ православномъ населеніи Литвы и Бѣлоруссіи. Пять лѣтъ спустя этимъ вопросомъ овладѣла Екатерина; но весьма вѣроподобно, что тѣсное сближеніе Россіи съ Пруссіей при Петрѣ III послужило бы лишь къ усиленію въ Польшѣ вліянія Фридриха. Что̀ касается до политики нашей въ отношеніи Курляндіи, то несостоятельность ея съ русской точки зрѣнія осязательна. Весьма вѣроятно что принцъ Георгъ былъ бы искреннимъ союзникомъ и даже вассаломъ своего племянника; но родственныя связи, разумѣется, ослабли бы въ слѣдующемъ поколѣніи, и преемники Георга, которые, безъ сомнѣнія, пріобрѣли бы связи и поддержку при германскихъ дворахъ, и особенно при Берлинскомъ, дѣйствуя заодно съ мѣстнымъ рыцарствомъ, въ короткое время превратили бы туземцевъ крестьянъ и горожанъ въ Нѣмцевъ, такъ что въ наше время едва ли возможно было бы отвратить присоединеніе Курляндіи къ Пруссіи. Политика Петра III въ отношеніи Курляндіи была, слѣдовательно, еще менѣе русская и еще больше германская чѣмъ его политика въ Польшѣ. Могли ли по крайней мѣрѣ виды его на Голштинію вознаградить Россію за ущербы, которые ей готовились въ другихъ

мѣстахъ? О вѣроятностяхъ успѣха противъ Даніи странно и говорить: мы добровольно уступали тамъ, гдѣ никто не требовалъ отъ насъ уступокъ, въ надеждѣ пріобрѣсть, цѣною военныхъ усилій, въ другомъ мѣстѣ; мы рисковали своимъ балтійскимъ прибрежьемъ, чтобы завоевать другое прибрежье за нѣсколько сотъ верстъ отъ своей границы; мы жертвовали устьями Западной Двины, для того чтобъ утвердиться на устьяхъ Эльбы, и отталкивали нѣсколько милліоновъ своихъ единоплеменниковъ и одноземцевъ, чтобы ничто не мѣшало намъ заевовать нѣсколько сотъ тысячъ полу-Германцевъ и полу-Датчанъ. Замѣтимъ, наконецъ, что условіе о гарантіи Силезіи и Глаца, долженствовавшее вступить въ силу тотчасъ по ратификаціи трактата 8-го іюня, угрожало втянуть насъ въ войну съ Австріей, Франціей и частію Германіи. Конечно, всѣ эти аномаліи легко объясняются династическими преданіями, взаимными симпатіями и антипатіями царствовавшихъ лицъ; но каковы бы ни были побужденія Петра III, нѣтъ сомнѣнія, что вся будущность Россіи подверглась бы вопросу, еслибы политическая его система имѣла время утвердиться.

Трудно сказать съ достовѣрностію, въ какой мѣрѣ развитіе этой политической системы повліяло на печальный исходъ царствованія Петра III, но надо отдать справедливость его союзнику, королю Прусскому, что онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло съ цѣлію отклонить его отъ войны. Посланникъ его въ Петербургѣ внушалъ императору, что Датчане весьма далеки отъ намѣренія вызывать столкновенія и что вооруженія ихъ производятся вслѣдствіе опасеній нападенія со стороны Россіи; онъ старался представить военныя силы Даніи вовсе не столь ничтожными, какъ о нихъ говорили въ Петербургѣ. „Я представлялъ его величеству свѣдѣнія о сухопутныхъ и морскихъ силахъ Даніи,“ доносилъ баронъ Гольцъ королю, „но сдѣлалъ это въ общихъ выраженіяхъ, потому что свѣдѣнія, которыя имѣю о дурномъ устройствѣ арміи, могли бы усилить желаніе встрѣтиться съ нею. Въ копіи съ этихъ свѣдѣній, которую просили у меня съ обѣщаніемъ хранить ихъ въ величайшей тайнѣ, для намѣренъ выпустить

все, что̀ къ этому относится, но за то выставлю всю значительность датскаго флота, и надѣюсь что это произведетъ впечатлѣніе, потому что здѣсь сознаютъ недостатки и неустройство своихъ морскихъ силъ.“

Это были тщетныя надежды. Ни неудовлетворительное состояніе нашей заграничной арміи, о которомъ упоминаетъ Гольцъ въ одной изъ своихъ депешъ и которое было извѣстно въ Петербургѣ, ни безденежье не могли отклонить Петра отъ мысли, которую онъ такъ долго лелѣялъ. Баронъ Гольцъ умолялъ короля отклонить своего союзника отъ этого рѣшенія, которое ему казалось опаснымъ особенно въ виду усиливавшагося противъ Петра неудовольствія. Но какія употребить мѣры? Фридрихъ рѣшился писать къ принцу Георгу; онъ постарался выставить предъ нимъ затрудненія, которыя ожидали русскую армію относительно продовольствія. * Гольцъ, благодаря короля за это письмо, замѣчалъ однакожь, что едва ли оно поколеблетъ рѣшимость императора. „Я увѣренъ, что онъ обольщаетъ самъ себя, воображая, что все гораздо лучше устроено нежели есть на самомъ дѣлѣ, а отчасти и не зная истиннаго положенія дѣлъ, потому что это отъ него скрываютъ,“ писалъ прусскій посланникъ.

Гольцъ былъ правъ. Рѣшимость государя не поколебалась. Но чѣмъ шире развивались его политическіе планы, тѣмъ настроеніе умовъ, по словамъ прусскихъ депешъ, становилось въ Петербургѣ тревожнѣе. Вслѣдствіе выраженнаго государемъ желанія, знаки ордена *За Заслугу* привезъ ему флигель-адъютантъ короля графъ Шверинъ. Обласканный при дворѣ, онъ остался нѣсколько времени въ Петербургѣ, и оглядѣвшись въ немъ, написалъ королю донесеніе, ** въ коемъ мы находимъ слѣдующія любопытныя указанія:

„Со времени моего послѣдняго донесенія, отъ 10-го сего мѣсяца (н. стиля), я успѣлъ болѣе основательно изучить многихъ господъ здѣшняго двора, о коихъ упоминалъ вашему величеству лишь мелькомъ, не предполагая, чтобъ они имѣли силу и значеніе. Но я очень ошибался.

---

* Это видно изъ депеши барона Гольца отъ 25-го мая (6-го іюня).

** Отъ 8-го (19-го) апрѣля.

„Первый изъ нихъ есть именно тотъ, который находится во главѣ всего, что̀ представляетъ здѣсь опасность: это Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, бывшій фаворитъ покойной императрицы. Человѣкъ этотъ, искони исполненный интригъ и происковъ, хотя и ненавидимый въ сущности императоромъ, сумѣлъ такъ искусно повести свою игру чрезъ задушевнаго своего друга Мельгунова, большаго любимца государева, что онъ получилъ управленіе кадетскимъ корпусомъ и главное завѣдываніе императорскимъ дворомъ, а это сдѣлало непремѣннымъ пребываніе въ столицѣ человѣка наиболѣе вреднаго и опаснаго. Этотъ господинъ слишкомъ плохо умѣетъ маскироваться, чтобы скрыть недостойныя и презрѣнныя питаемыя имъ намѣренія. Бѣшенство и досада написаны на лицѣ его, и я держу какой угодно закладъ, что этотъ презрѣнный человѣкъ имѣетъ ужасные замыслы. Не взирая на это, императоръ терпитъ его, и я постоянно встрѣчаю его близъ его особы. Второй изъ числа этихъ вредныхъ людей, и который былъ бы еще опаснѣе перваго, еслибъ онъ имѣлъ столько же ума, есть генералъ Мельгуновъ, на котораго я уже прежде сего указывалъ. Онъ явный фаворитъ государя. Его величество вполнѣ довѣряетъ этому человѣку. Онъ воображаетъ его вѣрнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ, и однакожъ это именно тотъ, который, вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ и нѣкіимъ господиномъ Волковымъ, суть величайшіе его враги, ожидающіе только удобной минуты, чтобы низвергнуть его съ престола.

„Я не преминулъ о всемъ этомъ весьма подробно представить императору; я даже называлъ ему людей, которые, безъ сомнѣнія, очень опасны ему; но его величество отвѣчалъ мнѣ, что хотя эти люди и точно не очень расположены къ нему, но что онъ задалъ имъ столько работы (ломкою по всѣмъ частямъ управленія), что имъ некогда составлять партіи и что затѣмъ онъ совершенно спокоенъ съ этой стороны. Поистинѣ прискорбно что этотъ государь такъ обворожень людьми, которые, конечно, ничѣмъ инымъ не заняты какъ его погубленіемъ, и только ожидаютъ случая чтобы привести въ исполненіе свои замыслы. Удаленіе этихъ презрѣнныхъ доставило бы ему вполнѣ спокойное царствованіе; но напротивъ того, онъ самъ предлагаетъ имъ случай, которымъ они, безъ всякаго сомнѣнія, и поспѣшатъ воспользоваться: этотъ случай—поѣздка, которую государь уже рѣшилъ, для командованія арміей противъ Датчанъ. На этой мысли онъ такъ утвердился, что нѣтъ никакой возможности отклонить его отъ нея. Разумѣется, Мельгуновъ и Шуваловъ, которые болѣе всего желаютъ его удаленія, поддерживаютъ принятое имъ рѣшеніе.... Мы съ полковникомъ Гольцемъ взяли на себя представить его величеству, что его присутствіе было бы несравненно нужнѣе здѣсь, что оно совершенно необходимо для благоденствія государства, но онъ отвѣчалъ намъ,

что такой совѣтъ очень удивляетъ его и что наши слова доказываютъ, что мы вовсе его не любимъ.

„Единственно ваше величество можете еще отклонить императора отъ этой опасной поѣздки. Письмо вашего величества, въ которомъ бы вы совѣтовали ему остаться, тотчасъ же перемѣнило бы здѣшнія рѣшенія. Онъ непремѣнно послѣдуетъ вашему, государь, совѣту, ибо питаетъ къ вашему величеству полнѣйшее довѣріе. Безъ письма вашего, государь, онъ тотчасъ по полученіи курьера изъ Копенгагена уѣдетъ, и я предвижу что, прежде чѣмъ онъ переступитъ границу, неизбѣжно послѣдуетъ переворотъ (révolution)."

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на оцѣнкѣ подробностей этого любопытнаго письма; портретъ Шувалова вовсе непохожъ; главою противниковъ Петра онъ никогда не былъ. Не вполнѣ, должно полагать, вѣрно и то, что̀ графъ Шверинъ говорилъ о Мельгуновѣ. Но для насъ важенъ общій тонъ этого письма; намъ важно узнать, что еще въ первыхъ числахъ апрѣля 1762 года и даже ранѣе, настроеніе умовъ въ Петербургѣ могло возбуждать серіозную тревогу со стороны искреннихъ приверженцевъ императора. 25-го мая (6-го іюня) * баронъ Гольцъ приготовилъ обширную депешу съ двумя къ ней приписками, но пріостановилъ ея отправленіе, съ тѣмъ чтобы включить въ нее слѣдующія строки: „Нѣсколько извѣстій только что полученныхъ мною побуждаютъ меня сдѣлать эту третью приписку къ моей депешѣ. Духовенство, приведенное въ отчаяніе указомъ послѣдовавшимъ въ первые дни настоящаго царствованія, коимъ оно лишено всѣхъ своихъ имѣній, съ замѣной оныхъ пенсіей, представило адресъ ** на латинскомъ и русскомъ языкахъ, коимъ оно жалуется на насиліе причиненное этимъ

---

* Прилож. XV.

** Намъ извѣстно объ адресѣ только ростовскаго митрополита Арсенія (Мацѣевича). (См. *Чт. Общ. Ист.* 1862, т. II). Объ этомъ адресѣ или, правильнѣе, прошеніи, сказано въ названномъ изданіи, что оно было написано „весьма жалостно и плачевно, остраго и высокаго разсужденія, и отправлено оное съ іеросхимонахомъ Лукою въ С.-Петербургъ, которое и вручено было его величеству въ собраніи генералитетовъ и прочтено со остановкою оберъ-секретаремъ. И Государь былъ въ великомъ азартѣ, а той схимникъ, отъ страха лишась ума, былъ посланъ въ Невскій монастырь."

указомъ, на странный въ отношеніи его образъ дѣйствія, какого нельзя было бы ожидать и отъ варварскаго правительства, тогда какъ оный проистекаетъ отъ правительства православнаго; что оно, духовенство, яко служители Божіи, тѣмъ менѣе могло бы ожидать подобнаго съ собою обращенія. Этотъ адресъ, подписанный архіереемъ и большею частію духовенства, написанъ въ высшей степени рѣзко. Его можно по справедливости принять скорѣе за вызовъ нежели за прошеніе. Донесенія, полученныя вчера отъ губернаторовъ отдаленныхъ мѣстностей, свидѣтельствуютъ, что духовенство возбуждаетъ народъ противъ государя. По словамъ этихъ донесеній, духъ возмущенія и неудовольствія становится всеобщимъ; губернаторы сами не знаютъ какія принимать мѣры для успокоенія умовъ и требуютъ наставленій у двора.... Все это сильно встревожило дворъ. Смущеніе свое стараются, правда, скрыть, но имѣя ключъ отъ тайны, я ее улавливаю въ самомъ обращеніи со мной: принцъ Георгъ настоятельно просилъ меня вчера ходатайствовать, чтобы ваше величество отклонили императора отъ поѣздки въ армію...“ „Поистинѣ, доносилъ баронъ Гольцъ отъ 2-го (13-го мая), я очень желалъ бы удержать его здѣсь...“ „Ваше величество изволите знать, что коронація императора назначена по окончаніи годоваго срока траура, а это будетъ лишь въ началѣ будущаго года. Слѣпая ревность націи ко всякаго рода религіознымъ церемоніямъ заставляетъ меня желать, чтобъ императоръ не покидалъ своихъ владѣній до того времени.“ Но рѣшеніе Петра было безповоротно. Въ той же депешѣ прусскій посланникъ говоритъ объ отправленіи верховыхъ его лошадей въ армію Румянцова, а въ исходѣ мая дипломатическому корпусу было формально сообщено о предположеніи государя отправиться къ арміи, съ приглашеніемъ сопровождать его. Графиня Воронцова должна была слѣдовать въ его свитѣ до границы, что̀, повидимому, дѣлалось противъ ея желанія, такъ какъ она вполнѣ была предана интересамъ представляемымъ Гольцемъ: „Здѣсь старались внушить подозрѣнія насчетъ фаворитки,—писалъ онъ отъ 2-го (13-го) мая,—представляя будто она склоняется на сто-

рону Вѣнскаго двора: это уловка этихъ господъ, чтобы сломать шею тѣхъ, которые не хотятъ принимать участія въ ихъ беззаконіяхъ и заговорахъ."

Но ничто уже не могло остановить Петра. Назначенъ былъ день его выѣзда. Всѣ помыслы его были въ арміи.

Всѣ военныя силы Имперіи простирались въ описываемое время до 531.335 человѣкъ, въ числѣ коихъ считалось регулярнаго войска 289.296 человѣкъ, а иррегулярнаго 242.039. * Изъ этого числа въ заграничной арміи находилось къ концу 1761 года всего 127.348 человѣкъ, распредѣленныхъ и расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: Въ главной арміи, подъ командой фельдмаршала графа Бутурлина и подъ непосредственнымъ его начальствомъ, состояли дивизіи графа Фермора и князя А. М. Голицына (въ послѣдствіи фельдмаршала), всего 22.454 человѣка. Они занимали Старую Пруссію, то-есть небольшую область между Вислой и Нѣманомъ, съ главнымъ городомъ Кенигсбергомъ, окруженную польскими владѣніями. Въ Познанскомъ воеводствѣ, то-есть лѣвѣе главной арміи и нѣсколько впереди ея, расположенъ былъ корпусъ князя М. Н. Волконскаго, состоявшій изъ 22.012 человѣкъ. Главная квартира Волконскаго находилась въ Познани, на прямой дорогѣ въ Берлинъ чрезъ Кюстринъ или Франкфуртъ. Графъ П. А. Румянцовъ, покорившій въ концѣ минувшаго года Кольбергъ, остался зимовать въ прусской Помераніи, которую онъ занималъ до самаго Одера. Корпусъ Румянцова состоялъ изъ 51.920 человѣкъ. Подъ командой генерала Суворова (отца фельдмаршала), а послѣ него П. И. Панина, собственно для занятія Пруссіи, было 7.222 человѣка. Наконецъ въ составѣ австрійской арміи графа Лаудона состоялъ отдѣльный корпусъ графа З. Г. Чернышева, который имѣлъ свою главную квартиру во Фрейбургѣ (въ Силезіи) и у котораго подъ командой находилось 23.740 человѣкъ.

---

* Въ дѣлахъ секретной экспедиціи военной коллегіи (арх. воен. министерства, въ Москвѣ) находится рапортъ коллегіи на высочайшее имя отъ 27-го декабря 1761 года съ *табелью* военныхъ силъ Россіи, изъ коей извлечены вышеприведенныя цифры.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Петра III по вступленіи на престолъ было назначеніе главнокомандующимъ графа П. С. Салтыкова; * графу Чернышеву приказано было немедленно отдѣлиться отъ австрійской арміи и занять квартиры въ окрестностяхъ Торуня, ** слѣдовательно на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцову было приказано немедленно прибыть въ Петербургъ, сдавъ команду надъ своимъ корпусомъ князю Волконскому; 'онъ это исполнилъ немедленно и, на другой день по прибытіи своего преемника, именно 14-го января 1762 года, поскакалъ ко двору. ***

Цѣль вызова въ Петербургъ Кольбергскаго побѣдителя очевидна. Корпусъ Румянцова находился впереди всѣхъ прочихъ частей русской арміи, ближе всѣхъ къ Голштинскимъ владѣніямъ, гдѣ, по всей вѣроятности, должны были разыграться военныя дѣйствія, и слѣдовательно этому же корпусу должна была принадлежать главная въ нихъ роль. Я не могъ найти никакихъ слѣдовъ совѣщаній Румянцова съ императоромъ и съ военными авторитетами того времени; но безъ сомнѣнія, для совѣщаній о предстоящемъ онъ и былъ вызванъ. Отправляя Румянцова обратно въ Померанію, государь снабдилъ его рескриптомъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „Вамъ генерально извѣстны уже тѣ важныя намѣренія, произведеніе въ дѣйство коихъ поручаемъ мы вашему искусству и ревности съ полною довѣренностію. Пространныя наставленія даны вамъ будутъ впредь, а теперь главное и первое дѣло въ томъ состоитъ, чтобы будущій подъ командою вашею корпусъ войскъ нашихъ, имѣющій состоять изъ померанскаго и всѣхъ полковъ находящихся еще около Познани, снабженъ былъ какъ наискорѣе всѣмъ потребнымъ и приведенъ былъ въ такое готовое къ походу состояніе, чтобы по первому указу чрезъ двадцать четыре часа дѣйствительно выступить могъ.“ Для этого посланы были пред-

---

* Высочайшій приказъ объ этомъ состоялся 29-го декабря 1761 г.

** Чернышевъ, какъ извѣстно, присоединился однакоже къ арміи Фридриха и находился самъ при главной квартирѣ короля.

*** См. въ арх. военн. топогр. депо, № 49.953, *Дѣла Румянцова*, № 42, всеподд. рапортъ Волк. отъ 15-го янв.

писанія фельдмаршалу и П. И. Панину, управлявшему Старою Пруссіей, исполнять требованія Румянцова „какъ именные указы“. *

Выѣхавъ изъ Петербурга въ началѣ марта и, вѣроятно, задержанный распутицей, новый главнокомандующій достигъ Помераніи не ранѣе 29-го. Онъ немедленно принялъ отъ Волконскаго ** начальство и тотчасъ же началъ осматривать войска и собирать свѣдѣнія о предметахъ недостающихъ для немедленнаго выступленія. Оказалось, что вооруженіе вообще было въ исправности и что обмундированіе приводилось къ концу, но обувь доставленная нижнимъ чинамъ требовала передѣлки. Румянцовъ нашелъ также, что для похода ему надо нѣкоторое количество лошадей, а также орудій въ добавокъ къ наличному числу, о чемъ онъ и обратился съ требованіемъ къ фельдмаршалу. Онъ просилъ государя, чтобы, не полагаясь на мѣстныя средства, доставлены были изъ Россіи запасы провіанта и сухаго фуража, къ чему приморское положеніе Кольберга представляло значительныя удобства. Противъ вышеприведеннаго численнаго состава померанскаго корпуса оказалась значительная убыль: Румянцовъ представлялъ, что по спискамъ числилось въ регулярныхъ войскахъ его корпуса только 39.825 человѣкъ, а на лицо было и еще менѣе—36.937; казаковъ по спискамъ считалось 3.751, а на лицо было 3.402. Отъ чего такое уменьшеніе произошло въ столь короткое время, неизвѣстно. Впрочемъ Румянцовъ просилъ лишь о небольшомъ пополненіи его корпуса, а именно о присылкѣ ему 1.831 человѣка регулярныхъ и 406 казаковъ.*** Вмѣстѣ съ войсками распо-

---

* Тамъ же.

** Въ тѣхъ же дѣлахъ имѣется письмо къ Румянцову отъ Волкова, отъ 29-го марта, о всемилостивѣйшемъ дозволеніи князю Волконскому прибыть, по его желанію, въ Петербургъ. Извѣстно что этотъ генералъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ 28-го и 29-го іюня.

*** О всемъ этомъ см. всеподданнѣйшіе рапорты Румянцова отъ 31-го марта и 14-го апрѣля въ *Дѣл. Румянц.*, № 41. Изъ числа людей сдѣлавшихся въ послѣдствіи извѣстными, въ арміи Румянцова находились генералы: П. И. Панинъ, Олицъ, Племянниковъ, Дерфель-

ложенными въ Познани у него было бы отъ 65 до 70 тыс. человѣкъ.

До конца мая Румянцовъ занимался исключительно организацiей своей арміи, и указы получаемые имъ отъ государя касались исключительно этого предмета. Но какъ только получена была въ Петербургѣ ратификацiя мирнаго трактата, тотчасъ же тонъ нашей дипломатiи въ отношенiи Данiи, какъ мы видѣли, измѣнился. Сношенiя съ ней не были еще прерваны, но Румянцовъ получилъ уже подробныя наставленiя касательно военныхъ операцiй. Вотъ что̀ писалъ ему государь отъ 21-го мая: *

„Изъ приложенной при семъ копiи съ рескрипта въ нашу коллегiю иностранныхъ дѣлъ, отъ сего же числа, удобно примѣтите вы, что намѣренiя наши въ разсужденiи дѣлъ съ Данiей и будущихъ движенiй нашей арміи главнѣйше въ двухъ пунктахъ состоятъ:

„1) Послѣднiя средства употребить къ полученiю добровольной отдачи намъ принадлежащаго.

„2) Быть какъ можно больше въ готовности къ полученiю того силою.

„Впрочемъ не имѣемъ мы нужды вамъ скрывать, что отъ негоцiацiй мало или совсѣмъ никакого плода не ожидаемъ и согласуемся на возобновленiе оныхъ не для какихъ политическихъ уваженiй, но единственно для того что вамъ для приготовленiя впереди магазиновъ и принятiя всѣхъ другихъ къ тому принадлежащихъ мѣръ конечно столько времени потребно будетъ, сколько на негоцiацiю мы отложили. Потому дѣло теперь въ томъ состоитъ, чтобы симъ временемъ какъ можно больше воспользоваться, и для того имѣете вы:

„1) Войну съ Данiей почитать отнынѣ не только за неизбѣжную, *но и за дѣйствительно декларованную*; однакоже о томъ никому не объявлять, но токмо тѣмъ сильнѣе и ревнительнѣе къ оной приготовляться, а отзывы ваши распоряжать согласно тому какъ коллегiи иностранныхъ дѣлъ предписано.

„2) Вѣдая что война неизбѣжима и еще въ нынѣшнюю

денъ, Измайловъ, гр. Витгенштейнъ, Мельгуновъ, А. И. Бибиковъ, Сиверсъ, Остерманъ, Н. П. Салтыковъ, кн. А. А. Вяземскiй (въ званiи генералъ-квартирмейстера) и наконецъ Суворовъ, бывшiй въ то время еще подполковникомъ и о повышенiи котораго Румянцовъ ходатайствовалъ предъ государемъ. (См. росписанiе въ *Дѣл. Рум.* № 42 и всеподд. рапортъ Румянцова отъ 6-го iюня, № 6, въ дѣлѣ № 41.)

* *Дѣла Румянц.*, № 42.

кампанію дѣйствительно начаться имѣетъ, надлежитъ вамъ, вопервыхъ, собственно для себя распоряженіе сдѣлать, какими мѣстами до Голштиніи маршировать и гдѣ потому путевымъ и настоящимъ магазинамъ быть."

Государь полагалъ, что всего удобнѣе будетъ доставить большой запасъ провіанта изъ Россіи въ Кольбергъ и уже оттуда развозить его сообразно движенію наступающей арміи, по пунктамъ которые будутъ избраны главнокомандующимъ. Распоряженія о томъ уже были сдѣланы, а именно, приказано было заготовить двухгодовую пропорцію муки и овса на восьмидесятитысячную армію. Ревельская эскадра адмирала Спиридова и 20 купеческихъ судовъ приняли на себя доставку въ Кольбергъ этихъ запасовъ и затѣмъ должны были поступить въ распоряженіе Румянцова для дальнѣйшей подвозки продовольствія. Разумѣется, все это не снимало съ главнокомандующаго обязанности заботиться о пріисканіи продовольственныхъ запасовъ на мѣстѣ, въ чемъ, писалъ государь, ищите содѣйствія штетинскаго губернатора, принца Бевернскаго. Онъ писалъ:

„4) Къ шведскому въ Штральзундѣ правительству также адресуетесь вы съ требованіемъ, чтобы корабли наши и чрезъ Свинезундъ проходить и въ Штральзундъ и другія гавани, въ случаѣ нужды, заходить могли, какъ о томъ въ рескриптѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ пространнѣе изображено.

„5) Чтожъ до похода принадлежитъ, то по полученіи реляціи вашей изъ Кеслина, отъ 6-го сего мѣсяца, и усмотря изъ письма къ вамъ отъ полковника Белинга, что Датчане совсѣмъ готовились вступить въ Мекленбургію, было и наше намѣреніе чтобы вы корпусъ до 10.000 человѣкъ, подъ именемъ вашего авангарда, немедленно выслали въ Мекленбургію жь; но какъ съ того времени не получено никакого извѣстія о движеніи датскихъ войскъ, а весьма вѣроятно напротивъ того, что послѣ чинимой отъ насъ въ Копенгагенѣ декларациіи о мирномъ конгрессѣ, сей дворъ еще болѣе остерегаться станетъ, чтобы какими-либо безвременными войскъ своихъ движеніями не подать повода къ начатію непріятельствъ, то кажется тѣмъ лучше и удобнѣе можно теперь свои мѣры исподоволь взять; потому прежде всего надлежитъ вамъ стараніе приложить, дабы получить полное свѣдѣніе о всѣхъ обстоятельствахъ въ Мекленбургіи, кои въ разсужденіи войскъ вѣдать потребно, особливо же о городахъ Ростокѣ, Гистровѣ, Варенѣ, Висмарѣ и Шверинѣ, ибо первые

три, лежа довольно параллельно (фронту наступающей изъ Помераніи арміи), изрядно пересѣкаютъ Мекленбургію и первый кордонъ нѣсколько подкрѣпленнымъ дѣлаютъ, а сверхъ того и къ заведенію первыхъ магазиновъ весьма удобными быть кажутся. Висмаръ же и Шверинъ, будучи передовыми впереди, ближе къ Голштиніи, могли бы удобно другой кордонъ составлять и для другихъ ближайшихъ магазиновъ служить.

„6) Сколь скоро по всему тому мѣры ваши столько приняты будутъ, что по меньшей мѣрѣ на полученіе пропитанія въ Мекленбургіи надѣяться можно, а Датчане между тѣмъ или въ прежнемъ ихъ положеніи неотмѣнно остаются, или еще нѣсколько убавили изъ своихъ приготовленій, то вы ни мало не умедлите корпусъ 10.000 человѣкъ пѣхоты, конницы и легкихъ (войскъ), съ размѣряемою по тому частію полевой артиллеріи, подъ командой избираемаго вами самими генерала, отправить въ Мекленбургію, объявляя о томъ, согласно рескрипту коллегіи иностранныхъ дѣлъ данному, что сіе чинится единственно для того, чтобы земли его величества короля Прусскаго, толикую тягость претерпѣвшія, нѣсколько облегчить, къ театру Германской войны ближе быть и такую землю занять, которую всегда занимали союзныя намъ войска его величества короля Прусскаго и которую теперь оставить принуждены, чтобы въ другихъ мѣстахъ употребленными быть.

„7) Сей десяти-тысячный корпусъ надлежитъ подвинуть до Ростока (близь восточной границы Мекленбурга) и расположить кордономъ между вышепомянутыхъ трехъ городовъ и въ нихъ, а особливо въ Ростокѣ, и ежели потребно и за возможно усмотрѣно будетъ, то сіи мѣста нѣсколько и покрѣпить, а паче крайнее стараніе прилагать чтобы въ Ростокѣ подвозомъ изъ Кольберга, а въ Гистровѣ и Варенѣ — подрядомъ и выписываніемъ съ земли, подъ квитанціи до воспослѣдуемой вскорѣ заплаты, достаточные магазины завести.

„8) Сколь скоро единожды корпусъ нашихъ войскъ въ Мекленбургію вступилъ и въ Ростокѣ и вышеупомянутыхъ двухъ городахъ утвердился, а Датчане еще спокойно на то смотрятъ и никакого движенія не дѣлаютъ, то ни мало времени упущать не надлежитъ и прочіе два города, то-есть Висмаръ и Шверинъ, занять и магазины тамо заводить, а для сего и корпусъ новыми полками подкрѣпить и умножить.

„9) Генерально за правило вамъ служитъ, что по мѣрѣ того какъ передовой корпусъ въ Мекленбургіи утверждаться и магазины заводиться будутъ, вы всегда болѣе полковъ туда вводить станете, такъ чтобы въ началѣ іюля, буде не вся, то по крайней мѣрѣ бо́льшая часть ввѣренной вамъ арміи находилась уже въ Мекленбургіи.

„10) Напротивъ того, буде, паче всякаго ожиданія, Датскій дворъ похочетъ войска свои въ Мекленбургію ввести и тѣмъ

столько сдѣлать, чтобы по меньшей мѣрѣ начало войны не въ его областяхъ было, въ такомъ случаѣ генерально за непремѣнное служитъ вамъ правило что, какъ только всѣми потребными приготовленіями исправиться можете, такъ того жь часу и выступите со всею силой датскимъ войскамъ на встрѣчу, и принужденіемъ оныхъ выйти изъ Мекленбургіи война собою и начнется и сама жь дальнѣйшій путь къ славѣ вамъ показывать будетъ, такъ что въ такомъ случаѣ не имѣете уже вы надобности новыхъ отъ насъ указовъ испрашивать, а только будемъ мы ожидать частыхъ и обстоятельныхъ доношеній, дабы по тому для вашего подкрѣпленія достаточныя здѣсь мѣры принять....“

Инструкція была ясна и положительна. Получивъ ее, Румянцовъ немедленно отправилъ благонадежнаго офицера къ штетинскому коменданту, чтобъ условиться съ нимъ относительно заготовленія на мѣстахъ хлѣбныхъ запасовъ, а другихъ въ Мекленбургъ, для осмотра городовъ, которые предполагалось занять, и мѣстности, которою пришлось бы проходить, а также для собранія точнѣйшихъ извѣстій о силахъ и расположеніи датской арміи. Со стороны прусской администраціи обѣщано было самое радушное содѣйствіе; но, говорилъ штетинскій комендантъ, страна такъ разорена что на мѣстныя средства нельзя возлагать большихъ надеждъ, а основать все продовольствіе арміи на морскомъ подвозѣ казалось Румянцову дѣломъ рискованнымъ. Что̀ касается до датскихъ войскъ, то,—доносилъ императору главнокомандующій,—хоть они и готовятся къ оборонѣ, но „чаять надлежитъ, что движеніе вашего императорскаго величества арміи откроетъ имъ невозможности разныя исполнить дѣйствительно то что̀ они видомъ показать стараются“. * Съ своей стороны и согласно вышеприведенному, Румянцовъ приготовилъ легкій отрядъ въ 10.000 человѣкъ подъ командой генералъ-маіора фонъ-Бранта; кавалерія, назначенная въ составъ этого отряда, имѣла двинуться отъ Штаргарта, а пѣхота—отъ Трептова и Кольберга. Бранту было предписано начать 12-го іюня движеніе, долженствовавшее открыть кампанію, бдительно слѣдя при этомъ за датскими войсками. Если, писалъ

---

* *Дѣла Румянцова*, № 41, рапорты отъ 8-го, 12 го и 18-го іюня, за №№ 7, 10 и 12.

ему Румянцовъ, они вступятъ въ Мекленбургъ, то немедленно дайте мнѣ знать, сами же остановитесь не переходя Одеръ. Впрочемъ столкновенія съ Датчанами, повидимому, еще нельзя было ожидать въ скорости. По собраннымъ свѣдѣніямъ, главныя силы ихъ находились еще на Эльбѣ, близъ Гамбурга, а авангардъ хотя и приближался, но не переступалъ еще западной границы Мекленбурга.

Обстоятельства весьма благопріятствовали, слѣдовательно, предположенію приблизиться къ самымъ границамъ Гольштейна безъ объявленія войны. Но встрѣтилось одно затрудненіе: армія рисковала умереть голодною смертію въ Мекленбургѣ. „Всемилостивѣйшій государь, писалъ Румянцовъ отъ 18-го іюня, сколь ни велико мое желаніе и ревность исполнить какъ наискорѣе всевысочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, но удерживаетъ меня непреодолимое мною препятствіе въ недостаткѣ привознаго къ Кольбергу провіанта, которымъ полки въ Помераніи стоящіе довольствованы іюля по 6-е число; затѣмъ остается муки 3.577, а крупъ 1.170 четвертей“, такъ что „недостаетъ въ мѣсячное число 22.928 четв. муки и крупъ 2.270 четв.“ Въ ближайшій изъ пунктовъ, гдѣ предполагалось устроить магазины для наступающей арміи, въ Свинемюнде, оказалось возможнымъ отправить изъ Кольберга провіанта всего на пять дней. Ни въ Анкламѣ, гдѣ имѣлось въ виду учредить слѣдующую провіантскую станцію, ни тѣмъ менѣе въ Ростокѣ, еще не было ни зерна; кольбергскіе склады сами были почти пусты, а мѣстныя средства оказались ничтожными какъ въ Мекленбургѣ, такъ и въ Помераніи. Поэтому Румянцовъ приказалъ легкому отряду Бранта дойти только до Анкламa и остановиться въ районѣ тамошнихъ магазиновъ. Переправившись черезъ проливъ, соединяющій съ моремъ Гросъ-гафское озеро, этотъ отрядъ, какъ доносилъ главнокомандующій отъ 18-го іюня, слѣдовалъ по низменной, болотистой, перерѣзанной множествомъ протоковъ равнинѣ къ Свинемюнде и Узедому. Выступленіе остальныхъ частей обусловливалось прибытіемъ транспортовъ изъ Риги. Но прибытія ихъ нельзя было въ скорости ожидать, потому что

въ это время подиялись противные вѣтры. Въ Кольбергѣ, доносилъ Румянцовъ отъ 21-го іюня, находится провіанта только по 11-е іюля, а штетинскіе купцы требуютъ неслыханныя цѣны: за четверть крупы по 21 р., за четверть муки по 13 р., а за четверть овса по 9 р. Крестьяне требовали денегъ за траву, которую казачьи лошади щиплютъ въ лугахъ. Прусскія власти, съ своей стороны, не могли или не хотѣли оказать никакого содѣйствія: все это, писалъ Румянцовъ, „приводитъ меня въ крайнее отчаяніе“.

Но все это было лишь началомъ затрудненій, которыя ожидали нашу армію. „Сейчасъ, доносилъ Румянцовъ отъ 25-го іюня, получилъ я отъ часто упоминаемаго штетинскаго оберъкоменданта генералъ-маіора Путткаммера письмо, которое меня тѣмъболѣе удивило, что требуетъ, въ силу воспослѣдовавшаго мирнаго трактата, по 4 и 6 пункту, отдачи ему всей Помераніи и Кольбергской крѣпости со всѣми преимуществами, и что онъ уже въ гарнизонъ полковника Лангенера съ баталіономъ отправилъ....“ Былъ ли неизвѣстенъ генералу Путткаммеру второй сепаратный пунктъ трактата 24-го апрѣля, уничтожавшій срокъ вывода русскихъ войскъ изъ Пруссіи, или же онъ дѣйствовалъ на основаніи тайныхъ повелѣній имѣвшихъ цѣлію затруднить военныя операціи русской арміи,— рѣшить трудно; но очевидно, требованіе генерала Путткаммера ставило Румянцова въ совершенную невозможность продолжать войну и приводило его въ тѣмъ большее смущеніе, что содержаніе мирнаго трактата съ Пруссіей не было сообщено ему. Между тѣмъ движеніе генерала Бранта, разумѣется, не осталось неизвѣстнымъ Датчанамъ, которые съ своей стороны стали переправляться черезъ Траве и вступать въ Мекленбургъ. Провіантъ получался въ Кольбергѣ самыми малыми частями; въ арміи открылись побѣги, въ подстрекательствѣ къ которымъ Румянцовъ подозрѣвалъ прусскихъ вербовщиковъ, а между тѣмъ полковникъ Лангеперъ со своимъ баталіономъ стоялъ подъ укрѣпленіями Кольберга и требовалъ, во имя дружбы короля Прусскаго къ Русскому императору, чтобы наша армія сдала ему охраненіе всѣхъ своихъ провіантскихъ, артиллерійскихъ и иныхъ складовъ....

Таково было по истинѣ отчаянное положеніе Румянцова, когда Екатерина вступала на престолъ. Въ архивѣ военно-топографическаго депо * сохранилась одна бумага объ этомъ событіи, производящая живое впечатлѣніе: это указъ возвѣщающій Румянцову о переворотѣ 28-го іюня, данный въ тотъ же самый день. Чьею-то размашистою и бойкою рукой, чрезвычайно бѣглымъ почеркомъ, на довольно грубомъ листѣ бумаги набросано:

„Божіею милостію и пр.

„Нашему любезно-вѣрному генералу-аншефу графу Петру Румянцову.

„Сего числа Божіею споспѣшествующею милостію и желаніемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на Всероссійскій императорскій самодержавный престолъ. При чемъ мы васъ обнадеживая нашею императорскою милостію и удостовѣрены будучи о вашемъ къ намъ усердіи, единомысленномъ со всѣми вѣрными намъ подданными, повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе команду отдать нашему полному генералу Петру Панину, а вамъ самимъ, для благопоспѣшествованія намѣреній нашихъ, возвратиться немедленно въ Россію, о чемъ генералу Панину особливый указъ данъ."

Подъ этимъ любопытнымъ актомъ, котораго самая внѣшность свидѣтельствуетъ, въ какомъ вихрѣ мчались тогда дѣла въ Петербургѣ, подписано собственною рукой новой государыни: *Екатерина*. Это было, по всей вѣроятности, одно изъ первыхъ ея распоряженій. Курьеръ привезшій этотъ указъ прибылъ въ Кольбергъ 6-го іюля; но еще ранѣе Румянцовъ получилъ извѣстіе о воцареніи Екатерины отъ фельдмаршала Солтыкова. Это извѣстіе, обѣщавшее новый и радикальный поворотъ въ политикѣ Россіи, позволило свободно вздохнуть главнокомандующему. Правда, его отзывали отъ арміи, но на какіе лавры могъ онъ разчитывать оставаясь при ней?... Вотъ отвѣтъ Румянцова на указъ 28-го іюня:

„Вашего императорскаго величества высочайшій указъ о вступленіи на престолъ самодержавный всероссійскій я со всѣмъ раболѣпнымъ благоговѣніемъ получилъ,—чрезъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручика Грушева—оригиналъ, а чрезъ поручика Нащекина—дубликатъ 6-го числа принять

* *Дѣла Румянцова*, № 42.

удостоился. Я о семъ всерадостномъ происшествіи, до полученія того, въ 5-е число отъ фельдмаршала графа Салтыкова былъ увѣдомленъ. Я не умедлилъ того же часу близлежащія войска собрать, и имъ всенародно объявя всевысочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе, торжественно въ вѣрности присягу сдѣлали, * и потомъ Богу, толико мудро въ особѣ вашего императорскаго величества заблаговременно въ спасеніи отечества нашего устроивающему, благодареніе благопріятное принесли, а потомъ съ крѣпости и со всѣхъ судовъ, и изъ мелкаго оружія троекратная пальба и радостныя восклицанія вашему императорскому величеству и многолѣтія провозглашены.

„Вашему императорскому величеству благоугодно было

---

* Нѣмецкіе біографы Петра III пустили въ ходъ извѣстіе о затрудненіяхъ воздвигнутыхъ будто бы Румянцовымъ относительно присяги Екатеринѣ. Это извѣстіе находимъ и у Бантышъ-Каменскаго (*Словарь дост. людей*); но приводимое мною письмо Румянцова къ императрицѣ даетъ въ этомъ отношеніи самое категорическое объясненіе. Повидимому, въ послѣдствіи открылись какія-нибудь обстоятельства давшія поводъ слишкомъ, впрочемъ, подозрительному Румянцову воображать себя въ немилости, вслѣдствіе чего онъ и просился въ отставку; но во всякомъ случаѣ это было долго спустя послѣ вступленія на престолъ Екатерины, потому что она отвѣчала на его просьбу объ отставкѣ письмомъ отъ 13-го января 1763 года. (*Полн. собр. соч. Екат.*, т. III, стр. 185.) Вышеприведенный актъ положительнымъ образомъ опровергаетъ извѣстіе о колебаніяхъ Румянцова, основанное на предполагаемой преданности императору военнаго сословія. Армія,—по крайней мѣрѣ та которая находилась въ Помераніи,—могла болѣе чѣмъ кто-либо понять, что съ перемѣной правленія и правительственной системы должно было послѣдовать, какъ писалъ Румянцовъ, *спасеніе отечества*. Повидимому, что-либо подобное приписываемому Румянцову было сдѣлано Чернышевымъ, находившимся при главной квартирѣ Прусскаго короля: въ *Дѣлахъ Румянцова* (№ 42) находится слѣдующій указъ (въ копіи) правительствующему сенату:

„Генералъ графъ Захаръ Чернышевъ, поданнымъ намъ письмомъ, прописывая свое желаніе о непродолженіи болѣе намъ и отечеству службы, проситъ объ отставкѣ. Чего ради симъ повелѣваемъ отставить навѣчно." У подлиннаго подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: *Екатерина.*"

На этомъ указѣ не выставлено числа; но, повидимому, онъ относится къ первымъ днямъ царствованія Екатерины; онъ проводитъ совершенно новую и досель неизвѣстную черту въ біографіи графа Чернышева, который, впрочемъ, скоро занялъ одно изъ самыхъ видныхъ положеній въ новомъ правительствѣ.

меня, послѣдняѣйшаго раба вашего императорскаго величества, всемилостивѣйше высокомонаршею милостію обнадежить и въ числѣ всеусерднѣйшихъ прямыхъ сыновъ отечества и всеподданныхъ вашему императорскому величеству помѣтить; я всеподданнѣйшее и рабское поздравленіе и благодареніе къ подножію трона вашего императорскаго величества поднеся, препровождаю оное нантеплѣйшими молитвами къ толико избавившему отечество наше, *къ самой крайности и гибели доведенное*, Всемогущему Богу, дабы Онъ, какъ всѣхъ благъ датель, вашего императорскаго величества царствованіе увѣнчалъ всѣми благостыями, жизнь вашего императорскаго величества до позднѣйшихъ лѣтъ въ радость вѣрноподданныхъ вашего императорскаго величества продолжилъ и всевысочайшія вашего императорскаго величества намѣренія и предпріятія всѣми наилучшими успѣхами благословилъ. А какъ ваше императорское величество мнѣ всемилостивѣйше указать соизволили, отдавъ команду мнѣ ввѣренную надъ арміей генералу-аншефу Панину, возвратиться въ Россію, я о числѣ оной людей и лошадей, въ какомъ она по отправленіи сей моей всеподданнѣйшей реляціи осталась (положеніи), рапортъ вашему императорскому величеству всенижайше поднося, имѣю счастіе доносить, что я, по содержанію вышенаписаннаго вашего императорскаго величества всевысочайшаго указа, генералу-аншефу Панину въ команду отдаю и самъ, по отдачѣ, немедленно въ путь мой отправлюсь.

„Позвольте мнѣ, всеподданнѣйшему и послѣдняѣйшему вашего императорскаго величества рабу, испросить всевысочайшей вашего императорскаго величества милости и благоволенія продолженія и нелицемѣрно увѣрить, что я мое благополучіе и спасеніе, со всѣми моими сочичами, заключилъ въ особѣ всевысочайшей вашего императорскаго величества, единственно отраду и спокоеніе нашего крайняго и ежевременна смущенія на бывшія тогда времена составляющей (sic).“

„8-го іюля 1762 г.“

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Трактата оборонительнаго мира, заключеннаго между Россіей и Швеціей въ Стокгольмѣ 22-го февраля (2-го марта) 1724 года,

Артикулъ секретный первый.

Понеже владѣющій герцогъ Гольштейнъ-Шлезвигскій, его королевское высочество, уже чрезъ многія лѣта своего княженія шлезвигскаго съ принадлежащими (принадлежностями) себя лишенна видѣть принужденъ, а ея императорскому величеству всероссійскому и его королевскому величеству шведскому зѣло потребно, чтобъ сей имъ обоимъ такъ близко принадлежащій государь паки свое получилъ и тако совершенный покой въ сѣверѣ возстановленъ быть могъ, того ради обязуются обѣ высокія стороны симъ напсильнѣйшимъ образомъ, чрезъ добрыя офиціи, такъ при датскомъ дворѣ, какъ и при иныхъ дворахъ сіе дѣло общимъ совѣтомъ сильнѣйшимъ образомъ производить. И ежели сіи добрыя офиціи и представленія никакого довольствуемаго дѣйства имѣть не будутъ, то хотятъ оба высокодоговаривающіеся между собой и съ другими при томъ напредъ сего уже обязанными державами и гарантирами, а особливо съ его величествомъ римскимъ цесаремъ, вящій конфидентный совѣтъ держать и разсуждать, какимъ бы образомъ сіе дѣло съ безопасностію и по состоянію конъюнктуръ наилучшимъ образомъ предвоспріято, и слѣдовательно, сіи опасныя причины къ безконечному распространенію (опасеній?) въ сѣверѣ вдругъ пресѣчены быть могли. Во увѣреніе того и пр.

Артикулъ секретный второй.

Понеже ихъ величества такожь прилежное разсужденіе взяли, что чрезъ сію оборонительную алліанцію съ обѣихъ сторонъ имѣемое полезное намѣреніе, а именно, покой и безопасность ихъ государствъ и подданныхъ, многой опасности подвержено быть можетъ и не долго устоитъ, ежели въ Польскомъ коро-

левствѣ нѣкоторое безпокойство или отъ себя случится, или отъ другихъ явственно или тайно причинено будетъ; того ради, обои ихъ величества между собою крѣпко договорились, что они въ такомъ нечаянномъ случаѣ, коль скоро токмо о томъ надежную вѣдомость получатъ, между собою о такихъ довольственныхъ, однакожъ безопасныхъ и до никакихъ опасныхъ дальностей касающихся способахъ и путяхъ стараться будутъ и оныя такожде, когда обстоятельства дѣла того востребуютъ, въ дѣйство произведутъ, чрезъ которыхъ (способовъ) такое безпокойство благовременно или отвращено или утолено, а особливо Рѣчь Посполитая Польская при своей древней вольности, привилегіяхъ, пактахъ-конвентахъ и прочихъ ей принадлежащихъ правахъ укрѣплена, защищена и содержана была. Во увѣреніе того и пр.

II.

Трактата, заключеннаго въ Вѣнѣ между Россійскою императрицей и цесаремъ 1726 г. 6-го (17-го) августа,

1) *Конвенція.*

Понеже его цесарское и королевско-католическое величество его королевскому высочеству герцогу Шлезвигъ-Гольштейнскому первѣйшій предъ иными гарантъ или обнадежитель герцогства Шлезвигъ-Гольштейнскаго пребываетъ, и ко исполненію той же на себя принятой гарантіи всегда себя готова и охотно показалъ, лишебъ (лишь бы) иные такожде государи къ сему дѣлу способство свое и помощь подали, а трактатъ Стокгольмскій Россію какъ и Швецію къ тому обязуетъ; главнѣйше же, ея всероссійское величество уже часто свое намѣреніе декларовала, для помянутаго принца своего зятя, если пріятельскія средства не успѣютъ, всѣ себѣ отъ Бога данныя силы къ тому употребить. Того ради его цесарское католическое величество чрезъ сіе объявляетъ, что для содержанія публичной тишины, всякіе способы, купно съ ея всероссійскимъ величествомъ, королемъ и королевствомъ Шведскимъ, предвосприметъ, которыя къ полюбовному сего дѣла окончанію сходнѣйшія и угоднѣйшія быть надѣются; но буде же таковыя пріятельскія старанія, тому насопротивъ, чрезъ цѣлое время одного года (которое отъ дня размѣны ратификацій считано быть имѣетъ) пожеланнаго плода не принесутъ, то къ такому случаю обязуется его цесарское католическое величество и ея всероссійское величество совокупно оружіе дѣйствительно воспріять, и оное не прежде низположить, пока свѣтлѣйшій герцогъ сатисфакцію

получитъ и ему надлежащее возврататъ. А какимъ образомъ и способомъ сіе оружіемъ произведено быть можетъ, о семъ чрезъ помянутое время будутъ совѣщаться и со всякимъ прилежаніемъ тщаться будутъ короля и королевство Шведское купно къ обществу оружія привести, и сія конвенція также такой же силы и дѣйства быть имѣетъ, якобы въ самый трактатъ предыдущаго союза отъ слова до слова внесено было, чего во увѣреніе и пр.

2) *Артикулъ секретнѣйшій.*

Понеже между короною Россійскою и Портою Оттоманскою о персидскихъ дѣлѣхъ формально и торжественнымъ трактатомъ договорено и все христіанство, а особливо обѣ договаривающіяся стороны наивяще интересъ имѣютъ стараться, дабы Порта Оттоманская владѣніе свое въ Персіи и болѣе чрезъ мѣру не распространила, а толь меньше все оное королевство подъ свою власть взять и подъ себѣ подвергнуть могла; того ради его цесарское католическое величество обѣщаетъ и обязуется ея всероссійскому величеству, что ежели бъ Порта Оттоманская помянутый трактатъ нарушила и по той причинѣ коронѣ Россійской внѣ Персіи, въ провинціяхъ, отъ ея всероссійскаго величества въ Европѣ владѣемыхъ, войною обязаться приключилося, то тѣ жь самыя помощи на самомъ дѣлѣ подать хочетъ и долженъ есть, къ которымъ себя въ главномъ союзѣ обязалъ, развѣ по силѣ 7-го артикула трактата, вмѣсто помощи, лучше Портѣ Оттоманской войну объявить похочетъ. Настоящій артикулъ секретный будетъ той же твердости и силы, якобы въ главный трактатъ, сегодня заключенный, отъ слова до слова внесенъ былъ; во увѣреніе чего и пр.

III.

Союзный и оборонительный трактатъ между Россіей и Пруссіей, заключенный въ Берлинѣ 30-го сентября 1730 года. *

Во имя Пресвятыя и Нераздѣльныя Троицы. Извѣстно и вѣдомо да будетъ симъ каждому: понеже всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая и не побѣдимѣйшая княгиня и государыня, государыня Анна, императрица и самодержица Всероссійская *(полный титулъ)*, и всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій князь и государь, государь Фридрихъ-Вильгельмъ, король въ Прусѣхъ *(полный титулъ)* за благополезно и потребно изобрѣли, ради споспѣшествованія обѣихъ сторонъ славы,

---

* Этотъ трактатъ, подлинникъ котораго на нѣмецкомъ языкѣ, весьма дурно переведенъ по-русски; есть мѣста совершенно неудобопонятныя.

удобности и интересу, также и благополучія ихъ вѣрныхъ поддан-ныхъ, межь собою имѣющій алліанцъ возобновить и подтвердить, дабы между ея императорскимъ величествомъ и его королевскимъ величествомъ счастливо цвѣтущая вѣрная дружба и откровенное доброжеланіе и тѣсное обязательство наивяще подкрѣплено быть могло; и сего ради чрезъ отъ обѣихъ сторонъ, ея императорскаго величества и его королевскаго величества, къ тому назначенныхъ и надлежащими полными мочми снабденныхъ министровъ,—а имен-но: съ стороны ея императорскаго величества всероссійскаго ея тайнаго совѣтника дѣйствительнаго каммергера и полномочнаго министра при королевскомъ прусскомъ дворѣ, князя *Сергѣя Голи-цына*, съ стороны жь его королевскаго величества прусскаго его генералъ-лейтенанта и дѣйствительнаго тайнаго государственнаго и военаго совѣтника *Андреяна Бернгарда фонъ-Борка*,—въ имѣ-ющихъ о томъ межь собою конференціяхъ и договорахъ слѣдую-щій рецессъ алліанціи сочиненъ и наиобязательнѣйше заключенъ.

1.

Обѣщаетъ ея всероссійское императорское величество за себя и своихъ наслѣдниковъ его королевскому величеству прусскому и его наслѣдникамъ и преемникамъ Прусской короны, и напротивъ того, его королевское величество прусское за себя и за своихъ наслѣдниковъ ея императорскому величеству и наслѣдникамъ ея и преемникамъ Россійской монархіи, другъ другу истинную и по-стоянную дружбу тако и такимъ образомъ, что обои ихъ величе-ства другъ о другѣ истинное мнѣніе имѣть, свои интересы взаим-но всядѣ производить и содержать, и генерально одинъ другаго приращеніе, благоповеденіе и пользу, яко свою собственную, всег-да производить, а отъ вреда и обиды остерегать, и оное, сколько возможно, отвращать искать, и для того о всѣхъ внѣшнихъ и ко обѣихъ сторонъ интересамъ какимъ (либо) образомъ приличныхъ дѣлѣхъ вѣчно и откровенно между собою сообщаться и ихъ обѣихъ сторонъ министровъ при чужестранныхъ дворахъ о томъ довольственно и благовременно инструировать хотятъ, дабы они отъ незнанія противъ сего согласія не поступили и чрезъ то обои ихъ величества имѣемаго намѣренія своего не лишились.

2.

И якоже ихъ императорское и королевское величества никако намѣрены чрезъ сей настоящій союзъ никому, кто бъ онъ ни былъ, не досадить или обиду учинить, тако, напротивъ того, глав-нѣйшая мѣта онаго имѣетъ быть сія, что обои ихъ величества и ихъ наслѣдники, при справедливомъ и покойномъ владѣніи всѣхъ своихъ государствъ, провинцій и земель, какъ генерально, такъ и особливо тѣхъ, которыя обои ихъ величества при Балтійскомъ мо-

рѣ имѣютъ, наикрѣпчайшимъ образомъ другъ друга содержать и противъ каждаго, который бы дерзнулъ на одну или другую договаривающуюся сторону силою и неправдою напасть и войну навесть, вѣрно вспомогать и защищать хотятъ и имѣютъ.

3.

И ежели ея всероссійское императорское величество или его королевское величество прусское такимъ образомъ въ ихъ нынѣшнихъ владѣемыхъ земляхъ и въ ихъ правахъ и справедливостяхъ непріятельски аттакованы и обезпокоены будутъ, тогда имѣетъ быть должая одна сторона, по полученіи обстоятельной вѣдомости о настоящей другой стороны опасности, или уже терпимомъ насильствѣ, у наступателя тотчасъ всѣ сильныя офиціи наикрѣпчайшимъ образомъ прилагать и его всею ревностію отъ всякаго насильства и дѣйствія увѣщевать и обиженной сторонѣ справедливой сатисфакціи требовать и притомъ декларовать, что въ противномъ случаѣ должны суть (должна есть) оной всею силою вспомогать и вспомоществовать.

4.

Ежели такія дружелюбныя представленія ничего пользовать не будутъ, но дѣйствительныя непріятельства въ принадлежащихъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ и при Балтійскомъ морѣ лежащихъ провинціяхъ и земляхъ учинены, или уже въ начатомъ тамо продолжено (ны) будетъ, то имѣетъ прошенная сторона просящей безъ отлагательства и замедленія въ слѣдующемъ артикулѣ постановленное число войскъ туда такимъ образомъ на помощь прислать, чтобъ оныя по вышней мѣрѣ въ три мѣсяца по учиненномъ требованіи въ земли аттакованной стороны дѣйствительно вступить, или въ то мѣсто, куда просящая сторона по военному резону востребуетъ, постановлены быть могли.

5.

И такое отъ ея всероссійскаго императорскаго величества его королевскому величеству прусскому и взаимно отъ него ея императорскому величеству всероссійскому въ помянутомъ случаѣ посылаемое вспоможеніе войскъ имѣетъ состоять въ 3.000 пѣхоты и 2.000 конницы, и потребною полевою артиллеріею и муниціею и всѣми потребными припасы снабдено быть, и не можетъ прежде назадъ отозвано быть, пока обиженная сторона за такое причиненное насильство и неправду сперва совершенно награждена и въ то же состояніе, въ которомъ напредъ сего обрѣталася, приведена не будетъ.

6.

Сіи вспомогательныя войска будутъ отъ прошенной стороны самой жалованье получать и ежегодно рекрутованы быть, а обыкновенныя раціи и порціи провіантомъ и фуражемъ, такожь и потребныя квартиры, будутъ имъ отъ просящей стороны даны, все на томъ основаніи, какъ въ оныхъ войскахъ отъ ихъ собственныхъ государей въ полѣ и въ квартирахъ снабдѣвать обыкновенно есть.

7.

Сіи аукзиліарныя войска имѣютъ подъ командою того быть, который отъ просящей стороны яко шефъ главной арміи опредѣленъ будетъ, а въ прочемъ ни подъ чьею, кромѣ своего собственнаго генерала, и имѣютъ впрочемъ ко всѣмъ военнымъ операціямъ по военному обыкновенію себя безъ прекословія употреблять давать, однакожь такимъ образомъ, чтобъ такія операціи напредь въ военномъ совѣтѣ, въ присутствіи и съ призывомъ командующаго генерала надъ аукзиліарными войсками, расположены и резольвованы были.

8.

Подробность * при сихъ вспомогательныхъ войскахъ останется весьма у командующаго надъ ними генерала и не имѣютъ оныя больше, нежели просящей стороны собственныя войска, утруждены и на опасность преданы быть; но между ими при всякихъ случаяхъ по пропорціи и силѣ всей арміи совершенное равенство содержано и предостережено быть, яко же и сіи вспомогательныя войска, такъ въ маршахъ, командахъ, акціяхъ и квартирахъ, какъ и въ прочемъ, сколько возможно, вмѣстѣ содержаны и другъ отъ друга не раздѣлены или не разрознены быть имѣютъ.

9.

Такожь будутъ сіи вспомогательныя войска своихъ собственныхъ священниковъ имѣть и свою собственную божественную службу свободно и безъ препятствія отправлять. Такожь не имѣютъ оныя ни по какимъ инымъ уложеніямъ, военнымъ артикуламъ и учрежденіямъ, кромѣ по ихъ собственнымъ, своихъ государей, такожь и ни отъ кого, кромѣ своего собственнаго генерала и офицеровъ, судимы быть.

10.

Оныя тріумфальныя знаки ** и что при какой акціи съ непріятелемъ въ добычу достанется, останется у той стороны, которая то возьметъ и добудетъ.

---

* Das Detail.

** Diegenige Trophées.

11.

Ежели помянутый сикурсъ не довольственъ будетъ оное причиненное насильство тѣмъ отвратить, то хотятъ обѣ высокодоговаривающіяся стороны между собою согласиться и договариваться, коимъ образомъ одна сторона другой вящими вспомогательными войсками, а въ потребномъ случаѣ, и со всею своею силою вспомогать и на помочь придти имѣетъ, яко же въ такомъ случаѣ, ежели обиженной сторонѣ всей выше сего постановленной помочи людьми не надобно будетъ, (то) на оную вящаго числа войскъ, нежели она (обиженная сторона) сама желаетъ, возложено (то-есть навязано) быть не имѣетъ. *

12.

А ежели его королевскому величеству прусскому, вмѣсто войска, нѣсколько кораблей для безопасности своихъ береговъ, или иного употребленія, при такой войнѣ потребно будетъ, то изволитъ ея императорское величество всероссійское его королевскому величеству прусскому такимъ образомъ и способомъ, какъ о томъ тогда соглашенось будетъ, тѣмъ вспомогать.

13.

Ежели же случится, что прошенная сторона за такое учиненное вспоможеніе, или инако, такожде непріятельски аттакована, и тако обѣ стороны въ войну приведены будутъ, тогда изволятъ они за одно стоять и другъ другу всею своею силою вспомогать и на помочь приходить, якоже же и никто изъ обоихъ союзниковъ въ мирную негоціацію или перемиріе вступать, наименьше же что о томъ заключать, имѣетъ, ** развѣ съ добрымъ соизволеніемъ и совершеннымъ привступленіемъ другаго (другой стороны) и чтобъ напредь обиженной сторонѣ понесенный убытокъ награжденъ и возвращенъ былъ.

14.

И дабы впрочемъ обѣихъ договаривающихся высокихъ сторонъ истинное намѣреніе,—все то, что симъ между ими постановлено и заключено ненарушимо содержать, — толь наивяще оказалося, то обязуются обои ихъ императорское и королевское величества симъ и силою сего, что они всѣ и каждые артикулы сего, съ доброю вѣрностію и вѣрою заключеннаго союза, съ своей стороны вѣрно и истинно исполнять изволятъ и никоимъ образомъ и способомъ,

* „....allermasen denn auch auf dem Falle, da der ledierte Theil der ganzen hier oben stipulirten Volks Itulfe nicht bennetigt waere demselben eine mehrere und groessere Anzall Truppen, als er selbst verlangen nicht aufgedrungen werden soll."

** ....viel weniger noch darueber etwas Fliessen soll.

ни подъ какимъ предлогомъ онымъ противно чинить и поступать не хотятъ.

15.

И ежели же какая держава въ сей союзъ такожъ включена и принята быть пожелаетъ, то не можетъ сіе однакожъ инако, (какъ) съ соизволеніемъ и согласіемъ обѣихъ сторонъ учинено быть.

16.

Коммерціи водою и землею между обѣихъ сторонъ государствами, провинціями и подданными будутъ имѣть и содержать свободное и безпрепятственное теченіе и продолженіе, и на россійскіе корабли и торговыхъ людей въ его королевскаго величества прусскаго морскихъ гаваняхъ, купецкихъ городѣхъ и земляхъ, такожъ и на королевскіе прусскіе корабли и торговыхъ людей въ ея императорскаго величества всероссійскаго морскихъ гаваняхъ и купецкихъ городѣхъ и земляхъ, не имѣютъ|вящихъ налоговъ и тягостей налагать, ниже ихъ въ прочемъ въ какихъ вящихъ жесточаѣ содержать, какъ другимъ, тамъ торгующимъ и въ ихъ торгахъ наивяще фаворизованнымъ націямъ и купецкимъ людямъ то чинится, и съ ними поступлено бываетъ.

17.

Сія алліанція имѣетъ 18 лѣтъ продолжиться и еще до окончанія оныхъ возобновлена, по конъюнктурамъ, каковы оныя тогда будутъ, учреждена и такимъ образомъ долѣе продолжена быть.

18.

Ратификаціи сего настоящаго трактата имѣютъ во время двухъ мѣсяцевъ отъ нижеписаннаго числа здѣсь въ Берлинѣ размѣнены быть. Для вящаго увѣренія и утвержденія сего вышерѣченной аллианціи рецесса, два равногласящіе экземпляры изготовлены, отъ вышепомянутыхъ министровъ собственноручно подписаны, ихъ печатями запечатаны и единъ противъ другаго размѣнены; еже учинено въ Берлинѣ 30-го сентября 1730 года.

Артикулъ секретный.

Ея всероссійское императорское величество декларуетъ, что она съ другими державами въ обязательствѣ обрѣтается его королевскому высочеству государю герцогу Шлезвигъ-Гольштейнскому о удержанномъ у него чрезъ разные годы отъ короны Датской прадѣдномъ наслѣдномъ герцогствѣ Шлезвигскомъ и за понесенные чрезъ то великіе убытки къ справедливому удовольствованію вспомоществовать; и для того весьма о томъ мыслитъ, чтобъ оное имѣющее обязательство дѣйствительно исполнить; и якоже его коро-

левское величество прусское высокопомянутому государю герцогу, его королевскому высочеству, такъ какъ и прежде сего охотно желаетъ,* чтобъ онъ отъ бывшихъ доныне тягостей безъ дальняго отлагательства освобожденъ быть могъ; того ради хощетъ онъ и съ своей стороны свои добрыя офиціи во всѣхъ потребныхъ мѣстахъ прилагать, дабы его королевское высочество государь герцогъ о томъ какъ наискорѣе до резонабельнаго и удовольствуемаго согласія достичь могъ; ежели же чрезъ дружественныя представленія желаемаго конца достичь не можно и его королевское высочество государь герцогъ сильнѣйшихъ вспомогательныхъ способовъ искать и оные дѣйствительно употребить хочетъ, то обѣщаетъ его королевское величество прусское, что онъ при томъ совершенное нейтральство содержать изволитъ и противъ его королевскаго высочества себѣ декларовать не хочетъ; напротивъ того, его королевское высочество обѣщаетъ взаимно на томъ предоставленіи, которое онъ о поддании штетинскаго дистрикта его римскому цесарскому величеству предложилъ, впредь больше не стоять, но паче отъ того весьма отстоять, и ея всероссійское императорское величество пріемлетъ на себя по силѣ сего сепаратнаго артикула его государя герцога по такому договору туда склонить, чтобъ помянутое предоставленіе дѣйствительно отъ него уничтожено и оставлено было; во увѣреніе того, сего секретнаго артикула, который наилучше въ секретѣ содержанъ, и безъ обѣихъ договаривающихся сторонъ соизволенія и вѣдома никому сообщенъ, а впрочемъ той же силы и важности быть имѣетъ, якобы оный сегодняшняго числа въ заключенный главный трактатъ отъ слова до слова внесенъ былъ. Два равно гласящіе и пр.

Артикулъ секретный (второй).

Понеже также подлинно увѣдомился, что въ Польшѣ и о томъ дѣйствительно стараются, чтобъ по смерти герцога Курляндскаго Фердинанда, сіе сосѣднее княжество къ Республикѣ Польской присовокупить и на воеводства раздѣлить; а ея всероссійское императорское величество и его королевское величество прусское сію съ тѣмъ княжествомъ Курляндскимъ намѣряемую всеконечную отмѣну, въ разсужденіи изъ того религіи и оными землямъ происходимой опасности, вредительну находятъ,** и для того по справедливости тако стараться и свое попеченіе прилагать имѣютъ, чтобъ оное княжество постоянно, однакожъ безъ поврежденія, во всемъ права королевства и Рѣчи Посполитой Польской, подъ своимъ соб-

---

* ....J. K. M. in Preussen Hocherwessuten Herrn Herzogs Koenigf stolst, nach wie vor, gor gerne goennen.

** То-есть: въ разсужденіи происходящей изъ того опасности для религіи къ тѣмъ землямъ, находятъ вредною.

ственнымъ правительствующимъ герцогомъ, въ своей старой формѣ, конституціи, вольности и привилегіяхъ, сходно во всемъ съ пактами подверженія, * содержано и оставлено было; того ради ихъ высокоупомянутыя императорское и королевское величества обѣщали взаимно другъ другу и къ тому обязалися, что они такую отмѣну всѣми сходными образы и способы отвратить стараться хотятъ; и дабы они въ томъ своего намѣренія толь наименьше лишиться могли, то хотятъ обои ихъ величества не токмо своихъ въ Польшѣ имѣющихъ и впредь туда посылаемыхъ министровъ инструировать, чтобъ всего того, что о семъ въ Польшѣ случаться будетъ, наиприлежнѣйше смотрѣли и между собою согласно поступали; но ея императорское величество всероссійское и его королевское величество прусское хотятъ такожде, по являющимся обстоятельствамъ и конъюнктурамъ, между собою немедленно вяще согласиться, коимъ образомъ и способомъ противъ сего помянутаго намѣренія наилучше и безопаснѣйше поступлено быть можетъ, якоже обои ихъ величества въ наслѣдномъ дѣлѣ сего герцогства, какъ прежде сего, такъ и впредь, всегда между собою съ согласія поступать и при курляндскомъ дѣлѣ и оного впредь будущемъ учрежденіи ничего инако, какъ по имѣвшимъ напредь общимъ совѣтамъ, предвоспринимать и допускать изволятъ; обои ихъ величества хотятъ такожде и съ другими державами, которымъ равнымъ же образомъ содержаніе того княжества потребно быть можетъ, въ конфиденціи о томъ сообщаться и оныхъ въ сіе ихъ имѣемое намѣреніе привесть обще стараться и трудиться; но дабы о семъ между обоими высокодоговаривающимися сторонами принятомъ обязательствѣ прежде времени никакого движенія въ Польшѣ причинено быть не могло, то имѣетъ сей артикулъ наиприлежнѣйше въ секретѣ содержанъ и утаенъ, и впрочемъ той же силы и пр.

Артикулъ секретный (третій).

И понеже ея всероссійскаго императорскаго величества и его королевскаго величества прусскаго интересъ весьма требуетъ о сосѣдней коронѣ и республикѣ Польской особливое разсужденіе имѣть, того ради хотятъ крайнѣйшее попеченіе имѣть, чтобъ помянутая корона и республика при своихъ прежнихъ учрежденіяхъ, вольности, преимуществахъ и правахъ содержана и все то, еже бы тому противно предпріято было, благовременно предостережено и отвращено быть могло, и ежели когда, по Божію изволенію, до избранія новаго короля въ Польшѣ дойдетъ, то хотятъ высокопомянутые ихъ императорское и королевское величества не токмо тогда, но и отъ сего числа свои совѣты единогласно туда учреждать, дабы на королевскій польскій престолъ такой сукцессоръ паки воз-

* Пакты подверженія—Pactis subsictionis.

ведекъ былъ, который бы такъ польской вольности, какъ и сосѣдству опасенъ не былъ, и къ которому надежду имѣть можно, что онъ, при имѣющихъ съ Россійскимъ государствомъ и Бранденбургскимъ домомъ старыхъ и новыхъ пактахъ, постоянно держаться, оныя крѣпко содержать и въ доброй дружбѣ и сосѣдствѣ съ ними пребывать будетъ; и якоже къ полученію такого намѣренія паче всего потребно будетъ благовременно предупредить, чтобъ при такомъ новомъ избраніи та нація свою совершенную вольность удержала и исполнять могла, и оной ни отъ кого въ томъ никакого закона и мѣры предписаны, ниже какое понужденіе учинено не было, то хотятъ обои ихъ величества такому поступку всѣми своими силами противиться, такожь съ знатнѣйшими изъ Рѣчи Посполитой, отъ сего числа сколько учиниться можетъ, согласиться, чтобъ и при жизни нынѣшняго короля Польскаго никакого отреченія отъ короны или новаго избранія въ пользу кого другаго, кто бъ онъ ни былъ, учинено не было; и хотятъ ея всероссійское императорское величество и его королевское величество прусское о томъ всегда, а особливо при случающихся въ Польшѣ сеймахъ и сенатусъ-консиліяхъ откровенно между собою сообщаться, такожь и своимъ для того посылаемымъ министрамъ инструкціи давать, чтобъ въ томъ между собою съ согласія поступали и единоустно говорили; но причемъ токмо и едино сіе мнѣніе имѣется, что обои ихъ величества Рѣчи Посполитой Польской вольное короля избраніе содержать вспомогать хотятъ, и никако, чтобъ ея въ томъ имѣющимъ правамъ какое предосужденіе учинить; во увѣреніе того и пр.

Артикулъ сепаратный.

Ея императорское величество всероссійское и его королевское величество прусское неинако какъ съ великою жалостію видѣть могутъ толь тяжкія насильственныя утѣсненія, которыя обѣихъ сторонъ одновѣрцы въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ уже отъ многихъ лѣтъ несутъ, и того ради ихъ величества между собою согласились и обязались, дабы обще помянутыхъ единовѣрцевъ,—а именно, которые подъ именемъ диссидентовъ замыкаются, * греческіе, евангелическіе реформаты и лютерскіе, живущіе въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ,—наилучше защищать и чрезъ добрыя предстательства и крѣпчайшія предложенія у короля и республики Польской всякими мѣрами стараться, чтобъ оные диссиденты греческаго и реформатскаго закона тѣхъ привилегій, вольностей, правъ и справедливостей паки доступить могли, какъ имъ издревле, колико въ духов-

* „....unter dem Nahmen der Dissidenten begriffen....“

ныхъ, только и въ свѣтскихъ поведеніяхъ принадлежало и дозволено было, а потомъ наибольшая часть убавлена, или и въ достатокъ къ наибольшей непристойности у нихъ отнято; и ежели нынѣ до того дойдти не можно будетъ, то оные по послѣдней мѣрѣ до удобнаго времени и конъюнктуръ впредь въ томъ состояніи содержать, въ какомъ они колико до того надлежитъ нынѣ находятся.* Впрочемъ сей сепаратный артикулъ имѣетъ быть той же силы и пр.

IV.

Трактата, заключеннаго между Россійскою императрицей и королемъ и королевствомъ Шведскимъ въ С.-Петербургѣ 14-го (25-го) іюня 1745 года,

Артикулъ секретный первый.

Хотя узелъ тѣснаго согласія, которымъ, какъ ея величество императрица Всероссійская, такъ его величество король и корона Шведская, учиненнымъ въ обоюдныхъ государствахъ о наслѣдствѣ учрежденіемъ соединены находятся, натурально о пользѣ свѣтлѣйшаго герцогско-гольштейнъ-шлезвигскаго дома всякое удобь-возможное попеченіе и прилежаніе имѣть побуждаетъ, однако обои ихъ величества для напвящаго удостовѣренія обѣщаются, и напточнѣйше договорились во всемъ томъ, еже до помянутаго герцогско-гольштейнъ-шлезвигскаго дома и онаго интереса касаться можетъ, обще согласно поступать; и какъ ея императорское величество всероссійская, такъ и его королевское величество и корона свѣйская нынѣ владѣющему герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, а именно: его императорскому высочеству великому князю и наслѣднику Всероссійской имперіи государю Петру Ѳеодоровичу и его мужскаго пола наслѣдникамъ напторжественнѣйше гарантируютъ нынѣшнія его въ Германіи владѣющія земли. А понеже онаго герцогскаго дома съ королевскимъ датскимъ дворомъ правости не окончены, и впредь объ оныхъ отъ всероссійской императорской стороны негоцировано быть имѣетъ; того ради ежели иногда полюбовно объ оныхъ правостяхъ съ помянутымъ датскимъ дворомъ согласно не будетъ, тогда обои высокодоговаривающіяся стороны, по востребованію обстоятельствъ, о дальнѣйшихъ между собою, для совершеннаго оныхъ окончанія, и слѣдовательно толь наибольшаго утвержденія въ Сѣверѣ тишины, обязательствахъ особливо договариваться имѣютъ; во увѣреніе чего и пр.

---

* „...worrinnen sie sich desfols vorjetzo befinden.“

Артикулъ секретный второй.

Какъ ихъ величества приняли въ зрѣлое разсужденіе и то, что чрезъ настоящій съ обѣихъ сторонъ оборонительный союзъ не можно совершенно достигнуть до полезнаго намѣренія, сохранить тишину въ Сѣверѣ, и до желаемаго постояннаго спокойствія, ежелибы въ королевствѣ Польскомъ какое-нибудь безпокойствіе тѣмъ или другимъ образомъ произведено было; почему ихъ величества взаимно между собою постановило, что они въ такомъ непредвидимомъ случаѣ, какъ скоро только получатъ о томъ достовѣрныя извѣстія, намѣрены помышлять о достаточныхъ способахъ и средствахъ, но ни малой опасности не подверженныхъ и не влекущихъ за собою никакихъ вредныхъ слѣдствій, которыя бы заблаговременно могли отвратить или прекратить сіе безпокойствіе, а особливо, чтобъ вольность, привилегіи (договорныя постановленія) и всѣ прочія права республики Польской утверждены, защищены и сохранены быть могли. Во увѣреніе чего и пр.

Артикулъ сепаратный.

Тако ея императорское величество всероссійская Абовскимъ мирнымъ инструментомъ, и онаго 13-мъ артикуломъ его королевскому величеству шведскому ежегодно и всегда безпошлинный вывозъ хлѣба столько, сколько за пятьдесятъ тысячъ рублевъ куплено быть можетъ, позволила; тако ея императорское величество всероссійская то обязательство симъ распространяетъ, а именно: что сверхъ вышеупомянутаго числа денегъ, сколь долго сія оборонительная алліанція продолжится, его королевскому величеству шведскому еще на пятьдесятъ тысячъ рублевъ хлѣба жъ, да на сто тысячъ пеньки и льну въ ея императорскаго величества при Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ городахъ и гаваняхъ, исключая токмо Санктпетербургъ, и такъ вообще всего хлѣба, пеньки и льну на двѣсти тысячъ рублевъ въ годъ, на потребу и службу его королевскаго величества свѣйскаго въ помянутыхъ городахъ и гаваняхъ безъ платежа также ея императорскому величеству всероссійской какихъ-либо пошлинъ, или другихъ накладковъ вольно закупать и вывозить да будетъ, однакожъ съ такимъ уговоромъ, чтобъ тотъ, или тѣ, кому повелѣно будетъ такую куплю и вывозъ чинить, для того въ надлежащихъ мѣстахъ являлися и свои вѣрющія казали; но ежели въ какомъ-либо году, за недородомъ, или для другихъ причинъ, вывозъ хлѣба, или совсѣмъ, или отчасти запрещенъ будетъ, и тако сей безпошлинный вывозъ хлѣба его королевскому величеству шведскому дѣйствительно въ пользу быть не можетъ, то его королевскому величеству шведскому позволено да будетъ пеньки и льну столько безпошлинно и другихъ накладовъ вывозить повелѣть, сколько хлѣбомъ не достало; во увѣреніе сего, и пр.

V.

Трактата, заключеннаго 22-го мая (2-го іюня) 1746 г. между императрицею Всероссійскою и императрицею-королевою Маріею-Терезіей,

Артикулъ секретнѣйшій, касающійся до Оттоманской Порты.

Поелику между высокоблаженныя памяти покойнымъ его римскимъ императорскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ Карломъ VI и Оттоманскою Портою въ 1739 году сентября 18-го дня, близь Бѣлграда, такожъ между Россійскою Имперіей и оною Оттоманскою Портою того же дня и на ономъ же мѣстѣ торжественными трактатами на двадцать на семь лѣтъ вѣчный миръ на морѣ и на сушѣ, такожъ откровенное согласіе и вѣчная дружба наиторжественнѣйше постановлены, и ей Портѣ неразрушимость пребывающаго между обѣими договаривающимися державами обязательнаго союза чрезъ письменное свидѣтельство между тѣмъ знать дано. Но какъ нынѣ обѣихъ сей обязательный союзъ возобновляющихъ величествъ намѣреніе къ тому клонится, дабы таковые трактаты со стороны Оттоманской Порты ненарушимо содержаны были, наименѣе же имъ какой ущербъ или убытокъ учиненъ былъ, то и обѣщаетъ и обязуется его римское императорское и королевское венгерское и богемское величество за себя, своихъ наслѣдниковъ и потомковъ ея императорскому величеству всероссійскому, ея наслѣдникамъ и потомкамъ, такожъ напротивъ того, взаимно ея императорское величество всероссійское за себя, своихъ наслѣдниковъ и потомковъ его римскому императорскому и королевскому венгерскому и богемскому величеству, его наслѣдникамъ и потомкамъ, что въ случаѣ ежели Оттоманская Порта или съ Россійскою Имперіей, или же съ покойнымъ его римскимъ императорскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ Карломъ VI постановленный трактатъ подъ какимъ бы то предлогомъ ни было нарушитъ и по какому-либо поводу или ея императорскому величеству всероссійской, ея наслѣдникамъ и потомкамъ на имѣющіяся въ Европѣ въ ея владѣніи провинціи, или же его римскаго императорскаго и королевскаго венгерскаго и богемскаго величества, его наслѣдниковъ и потомковъ на какія-либо ея наслѣдственныя земли отъ помянутой Оттоманской Порты нападеніе учинится, то въ обоихъ сихъ случаяхъ неатакованная изъ обѣихъ высочайшихъ договаривающихся сторонъ хощетъ и имѣетъ ей, Оттоманской Портѣ, не токмо тотчасъ войну объявить, но и прямо собою въ земли ея Порты со всею возможною силою нападеніе учинить. Сей между обѣими высочайшими договаривающимися державами до Оттоманской Порты касающійся союзъ долженъ имѣть равную силу и

дѣйствіе, какъ часто упомянутый между покойнымъ его римскимъ императорскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ Карломъ VI и Оттоманскою Портою заключенный мирный трактатъ, и имѣетъ продолжиться отъ сего времени еще двадцать лѣтъ. По истеченіи же сего трактата, или и прежде, когда его римское императорское и королевское венгерское и богемское величество или его наслѣдники и потомки заблагоразсудятъ заключить съ упомянутою же Портою вѣчный миръ,—и сей къ тому клонящійся союзъ въ то время, по имѣющемуся напредъ того согласію, возобновленъ, и впредь по благоразсужденію и навѣки распространенъ быть имѣетъ. Сей секретнѣйшій артикулъ возымѣетъ такую же силу и дѣйствіе, какъ бы оный въ главный союзный, оборонительный трактатъ отъ слова до слова внесенъ былъ и оный вмѣстѣ съ онымъ трактатомъ размѣненъ быть долженъ. Во увѣреніе сего и пр.

Первый секретный сепаратный артикулъ.

Поелику его римское императорское и королевское каѳолическое величество блаженныя памяти покойный императоръ Карлъ VI, какъ въ 12-мъ артикулѣ блаженныя памяти съ покойною императрицею Всероссійскою ея величествомъ Екатериною Алексѣевною 6-го августа 1726 года заключеннаго главнаго союзнаго трактата, такъ и въ постановленной того же числа особливой конвенціи его королевскаго высочества покойному герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, по силѣ Травендальскаго трактата, Шлезвигское герцогство торжественно гарантировалъ, и притомъ обязался его свѣтлости герцогу дѣятельно способствовать въ полученіи удовольствія и въ возвращеніи того, что̀ ему принадлежитъ, а потомъ другою декларацією, отъ 29-го августа 1727 года соглашенось, и даже наконецъ съ такими обязательствами несообразный трактатъ, — по причинѣ бывшихъ тогда въ Россіи обстоятельствъ, — 26-го мая 1732 года былъ въ Копенгагенѣ учиненъ; напротивъ того, нынѣ славно царствующая ея величество императрица Всероссійская, какъ она съ ея величествомъ императрицею Римскою, королевою Венгеро-Богемскою союзомъ тѣснѣйшаго согласія и дружбы, при нынѣ возобновленномъ на основаніи бывшаго между ихъ пресвѣтлѣйшими родителями вышеупомянутаго союзнаго трактата утвержденнаго оборонительнаго союза, тѣснѣе соединяется и натуральнымъ образомъ находитъ себя побужденною также и о благѣ и интересахъ свѣтлѣйшаго герцогскаго Гольштейнскаго дома всевозможное попеченіе и стараніе имѣть, то ея вышеупомянутое величество императрица Римская и королева Венгеро-Богемская предварительно объявляетъ, что какъ вышеупомянутый Копенгагенскій трактатъ, по блаженномъ преставленіи въ Бозѣ почивающаго родителя его императорскаго величества, его величествомъ королемъ Датскимъ и

Норвежскимъ не только не исполненъ, но и не признанъ, то посему ея величество и почитаетъ себя свободною отъ всѣхъ тѣмъ трактатомъ принятыхъ обязанностей. И потому сверхъ сего еще обѣщаетъ,—чтобъ подать убѣдительныя доказательства о имѣемой ея къ ея величеству императрицѣ Всероссійской искренней дружбѣ, и какъ она во всемъ могущемъ касаться до споспѣшествованія ея величеству императрицѣ Всероссійской на тотъ истинной справедливости основанныхъ намѣреній и до приращенія ея императорскаго дома принимать совершенное участіе, притомъ, по силѣ обще съ ея величествомъ императрицею Всероссійскою всегда торжественнѣйше приступить къ охраненію интересовъ герцогскаго гольштейнъ-шлезвигскаго дома, но и торжественнѣйше гарантируетъ нынѣ владѣющему герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, именно его императорскому высочеству великому князю и наслѣднику всея Россіи Петру Ѳеодоровичу и мужескаго пола его наслѣдникамъ, нынѣ въ Германіи во владѣніи его находящіяся земли, и когда бы производимая съ россійско-императорской стороны съ королевскимъ датскимъ дворомъ негоціація о непостановленномъ правѣ на принадлежность сего герцогскаго дома, противу всякаго чаянія, не возымѣла успѣха, слѣдовательно было бы невозможно полюбовно согласиться съ датскимъ дворомъ о такомъ правѣ, то въ такомъ случаѣ ея величество императрица Римская королева Венгеро-Богемская съ ея величествомъ императрицею Всероссійскою, смотря по обстоятельствамъ, учинятъ между собою особливый договоръ о другомъ способѣ къ совершенному доставленію онаго достаточнымъ для вящаго утвержденія спокойствія въ Сѣверѣ образомъ, и въ разсужденіи сего увеличивающихся обязательствъ.

Настоящій первый секретный сепаратный артикулъ долженъ имѣть такую же силу и пр.

Второй секретный сепаратный артикулъ, об исключеніи настоящей войны съ Франціей касающійся.

Хотя во второмъ артикулѣ главнаго сего оборонительнаго союза обѣ высокодоговаривающіяся стороны и обязались положенную помощь въ назначенное время одна другой безъ изъятія оказывать; однакожъ обѣ помянутыя высокія стороны въ силу сего секретнаго сепаратнаго артикула между собою именно договорились, что въ разсужденіи теперешнихъ обстоятельствъ, поводъ сего союза на имѣющуюся теперь между его римскимъ цесарско-королевскимъ величествомъ и его величествомъ королемъ Французскимъ ни мало простираться не долженъ; а напротивъ того, упомянутая война симъ нарочно исключается. Но еслибъ паче чаянія по учиненному сему приложенію, впредь по какой бы то причинѣ ни было, новая война между его римскимъ цесарско-королевскимъ величествомъ и

королемъ Французскимъ произошла, то ея императорское величество всея Россіи въ такомъ случаѣ торжественно обѣщаетъ цесарю помощный корпусъ изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ своего войска состоящій, а именно: двѣнадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и три тысячи конницы, на основаніи главнаго трактата сего союза, или полмилліонъ рублей деньгами. Его же римское цесарско-королевское величество съ своей стороны взаимно обѣщаетъ: еслибы Шведскій король на Россійское государство учинилъ нападеніе, равноположенную помощь, то-есть двѣнадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и три тысячи конницы, или полмилліонъ рублей деньгами. Присемъ однакожъ между обѣими высокодоговаривающимися сторонами именно постановлено, что ежели таковой случай откроется, то выборъ оной помощи совершенно зависѣть будетъ отъ вспомогателя, войскомъ или деньгами по вышесказанному оную оказать. Сей вторый секретный сепаратный артикулъ долженъ и пр.

Третій секретный сепаратный артикулъ.

Въ сходственность того, что̀ обѣщано въ 3-мъ артикулѣ главнаго трактата сего оборонительнаго союза обѣими высокими договаривающимися державами другъ другу, чтобъ оказать тѣмъ, а особливо его Римскому императорскому и королевскому величеству взаимную услужливость, имѣть на случай продолженія войны въ Италіи, или начатія оной съ Персіею, съ каждой стороны 30 тысячъ войска токмо въ готовности, чрезъ сіе изъясняется, что таковая готовность въ выставкѣ войска не должна никому быть въ лишнюю тягость или во вредъ, но чтобы оныя войска стояли на квартирахъ, какъ обыкновенно содержатся договаривающихся державъ войска, не въ одномъ, но разныхъ мѣстахъ, сколько можно ближе къ границамъ; что̀жъ касается до вспоможенія, установленнаго въ помянутомъ третьемъ артикулѣ на такой случай, если одна сторона кѣмъ бы то ни было аттакована будетъ, то разумѣется подъ симъ никто другой, какъ Франція и Швеція, и такимъ образомъ, если его римское императорское и королевское величество со стороны Франціи, а Россія со стороны Швеціи аттакованы будутъ. Относительно же королевства Пруссіи и Порты Оттоманской, то о семъ уже ясно и обстоятельно трактовано въ приложенныхъ къ главному трактату артикулахъ, а именно, въ секретнѣйшемъ и четвертомъ секретномъ сепаратномъ. Но хотя срокъ къ высылкѣ вспомогательнаго войска обѣщаннаго въ третьемъ артикулѣ помянутаго трактата такимъ образомъ установленъ, что оный считался со дня требованія чрезъ три мѣсяца, и когда бы выступили войска, только не иначе какъ при удобномъ случаѣ, въ силу только благополучно заключеннаго между обѣими высокими державами тѣснаго союза, но не взирая на сіе притомъ непремѣнно объясняет-

ся, что если помянутая высылка вспомогательныхъ войскъ по требованію воспослѣдуетъ въ зимнихъ мѣсяцахъ, то изъ сего изъемлются мѣсяцы декабрь, генварь, февраль и мартъ, такъ чтобы помянутыя вспомогательныя войска между симъ для марша неудобнымъ четырехмѣсячнымъ временемъ не высылались ни съ которой стороны за границу; а между тѣмъ можно будетъ таковыми войсками по благосоизволенію и обстоятельствамъ дѣлать каждой державѣ въ своихъ границахъ нужныя движенія. Настоящій третій секретный сепаратный артикулъ долженствуетъ и пр. Во увѣреніе чего и пр.

Четвертый секретный сепаратный артикулъ.

Впрочемъ, хотя ея императорское королевское венгерское и богемское величество и объявляетъ, что она двадцать пятаго декабря тысяча семьсотъ сорокъ пятаго года въ Дрезденѣ между ея величествомъ и королемъ Прусскимъ заключенный миръ будетъ наблюдать со внимательнѣйшимъ тщаніемъ и съ лучшею вѣрностію, притомъ сама прежде не отступитъ отъ отказа отъ права, которое ей было прежде сего предоставлено на уступленную часть герцогства Силезскаго и на графство Глацъ; однакожь въ такомъ случаѣ, когда бы сверхъ всякаго чаянія и противу общаго желанія, его величество король Прусскій сперва отъ такого мира отступилъ, и еслибъ съ ея императорскимъ королевскимъ венгерскимъ и богемскимъ величествомъ, или съ ея наслѣдниками и потомками непріятельски поступлено было, или на ея величество императрицу Всероссійскую, или на республику Польскую было бы учинено непріятельское нападеніе, слѣдственно въ томъ и другомъ случаѣ то право, которое ея величество императрица и королева Венгерская и Богемская на уступленную вышепомянутымъ миромъ часть герцогства Силезскаго и графства Глацъ имѣла, притомъ и въ предыдущихъ 2-мъ и 3-мъ артикулахъ возобновленной гарантіи со стороны ея величества императрицы Всероссійской вновь бы состоялись и полное свое дѣйствіе воспріяли. * Итакъ обѣ высокодоговаривающіяся стороны отнынѣ для такого времени точно въ томъ согласились, чтобъ въ такомъ неожиданномъ случаѣ, но не прежде, теперь упомянутая гарантія немедленно была показана и совершенно исполнена, съ присовокупленіемъ такого точнаго

---

* ....das Recht, so der Kayserin und Koenigin von Hungarn und Boeheimb (sic) Majestaet auf den durch vorbesagten Frieden ueberlassnen Theil des Herzogthumbs Sehlesien dann die Gutschafft Glazs gehabt, mithin auch in denen vorhergehenden 2-n und 3-n Articulus erneuerten Garantie ab seiten S-r M-t der K-n v. Al. Reussen neuerdingen statt zufinden und ihre gaensliche Wuerkung zu erlangen hat.

обѣщанія, что они для отвращенія общей опасности отъ такого непріятельскаго нападенія, безъ отлагательства, съ крайнею откровенностію между собою будутъ совѣтоваться ихъ при иностранныхъ дворахъ находящимся министрамъ такое же откровенное, когда взаимное, съ согласіемъ сообразное сношеніе о томъ, что только съ одной или съ другой стороны о непріятельскихъ намѣреніяхъ, замыслахъ, или предпріятіи открыто будетъ, взаимно другъ другу вѣрно сообщать, и наконецъ въ пограничныхъ, или близь лежащихъ земляхъ, то-есть ея величеству императрицѣ Римской и королевѣ Венгерской и Богемской, въ Богеміи, Моравіи и близь лежащихъ венгерскихъ графствахъ, а ея величеству императрицѣ Всероссійской въ Лифляндіи, Эстляндіи и другихъ пограничныхъ земляхъ по крайней мѣрѣ тридцать тысячъ человѣкъ, то-есть двадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и десять тысячъ конницы содержать въ такой готовности, чтобы въ случаѣ непріятельскаго нападенія съ прусской стороны на ту или другую сторону, немедленно, и не болѣе какъ въ два или по крайней мѣрѣ въ три мѣсяца, считая со дня воспослѣдовавшаго съ дружеской стороны требованія, помянутыя тридцать тысячъ человѣкъ другой на помощь пришли. Но когда можно будетъ тогда легко предвидѣть * что шестидесяти тысячъ человѣкъ не довольно будетъ къ удержанію непріятельскаго нападенія, и къ возвращенію Дрезденскимъ миромъ уступленныхъ земель и къ вящему обезпеченію общаго спокойствія на будущее время, то обѣ договаривающіяся стороны между собою еще и въ томъ договорились, чтобы при воспослѣдованіи такого случая не только тридцать тысячъ человѣкъ, но вдвое, и именно шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, то-есть 40 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 20 тысячъ человѣкъ конницы каждой изъ договаривающихся сторонъ употребить, и притомъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, поелику оба всевысочайшія императорскія величества въ томъ между собою обязуются, чтобъ теперь упомянутое число, 60 тысячъ человѣкъ, каждой сторонѣ столь скоро собрать, какъ только позволитъ разстояніе тѣхъ по крайней мѣрѣ отдаленныхъ земель, откуда можно будетъ взять сіе войско. Сіи въ семъ намѣреніи назначаемыя войска употребить со стороны ея римско-императорско- и королевскаго величества только сухимъ путемъ, и со стороны ея императорскаго величества всероссійской, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, смотря по случаю, какъ тогда удобнѣе будетъ для того, и такимъ образомъ, чтобъ оными сначала, смотря по удобности съ обѣихъ сторонъ изъ собственныхъ ихъ областей въ помянутыхъ короля Прусскаго земляхъ, по предварительномъ согласіи, учинить сперва диверсію, а потомъ, если возможно, соединиться и дѣйствія

* Такъ какъ ....wie zumahlen aber leicht vorzusehen ist...

обще производить; но прежде нежели послѣдуетъ такое соединеніе при предпріемлемой диверсіи, при арміяхъ обѣихъ сторонъ, какъ для совѣта и согласія о общемъ произведеніи дѣйствъ, такъ и для поданія нужныхъ извѣстій, должно быть съ обѣихъ высокодоговаривающихся сторонъ по особливо назначенному генералу, и о производимыхъ дѣйствіяхъ доставлять очевидныя свидѣтельства, а какъ ея императорское величество всероссійская при такомъ новомъ и искренне добронамѣренномъ соединеніи, и въ разсужденіи впредь даемой ею въ пользу ея римско-императорскаго и королевскаго величества, когда будетъ учинено на нее нападеніе, толь сильной помощи, и при имѣемой впредь послѣдовать диверсіи не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія, чтобъ при такомъ случаѣ сдѣлать какія-нибудь новыя завоеванія и оныя себѣ присвоить; также и въ разсужденіи того, какъ выше упомянуто, что ея императорское величество всероссійская помянутыя 60 тысячъ человѣкъ соизволитъ употребить не только сухимъ путемъ, но и водою, какъ къ вооруженію такой флотиліи требуются излишнія и знатныя издержки, также и по ожидаемой отъ того пользѣ, потому что непріятелю можно болѣе причинить вреда водою, нежели сухимъ путемъ, и силу его развлечь, сія армія гораздо превосходящею шестидесяти тысячъ человѣкъ почесться быть должна,—то ея римско-императорское и королевское венгерское и богемское величество, чтобъ ея благодарность взаимно тѣмъ убѣдительнѣе оказать, въ одинъ годъ, считая съ того времени, когда Силезія и Глацъ будутъ опять совершенно въ ея власти, соизволитъ повелѣть выдать ея величеству императрицѣ Всероссійской два милліона рейнскихъ гульденовъ и притомъ не вычитая изъ оныхъ того, что бы могло быть изъ непріятельской земли взято. Настоящій четвертый секретный сепаратный артикулъ долженъ быть и пр. Во увѣреніе чего и пр.

Пятый секретный сепаратный артикулъ.

Хотя и должно по надлежащему остаться при томъ, о чемъ въ четвертомъ артикулѣ главнаго трактата условлено, однакожъ оба высокодоговаривающіяся ихъ величества, разсуда, что могутъ воспослѣдовать такіе случаи, что иногда на обѣ стороны въ одно время учинено будетъ нападеніе отъ многихъ непріятелей, и иногда и общій интересъ и безопасность потребовали бы употребить тамъ соединенныя силы, гдѣ обѣ стороны или одна изъ оныхъ должны бы были опасаться ощутительнаго вреда, то какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ постановлено между ними вообще до тѣхъ поръ дѣйствовать оборонительно, пока чрезъ соединеніе всѣхъ прочихъ силъ будетъ совершенно отвращена явно предстоящая съ тыла опасность. Особливо же вышеупомянутый четвертый арти-

кулъ ихъ величествами въ томъ объясняется, что несмотря на продолжаемую ея величествомъ императрицею Римскою и королевою Венгерскою и Богемскою съ Бурбонскимъ домомъ войну, ея величество въ пользу Россійской имперіи обязуется во всемъ окомъ, что̀ предписываетъ четвертый секретный сепаратный артикулъ въ разсужденіи внезаннаго съ прусской стороны нарушенія мира; равномѣрно и въ такомъ случаѣ, когда бы такое нарушеніе мира коснулось до австрійскихъ наслѣдственныхъ королевствъ и земель, со стороны императрицы Всероссійской, не взирая на могущее въ то время въ Сѣверѣ послѣдовать какое-либо нападеніе на Россійскую имперію, свѣтлѣйшему эрцгерцогскому дому непремѣнно тоже учинено быть должно, поелику обѣ договаривающіяся стороны вообще во всемъ касающемся до вспоможенія соизволяютъ на совершенное равенство и взаимность, и оныя постановляютъ. Настоящему пятому секретному сепаратному артикулу остаться въ полномъ секретѣ и быть въ такой же силѣ и пр. Во увѣреніе чего и пр.

Артикулъ сепаратный.

Поелику посредствомъ 15-го артикула возобновленнаго теперь между ея римско-императорскимъ королевскимъ величествомъ, какъ королевою Венгро-Богемскою, и ея императорскимъ величествомъ всея Россіи заключеннаго союзнаго оборонительнаго трактата постановлено,—также и другихъ державъ (когда оба вышеупомянутыя величества кого-либо изъ таковыхъ державъ пригласить заблагоразсудятъ) пригласить соединиться и приступить къ сему союзу,—симъ и особенно между обѣими высокими договаривающимися сторонами согласено: его величества теперь владѣющаго Римскаго императора супруга ея римско-императорскаго королевскаго величества именно къ вступленію въ сей сегодня заключенный союзный трактатъ уговорить. Ея римско-императорское королевское величество обязуется и обѣщаетъ еще сверхъ того стараться склонить къ сему ея супруга его величество Римскаго императора, дабы онъ равномѣрно приступилъ при помянутомъ союзномъ трактатѣ къ постановленному секретному артикулу до пользы дома герцога Гольштейнъ-Шлезвигскаго касающагося, и не токмо владѣющаго герцога Гольштейнъ-Шлезвигскаго его императорскаго высочества великаго князя всея Россіи и его наслѣдниковъ мужескаго пола теперь имѣющіяся во владѣніи въ Германіи земли охранять, но и всегда, согласно съ ея императорскимъ величествомъ всея Россіи, интересъ сего дома наблюдать и во всемъ поступать, вслѣдствіе содержанія сего секретнаго артикула. Сей сепаратный артикулъ долженъ быть той же силы и дѣйствія и пр. Во увѣреніе чего и пр.

VI.

Трактата, заключеннаго между императрицей Всероссійскою и королемъ Датскимъ въ С.-Петербургѣ 10-го іюня 1746 года.

Артикулъ секретный первый.

Хотя ея императорское величество всероссійская съ своей высочайшей стороны, по силѣ 4-го артикула съ его королевскимъ величествомъ датскимъ и норвежскимъ возобновленнаго и сего числа подписаннаго союзнаго трактата, обязуется употребить впредь такимъ образомъ свои добрыя офиціи, дабы имѣющіяся нынѣ между его королевскимъ величествомъ и его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Всероссійскимъ,—яко герцогомъ Гольштейнъ-Шлезвигскимъ—о прежней бывшей княжеской части герцогства Шлезвигскаго несогласія полюбовно и скоро возможно прекратить. Но дабы его королевское величество датское и норвежское касательно учиненнаго въ упомянутомъ 4-мъ артикулѣ возобновленнаго трактата, единственно только въ разсужденіи его императорскаго высочества великаго князя и его мужскаго полу потомковъ исключенія гарантіи на упомянутую часть герцогства Шлезвигскаго могъ быть совершенно успокоенъ, то въ разсужденіи сего, симъ нарочно постановленнымъ секретнымъ артикуломъ именно объясняется, что ея императорское величество всероссійская, по силѣ сего, признаетъ и обѣщается принятое на себя, по третьему артикулу нынѣ возобновленнаго трактата, обязательство о взаимной генеральной гарантіи, также и въ разсужденіи часто упомянутой прежде-бывшей княжеской части герцогства Шлезвигскаго, исполнить противу всѣхъ и каждаго, выключая токмо его императорское высочество великаго князя и его мужскаго пола потомковъ. Во увѣреніе чего и пр.

Артикулъ секретный вторый.

Понеику обоихъ государствъ высокимъ интересамъ весьма предосудительно было бы, еслибъ княжеская часть герцогства Гольштинскаго когда бы то ни было тому досталась, который бы владѣлъ шведскимъ престоломъ; то въ разсужденіи сего обѣ высокодоговаривающіяся стороны симъ между собою взаимно дѣйствительно договорились, чтобъ до того никогда не допускать, но въ томъ случаѣ ближайшему родственнику владѣніе помянутаго герцогства общими силами доставить и притомъ отъ всѣхъ вообще защищать. И какъ секретный артикулъ сей имѣетъ цѣлію будущій случай, то

при томъ договорено́сь и постановлено, чтобъ оное обязательство съ назначеннымъ въ постановленномъ сего числа трактатѣ дружбы и союза пятнадцатилѣтнимъ срокомъ не кончилось, но между обѣими высокодоговаривающимися сторонами имѣетъ до тѣхъ поръ продолжаться, пока все то, о чемъ въ оно́мъ постановлено и договорено́сь, не доведено будетъ до совершеннаго окончанія.

VII.

Извѣстно, что въ 1756 году произошло удивившее всю Европу сближеніе между Версальскимъ и Вѣнскомъ дворами. Къ заключенному между ними трактату (1-го мая 1756 г.) приступили Швеція (21-го мая 1757) и Данія (20-го октября 1758 г.). Вслѣдъ затѣмъ между королемъ Французскимъ и королевой Венгро-Богемскою заключенъ былъ тѣсный оборонительный и наступательный договоръ 30-го декабря 1758 года, тоже въ Версали. Версальскій договоръ направленъ былъ противъ Пруссіи и Англіи и выставлялъ цѣлію—сохраненіе мира въ Европѣ. Для достиженія этой цѣли признавалось необходимымъ продолжать войну (Семилѣтнюю) самымъ энергическимъ образомъ, при заключеніи же мира доставить приличное вознагражденіе курфирсту Саксонскому (королю Польскому), присоединить къ владѣніямъ императрицы-королевы Силезію и графство Глацъ и произвести измѣненіе въ правахъ на наслѣдованіе престоловъ мелкихъ владѣній сѣверной Италіи. * Къ этому трактату приглашенъ былъ приступить и кабинетъ Петербургскій. Высокіе союзники объясняли нашему двору, что они желаютъ обезопасить на будущее время миръ Европы, приведеніемъ Пруссіи въ такое положеніе, чтобъ ея король не былъ въ состояніи возбуждать опасеній. По разсмотрѣніи этихъ предложеній, канцлеръ отвѣчалъ промеморіей на имя французскаго посла, маркиза Лопиталя, отъ 26-го октября 1759 г.,** что цѣль, къ которой стремятся высокіе союзники, заслуживаетъ полнаго одобренія, и что избранный ими способъ дѣйствительно долженъ, повидимому, обезпечить миръ Европы; что поэтому императрица расположена приступить къ Версальскому соглашенію, но,—писано въ этой промеморіи,—„ея величество императрица-королева имѣетъ получить Шлезію и графство

---

* *Wenck, Codex juris gentium recentissimi*, III, 185.

** *Гольшт. дѣла* 1759 г. № 5. и пр. маркизу Лопиталю.

Глацъ; Бурбонскій домъ полюбовными соглашеніями, конечно, пріобрѣтетъ въ Италіи и, можетъ-быть, со стороны Нидерландовъ и Люксембурга; его величество король Польскій, какъ курфирстъ Саксонскій, конечно, заслуживаетъ справедливое за претерпѣніе его земель получить награжденіе; Датскому королю, за единое его почти неутральство, обѣщано, по меньшей мѣрѣ, ревностное стараніе доставить ему такое пріобрѣтеніе, которое для него крайне драгоцѣнно; не забыты, конечно, интересы и шведской короны, въ заключенной съ нею конвенціи....“ Но,—продолжалъ канцлеръ,—когда, приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ этихъ предположеній, „нечувствительно составится такая система, которая надежно гарантируетъ союзникамъ ея императорскаго величества тишину и безопасность ихъ областей, ея императорское величество не токмо никакимъ образомъ въ то не включена, но паче, политически разсуждая, надлежало бы опасаться, что здѣшняя имперія, бывъ полезнымъ сему великому зданію орудіемъ, по совершеніи онаго, *съ толь нужною не бываетъ и только сама по дѣламъ германскихъ его императорскаго высочества* (въ) *зависимости найдется*,* еслибъ не была ея императорское величество лучше удостовѣрена въ праводушіи и признаніи союзниковъ....“ — „....Когда подробно исчислять, во что̀ нынѣшняя война собственно казнѣ ея императорскаго величества и генерально всей имперіи уже сто́итъ,— хотя бъ не дѣлать никакого исчисленія, чего сто́ятъ только тысячъ земледѣльцевъ, — то число превзойдетъ почти вѣроподобность“, продолжалъ нашъ канцлеръ. „По предъявленіи всего сего“, писалъ онъ далѣе, „конечно, не оставалось бы болѣе какъ ожидать, что высокіе союзники сами, по справедливости, по востребованію собственныхъ своихъ интересовъ и по своему признанію, къ награжденію здѣшнихъ убытковъ за довольно найдутъ, толь паче, что когда наибольшая нужда настояла подать скорую помощь, ея императорское величество не остановила тогда оную, чтобы выговорить сперва себѣ потребныя выгоды и надежности, и теперь препоручаетъ свои интересы попеченію высокихъ ея союзни-

---

* Въ этой фразѣ, напечатанной курсивомъ и переданной съ подлинника съ буквальною точностію, очевидно, есть ошибка, но смыслъ ея совершенно понятенъ: наше министерство увидѣло, что оно призвано было загребать своими руками жаръ для своихъ союзниковъ.

ковъ....“ А потому „видится, ни великому сумнѣнію, ни затрудненію не подлежитъ, чтобъ ея величество императрица-королева и его величество король Французскій—не такъ въ награжденіе понесенныхъ убытковъ, какъ паче въ признаніе за толь сильное ея императорскаго величества содѣйствованіе къ возстановленію мира и тишины въ Европѣ и за укрощеніе возмутителя оныхъ—на его же иждивеніи обѣщали ея императорскому величеству употребить, во время войны (и?) при конференціяхъ о мирѣ, всевозможныя старанія свои и домогательства, дабы королевство Прусское, оружіемъ ея императорскаго величества дѣйствительно завоеванное и котораго жители добровольно учинили ея императорскому величеству присягу вѣрности, ея величеству уступлено было, и король Прусскій отъ онаго совершенно отрекся, и тогда дать на оное свою гарантію....“ Предъявляя такое требованіе, наше правительство не скрывало отъ себя, что оно встрѣтитъ возраженія, а потому старалось заблаговременно устранить ихъ. Такъ между прочимъ, предвидя что союзники будутъ выставлять на видъ опасность, которая постоянно будетъ угрожать Польшѣ, если она со всѣхъ сторонъ будетъ окружена русскими владѣніями, канцлеръ извѣщалъ, что „ея императорское величество себѣ предоставляетъ, получа единожды въ свое владѣніе Пруссію, удобнаго средства искать, не возможно ли будетъ, съ республикою Польскою полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе“ (безъ сомнѣнія, обмѣнъ).

VIII.

Штаргартская конвенція.

(Арх. воен. топогр. депо, *Дѣла Румянцова*, № 42, 49.953.)

Прибывшими въ Штаргартъ для заключенія армистиціи, со стороны его императорскаго величества командующимъ корпусомъ генералъ-поручикомъ княземъ Волконскимъ, а со стороны его королевскаго величества прусскаго генераломъ-отъ-инфантеріи и губернаторомъ штетинскимъ герцогомъ Брауншвейгъ-Бервенскимъ, слѣдующіе пункты постановлены:

1.

Напервѣе пресѣчь всѣ непріятствы и поиски, какъ въ Помера-

ніи, такъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ россійскія императорскія и королевскія прусскія войска противъ другаго находиться будутъ.

2.

При корпусѣ россійско-императорской арміи, состоящемъ подъ главною командою генералъ-поручика князя Волконскаго, и у стоящихъ противъ онаго королевскихъ прусскихъ войскъ сіе перемиріе со дня подписки считаться имѣетъ, а при находящихся въ Польшѣ и Силезіи арміи корпусахъ—со дня прибытія курьеровъ, которые немедленно по подпискѣ сей конвенціи съ обѣихъ сторонъ къ шефамъ оныхъ отправлены быть имѣютъ, о чемъ съ королевско-прусской стороны уже предварительно ордеры даны.

3.

Во время сего перемиріи, въ Помераніи и Нейммаркѣ Одеръ границею обѣимъ сторонамъ назначивается такимъ образомъ, чтобъ ниже россійскимъ императорскимъ и ни королевско-прусскимъ войскамъ сію рѣку не переходить; однако гарнизоны крѣпостей Штетина и Кюстрина свои патрули и до лежащихъ на сей сторонѣ Одера деревень Христинсберга, Баренбурга, Бухольца, Клебица, Цондорфа и до Варты посылать могутъ, но не далѣе какъ и россійскимъ императорскимъ постамъ не далѣе сихъ деревень заходить.

4.

Войска его величества короля Прусскаго удержатся совсѣмъ во время сего перемиріи ни большимъ, ниже малымъ числомъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, въ Польшу вступать.

5.

Напротивъ того, россійско-императорскія войска въ сіе время силезскихъ границъ касаться не будутъ.

6.

Наконецъ, корпусу же россійско-императорской арміи подъ командою генералъ-поручика графа Чернышева, какъ скоро сей генералъ о томъ домогаться будетъ, ему не токмо свободный и безпрепятственный проходъ чрезъ Силезію ближними и способнѣйшими дорогами отъ его величества короля Прусскаго дозволятся, но и для субсистенціи его и прохода протребный провіантъ, фуражъ и подводы до польской границы давать повелѣно будетъ.

7.

Въ семъ проходѣ должна наистрожайшая дисциплина при корпусѣ россійско-императорской арміи быть наблюдаема, и гдѣ оный проходить будетъ, въ тѣхъ мѣстахъ дружески поступаемо будетъ.

8.

Со время сей армистиціи торги и коммерція водою и сухимъ путемъ свободною оставляются, и если для того паспорты потребны, оные отъ командующихъ съ обѣихъ сторонъ генераловъ даваны и отъ россійско-императорскихъ и королевско-прусскихъ войскъ почитаемы быть имѣютъ.

9.

Если между обоими высокими дворами иного чего заключеннаго не будетъ, то время сему перемирію не осрочивается; когда жъ съ одной или другой стороны воинскія операціи паки начаты быть должны, то та сторона, кая оныя начать хочетъ, и другую о томъ въ четырнадцать дней напредь увѣдомить имѣетъ.

Все сіе свято и ненарушимо содержать и исполнять; съ договора же перемирія два равно-гласящіе инструмента съ обѣихъ сторонъ подписаны и запечатанные, одни противъ другаго размѣнены. Учинено въ Штаргартѣ 5-го (16-го) марта 1762 года.

IX.

Когда, по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, послѣдовалъ крутой поворотъ въ русской политикѣ по Курляндскому вопросу, и русскій дворъ явился энергическимъ защитникомъ правъ Бирона противъ принца Карла, въ Варшавѣ появилась (февраля 20-го 1763 года) брошюра подъ заглавіемъ: *Mémoire sur les affaires de Courlande*, всѣ извѣстія которой, какъ сказано въ концѣ ея, основаны на актахъ, хранящихся въ коронной канцеляріи. Эта брошюра, дѣйствительно, не переиначиваетъ слишкомъ рѣзкимъ образомъ фактовъ, но освѣщаетъ ихъ съ точки зрѣнія саксонскихъ династическихъ интересовъ и написана подъ руководствомъ графа Брюля, или графа Малаховскаго. Вскорѣ послѣ ея появленія она была издана въ польскомъ переводѣ, вмѣстѣ съ возраженіемъ на нее, на польскомъ же языкѣ; это возраженіе, напечатанное en regard, озаглавлено: *Obserwacye nad tymże memoryałem*, и составлено кѣмъ-либо изъ партизановъ Бирона. Препиранія, заключающіяся въ этой двойной брошюрѣ, не могутъ имѣть особаго интереса для читателя, но авторъ *Obserwacye*, отвергая замѣчаніе своего противника, что одно лишь покровительство императрицы Анны доставило Бирону герцогскую корону, утверждаетъ, что возведенію его на курляндскій престолъ способствовалъ,

и притомъ весьма задолго до 1737 года, самъ король Польскій, верховный государь (сюзеренъ) Курляндіи. Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующее письмо (на польскомъ языкѣ) Августа III къ графу Линару, саксонскому посланнику въ Петербургѣ, отъ 23-го ноября 1734 года.

Размышляя о средствахъ отблагодарить русскаго подкоморья (камергера), графа Бирона, за ревностныя старанья и услуги въ нашу пользу и за добрыя его офиціи предъ и по возвышеніи нашемъ на престолъ польскій, пріятнымъ для него, а также соотвѣтствующимъ нашей благодарности за его заслуги способомъ, мы припомнили, что при жизни въ Бозѣ почивающаго отца нашего по тому же самому поводу подана была вышепомянутому графу Бирону надежда, отъ которой онъ однакожь отказывался,—по всей вѣроятности, болѣе по причинѣ выполненія всѣхъ связанныхъ съ нею условій нежели вслѣдствіе причинъ имъ тогда указанныхъ. Измѣнившіяся обстоятельства облегчаютъ исполненіе этого проекта, и предположенный тогда бракъ герцога Іоанна-Адольфа Саксенъ-Вейсенфельскаго * уничтожается нынѣшнимъ обрученіемъ помянутаго герцога съ принцессою Готскою. Намъ нужно знать, желаетъ ли графъ Бironъ, или не желаетъ, занять престолъ герцогства Курляндскаго по смерти герцога Фердинанда, получивъ согласіе на то ея величества Россійской императрицы и его величества Римскаго императора (въ которомъ сомнѣваться нельзя), или же захочетъ, посредствомъ своихъ друзей, употребить надлежащія къ тому мѣры, чтобы курляндскіе чины въ свое время обратились къ намъ съ просьбой, дабы мы сами дали имъ правителемъ того графа Бирона. И еслибъ онъ рѣшился поступить такимъ образомъ, то вы можете увѣрить и обнадежить его, что мы охотно склонимся на просьбу чиновъ, и что его особу (по столь многимъ причинамъ намъ многолюбезную) намъ пріятнѣе предъ прочими будетъ видѣть облеченною достоинствомъ герцога и правами hujus feodi. Повелѣваемъ вамъ, чтобы вы въ той мѣрѣ узнали мысли графа Бирона; а для лучшаго засвидѣтельствованія нашей благосклонности къ нему и полнаго расположенія, поручаемъ вамъ показать ему этотъ рескриптъ нашъ въ подлинникѣ, подписанномъ нашею собственною рукой, и увѣдомить насъ, что̀ заявитъ графъ Бironъ на учиненное ему предложеніе.... и пр.

Въ дополненіе къ этому извѣстію мы находимъ въ курляндскихъ дѣлахъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ письмо принцевъ Бироновъ (на француз-

---

* Со вдовствующею герцогинею Анною Іоанновною.

скомъ языкѣ) къ графу Воронцову, изъ Ярославля, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Ваше сіятельство помните, безъ сомнѣнія, что герцогъ отецъ нашъ, всегда вѣрный и преданный интересамъ Россіи, отвергнулъ чрезвычайно выгодныя предложенія, которыя ему дѣлали гг. Бернадоли и Лестау (Lestau), чтобъ онъ поддерживалъ короля Станислава (Лещинскаго), что отецъ нашъ былъ почти единственнымъ въ совѣтѣ, который держалъ сторону короля Августа....“

X.

Нелишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что наложеніе секвестра было произведено съ разрѣшенія короля Польскаго, какъ сюзерена Курляндскаго герцогства. Въ *Дѣлахъ курляндскихъ* Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ имѣется грамота Августа III, отъ 3-го января 1741 года, которую, избѣгая многословія, мы приводимъ въ извлеченіи:

Чрезъ грамоту Россійскаго двора, отъ 26-го ноября (7-го декабря) 1740 г., пространнѣе знать дано, коимъ образомъ.... герцогъ Курляндскій Эрнстъ-Іоганъ отъ регентства Россійской имперіи отрѣшенъ.... а между тѣмъ, понеже герцогъ Россійскому государству присягою и должностію обязанъ былъ, то по симъ и другимъ притомъ обращающимся обстоятельствамъ, необходимо принуждено находилось (русское правительство) всѣ его имѣнія, слѣдовательно же бывшія у него въ Курляндіи въ собственномъ владѣніи маетности, *до окончанія дѣлъ*, чрезъ секвестрацію взять и оное (ыя) чрезъ коммиссію, съ приглашеніемъ курляндскаго княжескаго правительства, предостерегать; чего ради намъ и республикѣ предложено, чтобы мы произведеніе такой секвестраціи.... потребными указами къ тамошнимъ оберъ-ротамъ опредѣлили. Мы благодарствуемъ, вопервыхъ, за сіе съ нами сношеніе.... и для того приложенное при семъ въ копіи опредѣленіе къ курляндскому правительству тольнаимельше умедлить восхотѣли, понеже при ономъ требованіи мы обнадежены, и пр. 3-го января 1741 года. Августъ король, Бриль.

XI.

Проектъ пактовъ-конвентовъ между принцемъ Карломъ и рыцарствомъ и земствомъ герцогствъ Курляндіи и Семигаліи (въ соврем. переводѣ).

(Изъ *Дѣлъ курлянд.* Моск. архива мин. ин. дѣлъ 1759 г., № 10.)

Божіею милостію, Карлъ Курляндскій и Семигальскій и пр.

Объявляемъ:

Когда, по Провидѣнію Всевышняго, до того дошло, что его королевское величество польское, всемилостивѣйшій нашъ государь и родитель, по держанному въ Варшавѣ 30-го октября 1758 года сенатусъ-консиліуму, намъ и происходящимъ отъ насъ мужскаго пола наслѣдникамъ герцогство Курляндское и Семигальское запаснымъ своимъ дипломомъ, даннымъ 16-го ноября 1758 года, въ ленъ всемилостивѣйше пожаловалъ, назнача для учиненія торжественной присяги 2-е число января будущаго 1759 года, то хотя въ помянутомъ нашемъ запасномъ дипломѣ уже предосторожность сдѣлана, чтобы права и привилегіи сихъ герцогствъ, особливо же всего шляхетства, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, во всемъ ненарушимо соблюдены были; однако мы заблаго-разсудили, чтобы, по примѣру прежнихъ герцоговъ, рыцарство и земство сихъ герцогствъ достаточными реверсами привести въ совершенную безопасность; того ради мы барона Мирбаха, королевскаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, старосту полангскаго, (staroste de Polangen) въ Курляндію отправили съ полною нашею мочью, дабы о томъ съ созванными къ 5-му числу декабря чинами тѣхъ герцогствъ сношеніе возымѣть и о вносимыхъ въ наши реверсы артикулахъ согласиться, и слѣдовательно нашимъ именемъ дать имъ справедливые реверсы. А какъ гг. оберъ-раты, рыцарство и земство сіе наше предложеніе приняли со всякимъ благодареніемъ, то съ вышепомянутымъ уполномоченнымъ нашимъ министромъ постановлены слѣдующіе пункты:

1) Обѣщаемъ мы, какъ сочленъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, съ нашимъ любезнымъ земствомъ, королю и республикѣ всегда быть вѣрными и никогда отъ нихъ не отлучаться.

2) Обѣщаемъ мы землю и жителей оныя во всѣхъ случаяхъ и при всякихъ утѣсненіяхъ по всей нашей возможности защищать, охранять и не оставлять ихъ ни въ какой нуждѣ.

3) Такожъ обѣщаемъ мы наисильнѣйшимъ образомъ, что мы землю и всѣхъ жителей оной при свободномъ отправленіи вѣры аугс-

бургскаго исповѣданія, какъ о томъ въ договорахъ о подданствѣ и въ обнадеживаніяхъ прежнихъ покойныхъ курляндскихъ герцоговъ выговорено, безпрепятственно сохранять и оставлять хотимъ. Почему имѣетъ въ церковныхъ дѣлахъ, и что̀ къ онымъ принадлежитъ, консисторіальный судъ,—который всегда, не требуя никакой аппелляціи, неотмѣнно соблюдаемъ былъ, и изъ оберъ-ратовъ и ратовъ, изъ суперъ-интенданта и препозита состоитъ, въ которомъ, какъ всегда, такъ и впредь, президентомъ канцлеръ быть долженъ,—все опредѣлять и рѣшать. А въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ курляндскій герцогъ одинъ или обще съ другими былъ патрономъ, также и во всѣхъ княжескихъ и шляхетныхъ церквахъ аугсбургскаго исповѣданія,—какъ въ амтахъ, такъ и городахъ,—не хотимъ мы никакой отмѣны чинить, ни римскія католическія церкви, ни часовни строить, ниже допускать, чтобъ оное учинено было; а если кто въ противность сему поступитъ, то мы по первому доносу, въ томъ, по нашей власти, воспрепятствовать велимъ. Также мы хотимъ всѣ церкви и приходы сохранять при ихъ угодьяхъ съ опредѣленными къ онымъ крестьянами и другими принадлежностями, снабдѣвать проповѣдниками и церковниками аугсбургскаго исповѣданія, давать прежнее имъ жалованье изъ княжеской казны, содержать въ добромъ состояніи церковныя угодья и духовный штифтъ, поколику простирается наше право патронства, и когда нужда востребуетъ, оныя поправлять, а обветшалыя церкви вновь перестраивать. Право патронства, которое гдѣ-либо герцоги курляндскіе имѣли, хотя мы себѣ непремѣнно и предоставляемъ, однако милостиво соизволяемъ, чтобъ когда потребно, наши оберъ-раты и раты, тѣмъ правомъ нашимъ именемъ пользуясь, назначаваемыхъ отъ насъ способныхъ проповѣдниковъ призывать и потребное распоряженіе чинить, да и въ просимыхъ иногда освобожденіяхъ и въ другихъ духовныхъ дѣлахъ, принадлежавшихъ прежде къ вѣдомству земскаго правленія, рѣшеніе производить могли (бъ): чего ради мы особливо обязуемся въ снабденіи чиновъ, оберъ-ратовъ и ратовъ, суперъ-интендентовъ и препозитовъ и въ опредѣленіи въ консисторскіе члены поступать по заключенной въ 1684 году курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ-Казимиромъ, конфирмованной королемъ польскимъ и курляндскими чинами въ 1692 году ратификованной конвенціи. Равномѣрно жь оставляемъ мы шляхетству право патронства въ ихъ церквахъ и свободу оныя поновлять и строить новыя; притомъ обѣщаемъ дозволить исповѣдникамъ реформатской вѣры безопасное и свободное оной отправленіе, какъ они то имѣли издревле по королевскимъ и княжескимъ дозволеніямъ; а понеже учиненное герцогомъ Готгардомъ церковное учрежденіе, по обѣщанію герцоговъ его наслѣдниковъ, разсмотрѣно и по нынѣшнимъ обстоятельствамъ распоряжено быть имѣло,—къ чему съ нѣсколько лѣтъ прилагаемы были труды, а въ 1756 году поданъ

о томъ земству проектъ отъ благородныхъ оберъ-ратовъ,—то мы обѣщаемъ, что если можно на оное согласиться и когда въ томъ ничего противнаго нашей верховной власти не постановится, такое церковное учрежденіе для всѣхъ аугсбургской вѣры исповѣдниковъ съ нашей стороны принять и апробовать; но пока сіе учрежденіе по какой-либо причинѣ въ совершенство не придетъ, имѣетъ поступаемо быть по старому церковному учрежденію и духовнымъ обыкновеніямъ, какъ то понынѣ производимо было. Для явнаго жъ показанія нашей благосклонности къ рыцарству и земству вообще и всѣмъ жителямъ сихъ герцогствъ, чрезъ сіе обнадеживаемъ, что мы въ свободномъ отправленіи аугсбургской вѣры не намѣрены никакой отмѣны чинить, и желаемъ, чтобъ всѣ и каждые служители церковные и надзиратели безъ изъятія были аугсбургскаго исповѣданія; а кто изъ нихъ законъ свой перемѣнитъ, тотъ имѣетъ быть тотчасъ отставленъ отъ своей должности; впрочемъ ни одинъ изъ нашихъ княжескихъ амтовъ, по уставамъ короны польской, духовнымъ персонамъ отданъ быть не имѣетъ, ниже дозволено будетъ, чтобъ духовныя, принадлежащія къ симъ герцогствамъ угодья въ деревняхъ или городахъ себѣ присвоили; но ежели подобное уже воспослѣдовало, то мы о семъ, равно какъ и о появившемся здѣсь, въ противность общихъ установленій, іезуитскомъ братствѣ, на первомъ сеймикѣ, *прежде учиненія присяги* и выслушавъ довольно то дѣло, изъяснимъ свои мнѣнія. Притомъ же не позволимъ, чтобъ ни въ какомъ мѣстѣ, замыкающемся въ границахъ сихъ герцогствъ, по силѣ договоровъ подданства, духовныхъ собраній и братствъ не вводить и не учреждать никакого епископскаго стула; а ежели мы для насъ, въ нашемъ Митавскомъ замкѣ, построимъ римско-католическую придворную церковь, то оная паки совсѣмъ выведена быть имѣетъ, когда исповѣдующій аугсбургскій законъ герцогъ въ правленіе вступитъ. По законамъ и обыкновеніямъ сихъ герцогствъ не позволимъ также, чтобы римско-католическія церкви присвоивали себѣ право убѣжища, и чтобъ ихъ духовные, кромѣ своихъ церквей, отправляли публичныя процессіи.

Обѣщаемъ мы охранять рыцарство и земство при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ и прерогативахъ, которыя имъ пожалованы публичными инструментами (актами), такъ и все то, что постановлено на сеймахъ въ присутствіи и отсутствіи бывшихъ герцоговъ, ихъ именемъ и его королевскаго величества. Мы обѣщаемъ ни мало не обезпокоивать всѣхъ тѣхъ, которымъ или въ прежнія времена отъ гермейстеровъ Тевтоническаго ордена и отъ королей и герцоговъ, или же отъ нынѣ владѣющаго короля изъ милости пожалованы наслѣдственные, закладные, алодіальные или другіе какіе лены.

Притомъ обѣщаемъ мы всѣхъ и каждаго охранять при ихъ должностяхъ, чинахъ, преимуществахъ и достоинствахъ, и тѣмъ, кои, ссужавъ деньги прежнимъ герцогамъ, имѣютъ подъ закладомъ кня-

жескіе амты, прежде удовольствованія и платежа во всемъ по содержанію контрактовъ, никакого безпокойства чинить не будемъ. При семъ желаемъ мы наши княжескіе амты и маетности подъ закладъ, на аренду раздавать настоящимъ курляндскимъ шляхтичамъ; однакожъ находящійся въ *чужестранной службѣ* курляндскій шляхтичъ совсѣмъ изъ того выключается, *пока онъ въ иностранной службѣ пробудетъ*. Также чрезъ сіе обѣщаемъ, что ежели рыцарство и земство отъ всѣхъ претензій въ выкупѣ купленныхъ покойными герцогами шляхетныхъ маетностей отречется, то напротиву того, просроченные герцогскіе лены, коп обмѣнены или подъ закладомъ еще въ рукахъ шляхетства находятся, имѣютъ остаться у нихъ на вѣчныя времена. Мы обнадеживаемъ за насъ и нашихъ наслѣдниковъ, что мы никогда шляхетныхъ маетностей покупать не станемъ и желаемъ рыцарство охранять при ихъ правостяхъ и чинахъ; напротивъ чего и мы надѣемся, что рыцарство и земство поступать будутъ какъ вѣрные подданные своему государю по силѣ земскихъ правъ, особливо же по силѣ сеймиковаго заключенія 1692 года, а по полученіи инвеституры отъ его величества короля имѣетъ помянутое рыцарство и земство учинить намъ присягу въ назначенный къ тому нами срокъ.

„Притомъ же мы снисходимъ на нижайшее прошеніе нашего земства, чтобъ мы нашею персоною не вступали съ иностранною державою ни въ какія обязательства; и притомъ обнадеживаемъ при будущемъ генеральномъ мирномъ заключеніи между европейскими державами, о безопасности сихъ княжествъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, попеченіе прилагать, и *чтобъ оное отъ всѣхъ примиряющихся державъ гарантировано было;* чего ради мы еще прежде начатія конгресса сеймикъ созовемъ.

„И ежели наше рыцарство и земство *еще что-либо прежде учиненія присяги отъ насъ просить имѣетъ, то мы и оное милостиво выслушаемъ*. Во увѣреніе всего вышеписаннаго не токмо полномочный нашъ министръ нашимъ именемъ сіе подписалъ, но и мы обязуемся всѣ сіи обѣщанія, данныя рыцарству и земству, въ нашемъ дипломѣ подтвердить и притомъ обѣщаемъ никакой конвенціи, касающейся до сихъ герцогствъ, безъ приглашенія и содѣйствованія нашего рыцарства и земства не постановлять, и коль скоро мы отъ его королевскаго величества инвеституру и обыкновенный дипломъ получимъ, то мы обѣщаемъ всѣ сіи пункты, постановленные уполномоченнымъ нашимъ министромъ, барономъ Мирбахомъ, своеручно подписать и отъ его королевскаго величества конфирмаціи о томъ испросить, и сію ратификацію и королевскую конфирмацію, *прежде учиненія присяги*, вручить рыцарству и земству. Учинено на земскомъ собраніи (ландтагѣ) въ Митавѣ 16-го декабря 1758 г.“

XII.

Нельзя сказать, чтобъ опасенія Курляндцевъ въ этомъ отношеніи не имѣли основаній. Политика Польши, проникшись еще съ XVI вѣка духомъ религіозной нетерпимости, возбуждала противъ варшавскаго правительства и вообще противъ Рѣчи Посполитой ненависть во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладали диссиденты. Въ Курляндіи, рыцарство которое не имѣло причинъ прельщаться, подобно высшимъ классамъ русскихъ областей, приманками шляхетскихъ правъ, твердо и искусно отстаивало свою религію. Но польское правительство пользовалось каждымъ случаемъ, чтобъ усилить въ Курляндіи католическое вліяніе. Въ 1727 году, послѣ изгнанія графа Морица Саксонскаго, когда курляндское дворянство in corpore подвергалось нареканію въ измѣнѣ, прислана была въ Митаву коммиссія, которая угрожала Курляндцамъ отнятіемъ ихъ правъ и которая между прочимъ постановила, чтобы въ числѣ оберъ-ратовъ было непремѣнно нѣсколько католиковъ. А такъ какъ въ Польшѣ каждый помѣщикъ имѣлъ право строить на своихъ земляхъ церкви, принимать священниковъ и разрѣшать имъ пропаганду,— то очевидно, какія послѣдствія имѣло бы увеличеніе числа помѣщиковъ-католиковъ въ Курляндіи. Помянутая коммиссія, упираясь на буквальный смыслъ одного изъ старинныхъ актовъ между Польшей и Курляндіей, въ которомъ разрѣшалось право свободнаго отправленія богослуженія лишь аугсбургскому исповѣданію,—не хотѣла дозволить достроить начатую реформатами этого герцогства церковь. Конечно религіозный фанатизмъ, овладѣвавшій польскимъ дворянствомъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того какъ въ немъ ослабѣвалъ тактъ политическій, не могъ обнаруживаться въ Курляндіи,—защищенной привычнымъ къ самоуправленію дворянствомъ,— съ такою силою, какъ онъ обнаружился въ русскихъ земляхъ Рѣчи Посполитой; но клерикальная политика приносила и здѣсь свои плоды. Что касается до восточнаго православія, то католицизмъ и въ Курляндіи столкнулся съ нимъ. Во всей странѣ существовалъ одинъ православный монастырь, Якобштадтскій, но и онъ не давалъ спокойно спать католическому духовенству.

Въ дѣлахъ св. синода (архивъ уніатскихъ митрополитовъ, дѣло подъ № 184, 1759 г.) находится жалоба якобштадтскаго настоятеля, что католики отнимаютъ принадлежащую ему землю. По сношеніи съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, Симолинъ сдѣлалъ представленіе курляндскому правительству; назначена была коммиссія для разсмотрѣнія правъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, — и подобно тому какъ это постоянно бывало въ Польшѣ, — дѣло затянулось на многіе годы „по стараніямъ противной стороны," какъ доносилъ Симолинъ въ 1760 году. Не ранѣе какъ въ началѣ слѣдующаго года оно было окончено удовлетвореніемъ домогательствъ Якобштадтскаго монастыря.

XIII.

Трактатъ между его царскаго величества Петра Перваго и короля Прусскаго Фридриха Вильгельма дружбы, по которому король Прусскій, по заключеніи у него съ Шведы преліминарнаго трактата, обязался въ Сѣверной войнѣ содержать нейтральство, и о прочемъ, 6-го (17-го) февраля 1720 года.

Понеже его королевское величество Прусское и его царское величество Всероссійское, при приключившейся недавно перемѣнѣ въ конъюнктурахъ и отъ его королевскаго величества Прусскаго съ короною Шведскою заключеннаго миркаго преліминарнаго трактата, однакожъ другъ другу объявили и резолвовали между собою по се число содержанное доброе согласіе и дружбу и на впредьбудущее время продолжать и какъ о томъ, такъ и о другихъ, до обоихъ высокихъ интересовъ касающихся дѣлъ, сей договоръ постановить, и тако они о томъ послѣдующимъ образомъ согласились.

1.

Обѣщаютъ оба высокіе договаривающіеся другъ друга накрѣпко по се число между ими сущее доброе согласіе и дружбу ненарушимо содержать, и объявляютъ того ради его королевское величество Прусское, что хотя онъ съ его королевскимъ величествомъ Великобританскимъ, яко королемъ помянутаго королевства и какъ съ курфюрстомъ Брауншвигъ Люнебургскимъ, въ трактаты вступилъ, и чрезъ его посредство съ королевою Шведскою преліминарный трактатъ мирный и о уступленіи Штетина заключилъ; однакожъ по тѣмъ трактатамъ ни въ какое съ Шведами и ихъ союзники противное обязательство противъ его царскаго величества не

вступилъ, и противъ его никакой помощи ни людьми, ни деньгами и ничѣмъ вспомогать не обѣщалъ, ниже впредь ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ такой помощи чинить не будетъ, кромѣ заплаты обѣщанныхъ въ помянутомъ трактатѣ за уступленіе Штетина суммы денегъ, которая однакожъ сколь долго возможно не вскорѣ заплачена быть имѣетъ. Такожде ежели королевское величество впредь какія земли отъ Швеціи купить можетъ, и то его царскому величеству не противно будетъ; но его королевское величество Прусское хощетъ всегда, при продолжающейся Сѣверной войнѣ, въ совершенномъ нейтральствѣ себя содержать. Противъ того его царское величество объявляетъ, что пока война въ сѣверѣ можетъ быть продолжится, его величество не воспріиметъ марша чрезъ его королевскаго величества прусскія земли никуда, а того меньше въ его жь королевскаго величества земляхъ какіе магазины и оружейныя мѣста учредитъ, дабы оттуда войну въ сосѣдство перенести, но оныя земли во употребленіи постояннаго нейтральства оставитъ. И его королевское величество Прусское такожде такого проходу и учрежденія магазиновъ и оружейныхъ мѣстъ, въ своихъ прусскихъ земляхъ, — изъявъ польской народъ, — никакой другой державѣ для начатія противъ его царскаго величества войны допустить не хочетъ, * такъ чтобъ его королевскаго величества прусскія земли, при продолженіи войны въ Сѣверѣ, совершенное нейтральство употребить, и ни отъ кого по причинѣ такой войны ни въ маломъ чемъ обезпокоены не были.

2.

Оба ихъ величества хотятъ нынѣ и впредь особливо на то смотрѣть, дабы Рѣчь Посполитая польская при своихъ вольностяхъ, основаніяхъ и конституціяхъ, ея правахъ и привилегіяхъ всегда ненарушимо содержана была; если же королевскій Польскій дворъ ко опроверженію Рѣчи Посполитой какія клонящіяся намѣренія окажетъ, или Рѣчь Посполитую туда склонять будетъ, дабы оная приступила ко учиненному недавно въ Вѣнѣ союзу между цесаремъ и королями Великобританскимъ и Польскимъ, или суверенаго и самовластнаго правленія видъ въ Польшу по-малу ввести похочетъ, то его королевское величество Прусское и его царское величество совѣтомъ и дѣломъ не только тому противляться, но и Рѣчи Посполитой сильно вспомоществовать будутъ, дабы сіе от-

* „S. K. M-t. in Preussen wollen auch dergleichen durch—Marsche und Formirung der Magazinen und Places d'Armes in dero Preussischen Lande,—die Polnische Nation ausgenommen,—keiner anderen Puissance umb J. Cz. M-t dadurch zu bekriegen, eben wenig verstatten."

ставлено и все въ прежнемъ состояніи и основаніи въ Польшѣ содержано было; паипаче же никакимъ образомъ не будетъ допущено чтобы куръ-принцъ саксонскій на престолъ польскій, ни при животѣ королевскомъ, ни ниже по его смерти возведенъ былъ. Противъ чего хотятъ его королевское величество Прусское и его царское величество всѣ свои попеченія и труды приложить и всѣ сильныя средства употребить. Не меньше того и впредь хотятъ такожде оба ихъ величества, въ польскихъ дѣлѣхъ не токмо другъ другу откровенно сообщать и соглашаться, но и далѣе общія мѣры, смотря подъ конъюнктурамъ, предвоспріимать.

3.

Его королевское величество Прусское и его царское величество обѣщаютъ такожде другъ другу, то, что имъ отъ Швеціи чрезъ сѣверной миръ оставлено и уступлено будетъ, сильно гарантовать и притомъ о семъ по состоянію тогдашнихъ конъюнктуръ, еще болѣе и ближе между собою обязаться.

Королевскою рукою приписано:

Во свидѣтельство моею властною рукою закрѣплено. *Ф. Вилгельмъ.*

Потсдамъ,
февраля 17-го 1720 года.

(Кабинетная печать.)

XIV.

Нѣсколько разъ упомянутая брошюра *Memoires sur les affaires de Courlande*, какъ сказано, появилась въ 1763 году въ польскомъ переводѣ и съ опроверженіями. Она появилась подъ заглавіемъ *Memoriał o kurlandskim interessie*, а возраженія — подъ заглавіемъ *Obserwacye nad tym memoriałem*, texte en regard, пунктъ противъ пункта. Эти *Obserwacye*, какъ уже замѣчено, написаны въ интересѣ Бироновой династіи. Между прочимъ въ нихъ положительнымъ образомъ отвергаютъ извѣстіе объ отреченіи его отъ курляндскаго престола. Вотъ что̀ въ этой брошюрѣ говорится по этому поводу (стр. 66):

„Что касается отреченія, которое герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ долженъ былъ подписать, то извѣстіе о томъ несправедливо. Правда, въ царствованіе Петра III добивались отъ него отреченія, но не менѣе вѣрно и то, что онъ постоянно отказывался (temu sbroniał), имѣя въ виду обязанности свои относительно Рѣчи Посполитой и герцогства. Отвѣтъ его написанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Прошу ваше императорское величество лучше отослать меня въ „Ярославль. Я знаю что нахожусь во власти вашего императорскаго

„величества и что вы можете принудить меня исполнить все, что̀ „вамъ будетъ угодно. По дозвольте мнѣ, всемилостивѣйшій госу„дарь, выѣхать изъ вашего государства, а потомъ прикажите спро„сить меня, желаю ли я отречься отъ права, которое имѣю на мои „герцогства. Умоляю при этомъ ваше императорское величество „принять во вниманіе, что еслибы даже имѣлось отъ меня самое „торжественное отреченіе за подписью моею и сыновей моихъ, „то и оно не могло бы дать никакого права другому: а то право, „которое было бы дано вашимъ императорскимъ величествомъ „(принцу Георгу?), не имѣло бы другаго основанія, кромѣ власти „вашей, приводимой въ исполненіе.“ Петръ III, пораженный этимъ отвѣтомъ, жаловался на герцога нѣкоторой особѣ, которая, не будучи очень благосклонна къ герцогу, совѣтовала императору выслать сыновей Бирона, подъ видомъ порученія имъ какого-нибудь начальствованія, на границы Лапландіи или Китая, выражая надежду, что герцогъ, изъ родительской любви, рѣшится исполнить монаршую волю. Намъ неизвѣстно что̀ думалъ сдѣлать Петръ III, но знаемъ то, что онъ приказалъ написать отреченіе, и что назначенъ былъ для подписанія онаго тотъ самый день, въ который онъ былъ низвергнутъ съ престола, и герцогъ не получилъ повелѣнія явиться для подписи. Такимъ образомъ актъ отреченія остался не подписаннымъ, и это есть тотъ самый, о которомъ его сынъ, послѣдній герцогъ курляндскій, упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ барону Клюгге.“

Я долженъ сказать, что акта объ отреченіи Бирона я не могъ найти въ дѣлахъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется совершенно невозможнымъ чтобы графъ Воронцовъ и баронъ Гольцъ рѣшились подписать торжественный актъ (артикулъ II, секретный трактатъ 8-го іюня), въ которомъ говорится объ отреченіи Бирона какъ о фактѣ совершившемся, не имѣя въ виду положительнаго и формальнаго его отреченія.* Возможно ли чтобы баронъ Гольцъ осмѣлился представить къ ратификаціи своего государя столь опрометчиво составленный и ни на чемъ не основанный актъ, и чтобы Фридрихъ II приложилъ къ нему свою подпись? Далѣе: какимъ образомъ могло случиться, чтобы Биронъ не получилъ приглашенія явиться для подписанія отреченія хоть наканунѣ дня для того назначеннаго? Вѣроподобно ли и то, чтобъ этотъ номинальный герцогъ, — еще недавно арестантъ и еще теперь, какъ говоритъ самъ, находившійся во власти Петра III,— осмѣлился предло-

* Францъ Шмидтъ сообщаетъ содержаніе 2 секретнаго артикула трактата 8-го іюня 1762 г. въ такомъ смыслѣ, что фактъ отреченія Бирона будто бы не подтверждается; celui ci (Биронъ) *veut* céder la Courlande, говоритъ Шмидтъ, передавая содержаніе помянутаго артикула; но это явная ошибка со стороны почтеннаго автора: въ подлинномъ текстѣ именно сказано: „отрекся“ и „отказался“.

жить, чтобъ его отпустили за границу и уже потомъ спрашивали о желаніи отречься отъ престола? Все это въ высшей степени невѣроятно. Можно предположить, что по вступленіи на престолъ Екатерины, когда виды русскаго правительства на Курляндію совершенно измѣнились, актъ отреченія Бирона былъ уничтоженъ, и что автору *Oberwacye* открылся просторъ писать объ этомъ все что ему вздумалось.

XV.

Извлеченіе изъ Берлинскаго государственнаго архива (Russland, 1762).

Собственноручная инструкція Фридриха II барону Гольцу, 7 Февраля 1762 г. Vous êtes envoyé en Russie pour féliciter l'Empereur et l'Impératrice sur leur avènement au thrône. Lorsque vous arriverez à Pétersbourg, vous aborderez auprès du sr. Keith et vous informerez d'abord du cérémonial usité que vous aurez à observer à cette Cour, s'entend, de vous faire annoncer au grand chancelier, de lui faire la visite etc. En général le sr. Keith pourra vous mettre au fait de toutes ces minuties dont il n'en faut negliger aucune pour que dès votre début on ne trouve point à redire à votre conduite.

L'intention réelle de votre anvoy est pour terminer cette guerre avec la Russie et la détacher entièrement par là de ses alliés. Les bonnes dispositions où est l'Empereur de Russie font espérer que les conditions ne seront pas dures; mais comme il faut vous instruire en détail de mes intentions, je m'en vais entrer en matière.

Je ne suis point informé exactement des vues de l'Empereur; tout ce que j'en sais roule sur ces deux points généraux, savoir: que les affaires du Holstein lui tiennent pour le moins autant a coeur que celles de la Russie, et secundo, qu'il est bien disposé pour mes intérêts. Ces notions, faute de plus détaillées, servent donc de base à tout raisonnement. Il convient donc, que dès votre premier abord vous glissiez dans votre compliment de félicitation le désir que j'ai de rétablir la bonne harmonie entre les deux Cours et particulièrement de cultiver l'amitié de l'Empereur, et que vous vous trouveriez trop heureux de pouvoir y contribuer. 2°) Soit à des favoris Holsteinois, soit à l'Impératrice, ou mieux encore, si l'occasion se présente, à l'Empereur même, vous lui direz, que j'avois déclinó jusqu'ici toutes les propositions d'alliance que le Dannemarck m'avoit faites, comme l'Empereur l'avoit souhaité de moi au commencement de la guerre, et que j'esperois que cela lui seroit agréable; que je ne pouvois aussi de mon coté assez le remercier que dès qu'il étoit parvenu à la Régence, il avoit d'abord rappelé les troupes qu'il avoit auprès des Autrichiens, que je regardois ce trait de sa part comme une véritable marque de son amitié, dont la reconnaissance

ne s'effacera jamais de mon coeur. Vous insinuerez aussi à cette occasion que vous étiez muni de pleinpouvoirs et de tout ce qu'on pouvoit désirer pour terminer promptement cette guerre où la Russie n'avait aucun interêt direct.

Examinons présentement, quelles peuvent être à peu près les propositions que ces gens nous pourront faire pour la paix:

1°) Ils offriront de retirer leurs troupes au delà de la Vistule, à nous rendre la Poméranie et peut être à conserver la Prusse tout-à-fait, ou à ne la garder que jusqu'à la paix générale. A cela voici ce qu'il faut que vous répondiez. S'ils ne veulent garder la Prusse que jusqu'à la paix générale, il faut y consentir parceque c'est toujours beaucoup gagné pour nous.

2°) S'ils se proposent de garder la Prusse, il faut leur proposer qu'on me dédommage d'un autre côté, selon que je le leur proposerai et il faut m'envoyer un courrier.

3°) S'ils veulent évacuer tous mes états à condition d'une garantie du Holstein, je vous autorise à signer tout de suite, surtout si vous pouvez obtenir d'eux une garantie réciproque de la Silésie.

4°) Si outre ces trois cas l'Empereur désirat que je lui donnasse un acte de neutralité, au cas qu'il fit la guerre au Dannemarck, signez, mais demandez simplement que cet acte ou cet article du traité soit tenu *secrétissime*, et dîtes à l'Empereur et à ses ministres, supposé que cella se passe, que vous le priez de le cacher même au ministre d'Angletterre, comme vous aviez de votre côté ordre de ne vous en ouvrir envers qui que ce soit.

5°) Relativement à cette négociation de la paix, vous pouvez dire que je souhaiterois beaucoup que l'Empereur voulut assister le Roi de Suède contre un parti qui l'a violemment persécuté et qu'il ne dépendroit de lui d'envoyer des ordres à son ministre à Stockholm, pour déclarer au sénat ses intentions pacifiques, que cette démarche ne manqueroit pas de déterminer les Suedois à la paix et que de cette sorte l'Empereur deviendroit le pacificateur du Nord entier et que ce seroit le plus brillant commmencement de règne dont l'histoire eut jamais fait mention.

6°) Vous devez aussi tâcher de pénétrer autant qu'il est en vous, quelles peuvent être les vues de la Cour de Pétersbourg. S'ils n'ont dessein de finir cette guerre pour assurer l'intérieur de leur Etat, ou pour préparer la guerre contre le Dannemarck, ou s'ils veulent jouer le role de médiateur entre les parties présentement bélligérantes. Ces différentes vues changent l'état de la question; il est de la dernière importance que j'en sois instruit et surtout que vous pénétriez adroitement jusqu'où l'on pourrait tirer parti de la médiation de cette Cour pour nos avantages. Cependant vous n'êtes pas autorisé aprésent de demander leur médiation et vous vous contenterez de les sonder adroitement pour savoir jusqu'où on pourra compter sur eux, en cas qu'on ait besoin d'en venir là.

7°) Je n'ai pas besoin de vous dire que vous devez vous servir de toutes les occasions pour inspirer à la Cour où vous allez de la méfiance contre les Autrichiens et les Saxons: si cela peut aller jusqu'à la jalousie, tant

mieux. Vous pouvez conter, avec quel artifice les Autrichiens ont exposé les troupes russes, témoin ce que vous en avez vu cette année, afin que les Russes courussent tous les dangers, et qu'ils en fussent spectateurs; leurs mauvaise foi et les moyens indignes qu'ils se croient permis en politique pour parvenir à leurs fins. Cette matière est si ample et vous doit être assez familière pour que vous ne manquiez par de sujet. Surtout faîtes remarquer que l'année 1747 les Autrichiens ont garanti le Holstein au grand Duc d'alors et en même temps au Dannemarck.

8°) Reste l'article des Turcs, dont il convient de traiter. Vous n'en parlerez que lorsque vous serez sûr de signer le traité de paix et vous déclarerez à l'Empereur, que pressé comme je l'étois de tous côtés, les devoirs de ma conservation m'avoient fait entrer en traité avec les Turcs; que le grand objet étoit de les porter à faire une diversion en Hongrie et que les Tartares pourroient peut être intenter quelques incursions sur les terres des Cosaques russes. Mais pour que cela fit plaisir à l'Empereur, je tâcherai d'accomoder l'affaire, pourvu qu'il fit insinuer sous main à la Porte qu'il ne troubleroit pas les entreprises qu'elle pourroit former sur l'Hongrie.

Voilà en un mot toutes les instructions que le peu de nouvelles que j'ai de la Cour de Pétersbourg me permettent de vous donner. Dès que j'aurai parlé à cet aide de camp de l'Empereur, le sr. de Goudowitch, je vous enverrai une instruction plus relative aux points dont il est question. Je vous recommande pourtant d'agir avec sagesse et circonspection, de raisonner votre conduite, de peser vos paroles, de vous acquérir l'amitié de tout le monde et la haine de personne et de contribuer autant qu'il sera en vous dans cette Cour-là à établir les fondements d'une liaison solide et durable. A Breslau, ce 7 Février 1762.

22 Февраля 1762 г., Бреслау. — Фридрихъ увѣдомилъ Гольца, что ему представился Гудовичъ, но что онъ повидимому не имѣетъ никакого полномочія говорить о дѣлахъ, а присланъ только съ засвидѣтельствованіемъ дружбы и благихъ пожеланій Императора. Предписываетъ Гольцу не терять времени для исполненія даннаго порученія, mais je voudrois, пишетъ Король, que vous puissiez vous y prendre de façon qu'on vous parlât le premier, afin d'approfondir d'autant mieux les véritables dispositions de la Cour de Russie et de voir plus clair dans leurs vues et dans leurs desseins.

3-го Марта, Бреслау. — Король рекомендуетъ Гольцу сблизиться съ Кейтомъ pour être en garde contre toutes ces machinations des Saxons et de leur clique. Фридрихъ очень безпокоится, что не имѣетъ никакихъ извѣстій изъ Константинополя.

23 Февраля (6 Марта). Гольцъ доноситъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ 21 Февраля 1761 г. Обѣдалъ у Англійскаго посланника и говорилъ съ нимъ тайно о дѣлахъ; во первыхъ благодарилъ Кейта за его ревность къ дѣламъ короля. Кейтъ сообщилъ подробно о положеніи дѣлъ при императорскомъ дворѣ m'indiquant tous les sujets bien intentionnés pour nous, ainsi que ceux du parti contraire. Le nombre des derniers passe de beaucoup celui des autres, mais la façon de penser du nouveau maître et la

bonne volonté de plusieurs qui ont l'oreille de S. M., paroit nous assurer le succès.... Les ambassadeurs de France, d'Espagne et de Vienne ont très bien fait pour nous sans le vouloir; des disputes sur des visites à rendre au Duc de Holstein-Gottorp ont indisposé l'Empereur au point qu'on leur réfuse l'audience jusqu'aprésent. J'ai osé saluer de la part de V. M. ledit Duc qui en fut pénétré d'une respectueuse reconnaissance.... Le grand chancelier reçut hier matin ma visite. Il me pria de le mettre aux pieds de V. M. et s'étendit beaucoup sur la faveur qu'Elle avoit daigné lui témoigner de tout tems.

25 Февраля (8 Марта). **Гольцъ Фридриху.** Je fus présenté hier à S. M. l'Empereur; à peine le Monarque me permit-il de finir un très petit compliment sur son avènement au thrône et les assurances de l'amitié de V. M., que l'Empereur commençoit à me faire les plus vives assurances de l'estime, de l'amitié et de la considération infinie qu'Il avoit eûe de tout temps et conservée pour V. M. et dont Il comptoit bien donner les marques les moins équivoques, finissant par me dire à l'oreille, qu'Il avoit bien des choses à me dire.

Aprés que ceci fut passé, S. M. l'Impératrice parut, à la quelle je fis également mon compliment et rendis la lettre dont V. M. avoit daigné me charger. Il me serait difficile d'exprimer à V. M. tout ce que LL. MM. II. disoient de fort et d'énergique sur l'amitié qu'Ils portent à V. M. Mon audience finie, LL. MM. II. se rendirent à la messe; je Les y suivis. Pendant le service l'Empereur me parla beaucoup tant sur V. M. que sur Son armée de laquelle Il est instruit à un point qui n'est pas croyable, puisqu'il n'y a pas, Sire, de régiment dans Vos armées dont l'Empereur ne sache les trois ou quatre dernières successions des chefs et des principaux officiers. Au sortir de la messe on m'ordonna de dîner avec LL. MM. II. A table l'Empereur m'envoya dire à l'oreille qu'Il buvoit sans cérémonie à la santé de V. M. et que cette santé étoit la plus intéressante pour Lui. Après le dîner S. M. me demandoit si je me trouvois muni d'un pleinpouvoir pour pouvoir arranger les choses le plustôt possible, puisqu'Elle n'avoit rien tant à coeur que cela.

Lorsque je Lui eus dit que V. M. avoit daigné me confier le pleinpouvoir et que je n'attendais que les ordres de S. M. Imperiale pour en apprendre les sentiments sur un arrangement sincérement désiré des deux cours, S. M. I. promit de me donner en peu de jours l'occasion d'apprendre Ses sentiments. Elle m'ordonna en se retirant de retourner le soir au palais pour souper avec Elle.

Pendant le jeu, ou j'eus l'honneur d'être de la partie de l'Empereur, S. M. me montra une bague avec le portrait de V. M. qu'Elle avoit au doigt et fit porter un grand portrait de V. M. dans l'apartement pour me le montrer. Pendant le soupé S. M. me porta la santé de V. M. Le soupé fini on trouva dans l'apartement attenant le portrait sudit de V. M. que l'Empereur y avoit fait élever pendant le repas et qui doit y rester. Au sortir de table S. M. I. me fit la grace de me parler beaucoup sur ce qu'Elle

avoit souffert sous le règne précédent pour avoir toujours fait gloire d'être attachée à V. M., mais qu'Elle avoit été même bien aise de se voir éloigné de la Conférence parce que Son estime pour V. M. en avoit été la cause. Elle me dit en même temps ce que j'ai eu l'honneur de mander à V. M. dans ma précédente au sujet du grand ordre et de la Croix de Mérite. Ainsi j'ose supplier V. M. de me faire passer l'un et l'autre le plus rapidement qu'il se pourra. J'ose croire, Sire, qu'il ne déplairoit point à S. M. I. si Schwérin, aide de Camp de V. M., en étoit le porteur. Dans le même entretien S. M. I. me parla sur les Danois.

C'est du côté du Holstein que toute Son attention est fixée, comme V. M. l'a prévu. Il me dit donc qu'Il savoit pour sûr que les Danois L'attaqueroient. Je répliquois que je doutois, que cette puissance veuille se mettre un ennemi aussi formidable que l'étoit S. M. I. sur les bras. Que je croyois que la cour de Copenhague préféreroit toujours un accommodement amiable, que je croyois être de la dignité d'un aussi grand Monarque, de faire le pacificateur du Nord, plustôt que de vouloir gagner par les armes ce que les Danois donneroient vraisemblablement par accommodement, à la suite d'une demande cathégorique que S. M. I. pourroit faire à cette Cour, et je Lui dis enfin que j'osois soupçonner, que la nouvelle des mauvaises intentions de cette Cour, était une ruse des Cours ennemies pour brouiller les affaires d'un autre côté, puisqu'ils craignoient que l'accomodement entre V. M. et S. M. I. pourroit se faire....

S. M. I. se retirant m'ordonna de diner le lendemain avec Elle chez S. A. le Prince George de Holstein. En y arrivant j'y trouvai le brigadier de Gudowitz.... Le dit officier a fait un fidel raport des sentiments que V. M. lui ont (a?) fait paraître à l'égard de l'Empereur et se trouve pénétré des bontés et faveurs dont V. M. l'a comblé. Au reste j'ose assurer V. M., qui je ne manquerai pas d'exécuter les ordres contenues dans la dépêche du 22, et puis ajouter que j'espère pouvoir donner en peu les nouvelles les plus satisfaisantes. L'Empereur m'a ordonné de demander à V. M. comme une marque de Votre amitié, de Lui faire travailler trois mille fusils parfaitement pareils à ceux de Votre premier bataillon des gardes et deux mille carabines,... Encore sa Majesté souhaite mille six cent pallasches,... S. M. I. m'a parlé au sujet d'un nommé Solignac, lieutenant aux dragons de Pomeiske, et qui jouit des bonnes grâces du Prince George, avec lequel il est venu ici. L'Empereur seroit bien aise si V. M. daignoit lui accorder le congé....

$^{2}/_{13}$ *Марта.* **Гольцъ Фридриху.** Ce matin l'Empereur me fit apeller, pour me faire part d'une dépêche de son ministre en Angleterre.... Elle m'ordonna encore, que par le même courrier je devois mander à V. M. qu'il seroit bien agréable à S. M. I. si Vous vouliez, Sire, m'expédier au plutôt un projet de paix à faire entre V. M. et S. M. I....

Il est de mon devoir, Sire, de mander à V. M. ce que j'ai eu le bonheur de découvrir dans ce Monarque sur Ses intentions pour une pacification entre les deux Cours. Dabord S. M. I. est bien éloignée de refuser la reddition des provinces que les troupes Impériales ont occupés pendant la guerre et oc-

cupent encore. S. M. I. prétend que les frontières des dominations de V. M., qui ont été avant la présente guerre, continuent à l'avenir à être les mêmes. S. M. I. attend de V. M. la garantie du Holstein et offre en retour celle de la Silésie et du comté de Glatz. Encore plus, S. M. I. ne me paroit pas éloignée de faire une alliance offensive et défensive en cas que V. M. veuille en établir. Comme ceci passe mes instructions, je n'y ai rien pu répondre. Il y a trois jours que S. M. I. me demanda un projet de paix, fait par V. M. Quoique d'ailleurs je sentis bien que cela ne pouvoit être qu'avantageux aux intérêts de V. M., je préférai pourtant de demander un pareil projet de S. M. I., lequel, s'il se trouvoit convenable à mes instructions, feroit gagner le temps que le courrier demanderoit, puisqu'alors j'aurois pû le signer en vertu du pleinpouvoir. Mais comme S. M. I. m'a aujourd'hui ordonné denouveau de demander ledit projet à V. M., j'ose Vous le demander humblement, Sire, et supplie de me faire passer Sa gracieuse dépêche avec la dernière promptitude, puisque d'ailleurs ceux du parti contraire, dont le nombre est fort considérable ici, pourroient profiter du délai.... J'ai saisi le moment d'audience de ce matin pour représenter à l'Empereur que V. M. seroit bien aise de tirer au plustôt les recrues des provinces occupées encore par les armées Impériales. S. M. I. m'a promis de faire passer au plus vite les ordres nécessaires pour que V. M. puisse faire lever les recrues des provinces. Ainsi, Sire, V. M. daignera donner Ses ordres relativement.... Le corps de Romanzow qui devoit pénétrer dans le Mecklenbourg, pour être plus à portée du Holstein restera là où il est, jusqu'à ce qu'on aura la réponse de Copenhague. Le général partira en peu pour se rendre au corps.

En cas que V. M. juge être de Ses intérêts d'établir une alliance offensive et défensive, je crois que l'Empereur donneroit un corps auxiliaire contre la Reine de Hongrie, si V. M. Lui en donnoit un autre pour agir avec Ses troupes dans le Holstein, en cas que cela en vienne à une rupture de ce côté. J'ose croire, Sire, qu'une lettre immédiate de V. M. á l'Empereur, relative à ce que j'ai eu l'honneur démander, feroit plaisir à S. M. I.

J'entrevois qu'il auroit été plus convenable de chiffrer la présente dépêche, mais je n'ai pas voulu perdre un instant pour la faire passer à V. M., et je crois pouvoir me fier à la probité du courrier, auquel j'ai osé promettre une petite gratification pour l'encourager de faire la dernière diligence.

$^{19}/_{31}$ *Марта.* Фридрихъ пишетъ Гольцу, что его безпокоитъ неполученіе извѣстій изъ Константинополя. „Quand j'aurai une assurance morale de ce que je pourrai attendre de la Porte, je ne manquerai pas de vous le communiquer d'abord, et tout l'avantage que je voudrois en tirer du côté de l'Empereur, ce seroit d'obtenir de lui, pour toutes les complaisances que j'aurai dans les affaires de Holstein, la garantie des possessions que je pourrai obtenir dans cette guerre. Mais si je reçois des nouvelles de Constantinople moins favorables que je les espère, vous serez surement chargé de moi d'obtenir de l'Empereur, en faveur des complaisances que j'aurai pour ses affaires de Holstein, une médiation armée pour forcer mes ennemis à faire la

paix et à me rendre ce qu'ils m'ont prit. Il est trop tôt de parler de tout ceci, mais vous ferez bien de sonder le terrein. Mais ce qui fait un des principaux objets de cette dépêche, c'est que vous chercherez l'occasion pour entretenir seul l'Empereur, afin de lui dire confidemment que pour toutes les marques d'amitié qu'il m'avait donné, je n'aurai plus' aucun secret de lui et qu'en conséquence je lui communiquerai fidèlement tout ce qui s'était passé entre moi et la Porte Ottomane et avec le Chan des Tartares pendant cette guerre. Que me voyant presqu'opprimé par la trop grande supériorité de mes ennemis et pour me soutenir et soulager, j'avois fait traiter avec la Porte sur une espèce (de) traité d'alliance défensive avec celle-ci, selon lequel elle s'était obligée de me garantir toutes mes possessions et en conséquence du quel traité (elle) aurait été engagée de faire une diversion contre les Autrichiens en Hongrie. Que quand au Chan des Tartares j'avois fait négocier avec lui sur un corps des troupes Tartares qu'il me donneroit pour des subsides, — ne fut ce que de 4 à 5 mille chevaux,— au moyen du quel j'ai crû pouvoir faire une diversion aux Autrichiens, après y avoir joint un corps des miens, afin de les obliger de détacher contre ceux là et me fournir par là l'occasion de rejetes les Autrichiens hors de mes possessions de la Silésie. Qu'entre ce temps-là on vient de me marquer par une lettre de Bachzisaraï, que le ministre français à Constantinople, le sr. de Vergènnes, fesoit travailler auprès du Chan des Tartares afin de porter celui-çi à faire une forte invasion dans la Russie. L'on me mande de Bachzisaraï que les Français avoient tout fait par leurs intrigues, que le Chan venoit d'assembler un corp des Tartares de 100 mille hommes à peu près auprès de Kowatchar, à quarante lieux de Jassy; que sur cela j'avois fait offrir au Chan une somme de 200 mille écus pour le disposer à tourner toutes les forces contre les Autrichiens du côté de la Hongrie; que j'ignorois le succès que cela effectueroit, ce que je ne saurois apprendre par la grande distance des lieux que peut être vers le commencement du mois de may qui vient. Въ той же депешѣ король сообщаетъ о высылкѣ орденовъ для Петра III и замѣчаетъ относительно креста *Pour le Mérite*, que l'institution de l Ordre est proprement pour en décorer mes officiers qui se font particulièrement distinguer dans mon service militaire. Mais comme l'Empereur le désire, certainement je ne le lui refuserai pas. Предписываетъ Гольцу сойтись съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ, преданнымъ видамъ Прусскаго правительства и велитъ объявить ему отъ своего имени, что онъ докажетъ ему par des marques réelles свою благодарность. Фридриху извѣстно, что у Сальдерна есть враги и что онъ хочетъ возвратиться въ Голштинію, а потому предписываетъ Гольцу всѣми средствами удержать его хоть на годъ jusqu'à la pacification générale de l'Europe, afin que nous ne perdions pas en lui un sujet digne et qui nous peut rendre des services essentiels.

$^{12}/_{23}$ *Марта*. **Гольцъ Фридриху.** La très gracieuse dépêche de V. M. du 3 m'a été bien rendue le $^{19}/_{31}$.... Etant invité le même soir à la Cour, je ne perdis pas un instant pour faire savoir à l'Empereur que je désirai une audience

de S. M. L'aide de camp général Gudowitz m'avertit aussitôt que l'Empereur l'avoit fixée au lendemain matin à 11 heures. Je me rendis donc à l'heure nommée à la Cour, accompagné du capitaine Steuben que j'avois choisi pour tenir les marques de l'Ordre pendant que j'adresserai le compliment. Le chancelier se trouvoit dans l'antichambre, vis à vis du quel je m'acquittois de ce dont V. M. m'avoit chargé pour lui. J'ose, Sire, Vous assurer que ce ministre étoit pénétré des bontés de V. M. de ce qu'Elle daignoit lui rendre justice.... Vers midi S. M. I. me fit ordonner de paraître devant Elle. Elle avoit quitté le Device et fait ordonner à tous les militaires qui parurent ce jour-là à la Cour, d'en faire autant. Le Prince George de Holstein et le chancelier, l'un et l'autre décorés du grand Ordre de l'Aigle noir, se trouvèrent avec l'Empereur; je rendis la lettre de V. M. en l'accompagnant du compliment convenable et présentant les marques de l'Ordre. S. M. I. témoignoit dans les expressions les plus vives la joie qu'Elle ressentoit de cette marque de l'amitié et de l'estime de V. M. et se fit mettre les marques par le Prince George. Un moment aprés S. M. I. parut dans les appartemens où la Cour étoit assemblée, pour annoncer le contentement que cette preuve de l'amitié de V. M. Lui donnoit et montra à plusieurs seigneurs et dames de la Cour la lettre de V. M. Vers deux heure S. M. se mit à table. Elle me porta la santé de V. M. Une décharge de l'artillerie l'annonca à toute la ville et par conséquent à messieurs les envoyés de France et de Vienne. Je portois ensuite la santé de l'Empereur, S. M. porta ensuite la santé du Grand Maître de l'ordre, de tous les chevaliers Ses nouveaux confrères, à la prospérité des armées de V. M. et enfin à une heureuse paix. Au sortir de table S. M. me parla beaucoup sur Son amitié pour V. M. et souhaitoit avec empressement le retour du courrier pour rétablir l'harmonie. S. M. I. apella le chancelier pendant que j'eus l'honneur de parler avec Elle, pour lui dire qu'Elle lui vouloit du bien de ce que lui, le chancelier, avoit toujours été porté pour V. M., et qu'Elle n'ignoroit pas les désagréments que cela lui avoit fait essuyer sous le précédent Règne. L'Empereur me demanda ensuite, ce que V. M. souhaiteroit qu'Il fasse des marques de l'Ordre qu'avoit eues feu l'Impératrice. J'y répondis que je n'avois point d'ordre de les reprendre, sur quoi S. M. I. demanda s'il seroit agréable à V. M. si le Prince George en étoit décoré. Je dois avouer, Sire, que n'étant pas instruit là dessus, je me trouvois embarrassé.... L'Empereur me parla ensuite de l'estime et de la considération respectueuse que le Prince de Holstein-Beck, Son maréchal, avoit de tout tems conservé pour V. M. et finit par me demander, s'il n'y avoit pas moyen d'espérer le grand Ordre de V. M. pour lui. Je n'y ai rien repondu de positif.... Je ne puis cacher à V. M. que ce même prince de Beck m'a plusieurs fois parlé sur les sentiments d'amitié de S. M. I. pour V. M. et que c'étoit toujours presque la larme à l'oeil, tant il en étoit pénétré de joie. J'appris aussi au sortir de table, que l'Empereur avoit donné pour le mot du jour: *Vivat corona pruska!* Enfin, Sire, S. M. étudie toutes les occasions de publier les mouvemens d'amitié pour V. M. Je dois ajouter, Sire, que de

tous les ministres étrangers il n'y avoit que celui d'Angleterre admis à la table Impériale. Le soir l'Empereur soupa chèz le maréchal Rasoumowsky et m'ordonna d'y être. J'eus l'honneur d'y faire la partie de S. M. C'est alors qu'Elle me fit donner par le brigadier Gudowitz une très belle boîte d'or, garnie de bijous. Le sieur Steuben en eut également une, de moindre valeur pourtant.... Au souper S. M. me porta, comme à tous les repas que j'ai l'honneur de faire avec Elle, la santé de V. M., et eut la grace de s'entretenir longtems avec moi au sortir de table.

Того же числа.... Je viens d'apprendre dans l'instant que mr. Mitchell mande au sr. Keith que nous venons d'enlever une dépêche du ministre de France qui réside ici, où on assure qu'on ne devoit pas craindre que l'Empereur quitteroit les engagemens qu'avoit eu feu l'Impératrice, que dans quelques mois toutes les allarmes qu'on avoit à ce sujet seraient finies puisque Wolkow étoit entièrement à lui et au parti. Ce Wolkow est aujourd'hui conseiller d'état et secrétaire privé de S. M. Imperiale et se trouve réellement dans la ligue dont il est payé. J'espère que cette pièce interceptée nous servira pour lui casser le cou s'il se peut. Un général dit Meljounow, et Schuwalow favori de feu l'Impératrice, sont de la clique de Wolkow. Le premier ira dit-on vers V. M. pour faire les remerciments de l'Ordre. Il est entièrement à nos ennemis, mais l'Empereur, qui ne l'en soupçonne pas, lui veut beaucoup de bien et sera bien aise des politesses que V. M. fera au dit général. J'ay cru en devoir prévenir V. M. Schuwalow, favori de feu l'Impératice, a eû hier le commendement des cadets, grâce à son ami Meljounow. Tous ces m-rs cachent habilement leur jeu vis à vis de leur maître, mais je me flatte que cette lettre facilitera les manoeuvres à Keith et à moi pour leur destruction. Je prépare une relation relative aux caractères des personnes qui entourent l'Empereur. J'ose assurer V. M. que dans ce pays-ci tous est cabale, intrigue et politique jusqu'à la bagatelle, et que les femmes ont leur petite part dans les affaires...

L'Empereur à fait venir ici deux officiers, 1 feuerwerkers et 16 canoniers de V. M., de ceux qui étoient faits prisonniers en Poméranie. Les officiers sont Brosch et Beymann; ils doivent montrer que les canons Prussiens sont préférables aux Schouvallows *, après quoi ils seront renvoyés à l'armée de V. M.

26 Марта (6 Апрѣля). **Гольцъ Фридриху.** L'Empereur me parla hier sur les affaires du Holstein en souhaitant d'y mêler V. M. Je L'assurois des bonnes intentions de V. M. dans ceci, en Lui faisant entrevoir pourtant qu'ayant une forte guerre à soutenir, V. M. ne pourroit guère se défaire de ses troupes pour Lui faciliter Ses entreprises et que je croyois plus convenable à la grandeur de S. M. de sacrifier quelques bailliages qu'Elle pourroit conquérir, à la gloire de pacifier le Nord. S. M. Impériale y répondit, qu'Elle ne demanderoit pas des troupes dans le moment prèsent, étant bien aise que V. M. s'en serve heureusement contre ses ennemis, mais

---

* Т. е., лучше голѣнь изобрѣтенныхъ графомъ П. И. Шуваловымъ.

que ce ne seroit qu'au besoin, et qu'en retour Il fourniroit à V. M. un corps de 12 m. hommes. Je crois même qu'on pourroit parvenir à négocier ce corps pour le présent, pourvu que V. M. veuille se prêter au vues de l'Empereur par rapport au Holstein. V. M. connoit mieux que tout autre les inconveniens qu'une guerre entre cette Cour et celle de Copenhague auroit pour les Etats de V. M. par rapport au passage des troupes et autres embarras.... Je ferai de mon mieux pour finir cet ouvrage à la satisfaction de V. M. en écartant autant qu'il me sera possible les difficultés que le parti contraire s'étudie à y mettre de plus en plus.

Le Duc Biron est arrivé avec sa femme et ses deux fils. Le cordon est rendu au Duc et ses fils sont nommés généraux-majors. Le père m'a fait appercevoir un parfait dévouement pour V. M. Il m'a paru le voir venir de loin au sujet de Wartemberg *. *Sur quoi j'ay rompu la conversation.* Le lendemain l'Empereur m'en parla. L'idée de l'Empereur *étoit* de proposer à V. M. de donner à Biron la Comté de Wartemberg.... S. M. I. me fit aussi connoitre comment Elle avoit chargé son envoyé à Stockholm de s'employer à rendre la situation du Roi plus agréable et méditoit de lui procurer la Souveraineté. V. M. voit par là jusqu'où va l'attachement de S. M. Impériale pour Sa famille, puisque d'ailleurs je doute qu'il y a un Empereur de Russie qui veuille travailler à la Souveraineté de la Suède....

27 Марта (7 Апрѣля). **Гольцъ Фридриху.** Le staroste Brühl est arrivé hier. Je fis usage, Sire, des avis que V. M. a daigné me donner sur ce qu'il est muni de blanc-signés pour traiter. Autant que j'en puis juger par les sentiments que S. M. Impériale m'a fait paroitre, il me paroit n'avoir rien à craindre de désavantageux de la part de Brühl.... A la suite d'une entrevue que j'ay eue, je dois dire à V. M. qu'il sera très convenable de faire passer une galanterie un peu considérable et convenable à la favorite Elisabeth Woroutzow, qu'on pourra lui donner publiquement; l'Empereur même, je crois, en sera bien aise, comme d'une attention pour Lui. J'ose croire, Sire, que Saldern, qui est vrayment très utile à nos intérêts, seroit très heureux s'il pouvoit posséder quelque marque des bontés de V. M., dont je l'ai assuré par Vos ordres. Une tabatière, par exemple, avec le portrait de V. M. le satisfairoit beaucoup. Je suppose ceci, quoiqu'il ne m'en a pas dit le mot. La mission du général Meljounow vers V. M. pour y être comme ministre, paroit être assurée, quoique cela fait un grand mystère ici J'ay travaillé pour y parvenir; j'en ai parlé à V. M. comme d'un grand mobile du parti contraire. C'est une des meilleurs têtes du pays. Il convient absolument à nos intérêts de l'éloigner de la Cour; la machine anti-Prussienne se détruira. C'est un homme vain, masquant pourtant beaucoup et cette passion et tous ses sentiments, pourtant se peut-il que V. M. en pourra faire en peu de jours ce qu'Elle voudra. Je supplie V. M. de daigner Se souvenir que cette mission est ignorée de tout le monde à cette Cour.

30 Марта (10 Апрѣля). **Король пишетъ между прочимъ:** aussi en

---

* Замокъ въ Силезіи принадлежавшій Брюлю.

toutes occasions où il s'agit de pareilles ou d'autres choses (**ордена, подарки**), que l'Empereur souhaite d'avoir de moi, je vous autorise de lui en déférer d'abord et de dire: *oui* dès que vous voyez que cela lui fait plaisir, sur quoi je ne vous donnerai pas le démenti.... Vous communiquerez tout ceci naturellement à l'Empereur en le priant cependant que pour ce qui regardoit mes demarches avec la Porte et au sujet du Chan, il voudrait bien me ménager le secret de cette confidence, pour qu'il n'en transpirat rien à mes ennemis, qui sans cela, en étant prévenus, sauroient faire avorter tous les desseins. **Король требуетъ заключеніе мирнаго договора съ Россіей какъ можно скорѣе.** J'espère apprendre au plutôt de vous que mon traité de paix sera constaté et signé, dont je serai bien aise; mais ce qui doit alors faire votre principale attention et ce qui m'interesse plus que l'autre, c'est que vous devez prouver (travailler?) incessamment après à faire constater mon traité d'alliance avec l'Empereur, sur quoi vous presserez autant qu'il sera possible et convenable....

30 Марта (10 Апрѣля). **Гольцъ Фридриху.** La dépêche cy-jointe du 5.... étoit achevée lorsque le comte Schwerin arriva le 7. Cela m'engagea à arrêter mon courrier pour pouvoir par le même mander à V. M. l'usage que j'avois fait de la très gracieuse dépêche du 23. A peine l'avois-j' ouverte, que l'Empereur me fit ordonner de souper avec Lui, sans me laisser le tems de déchifrer un passage de la dite dépêche, ce qui m'obligea par précaution de cacher ce même soir à S. M. I. l'arrivée du c-te Schwérin.... Le lendemain, 8, le c-te Schwérin présenta la lettre de V. M. Le moment après j'eus une audience particulière. L'Empereur me témoigna la plus vive satisfaction sur la lettre qu'Elle venoit d'ouvrir, et m'en fit la lecture. Je communiquai, selon les ordres de V. M., la dépêche de Copenhague, L'assurant que la conduite de V. M. vis à vis de cette Cour seroit très conforme à l'amitié de V. M. pour l'Empereur et je fus bien aise de faire voir à ce Monarque que les Danois ne seroient sûrement pas les aggresseurs, mais que tous leurs mouvements étoient l'effet de l'apréhension où ils se trouvoient d'être attaqués. Je fis voir aussi à S. M. I. l'etat des troupes et des forces des Danois tant par terre que par mer: pourtant je ne le fis voir que très superficiellement, parce que la mention qui s'y trouve faite de la mauvaise constitution des troupes de terre ne feroit qu'augmenter le désir de tomber sur eux. Dans la copie qu'on m'a demandée en m'assurant d'en conserver le plus grand secrèt, je passerai sous silence tout ce qui est relatif à cela, en faisant d'un autre côté bien connoitre la force de la marine, ce qu'sera je crois de très bon effet, puisqu'on reconnoit intérieurement la marine d'ici pour mal entretenue. L'Empereur étoit pénétré de l'amitié de V. M. en Lui prêtant les mains dans son affaire du Holstein et il n'y a rien que ce Monarque ne fasse en retour. Hier à midi S. M. me donna la cy-jointe pour V. M., me disant de conférer avec Wolkow, Son secrétaire privé et conseiller d'état, sur le traité de pacification, auquel S. M. avoit donné Ses ordres, comment Elle vouloit que tout se fasse sans perte de tems et sans y mettre la moindre difficulté. Le chancelier est malade; d'ailleurs

j'aurois beaucoup profité de conférer avec ce ministre par les raisons connues à V. M.

Hier à midi arriva le courrier, porteur de la très gracieuse dépêche de 27. Dînant avec l'Empereur je ne pouvois ouvrir la dernière que vers le soir. Comme je soupois à la Cour, je pouvois immédiatement après communiquer à S. M. I. le projet de paix. L'Empereur m'assura que cette affaire, toute importante qu'elle étoit, seroit finie en très peu.... S. M. I. goûte beaucoup ce que V. M. souhaite sur l'inclusion de la Suède dans le traité de paix. Elle m'a dit en confidence qu'Elle y enverroit le c-te Panin, gouverneur du Grand Duc, qui y a déjà été employé, pour traiter à cette Cour. C'est un homme très capable, et on a tout lieu d'espérer la réussite de la négociation. Le comte de Woronzow,* neveu du chancelier, frère de la favorite, part lundi pour Londres; il a ordre de passer la Silésie pour faire sa cour à Votre Majesté.

1/12 *Апрѣля*, **Гольцъ Фридриху.** L'Empereur est infiniment sensible à la promptitude avec laquelle V. M. a donné Ses ordres pour faire travailler les armes que S. M. I. désire.... L'emportement de l'Empereur contre les Anglois ne provenant que de l'amitié qu' Il porte à V. M., je Lui en fis mes remerciments, Le suppliant pourtant de ne pas montrer trop d'aigreur aux Anglois.... Le comte Woronzow qui part pour cette Cour, sera instruit en conséquence. L'Empereur m'a dit qu' avant son départ pour cette Cour Il lui donneroit une entrevue secrète à laquelle Il m'admettroit, dont je suis bien aise, puisque alors je ferai usage des ordres que V. M. m'a donnés relativement à l'Angleterre et aux moyens de la faire accéder à l'alliance. J'ai parlé fort au long à S. M. I. sur les affaires du Holstein. Il étoit pénétré des sentiments de V. M. à cet égard et des conseils qu' Elle Lui fourniroit en toute rencontre. J'ose, Sire, assurer a V. M. que la confiance de l'Empereur vers V. M. est parfaite et sans bornes. On attend ici la réponse de Copenhague sur la demande faite il y a cinq semaines. La dernière est un peu forte.... On croit ici que la Cour de Copenhague ne s'accommodera jamais là dessus en faisant les dites restitutions, puisqu'elle ne peut guère perdre plus en faisant la guerre malheureusement. Elle proposera sans doute un accommodement pour tâcher de gagner du tems et pour attendre le moment où elle pourra se flatter de trouver ou des médiations ou des alliances. Mais S. M. Impériale ne me paroit pas vouloir se faire payer de vaines paroles. Il pressera les Danois de se déclarer positivement. En cas de rupture, Il goute infiniment l'idée de V. M. de faire passer le corps de Romantzow en Mecklembourg et ne demandera pas mieux que de demander les conseils de V. M. avant que de rien entreprendre. Si cette guerre se déclare, S. M. I. compte de Se mettre à la tête de cette armée. Cette idée a différentes sources, primo: la haine contre les Danois, secundo: le désir d'imiter V. M. en toutes choses et de suivre Ses....**

---

* Графъ Александръ Романовичъ, братъ фаворитки.

** Съ этимъ пропускомъ я получилъ настоящую депешу.

les insinuations de Ses faux confidents qui se servent des deux premiers ressorts qui L'animent pour L'éloigner de Ses Etats. V. M. est trop clairvoyante pour ne pas entrevoir les funestes suites que cet éloignement pourroit avoir pour ce Prince et pour nos intérêts, par contre coup. Je vois avec peine que ce Prince, si respectable par l'excellence de Son caractère, Se trouve en si mauvaises mains et que Ses plus intimes conseillers sont des gens qui, si j'ay la vue bonne, Le mènent à Sa perte. V. M. voit Elle même que cette corde est trop délicate pour que je puisse la toucher; mais, Sire, si le moment arrive que je pourrai annoncer avec sûreté la résolution de S. M. Imperiale sur Son éloignement de Ses Etats pour faire la guerre, alors j'ose croire que V. M. daigneroit conseiller en ami à ce Monarque de ne point faire ce pas. L'Empereur, incapable de faire le malheur de qui que ce soit, a laissé trop de pouvoir à des personnes qui Lui sont funestes et trop capables de trâmer contre Lui, s'Il alloit s'absenter dans ce commencement de règne. J'ose, Sire, découvrir tout ceci dans le dernier secret, puisque si on s'en doutoit ici, on me le feroit payer cher, n'y ayant pas voyes dont on ne se serviroit pour se défaire de moi.

J'ose espérer Sire, pouvoir en peu feliciter V. M. sur la conclusion de la paix avec cette Cour; je ne prévois guères des difficultés qui pourroient y survenir pour l'arrêter. J'ai parlé à l'Empereur sur le ton à prendre vis à vis de la Cour de Vienne pour la pacification générale, en conservant pour le présent un Corps de troupes du côté de Posen. S. M. Impériale parut la goûter et je ne négligerai pas l'occasion d'y appuyer.

$^{8}/_{19}$ *Апрѣля.* **Графъ Шверинъ Фридриху.** Les affaires d'ici vont toujours le mieux, et sans la semaine sainte qui vient de finir, où dans ce pays-cy toutes les affaires restent en suspend, V. M. aurait sûrement pû avoir par le courrier présent la conclusion de la paix. S. M. l'Empereur vient de nous assurer encore hier, au colonel Golz et à moi, qu'infailliblement cette semaine tout seroit arrangé et fini, de sorte que je compte qu'au plus tard vers le 10 du may prochain selon notre style, V. M. pourra en avoir la nouvelle.

Depuis mon dernier rapport, daté du 10 de ce mois, j'ai plus profondément appris à connaître plusienrs messieurs de cette Cour, dont je n'ai fait mention à V. M. qu'en passant dans ma dernière lettre, ne les croyant d'abord d'aucun pouvoir et d'aucune conséquence. Mais je me suis fort trompé à l'égard de ces messieurs.

Le premier et celui qui est à la tête de tous ceux qui sont le plus à craindre ici, est Ivan Ivanovitch Schuwaloff, jadis favorit de l'Impératrice défunte. Cet homme, depuis tout temps rempli de cabale et de factions, quoique au fond détesté et haï de l'Empereur, à sû si bien tourner son jeu par son ami le général Mélgounoff, grand favori de l'Empereur, que ce Prince lui a donné le corps des cadets et en même temps la suspection (inspection?), générale du palais Impérial et a rendu par cette charge, inséparable de la capitale, l'homme qui Lui est le plus pernicieux et qui est le plus à craindre. Ce monsieur sait trop peu dissimuler pour pouvoir cacher les indignes et

infâmes intentions qu'il nourrit dans son coeur. La rage et le dépit sont peints sur son visage, et je veux gager tout au monde que ce misérable a de terribles projets en tête. Néanmoins tout cela, l'Empereur le souffre toujours et il se trouve continuellement autour de Sa personne.

Le second de ses gens pernicieux, et qui seroit à craindre encore d'avantage que le premier s'il avait autant d'ésprit, est le général Mélgounoff, que j'ai déjà nommé ci-devant. Il est favori déclaré de l'Empereur. Sa Majesté se confie entièrement à cet homme; Il croit avoir en lui le plus fidèle de Ses sujets, et c'est précisement celui qui, conjointement avec monsieur Ivan Ivanowitch et encore un certain mr. Volkoff, sont Ses plus grands ennemis et n'attendent qu'une occasion favorable pour Le déthrôner.

Je n'ai pas manqué d'en parler bien au long à l'Empereur; je Lui ai même nommé les gens qui sûrement Lui étaient fort dangereux; mais S. M. me répondit qu'Elle savait bien que ces gens n'étoient pas le mieux intentionnés pour Lui, mais qu'Il leur avait donné tant d'occupations, qu'ils n'avoient pas le loisir de penser à faire des factions et que par cette raison Il étoit fort sûr de ce côte-là. Il est vraiment fort triste que ce Prince est tellement préoccupé de ces gens, qui pourtant sûrement ne respirent que Sa perte et n'attendent que l'occasion pour exécuter leurs projets, tandis que par l'éloignement de ces misérables Il pourrait être dans la plus parfaite sûreté sur Son thrône. Mais bien au contraire, Il est sur le point de leur offrir Lui-même l'occasion la plus favorable de la quelle ces messieurs se saisiroient sûr-et certainement au plus vite. C'est le voyage que l'Empereur a résolu de faire pour commander en personne Son armée contre les Danois. C'est une idée que ce Prince s'est tellement proposée, qu'il n'y a pas moyen de L'en détourner. Mrs. Melgounoff et Schuwaloff, qui ne souhaitent rien plus que Son absence, ne manquent pas de Le fortifier dans cette idée, de sorte qu'Il est fermement résolu de partir d'ici d'abord après l'arrivée du courrier qui doit venir de Copenhague. Personne n'ose entreprendre de Lui conseiller le contraire. Le colonel Golz et moi nous avons néanmoins pris la liberté de représenter à S. M. qu'il seroit beaucoup plus salutaire au pays s'Il restoit ici, et que Sa présence étoit absolument nécéssaire pour le salut de l'Empire; mais Il nous répondit qu'Il étoit bien étonné de ce conseil de notre part, et que ce discours était une marque sûre que nous ne L'aimons pas.

Il n'y a, Sire, personne au monde que. V. M. qui puisse détourner l'Empereur de ce dangereux voyage. Une lettre de V. M., dans laquelle Vous Lui conseillez de rester dans son pays, Le fera d'abord changer d'idée. Il suivra sûrement Vos conseils, Sire, puisqu'Il met toute Sa confiance dans Votre Majesté. Sans Votre lettre, Sire, Il part immédiatement après l'arrivée du courrier de Copenhague et je prévois qu'avant qu'Il aura passé les frontières, la révolution arrivera infailliblement.

Mr. Ivan Ivanowitch m'a montré hier une lettre, qu'il a reçu ces jours du général Tschernischoff. Ce général lui écrit la façon gracieuse avec laquelle il avoit été reçu à Breslau. Il est pénétré des grâces particulières dont V. M. l'a comblé et il marque entre-autre que V. M. avez bû la santé

de son souverain sous le bruit des canons. L'Empereur, qui est flatté autant qu'on peut l'être de cette attention de la part de V. M., a fait de même hier midi. Il y eût grande fête à la Cour dans le nouveau palais où S. M. est entré avant hier. Il y avait à dîné une table de 150 couverts et la première santé fut celle de la prospérité de V. M., laquelle l'Empereur porta au duc de Holstein, sous la décharge de 101 canons. Il y avait plusieurs messieurs à table qui en firent mauvaise mine, par exemple le jeune comte Brühl, envoyé du Roi de Pologne et mr. de Prass, conseiller de légation de la Cour de Saxe. Dimanche passé le comte Brühl fut présenté à l'Empereur, mais S. M. ne lui parla pas du tout et il n'eut point d'audience particulière; le même jour le feldmaréchal Minich fut présenté aussi. S. M. le combla de grâces et de bienfaits. Elle lui rendit d'abord son rang du plus ancien feldmaréchal, de même que le cordon de St. André, et ensuite Il fit la réconciliation du feld-maréchal avec le duc de Biron de Courlande en présence de toute la Cour. Mr. de Mercy, ambassadeur de Vienne, a eu ces jours-cy ordre de sa Cour de faire visite au duc de Holstein. Il s'y est rendu le jours après, mais Son Altesse ayant eu sa dévotion ce jour là, ne l'a pas accepté, ce qui a piqué au vif l'ambassadeur. Il s'est rendu tout de suite chez le chancelier Woronzoff et lui a dit qu'il avait fait sa visite au Duc selon les ordres de sa Cour, sous condition que mr. de Kayserling fasse de même à toute la famille Impériale, ce qui lui a été promis, et on croit que le dit ambassadeur aura son audience au premier jour.

20 Апр. **Король Гольцу.** Король безпокоится о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Турціи и Крымскому хану и говоритъ, что онъ не ожидалъ восшествія на престолъ Петра III и дружбы со стороны Русскаго двора, но что получивши извѣстіе о вступленіи на престолъ нынѣшняго государя, онъ тотчасъ же сообщилъ своимъ посланникамъ въ Константинополѣ и Бахчисараѣ приказаніе de changer incessament leur plan de négociation, afin de détourner toute guerre contre la Russie et à travailler plutôt que les Turcs et les Tartares tournassent tous leurs efforts contre les Autrichiens en Hongrie.

Изъ анонимнаго донесенія прусскому правительству отъ 15 Апрѣля изъ Гаги. Le prince de Galitzin* part pour Hanovre pour aller par les états du Roy de Prusse à Pétersbourg. L'on sait pour sûr qu'il est français à bruler, qu'il est même dans la plus étroite liaison avec le duc de Choiseuil et qu'il s'est engagé que, s'il prend du crédit à la Cour, qu'il fera tout son possible pour faire changer la fâce des affaires à Pétersbourg en faveur de la France.

$^{2}/_{13}$ *Мая.* **Гольцъ Фридриху....** Ce n'est qu'ent remblant, Sire, que je présente à V. M. la lettre cy-jointe de mr. de Saldern. Je l'ai déjà accusée dans ma précédente dépêche, et il n'y a qu' une inattention impardonable qui m'a fait oublier de la joindre à ladite dépêche. Le départ du comte Schwérin,

---

* Князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдствіи вице-канцлеръ. Преемникомъ ему въ Гагѣ назначенъ былъ Гроссъ.

retardé de quelques jours par ordre de l'Empereur, mais précipité sur la fin, m'a obligé de négliger dans la dépêche dont il étoit chargé bien des objets sur lesquels il est de mon devoir de m' étendre aujourd'hui.

A la suite des ordres de V. M. j'ai parlé à S. M. Impériale sur la nécessité de faire la guerre aux Danois avec efforts et supériorité, si une fois l'Empereur se décide à la leur faire. L'Empereur m'assura combien Il étoit ravi que les sentiments de V. M. se trouvoient conformes aux Siens. Quoiqu'on fasse semblant ici de vouloir ouvrir la campagne cette année, je suis presque sûr que cela ne se fera point. V. M. sait que S. M. Impériale donne les mains pour l'envoy des commissaires, ayant même demandé Berlin pour le lieu de l'accommodement. Quelque diligence qu'on mette de part et d'autre pour faire rendre les commissaires sur les lieux, cela ne pourra être qu'à la mi de juillet; avant que les premières propositions soient faites et la négociation entâmée, nous en serons au mois d'août voilà presque le tems convenable pour la campagne passé. J'ai appris de bonne part que Saldern pourroit bien être nommé pour cette négociation Je serai bien aise à la verité de le conserver ici, mais aussi il sera très bien là bas pour accommoder les différences, s'il y a moyen. Il y a encore une forte raison qui me fait souhaiter d'éviter cette guerre dans l'année courante. V. M. sait que le couronnement de l'Empereur ne se fera qu' après l'expiration du deuil annuaire: ce sera au commencement de l'année prochaine. Le zèle bigot de la nation pour tout ce qui est cérémoniel me fait souhaiter de ne pas voir bouger l'Empereur de ce pays avant que cette cérémonie ne soit faite. Il n'y a que les conseils de V. M. capables de Le bien déterminer à rester ici. S. M. Impériale enovye demain des chevaux de selle au corps de Romantzow pour y en avoir au cas qu' Elle y vienne. Tout cela pourtant ne me fait pas encore entièrement perdre l'éspérance de L'arrêter ici. Je suis persuadé combien l'Empereur aime les plaisirs et la societé des femmes et combien par conséquent il Lui en coûteroit de s'en sévrer. J'apperçois le combat de l'amour de la gloire avec celui des plaisirs; pourtant il se pourroit bien que ceux de ses confidents perfides, intéressés à L'éloigner, réussissent à Le déterminer. La lettre de V. M. à, l'Empereur que j'ose attendre en peu de jours en réponse à mes dépêches dont Eyff* est porteur, sera j'espère du plus grand effet. L' envoyé de Suède à cette Cour est quelquefois admis aux parties de paisir de S. M. Impériale depuis qu'Il a déclaré les intentions pacifiques de sa Cour. Il espère que je pourrois lui donner des nouvelles sur la finalisation de cette affaire plustôt qu'elles lui viendront de sa Cour....

On a essayé d'inspirer à l'Empereur des soupçons contre la favorite, comme si elle penchoit du côté de la Cour de Vienne. C'est là la façon dont ces m-rs s'y prennent aujourd'hui pour casser le col à ceux qui n'entrent pas dans leurs iniquités et complots. Tout cela pourtant ne leur réussira pas

---

*. Изъ курьера.

avec la favorite, laquelle se conservera, quoiqu'il y a aujourd'hui bien peu d'alternative de la partie.

La publication de la paix fus célébrée lundi 30 avril (10 mai) par un grand dîner *, et le canon se fit entendre pendant presque toute la journée jusque bien avant dans la nuit. L' Empereur qui raffine à tout ce qui peut marquer Son amitié pour V. M., avoit ordonné un déssert où les armes de V. M. et les Siennes parurent étroitement liées. C'est après la ratification que S. M. I. Se propose de donner les fêtes les plus superbes.

25 Мая (6 Іюня). **Гольцъ Фридриху.** Les ratifications du traité de paix m'ont été rendues le 3, par le courrier Spréwitz, avec la lettre de V. M. à l'Empereur, et celles au Prince George, au chancelier, au général Korff,** à monsieur Keith et au brigadier Gudowitz. Au moment de l'arrivée du courrier l'envoyé d'Angleterre vint chez moi, où je lui remis la lettre de V. M.... Une heure après l'arrivée du courrier je me rendis à la Cour pour présenter, Sire, Votre lettre à l'Empereur. V. M. sait la façon dont Ses lettres sont reçues par ce Monarque. Il seroit difficile d'exprimer la joye, qu'Il ressentit de l'amitié que V. M. Lui a faite en Lui conférant le régiment de Sibourg. Il a nommé un régiment de Son armée pour porter le nom de V. M. Sa lettre ci-jointe à V. M. en fera sans doute mention; ainsi je me dispense d'en dire davantage. Le commandeur du régiment de Sibourg m'avoit envoyé par précaution les listes du Régiment. L'Empereur étoit bien aise de les voir et m'a donné une lettre pour le commandeur. Hier S. M. I. se trouva dans l'uniforme du régiment; Elle étoit même en écharpe prussienne. Il dîna au palais d'Eté où il étoit entré le matin pour s'y loger. On but à la santé de V. M., de l'armée prussienne et du régiment, toujours au bruit du canon....

J'ai parlé à l'Empereur touchant les dernières nouvelles de l'Orient, faisant sentir, que V. M. risqueroit plustôt de voir échoner cette négociation de l'Orient que de ne pas donner à S. M. I. cette marque éclatante de Son amitié et attachement.... Quoique selon les lettres de l'Orient il paroisse à la vérité qu'il n'y a guère de quoi se flatter, j'espère pourtant que la déclaration de la Russie qui va être faite à la Porte, dont j'ay dernièrement fait mention et qui est partie il y a 15 jours, la decidera à rompre avec la Reine.

P. S. I. L'échange des ratifications s'est faite hier matin chez le chancelier.... Le ministère de cette cour a fait savoir avant-hier à tous les ministres étrangers, comme quoi l'Empereur désiroit qu'ils L'accompagnassent dans un voyage que S. M. I. comptoit de faire en peu à son armée en Allemagne. Selon ce que S. M. I. m'a dit, Elle se propose de partir immédiatement après les fêtes de la paix, pour être au plus tard le 1-e juillet v. st. à l'ar-

---

* За этимъ обѣдомъ произошла разсказанная въ Запискахъ кн. Дашковой оскорбительная для Екатерины сцена, которая кажется и побудила ее окончательно стать во главѣ недовольныхъ.

** Тогдашній Петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.

mée. La comtesse Elisabeth Woronzow accompagnera le Monarque jusqu'en Prusse, où elle restera à une campagne du Prince George, que la Princesse (?) habitera durant l'été.

Il m'a été délivré avant hier par le ministère une note.... touchant le congrès qui doit se tenir à Berlin.... Elle (Императрь) ajouta que je Lui ferois plaisir de mander au sieur de Bercke que quoiqu'on eût fixé de la part de cette Cour le terme de sept jours, durant lequel le congrès devoit finir d'une façon ou d'autre, il pouvoit glisser au ministère danois, qu'au cas que les propositions des Danois parussent acceptables aux ministres plénipotentiaires de cette Cour, on ne feroit pas difficulté d'ajouter encore quelques jours pour la durée, selon que les ministres de V. M., comme médiateurs, le trouveroient convenable.... Il est bien à désirer que la Cour de Copenhague cède en partie aux vues de l'Empereur et que ce Monarque veuille préférer la gloire de conserver la tranquillité du Nord à des conquêtes peu importantes vis à-vis du reste de Son Empire et dont le succès n'est point assuré.

Il n'est plus douteux que S. M. I. ne rompe dès que les négotiations avec les Danois paroîtront vouloir traîner les affaires. L'état médiocre des troupes en Poméranie, la disette d'argent et des fourages n'est plus une considération près de ce Monarque, qui est trop emporté par la passion de se venger du tort que les Danois ont fait à Sa Maison. Je ne doute pas que la lettre de V. M. au Prince George n'ait fait impression sur l'Empereur, à l'égard de ce qui s'y trouve touchant la nécessité des magasins et d'autres difficultés; mais comme Il veut la guerre, je suis persuadé qu'Il se fait illusion à Soi même, croyant toutes choses mieux arrangées qu'elles ne le sont, et les ignorant en partie, parce qu'on les Lui cache. Par cette raison je crois de Son intérêt d'aller en personne à l'armée le plustôt possible, où Il verra la vraye situation des choses. Le Prince George, qui selon le premier plan devoit rester ici comme chef du conseil, partira avec S. M. I. C'est le Prince de Beck qui mènera ici la barque. On sait que le conseil sera de 20 personnes et que l'Impératrice n'y entrera pas.

P. S. 2. V. M. daignera ne pas douter de l'empressement que je dois avoir de voir le traité d'alliance fait au plustôt à la satisfaction de V. M. Les fortes occupations du ministère à l'égard des affaires du Dannemarc et des moyens de faire la guerre ont mis jusqu'àprésent un délai dans cette affaire de l'alliance, qu'il m'a été impossible d'empêcher. Pourtant je suis parvenu de moyenner une conférence avec le Prince George, nommé par l'Empereur pour traiter avec moi, et avec le chancelier. On y fit la lecture du corps du traité et des articles séparés, tels que le tout avoit été couché par le ministère. Comme le corps du traité même n'étoit guère différent du traité fait en 1743, à l'exception du corps stipulé de 20 m. contre 12 m. de la dernière alliance et un subside considérable d'un million de rubels, — je croyois ne pas avoir à y redire beaucoup, mais le demandois pourtant en copie, afin de le peser chez moi, ainsi que les articles séparés, qui étoient réellement couchés d'une façon à ne pas pouvoir passer, quelque envie qu'on

ait eue de faciliter la conclusion de l'affaire.... Par rapport au contenu du corps du traité je crois, Sire, devoir dire à V. M., que le nombre des 20 m. hommes est celui qui m'a été proposé et que j'ai accepté à la suite des ordres de V. M. Comme en vertu de ces articles cette Cour pourroit faire au moment présent la demande à V. M. de lui fournir ce corps auxiliaire, ce qui ne pourroit, Sire, que Vous embarrasser, vû le grand nombre des ennemis que V. M. combat, j'ai crû devoir tâcher de faire donner par l'Empereur une déclaration, comme quoi la prestation du dit corps auxiliaire ne pourroit être demandée à V. M qu'après la fin de la présente guerre qu'Elle soutient contre la Reine: que tout corps que V. M. voudra fournir à l'Empereur en attendant, seroit censé être de 20 m. hommes, c'est à dire, satisfaisant à l'engagement. Je suis bien éloigné de croire que S. M. I., même sans cette déclaration, vienne à demander à V. M. un corps auxiliare assez considérable pour que la prestation gêne les opérations de V. M. contre la Reine, mais pourtant j'ai crû que la déclaration ne seroit pas de trop. S. M. I. s'est engagée vis-à-vis de moi de la donner et je n'ai pas lieu de douter que je la reçoive....

L'article secret premier, où il est parlé des garanties réciproques, celles de la Silésie et du Comté de Glatz, étoit si foiblement couché qu'il étoit indispensable d'y appuyer par des termes clairs et distincts. Comme je ne ferai pas difficulté de signer la garantie du Sleswig, il est de mon devoir de ne pas me relâcher sur la garantie de Silésie et Glatz, comme l'article principal de l'alliance. Ce qui se trouve dans le contre-projet à la fin du dit article, où nous leur demandons que leur garantie doit avoir toute sa force et vigueur au tems de la pacification générale, est je crois, Sire, très essentiel à Vos intérêts. L'article secret, tel qu'il est reformé dans le contre-projet, ne sauroit être, je crois, dangereux pour nous. J'y ay omis le passage concernant Wartemberg, puisqu'il me paroit de trop après que V. M. s'est declarée vis-à-vis de l'Empereur de vouloir conférer cette dynastie (?) à celui que S. M. I. proposeroit. Si pourtant on veut persister de leur part que cela soit inséré, je ne régimberai pas. L'article 3-e, où de la part de cette Cour on avoit glissé que V. M. s'engageroit à donner Son assistance à tel candidat au thrône de Pologne que cette Cour proposeroit, demandoit à être changé. Le contre-projet dit qu'en cas de vacance du dit thrône, l'élection d'un Piaste seroit la plus convenable au bien de la République et à l'intérêt des voisins. Je ferai tout au monde pour le faire passer ainsi, mais je m'attends à des difficultés qu'ils me feront; l'article séparé premier porte une prestation de subside annuel de 1.200 m. roubles, en cas que cet Empire vienne à être engagé dans une guerre avec la Porte ou les Tartares, ou V. M. avec la France. Ce subside est modifié à 600 m. roubles par l'Empereur même. Une conférence que j'ay cru avoir aujourd'hui après midi pour proposer les dits objets, doit être remise jusqu'à demain pour un dîner qu'on fait aujaurd'hui. V. M. voit par là, combien on est peu sûr à cette Cour de mener les affaires avec l'activité qu'on voudroit y mettre; la moindre bagatelle remet d'abord les choses les plus importantes....

P. S. 3. Quelques nouvelles qui me viennent dans ce moment m'obligent de faire cette troisième dépêche à V. M. Le clergé, désespéré de l'ukase émanée dès les premiers jours du règne, par laquelle on le prive de toutes ses possessions pour lui assigner une pension, vient d'adresser un écrit à la Cour en langue du païs et en latin, par lequel il se plaint de la violence faite par cette ukase, des procédés étranges qu'on tenoit à son égard, procédés qu'il n'auroit point à craindre d'une souveraineté barbare, pendant qu'une Cour orthodoxe les lui faisoit essuyer; qu'il étoit d'autant plus affligeant pour lui de se voir maltraité, puisqu'il n'étoit pas douteux, que cette violence ne se faisoit contre lui que parce qu'il étoit serviteur de Dieu. Cet écrit, signé de l'archevèque et d'une grande partie du clergé, est tout ce qu'il y a de plus violent. On peut à forte raison l'estimer plustôt comme une déclaration contre le Souverain que comme une supplique. Les rapports venus hier et avant hier de différents gouverneurs de provinces reculées prouvent, combien le clergé travaille à indisposer le peuple contre le Monarque. Les rapports portent que l'esprit de soulèvement et de mécontentement devient si général, qu'eux, les gouverneurs, ne savoient pas quelles voyes prendre pour l'appaiser, et demandent à la Cour des instructions. Ils doivent se servir de moyens violents pour réprimer le peuple. Tout ceci a singulièrement consterné les esprits de la Cour: on cache à la verité cette alarme, mais moi qui en ay été secrètement instruit, je le remarque par leur conduite vis-à-vis de moi. Le Prince George me pria hier avec instance de disposer V. M. de déconseiller à S. M. I. Son départ pour l'armée, puisque ce n'étoit que de Vous que l'Empereur prendroit et suivroit ce conseil. Il me dit cela sans me découvrir la raison pour laquelle il souhaitoit que ce départ ne se fit pas. J'y répondis que lui, le Prince, n'ignoroit pas que S. M. I. y avoit répondu, qu'Elle connoissoit mieux l'intérieur de Son pays, qu'Elle étoit assurée de l'attachement de Ses sujets, et que Sa gloire demandoit Son départ pour l'armée. J'ajoutois au Prince qu'après cette réponse de S. M. I. j'étois fort éloigné de faire le moindre pas pour présenter à V. M. de donner réitérativement ces mêmes conseils à l'Empereur; que si aujourd'hui on étoit d'humeur de reconnoitre la solidité des conseils donnés dans cette lettre par V. M., on n'auroit qu'à suivre le contenu de la même, qui quoique écrite il y a 6 semaines, porte exactement ce que V. M. pourroit dire aujourd'hui. Je saisis cette occasion pour dire au Prince, combien on s'étoit précipité de publier le départ de l'Empereur et d'en faire avertir même depuis quelques jours les ministres étrangers pour en être suivis, qui déjà en avoient fait part à leurs Cours; que je ne voyois pas bien, comment avec dignité l'Empereur pouvoit aujourd'hui rester ici, après avoir fait tous ces pas, sans faire voir à l'Europe que ce ne peut être que l'appréhension de quelque désagrement que ce départ occasionneroit dans son païs, qui le porte à ce subit changement de volonté.

Le Prince me parla aussi du mauvais état des troupes qui doivent faire la campagne, de la disette d'argent et des vivres. J'y répondis que depuis 2 mois je m'étois empressé tant envers lui, que même envers l'Empereur

pour le porter à remédier à ces inconvenients, si la guerre lui paroissoit inévitable, et de ne pas faire parade de vouloir écraser les Danois, à moins que d'être sûr de ne manquer de rien; qu'on m'avoit constamment répondu que tous les préparatifs étoient faits, pendant que j'avois fort bien été instruit du contraire; qu'à la fin, voyant que mes représentations n'effectuoient rien, mais qu'au contraire elles pourroient indisposer S. M. I., j'en avois observé un parfait silence; qu'après qu'on connoissoit la mauvaise situation des affaires, on devroit se dévouer à soutenir avec des avantages une guerre, qu'on pourroit peut être éviter par la négociation. J'ay appris de bien bonne part, que l'ordre vient d'être donné à Romantzow de tout préparer pour ouvrir la campagne. Un ami m'a montré sous le sceau du plus grand secret la copie de l'ordre qui est parti hier au soir très secrètement*.... Il seroit superflu de faire remarquer à V. M. tant la mauvaise foy de celui qui a dressé cet ordre touchant l'article du congrès, que l'inconséquence qui y paroit à chaque mot; l'article de faire des magasins à Rostock et à Wismar, plus encore celui de faire défiler l'armée en Mecklenbourg à l'insçu des Danois, est unique selon moi; ce n'est pas à S. M. I. qu'il faut s'en prendre, puisque cet ordre a été différemment conclu au conseil, mais c'est au sr. Wolkow, qui dans l'expédition a osé le coucher de cette façon. L'Empereur à gardé vis-à-vis de moi un parfait mystère à l'égard de cet ordre donné. Voilà des circonstances que j'ay cru être indispensables de marquer à V. M. avec la plus grande diligence. V. M. verra combien il est désagréable pour moi, qu'avec toutes les bontés et toute la confiance que l'Empereur me témoigne, le parti contraire parvient à Le porter de me cacher des choses aussi importantes que celles-ci et dont V. M. doit être instruite plustôt que tout autre.

$^{2}/_{13}$ *Iюля*.... Les hautes lumières de V. M. ne doivent pas Lui laisser échapper, combien peu je puis aujourd'hui être convenable aux intérets de V. M. à cette Cour. Les liaisons étroites dans lesquelles je me trouvois avec le prédécesseur sont connues de la Cour et de la nation et suffisent àprésent pour me faire échouer dans toutes mes entreprises. Il se peut bien que S. M. l'Impératrice me rende la justice de croire, que ce n'est pas moi qui ay fourni bien de mauvais conseils à Son prédécesseur, bien moins encore d'avoir gouté les façons peu convenables que le dernier avoit pour Elle; mais, pour complaire à la nation, Elle ne peut pas se dispenser de désirer mon éloignement et de me voir au plustôt un successeur.... mon personel étant trop odieux à cette Cour et au peuple, vû mes liaisons avec le prédécesseur. V. M. aura vû par la dépêche mise en clair, comment les choses se sont passées et la conduite que ce Prince a tenue; quoiqu'il s'agissoit dans cette crise là du tout, il conservoit une espèce d'indolence qui ne se conçoit pas. La plus part de ceux qui l'entouroient, parmi lesquels se trouvoient tous ses plus intimes favorits, paroissent très faiblement touchés....

---

* Здѣсь Гольцъ пропускаетъ содержаніе высочайшаго рескрипта гр. Румянцову отъ 21 Мая.

On assure que le jour de l'évenement on a dépêché des courriers aux corps de Romantzow et Czernichew pour les faire revenir incessament au fond de l'Empire. C'est le general Panin, ci-devant gouverneur de Prusse, qui a le commandement du corps. Czernichew sera aussi relevé: je ne sais pas son successeur. Bestuchew ci-devant chancelier est rappellé. Le chancelier d'aujourd'hui a demandé son congé et a eû la promesse de l'obtenir. Le général Korff, arrêté le premier jour pour un moment seulement, vient d'être nommé sénateur. Le Prince George, aussi arrêté alors, ne sort plus; sa maison est garnie de troupes pour le sauver contre la populace, qui est extrêmement animée contre lui, comme elle suppose que c'est lui qui a animé le Prince prédécesseur à faire la guerre aux Danois.... Les deux frères Nariskin, l'un grand-maréchal, l'autre écuyer, viennent de perdre leur charges. Mr. de Sivers ci-devant maréchal de feu l'Impératrice, a relevé le premier et un prince Gagar (?) le second....

$^{6}/_{17}$ *Juin.* Je crois être de mon devoir de rapporter à V. M. une anecdote, qui à la verité s'est passée depuis quelques années, mais qui n'a pû avoir son effet qu'aujourd'huy.

Tout le parti françois de cette Cour, voyant la mésintelligence qui déjà il y a plusieurs années règnoit entre cette Princesse et son époux, s'employoit prés de la défunte Impératrice pour faire passer la Grande Duchesse dans un convent et l'y faire enfermer pour toujours. Cette princesse étoit alors trop bien instruite de cette menée pour que le souvenir ne lui en fut toujours présent: rien pourtant n'est moins connu à cette Cour que cette intrigue; naturellement cette affaire doit Lui avoir donné du venin contre les François; elle peut aujourd'hui mettre fin à toutes les liaisons des deux Cours, sans qu'il y paroisse même la moindre affectation: le baron Breteuil étant parti d'ici il y a 3 semaines sans nommer son successeur, les ordres furent donnés à l'ambassadeur Czernichew de quitter la Cour(de France)tout de suite.... Mr. Keith qui a de très fortes raisons pour ne pas pouvoir se flatter être bien vû de l'Impératrice par rapport à son personel, vient de demander à sa Cour, qu'il croyoit être engagé par devoir à l'instruire des raisons pour lesquelles il demandoit son rappel.... L'histoire est que lui, Keith, dans les premiers tems de son séjour ici, prêta de l'argent à cette Princesse, se flattant alors qu'il gagnoit par là le premier ressort des affaires au changement du regne; il a vû dans la suite que cela le mênoit à rien; depuis la mort de feu l'Impératrice on s'approcha encore de Keith pour en tirer une autre somme, qu'il refusa, croignant que ces demandes ne finiroient pas.... Cette anecdote est sue de bien peu de personnes; elle m'a été contée dans le plus grand secret; Keith même ne m'en a jamais fait mention.

P. S. 1...Le général Meljounow et le sieur Wolkow sont arrêtés. On croit cependant qu'ils ne tarderont guère à regagner la liberté, sans jouer le role qu'ils ont joué sans le règne précédent. C'est un conseiller d'état dit Olsuwjef,—le même qui me fit la déclaration au nom de Sa Majesté Impériale,—qui pourroit bien figurer. Un Piémontois, ci-devant bibliothécaire

de cette Princesse *, est nommé aujourd'hui secrétaire privé de Ses commandements....

Je viens d'apprendre que le régiment dragons (cuirassiers?) dont le Prince George étoit chef, a été le plus empressé à prêter serment; les mauvaises façons que ce Prince avoit pour ce corps en sont la cause. On peut dire que ce Prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haïsables et à précipiter la chute de son maitre. On prétend que le dégat fait dans sa maison par le peuple dans le premier moment de la crise, lui sera bonifié avec 100 m. roubles et que la charge de généralissime lui sera continuée.

P. S. 2. Après la demande faite par un billet au chancelier sur l'heure qu'il lui plairoit de m'indiquer pour lui parler, je fûs chez lui à huit heures et demi du matin. Ce ministre me reçut avec cette même cordialité et franchise avec laquelle il m'a toujours vû. Je lui remis la lettre que V. M. lui a faite, dont il lût le contenu avec toute la reconnoissance possible, me priant de le mettre aux pieds de V. M. et de L'assurer des sentiments respectueux qu'il conserveroit toujours pour Elle. Pour me continuer cette confiance dont il m'a honoré jusqu'àprésent, il me fit part de l'ordre donné à Czernichew de retourner dans ce païs avec son corps, en ajoutant, qu'après que l'Impératrice vouloit observer une parfaite harmonie avec toutes les Cours de l'Europe, Elle avoit crû ne pas pouvoir se dispenser de retirer ce corps; que lui, chancelier, sentoit très bien que ce pas ne pouvoit pas être indifférent à V. M. dans le moment présent où Elle se trouvoit vis-à-vis de l'ennemi, mais qu'il ne doutoit pas pourtant que V. M. ne fasse partir le dit corps dès que les ordres en seroient venus au général; qu'il se croyoit assuré enfin, que le changement survenu dans cet Empire ne porteroit coup en aucune façon à la paix nouvellement conclue, mais qu'au contraire ce traité seroit regardé comme sacré dans tous ses points. J'y répondis, que ce qu'il me faisoit l'honneur de me dire touchant la bonne harmonie entre les deux Cours, étoit parfaitement conforme tant à ce que cette Cour avoit fait passer le premier jour de l'événement à tous les ministres étrangers, qu'à la déclaration que l'Impératrice m'avoit particulièrement fait faire par mr. Olsuwjef; que j'en avois fait mon rapport à V. M. et que les sentiments amaibles de l'Impératrice vers V. M. ne pourroient jamais surpasser ceux qu'Elle avoit pour cette Princesse et que V. M. rechercheroit toujours les occasions pour cimenter cette amitié et en donner les témoignages les plus assurés. Il me dit enfin dans la suite de la conversation que les ordres étoient donnés pour le rappel des troupes de Prusse dans l'Empire et qu'ainsi l'évacuation des Etats de V. M. se feroit en peu.... Le chancelier me parla enfin confidemment de ses propres affaires; que dès le premier jour il avoit témoigné par écrit à l'Impératrice son désir de se retirer des affaires, qu'il avoit déjà fait plusieurs fois la même demande à l'Empereur, et qu'ainsi, après que sa santé s'affaiblissoit de plus en plus, il espéroit que

---

* Одарь (Odard).

S. M. lui accorderoit cette grâce. Jusqu'à présent il n'a aucune résolution là dessus. Il est bien aise d'avoir fait ce pas 4 heures avant que d'apprendre le rappel de Bestuchew, puisque d'ailleurs la Souveraine auroit pû croire que c'étoit là ce qui le portoit à demander sa démission.

J'ay prié le chancelier de parler à Sa Majesté touchant les canonniers de V. M. que le prédécesseur fit venir en mars et qui, malgré mes demandes réitérées, ne furent pas renvoyés. On les a mené d'Oranienbaum, où ils étoient pendant le dernier séjour avec les Holstinois, à Cronstadt, pour ne pas les exposer au peuple, s'ils étoient en ville.

XVI.

ПЕРЕЧЕНЬ

трактатовъ и другихъ международныхъ актовъ заключенныхъ Русскимъ дворомъ съ 1689 года по 28-е іюня 1762.

(Составленъ по документамъ Моск. арх. ин. дѣлъ, съ означеніемъ, что̀ вошло и что̀ не вошло въ Полн. Собр. Законовъ.)

А. Со Швеціей.

1699 г. ноября 20. Подтвержденіе и гарантія Петра I на постановленные со Шведскимъ дворомъ договоры въ *Кардисъ*, у р. *Плюсы и въ Москвѣ.*

1700 г. августа 30. О войнѣ противъ Швеціи. *П. С. З. № 1811.*

1721 г. авг. 30. Трактатъ о вѣчномъ мирѣ; объ уступкѣ Россіи Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи съ частію Кореліи и дистриктомъ Выборгскаго лена и о безпошлинномъ вывозѣ изъ Россіи ежегодно хлѣба на 50 т. р., а въ сепаратномъ артикулѣ объ уплатѣ Швеціи 2 милл. ефимковъ. *Въ Нейштадтѣ*; чрезъ уполномоч. гр. Брюса, канц. сов. Остермана, гр. Лиліенштедта и б. Стромфельда. *П. С. З. № 3819.*

Того же числа. Обнадеживанье со стороны швед. уполн. что король Шведскій уступаемыми Россіи провинціями писаться не будетъ. *П. С. З. № 3821.*

Того же числа. Обнадеживанье что король Шведскій дастъ ратификацію на трактатъ 30 авг. 1721 г. со всею дѣйствительностію и безъ собранія сейма.

1721 г. сент. 19. Обнадеживанье со стороны тѣхъ же уполномоченныхъ при размѣнѣ ратификацій, что ратификація короля на мирный трактатъ учинена въ сильнѣйшей формѣ и съ фундаментальными уложеніями сходна. *П. С. З. № 3828.*

1723 г. марта 30. Инструментъ разграниченія между Россіей и Швеціей; въ *Выборгѣ*; при семъ журналъ разграниченія и чертежъ новой границы. *П. С. З. № 4189.*

1723 г. іюня 28 (іюля 8). Грамота Фридриха I о признаніи за Петромъ I императорскаго титула. *П. С. З. № 4255.*

1723 г. іюля $^{5}/_{16}$. Конфирмація государственныхъ чиновъ Швеціи вѣчнаго мира 30 авг. 1721 года.

1721 г. февр. 22. Трактатъ оборонительнаго союза на 12 лѣтъ: при ономъ артикулы: *секретный* о доставленіи герцогства Шлезвигскаго герц. Карлу-Фридриху; *сепаратные* о покупкѣ Швеціей, въ число обѣщанныхъ по миру 30 авг. 1721 года суммъ, хлѣба на 50 т. руб., пеньки, льна и мачтовыхъ деревъ на 50 т. р. безпошлинно и о содержаніи типшны въ Польшѣ. Въ *Стокгольмѣ*; чрезъ уполномоч. М. Бестужева и графа Горна съ товарищи. *П. С. З. № 4465. Напечатанъ безъ секретн. арт., кот. см. въ Прилож. № I.*

1727 г. февр. 27. Квитанція Фридриха I въ полученіи имъ по Нейштадтскому договору 2 м. ефимковъ.

1729 г. іюня 24 (іюля 4). Декларація посланн. гр. Головина о ненарушеніи равенства между Шведскимъ и Русскимъ дворами по случаю принятія е. всер. в-мъ императорскаго титула. *П. С. З. № 5122.*

1735 г. авг. 5. Трактатъ возобновленнаго на 12 лѣтъ оборонительнаго союза (22 февр. 1724). При немъ артикулы *сепаратные:* 1) о покупкѣ Швеціей въ Россіи безпошлинно на 100 т. р. льна, пеньки, мачтов. деревъ и хлѣба; 2) о уплатѣ Россіей голландскимъ кредиторамъ Швеціи за заложенныя имъ Карломъ XII рижскія пошлины; *въ Стокгольмѣ*; чрезъ М. Бестужева и графовъ Горна и Бонде съ товарищи. *П. С. З. № 6782.*

1741 г. авг. 13. Манифъ. о разрывѣ мира со Швеціей. *П. С. З. № 8432.*

1742 г. дек. 28. Декларація данная шведскими посланниками о признаніи и писаніи наслѣдника всероссійскаго императорскимъ высочествомъ. *П. С. З. № 8691.*

1743 г. іюня 23. Декларація со шведской стороны о избраніи администр. Голштинскаго Адольфа Фридриха наслѣдникомъ престола Шведскаго.

1743 г. авг. 7. Трактатъ о вѣчномъ мирѣ и дружбѣ, взаимной оборонѣ, числѣ вспомог. войскъ; при семъ артикулъ *сепаратный* о вывозѣ изъ Россіи хлѣба и пеньки безпошлинно. *Въ Або* чрезъ уполномоченныхъ Румянцова, б. Любераса, б. Цедеркрейца и Нолькена. *П. С. З. № 8766.*

1744 г. авг. 20. Актъ отреченія в. кн. Петра Ѳедоровича отъ всѣхъ наслѣдственныхъ на Швецію правъ и притязаній. *П. С. З. № 8771.*

1745 г. іюня 14 (25). Трактатъ возобновленнаго на 12 лѣтъ оборонительнаго со Швеціей союза; *въ С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполномоченныхъ гр. Бестужева-Рюмина, гр. Воронцова и Цедеркрейца. При

немъ особые артикулы: *секретные* о гарантіи Голштинскихъ дѣлъ и о содержаніи въ Польшѣ тишины, и *сепаратный*, о выпускѣ въ Швецію хлѣба, льна и пеньки на 200 т. р. безпошлинно. *П. С. З. № 9176; но секретныхъ артикуловъ нѣтъ. См. Прилож.* № IV.

1757 г. ноября. 5. Актъ о приступленіи Русск. двора къ конвенціи заключенной 10 (21) марта 1757 г. въ Стокгольмѣ между имп.-королевою и королями Французскимъ и Шведскимъ (направленной противъ короля Прусскаго); въ *С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполномоченныхъ гр. Бестужева-Рюмина, гр. Воронцова, гр. Эстергази, марк. Лопиталя и Поссе. * *П. С. З. № 10773.*

1758 г. апр. 26. Декларація о защищеніи торговъ и кораблестроенія на Балтійскомъ морѣ и о содержаніи флотовъ для отвращенія могущихъ быть покушеній со стороны Англійской эскадры; въ *Стокгольмѣ*; чрезъ уполномоченнаго ген. лейт. Никиту Панина со швед. министерствомъ. *П. С. З. № 10830.*

1758 г. іюня 24. Трактатъ возобновленнаго еще на 12 лѣтъ оборонительнаго союза 14 (25) іюня 1745 г. *въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполномоченныхъ гр. Воронцова и б. Поссе съ двумя особыми артикулами *П. С. З. № 10852; но здѣсь только сепаратный артикулъ; сверхъ того имѣется артикулъ секретный о Голштинскихъ дѣлахъ дословно сходный съ секр. арт. 1745 года.*

1759 г. марта 9. Конвенція о содержаніи флотовъ для защищенія торговъ и кораблестроенія на Балтійскомъ морѣ отъ каперовъ; въ *С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполномоченныхъ гр. Воронцова и б. Поссе. *П. С. З. № 10931.* Тутъ же и акты приступленія къ этой конвенціи: а) Французскаго двора 27 октября (7 ноября) 1759 года; б) Датскаго двора марта 9 (17) 1760 года.

Б. Съ Даніей.

1699 г. іюля $^{5}/_{16}$. Трактатъ оборонительнаго союза и при немъ два *сепаратные* артикула о подтвержденіи всѣхъ прежнихъ между Россіей и Даніей договоровъ, о взаимной дачѣ вспомогательнаго войска, о невступленіи ни въ какой союзъ въ противность настоящему, о приглашеніи въ союзъ Польскаго короля, о продолженіи сего союза до смерти договаривающихся государей, а если одинъ изъ нихъ скончается имѣя войну съ кѣмъ-либо, то союзъ [illegible] соблюдать и наслѣдникамъ; о точномъ исполненіи по сему трактату не прежде какъ по заключеніи Россіей мира съ Портой. *Въ Москвѣ*, за подписью резид. Гейнса. *П. С. З. № 1691.*

---

* Конвенціей 21-го марта 1757 г. Франція обязуется, за участіе Швеціи въ войнѣ противъ Пруссіи, поддерживать давнія претензіи Швеціи противъ Пруссіи на Померанскія владѣнія; совершенно такое же обязательство приняла на себя и королева Венгро-Богемская тогоже 21-го марта.

1699 г. ноября. 26. Артикулъ особливый, данный резид. Гейнсомъ при размѣнѣ ратификацій о продолженіи наступательной войны по силѣ 3-й статьи трактата 5 (16) іюля до совершеннаго удовлетворенія договаривающихся. *П. С. З. № 1724.*

1701 г. янв. 12. Статьи о вспоможеніи Даніей Россіи, если шведскіе союзники станутъ чинить общему ихъ союзу помѣшательство; *въ Москвѣ*; чрезъ уполномоченныхъ Ѳ. А. Головина и Гейнса. *П. С. З. № 1824.*

1709 г. окт. $^{11}/_{22}$*.* Трактатъ оборон. и наступ. союза съ двумя *секретными артикулами*, о подтвержденіи прежнихъ союзовъ и особенно $^{5}/_{16}$ іюля 1699 г., о разрывѣ со стороны Даніи съ Швеціей настоящею же осенью и о совокупномъ нападеніи со стороны Сканіи и Норвегіи (Данія) и Финляндіи (Россія); о непринятіи ничьей медіаціи, невступленіи ни съ кѣмъ въ обязательства ни самимъ договаривающимся, ни Польскому королю, и о незаключеніи отдѣльнаго мира со Швеціей пока договаривающіеся и ихъ союзники не будутъ удовлетворены; о противустояніи тѣмъ державамъ, которыя желали бы вмѣшаться въ настоящую войну; о коммерціи; о доставленіи Польскому королю помощи для утвержденія его на престолѣ, и о стараніяхъ для привлеченія состоящаго уже въ оборонительномъ союзѣ Прусскаго короля въ союзъ наступательный; о взаимной гарантіи завоеваній сдѣланныхъ надъ непріятелемъ и земель могущихъ быть уступленными по будущимъ мирнымъ трактатамъ. *Въ Копенгагенѣ;* чрезъ кн. В. Л. Долгорукова, Краббе, Лекте, Вибе и Сегестета. *П. С. З. № 2237.*

1711 г. іюня 6. Конвенція о продолженіи военныхъ дѣйствій противъ Швеціи; *въ Копенгагенѣ*; чрезъ уполномоченныхъ б. Шака (за Данію) и ген. Арнштедта (за Россію). *П. С. З. № 2388.*

1711 г. сент. $^{7}/_{18}$.** Конвенція о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи; въ лагерѣ подъ *Штральзундомъ*; между польскими и датск. министрами въ присутствіи кн. Гр. и В. Долгоруковыхъ. *П. С. З. № 2424.*

1714 г. февр. 23 (март. 6). Конвенція о военн. дѣйствіяхъ, и морскомъ и сухопутн. контингентѣ со стороны Россіи; *въ Копенгагенѣ*;

---

* Того жь числа актъ (несостоявшійся) приступленія Россіи къ союзу Польскаго, Датскаго и Прусскаго королей противъ Швеціи; учиненъ въ Сольцѣ, на Вислѣ; см. Г., *въ Польшей.*

** Въ числѣ актовъ хранящихся въ архивѣ мин. ин. дѣлъ находится трактатъ заключенный 26-го сентября 1711 г подъ Штральзундомъ между Польскимъ и Датскимъ королями о раздѣлѣ между ними шведскихъ владѣній въ Германіи; трактатъ этотъ гарантированъ Петромъ (имѣется подлинная его подпись), но эта гарантія, какъ значится однакожь по свѣдѣніямъ архива, не состоялась.

между кн. Долгоруковымъ и Ягужинскимъ, Краббе, Виббе, Сегестетомъ и Голштейномъ.

1715 г. іюля $^{9}/_{20}$. Конвенція о продолженіи военныхъ дѣйствій и о количествѣ русскихъ войскъ имѣющихъ быть посланными въ Померанію, а также о ихъ снабженіи, командованіи и пр., о ходатайствѣ свободнаго имъ прохода черезъ Польшу. *Въ С.-П.-бургѣ*; чрезъ гр. Головкина, б. Шафирова, П. А. Толстаго и Вестфалена. * *П. С. З. № 2919.*

1716 г. мая 23 (іюня 3). Военная конвенція о командованіи соединенными войсками одному, а флотомъ другому изъ договаривающихся; *въ Альтенау*; между Петромъ и Фридрихомъ IV.

1732 г. мая 26. Трактатъ между Россійскимъ и Цесарскимъ дворами съ одной стороны, и Датскимъ съ другой о вѣчной дружбѣ и взаимной гарантіи владѣній и взаимной помощи; *въ Копенгагенѣ*; чрезъ уполн. б. Бракеля (со стороны Россіи), гр. Секендорфа (со стор. цесарской) и Розенкранца, Плесена и Блома (датскихъ). При ономъ два артикула *сепаратные* о принятіи на себя королемъ Дат. обязательства уплатить 1 мил. ефимк. герцогу Голштинскому за права его на Шлезвигъ, о намѣреніи императорскихъ дворовъ склонять герцога къ таковой сдѣлкѣ и отстраниться отъ участія въ его дѣлахъ если онъ отъ нея уклонится. Кромѣ того особый *секретный* артикулъ, коимъ оба импер. двора гарантировали Шлезвигъ Даніи. *П. С. З. №№ 6069 и 6070.*

1732 г. авг. 21. Декларація о признаніи Датскимъ дворомъ императорскаго всероссійскаго титула.

Того же числа. Декларація съ русской стороны о томъ что признаніе онаго титула не произведетъ никакой отмѣны въ установленномъ равенствѣ между Датск. и Росс. дворами.

1733 г. апр. 30. Конвенція объ условіяхъ въ подаваніи взаимной помощи опредѣленной трактатомъ 26 мая 1732. *Въ Копенгагенѣ*; чрезъ уполномоченныхъ фонъ-Бракеля (за Россію), Плессена, Розенкранца и Блома (за Данію). *П. С. З. № 6383.*

1746 г. іюня 10. Трактатъ о возобновленіи на 15 лѣтъ договора о взаимной дружбѣ и гарантіи съ двумя *секретными* арт. касательно Голштинскихъ дѣлъ; *въ С.-П.-бургѣ*, чрезъ уполн. гр. Бестужева-Рюмина и Голштейна. *П. С. З. № 9295. Но въ П. С. З. нѣтъ секретныхъ артикуловъ, о коихъ см. Прилож. № VI.*

Того же числа. Конвенція о дачѣ, по силѣ настоящаго трактата, взаимной помощи войсками. *П. С. З. № 9296.*

---

* 1715 г. сентября 6-го, въ обозѣ подъ Штральзундомъ заключена была съ Даніей конвенція о вспоможеніи 15 баталіонами русскаго войска; она находится въ П С З. № 2930; но въ дѣлахъ Московскаго архива мин. ин. дѣлъ значится, что ратификація Петра на эту конвенцію не состоялась, хотя подъ оною имѣется подлинная его подпись.

Тогоже числа. Двѣ взаимныя записки о выпущенныхъ съ датской стороны въ п. IV трактата словахъ „владѣющій герцогъ" въ титулѣ Голштинскаго герцога.

1747 г. мая 8. Актъ изъяснительный на трактатъ и конвенцію 10 іюня 1746 г. о взаимной помощи; въ *С.-П.-бургѣ*; чрезъ гр. Бестужева-Рюмина, гр. Воронцова и ф.-Шеза. *П. С. З. № 9402.*

1760 г. марта 10. Актъ приступленія къ копенгагенскому (4 мая 1758) трактату между Французскимъ и Датскимъ дворами, къ коему приступилъ 20 окт. 1758 г. и Вѣнскій. Въ *С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполномоч. гр. Воронцова, И. Шувалова, Лопиталя и ф.-д.-Остена.

1760 г. марта 17. Актъ приступленія Датскаго двора къ конвенціи 9 марта 1759 г. между Россіей и Швеціей (см. А. со Швеціей). *Въ С. П.-бургѣ;* чрезъ уполн. гр. Воронцова и б. Остена. Тутъ же:

а) Декларація Вѣнскаго двора отъ $^{10}/_{21}$ марта 1760 г., что намѣревается употребить всѣ старанія дабы способомъ негоціаціи исходатайствовать у Россійскаго в. князя обмѣнъ Голштинскаго герцогства на соотвѣтствующее вознагражденіе. *П. С. З. № 11038.*

б) Декларація Французскаго двора отъ 13 авг. 1760 г., что онъ будетъ склонять Вѣнскій дворъ къ принятію 3-го артикула трактата его съ Даніей 4 мая 1758 г. (относит. Голштиніи).

в) Декларація Вѣнскаго двора отъ 20 окт. 1760 въ томъ что гарантія имп.-королевы распространяется какъ на настоящее приступленіе Росс. двора, такъ и на все что между Даніей и наслѣдникомъ росс. престола будетъ постановлено.

В. Съ Пруссіей.

1697 г. іюня 10. Записка тайнаго словеснаго утвержденія противъ Швеціи съ обѣщаніемъ взаимно помогать войсками; *въ Кенигсбергъ.*

1697 г. іюня 22. Договоръ о подтвержденіи древней дружбы, о торговлѣ, о протекціи лицамъ посылаемымъ для изученія наукъ и пр. *въ Кенигсбергъ*; чрезъ Лефорта съ тов. и б. Данкельмана съ товар. *П. С. З. № 1589.*

1713 г. окт. 6. Договоръ объ отдачѣ городовъ Штетина, Штральзунда и Висмара королю Прусскому въ секвестрацію, съ тѣмъ чтобъ пока миръ со всѣми союзниками не учинится, не отдавать Штетина Шведамъ и войскъ шведскихъ въ Польшу и Саксонію не впускать, за что обнадеженъ онъ помощію союзниковъ. При оном артикулы *секретные:* 1) объ уплатѣ 400 т. талеровъ Россіи и по 200 т. королю Польскому и герцогу Голштинскому. 2) Россія соглашается чтобъ король Прусскій осадилъ своими войсками Штетинъ и др. города. *Въ Швеціи*; за подписью короля и кн. Меншикова. *П. С. З. № 2720.*

1714 г. іюня $^{4}/_{15}$. Трактатъ о взаимной гарантіи и дружбѣ и при немъ *сепаратный* артикулъ о доставленіи при общемъ мирѣ королю

Прусскому Штетина съ нѣк. др. городами и островами, о гарантіи съ прусской стороны всѣхъ возвращенныхъ Россіей отъ Швеціи провинцій и о совокупныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи, въ случаѣ нападенія ея на эти провинціи. *Въ С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполн. гр. Головкина и Шлиппенбаха. *П. С. З. 2816.*

1715 г. сент. 30. Трактатъ и три *сепаратные* артикула о дачѣ Прусскому королю опредѣленнаго количества войскъ и о содѣйствіи изгнанію Шведовъ изъ Германіи. *Въ обозѣ подъ Штральзундомъ*, за подпис. кор. Прусскаго и *въ С.-П.-бургѣ*, 30 окт. за подп. Петра. *П. С. З. № 2936.*

1716 г. ноября $^{16}/_{27}$. Декларація короля Фридриха-Вильгельма о гарантированіи имъ всѣхъ завоеваній сдѣланныхъ Россіей въ настоящую войну, по учиненіи диверсіи противъ непріятелей Россіи. *П. С. З. № 3049.*

Того же числа. Таковая же декларація о гарантіи съ русской стороны Прусскихъ завладѣній; *въ Гавельбергѣ;* за рукою Петра.

1717 г. авг. $^{4}/_{15}$. Трактатъ и три *секретные* артикула между дворами Русскимъ, Французскимъ и Прусскимъ о дружбѣ, союзѣ, коммерціи и взаимной помощи для полученія мира со Швеціей, а также о принятіи французской медіаціи; о стараніяхъ возстановить миръ на Сѣверѣ; о приглашеніи къ сему союзу другихъ державъ. *Въ Амстердамѣ;* чрезъ уполном. гр. Головкина, б. Шафирова и кн. Куракина, Шатонефа и марк. де-Кастаньера и б. Книпгаузена. *П. С. З. № 3093.*

1718 г. мая 31. Декларація короля Прусскаго о признаніи царевича Петра наслѣдникомъ престола Всероссійскаго.

1718 г. авг. $^{7}/_{18}$. Конвенція оборонительнаго союза, съ *сепаратнымъ* артикуломъ: о невпущеніи Шведовъ въ Польшу и Германію, о подтвержденіи договоровъ противъ Швеціи, о взаимной противъ нея помощи войсками сухопутными и эскадрами, о дѣлахъ герцога Мекленбургскаго. *На флотѣ при Гангутѣ;* чрезъ гр. Головкина, б. Шафирова и б. Мардефельда. *П. С. З. № 3222.*

1720 г. февр. $^{6}/_{17}$. Трактатъ секретный о продолженіи добраго согласія и дружбы; о стараніяхъ чтобы Р. П. Польская навсегда при своихъ вольностяхъ, основаніяхъ и конституціяхъ оставалась и пр.; *въ Потсдамѣ.* Данъ изъ собственныхъ королевскихъ рукъ русскому министру при немъ гр. Головкину, за королевскою рукой. *Прилож. № XIII.*

1720 г. іюля 26. Декларація Прусскаго короля въ томъ что хотя трактатомъ 29 янв. 1720 съ Швеціей онъ и обѣщалъ бывшіе прежде союзы и гарантіи возобновить, но оные до земель въ Германіи находящихся не касаются; при продолженіи же войны будетъ онъ наблюдать нейтралитетъ; за рукою королевскою.

1726 г. авг. $^{10}/_{21}$. Трактатъ оборонительнаго союза на 18 лѣтъ и при немъ *секретные* артикулы касающіеся герцога Голштинскаго, Польши и Курляндіи. *Въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполном. гр. Головкина,

б. Остермана и б. Мардефельда. *П. С. З. № 4947. Артикулы секретные въ П. С. З. не напечатаны. Они приведены въ Прил. III (см. тр. 1730 г. 30 сент., съ секретными арт. коего таковые же артикулы трактата 1726 г. почти дословно сходны).*

1726 г. окт. 3. Актъ секретнѣйшій, заключенный при размѣнѣ ратификацій трактата $^{10}/_{21}$ августа о избраніи впредь на Польскій престолъ Пяста; за собственноручною подписью короля и императрицы.

1729 г. сент. $^{9}/_{20}$. Трактатъ о возобновленіи на 18 лѣтъ договора $^{10}/_{21}$ авг. 1726 г., съ *секретн.* пункт.; *въ Москвѣ;* чрезъ уполн. гр. Головкина, б. Остермана и б. Мардефельда. *П. С. З. № 5469. Но секр. артикуловъ въ П. С. З. нѣтъ. Весь договоръ есть почти буквальное повтореніе договора 1726 г., только секр. артик. касающійся Польши нѣсколько ослабленъ.*

1730 г. сент. 30. Трактатъ о возобновленіи еще на 18 лѣтъ оборонительнаго союза и при ономъ три секретные (прежніе) артикула о герц. Голштинскомъ, о Курляндіи, о Польшѣ и одинъ сепаратный о находящихся въ Польшѣ греческаго и реформатскаго закона обывателяхъ. *Въ Берлинѣ;* чрезъ уполн. кн. С. Голицына и ген. Борка * *См. Прилож. III.*

1740 г. дек. 16. Трактатъ возобновленія союза, съ двумя *секретными* артикулами объ охраненіи правъ Курляндіи и Польши, съ *сепаратнымъ* о покров. диссидент. и *секретнѣйшимъ* о содѣйст. по дѣлу Клевскому; въ *С.-П.-бургѣ*, за подп. гр. Миниха, гр. Остермана, кн. Черкасскаго и кн. Головкина.

1743 г. марта $^{15}/_{\ldots}$. Трактатъ о возобновленіи на 18 лѣтъ оборонительнаго союза, съ двумя *секретными* и двумя *сепаратными* артикулами того же содержанія какъ предшеств. кромѣ Клевскаго дѣла; въ *С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполн. гр. Бестужева-Рюмина, Бреверна и бар. Мардефельда. *П. С. З. № 8716; но тутъ напечат. лишь сепаратн. артикулы.*

1743 г. ноября $^{1}/_{12}$. Актъ о приступленіи къ Бреславскому мирному договору (11 іюня 1742 г.) между королевою Венгро-Богемскою и королями Прусскимъ и Великобританскимъ, съ цѣлію служить укрѣпленіемъ и утвержденіемъ добраго союза между сими державами. *Въ С.-П.-бургѣ.* *П. С. З. № 8814.*

1756 г. дек. 31. Актъ приступленія къ Версальскому (1 мая 1756 г.) между Версальскимъ и Вѣнскимъ дворами оборонительному противу Пруссіи трактату. *П. С. З. № 10680.*

1757 г. авг. 16. Манифестъ о войнѣ противъ Пруссіи. *П. С. З. № 10758.*

---

* 1732 г. декабря 13-го въ Берлинѣ заключенъ былъ, но не получилъ утвержденія, и подписанъ гр. Левенвольдомъ, гр. Секендорфомъ, Борномъ, Подевильсомъ и Шуленмайеромъ трактатъ между Россіей, Цесарскимъ дворомъ и Пруссіей относительно избранія на Польскій и Курляндскій престолы.

1762 г. марта $^{5}/_{16}$. Декларація о перемиріи заключенномъ въ Штаргартѣ; чрезъ уполн. ген. кн. Волконскаго и герц. Брауншвейгъ-Бевернскаго. *Прилож.* № VIII.

1762 г. апр. 24. Трактатъ вѣчнаго мира и дружбы, съ двумя *сепаратными* артикулами. *Въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ гр. Воронцова и б. Гольца. *П. С. З.* № 11576.

1762 г. іюня 8. Трактатъ оборонительнаго союза, съ тремя *секретными* и двумя *сепаратными* артикулами. *Въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ гр. Воронцова и б. Гольца. *Не получилъ ратификаціи Петра III. Секрет. артикуловъ* въ *П. С. З. нѣтъ; они напечатаны въ текстѣ настоящаго сочиненія.*

Г. Съ Польшей.

1686 г. апрѣля 26 (мая 6). Трактатъ вѣчному миру; о взаимныхъ титулахъ; о уступкахъ со стороны Польши городовъ и земель; о дачѣ Россіей 146 т. р. Польшѣ; о нечиненіи утѣсненія церквамъ и людямъ греческаго исповѣданія; о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ противъ Турокъ; о учиненіи съѣзда для разграниченія и пр. *Въ Москвѣ;* чрезъ уполномоченныхъ боярина кн. В. В. Голицына съ товарищи, Гримультовскаго, кн. Огинскаго и пр. *П. С. З. № 1186.*

1691 г. ноября 25. Запись польскихъ коммиссаровъ объ отсрочкѣ межевыхъ работъ по разграниченію. *П. С. З. № 1423.*

1699 г. ноября $^{11}/_{21}$. Трактатъ о союзѣ противъ короля Шведскаго; о пособіи со стороны короля Польскаго Русскому царю положить твердое основаніе на Балтійскомъ морѣ; о стараніяхъ заключить миръ между Россіей и Турціей и о приглашеніи къ союзу курфирста Бранденбургскаго. *Въ Дрезденѣ;* за подписаніемъ короля.

1700 г. дек. 31 (10 янв. 1701). Рѣшеніе короля Августа II данное въ подтвержденіе прежняго союза; о военн. дѣйствіяхъ противъ Швеціи; за подписью короля.

1701 г. февр. 26 (мар. т. 9). Трактатъ о подтвержденіи союза заключеннаго $^{11}/_{21}$ ноября 1699 г., о пособіи войсками и о дачѣ королю Августу 100 т. р. взаймы; о предоставленіи Польшѣ Эстляндіи и Лифляндіи; при семъ *секретный* артикулъ, коимъ Августъ изъявляетъ желаніе склонить и Рѣчь Посполитую къ союзу противъ Швеціи. *Въ Биржѣ;* за подписью короля.

1703 г. іюня 28. Трактатъ съ Рѣчью Посполитой (республикою) в. кн. Литовскаго о вступленіи ея въ союзъ противъ короля Шведскаго и о дачѣ царемъ казны на вспомогательную армію и пр. *Въ обозѣ при Шлотбургѣ;* чрезъ уполномоч. боярина Головина и пословъ отъ генеральной виленской конфедераціи Бѣлозора, Холѣцкаго и пр. *П. С. З. № 1934.*

1703 г. окт. $^{1}/_{12}$. Трактатъ о подтвержденіи прежнихъ договоровъ, о неоставленіи другъ друга до окончанія войны, о присылкѣ рус-

скаго войска Польскому королю и 300 т. р. вспомогательныхъ денегъ, о содержаніи всего втайнѣ и о написаніи для сокрытія сего договора особаго трактата, коему оставаться недѣйствительнымъ. *Въ Варшавѣ*; за подписью короля.

1704 г. авг. $^{11}/_{30}$. Трактатъ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ противъ Швеціи на все продолженіе войны; о уступкѣ королю Польскому взятыхъ и впредь могущихъ быть взятыми крѣпостей въ Лифляндіи; о пособіи съ русской стороны войскомъ и деньгами на все время войны; съ *сепаратнымъ* пунктомъ о присылкѣ русск. войскъ на помощь королю и Р. П. *Въ Нарвѣ;* чрезъ уполн. боярина Головина и Дзялынскаго. *П. С. З. № 1961.*

1707 г. февр. 24. Обязательство польскихъ вельможъ, кн. Вишневецкихъ, Поцѣя и Воловича о удержаніи войска литовскаго въ союзѣ съ Россіей до окончанія войны противъ Швеціи, въ замѣнъ чего надѣются что Россія сохранитъ постановленные договоры съ Польшей. *Во Львовѣ;* за подп. поименованныхъ.

1707 г. марта 30. Обязательство членовъ сендомірской конфедераціи что они отъ союза заключеннаго чрезъ посла ихъ Дзялынскаго ни подъ какимъ видомъ не отстанутъ, но до конца войны всѣми силами будутъ дѣйствовать. За подписью примаса Шембека и 24 сенаторовъ.

1707 г. ноября 2. Присяга коронныхъ гетмановъ Синявскаго и Ржевускаго о подтвержденіи ими и войскомъ обязательства учиненнаго въ обозѣ подъ Люблиномъ, въ вѣрности вторично избранному королю Августу II и въ сохраненіи союза съ Россіей противъ Швеціи. За подписью гетмановъ Синявскаго и Ржевускаго.

1709 г. окт. $^{9}/_{20}$. Трактатъ о преданіи забвенію всѣхъ происшедшихъ между договаривающимися государями противностей, о возобновленіи пріятельства, о постановленіи оборонительнаго и наступательнаго противу Швеціи союза, о вспомоществованіи нынѣ королю Польскому русскими войсками, а равно войсками Августа царю если Шведъ обрушится на него всѣми силами. Цѣль союзниковъ—не въ конецъ истребить Швецію, но привести ее къ справедливымъ границамъ; Августъ употребитъ старанія привлечь къ союзу Р. П. *Сепаратнымъ* артикуломъ уничтожается сила трактата заключеннаго въ Дрезденѣ чрезъ посланника царскаго Лятта и польскихъ министровъ. *Въ Торунѣ*; за собственнымъ подписомъ короля. *

---

* Независимо отъ этого акта, политическія отношенія между Россіей и Польшей въ 1709 году выразились слѣдующими совершенно изготовленными, но не утвержденными договорами:

а) 28-го іюня, *въ Дрезденѣ*, оборон. и наступ. союзъ противъ Швеціи съ *сепаратнымъ* и *секретнымъ* артикулами о забвеніи происшедшаго съ Паткулемъ, и о приложеніи съ русской стороны стараній дабы старшій сынъ Августа II учиненъ былъ наслѣдникомъ польской короны.

1709 г. окт. $^{9}/_{20}$. Актъ приступленія къ учиненному противъ Швеціи въ Кёльнѣ (іюля 15го) обор. и наступ. союзу между Даніей, Пруссіей и Августомъ и о возведеніи Августа паки на Польскій престолъ, о взаимной помощи и гарантіи; въ *Торунѣ;* за подписью государей.

1709 г. окт. $^{10}/_{21}$. Особливый *секретный* артикулъ о предположеніи царя аттаковать Свейскія провинціи и по завладѣніи оными одну изъ нихъ, Лифляндію, уступить курфирсту Саксонскому и его союзникамъ, „коль долго они крѣпкій союзъ съ е. ц. в-мъ и его царскими наслѣдниками ненарушимо держати будутъ", себѣ же удержать Эстляндію, въ чемъ Августъ обѣщаетъ всякое вспоможеніе чинить. Таковая статья почитается какъ бы внесенною въ трактатъ заключенный наканунѣ; въ *Торунѣ;* за подписью царя и короля.

1711 г. мая 29го (іюня 9го). Концертъ о воен. дѣйств. противъ Швеціи, о присылкѣ Августу 100 тр. и пр.; при семъ артик. *сепаратный* въ подтвержденіе постановленной въ Торунѣ ($^{9}/_{20}$ окт.) уступки курф. саксонскому Лифляндіи. *П. С. З. № 2365.*

1716 г. ноября 3. Трактатъ учиненный въ Варшавѣ между королемъ Польскимъ и сконфедерованными чинами Р. П. при посредствѣ росс. посла кн. Гр. Ѳ. Долгорукова о прекращеніи между ними раздоровъ. Преліминаріи этого трактата въ *П. С. З.* № 3014.

1733 г. іюля 6. Трактатъ *съ пятью секретными* пунктами, учиненный между Росс. дворомъ, *королевскимъ принцемъ Польскимъ и Литовскимъ* (sic), герц. Саксонскимъ Фридрихомъ Августомъ о дружбѣ и гарантіи, на 28 лѣтъ, о содѣйствіи со стороны Россіи возведенію его, Августа, на престолъ Польскій; о оборонительномъ между Россіей и Польшею союзѣ, о удовлетвореніи требованій Россіи, о неприсоединеніи Курляндіи къ Польшѣ, о ненарушеніи польской вольности и о признаніи за Россіей императорскаго титула. *Въ Дрезденѣ.* *П. С. З. № 6455.*

1733 авг. $^{8}/_{19}$. Концертъ о введеніи въ Польшу русскихъ, цесарскихъ и саксонскихъ войскъ для возведенія на престолъ курфирста Саксонскаго Фридриха Августа. *Въ Варшавѣ;* чрезъ уполн. гр. Левенвольда, гр. Вильчка, гр. Вакербарта и Баудиссена.

Того же числа. Декларація гр. Левенвольда, что если союзники не исполнятъ принятыхъ ими сего числа обязательствъ относитель-

---

b) 9-го (20 го) октября. *Въ Сольцѣ, близъ Варшавы,* актъ приступленія къ союзу королей Польскаго, Прусскаго и Датскаго противъ Швеціи, заключенному въ Кельнѣ на Шпрее, 13 го іюля 1709 г. и содержащему слѣдующія обязательства: оказывать взаимное вспомоществованіе во время войны и при заключеніи мира, о содѣйствіи къ возвращенію престола Польскаго курфирсту Саксонскому, о гарантіи царю завоеванныхъ у Швеціи земель; о желаніи не разрушать шведскую корону, но привести ее въ справедливыя границы; о понужденіи всѣмъ того изъ договаривающихся, кто уклонился бы отъ нынѣ принимаемыхъ обязательствъ.

но возведенія на Польскій престолъ курфирста Саксонскаго, то и Русскій дворъ сочтетъ для себя заключенный договоръ необязательнымъ.

1733 г. авг. $^{11}/_{22}$. Конвенція между дворами Русск., Цесар. и Сакс. и воеводою Краковскимъ кн. Любомірскимъ о возведеніи на Польскій престолъ Саксонск. курф., и о награжденіи помянутаго князя за содѣйствованіе сему. За подписью кн. Любомірскаго.

1733 г. авг. $^{14}/_{25}$. Трактатъ между Россіей и Сакс. курф. о союзѣ оборонительномъ, о свойствѣ помощи и количествѣ секурса со стороны Саксоніи, о признаніи за Русск. государемъ имп. титула. *Въ Варшавѣ;* между уполн. гр. Левенвольдомъ, гр. Вакербартомъ и Баудиссеномъ.

1744 г. янв. 24 (февр. 4). Трактатъ съ однимъ *секретнымъ* и тремя *сепаратными* арт. о дружбѣ и возобновл. трактата 1733 на 15 лѣтъ, о взаимной оборонѣ, о стараніи Фр. Августа чтобы чины Р. П. Польской признали импер. титулъ за Елисаветой Петровной. *Въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполн. гр. Бестужева, б. Герсдорфа и Петцольда.
П. С. З. № 8866.

Д. Съ Цесарскимъ дворомъ.

1697 г. янв. 29 (февр. 8). Трактатъ о наступательномъ союзѣ Россіи, Венеціи и Цесарскаго государства противъ Турокъ и Татаръ, на 3 года; *въ Вѣнѣ;* чрезъ уполномоченныхъ Нифонтова, графовъ Кинскаго, Старенберга и Цейла (цесарскихъ) и Рузини (венеціанскаго). *П. С. З. № 1569.*

1710 г. марта 31. Декларація дворовъ Цесарскаго и Англійскаго, а также правительства Голландскихъ Штатовъ о содержаніи нейтралитета; *въ Гагѣ;* за подписаніемъ уполномоченныхъ.

1726 г. апр. 17. Инструментъ о приступленіи императора Римскаго къ оборонительному союзу заключенному между Россіей и Швеціей (22 февр. 1724 г.) и съ секретн. арт. онаго; *въ Вѣнѣ;* чрезъ уполномоченныхъ камерг. Ланчинскаго, принца Евгенія, графовъ Синцендорфа, Старенберга и Шенборна.

1726 г. августъ. 6. Трактатъ о ближайшемъ союзѣ съ цѣлію охранить миръ въ Европѣ и о приступленіи Русск. двора къ мирному договору между Цесарскимъ и Испанскимъ дворами, о взаимномъ вспоможеніи 30-ю тысячнымъ войскомъ, о способствованіи примиренію Польши и Швеціи; *въ Вѣнѣ;* чрезъ уполн. камерг. Ланчинскаго, пр. Евгенія Савойскаго, гр. Синцендорфа, гр. Старенберга и гр. Шенборна. При ономъ артикулъ *секретнѣйшій* о помощи Россіи цесарскими войсками, въ случаѣ разрыва съ Портой, и особая конвенція о стараніяхъ возвратить владѣнія Шлезвигъ-Голштинскому герцогу, добрыми офиціями и даже оружіемъ, срокомъ на годъ; *въ Вѣнѣ;* чрезъ

тѣхъ же уполн. *П. С. З. № 4946; кромѣ арт. секр. и конвенціи, кот. см. въ Прил. № II.*

1732 г. мая 26. Трактатъ между Росс., Цесарск. и Датск. дворами, см. *Б., съ Даніей.*

1733 г. марта. Конвенція объ условіяхъ взаимной помощи, на основаніи трактата 26 мая 1732 г., см. *тамъ же.*

1733 г. авг. $^{8}/_{19}$ Концертъ между Россійскимъ, Вѣнскимъ и Саксонскимъ дворами, см. *Г., съ Польшей.*

1737 г. янв. 9. Конвенція о поданіи взаимной помощи противъ Турціи; Вѣнскій дворъ обязуется выставить болѣе 80 т.; обѣ стороны уговариваются не заключать мира отдѣльно, привлекать же къ союзу Венеціанскую и Польскую республики. *Въ Вѣнѣ;* чрезъ уполн. камерг. Ланчинскаго, гр. Синцендорфа, гр. Старенберга, гр. Гарраха и гр. Кенигсека. *П. С. З № 7153.*

1737 г. марта $^{18}/_{29}$. Декларація о способѣ веденія войны противъ Турціи; *въ С.-П.-бургѣ;* учиненная гр. Остерманомъ, кн. Черкасскимъ и гр. Остеномъ.

1739 г. мая 26. Актъ приступленія къ 6 пункту мирнаго договора 18 нояб. 1738 г. между цесаремъ и королемъ Французскимъ, заключающему въ себѣ постановленія о королѣ Станиславѣ Лещинскомъ; чрезъ камерг. Ланчинскаго.

1743 г. ноября $^{11}/_{2}$. Конвенція о приступленіи къ заключенному въ Бреславлѣ 11 іюня 1742 мирному договору между королевой Венгро Богемскою, королемъ Прусскимъ и королемъ Великобританскимъ. *П. С. З № 8814.*

1744 г. окт. 23 (ноября 3). Декларація о томъ что рескриптъ королевы-императрицы по поводу дѣла маркиза Ботты былъ напечатанъ противъ ея воли и о ссылкѣ этого маркиза; *въ С.-Петербургѣ;* учин. гр. Розенбергомъ.

1746 г. мая 22 (іюня 2). Трактатъ о союзѣ оборонительномъ, о взаимной помощи въ 30.000 человѣкъ; на 25 лѣтъ, въ *С.-П.-бургѣ;* чрезъ гр. Бестужева-Рюмина, б. Претлина и Гозенгольца. При ономъ одинъ артикулъ *секретнѣйшій* о совокупномъ дѣйствіи противъ Порты въ случаѣ ея нападенія и пять *секретныхъ сепаратныхъ* артикуловъ касательно дѣлъ Голштинскихъ, о нераспространеніи настоящаго трактата и взаимной помощи на нынѣшнюю войну императора съ королемъ Французскимъ и о приглашеніи къ настоящему соглашенію супруга ея к. в-ва, яко цесаря и императора. *Текстъ трактата см. въ П. С. З. № 9288,* а *сеп. и секр. артикулы въ Прил. № V.*

1750 г. окт. 30. Актъ приступленія Англійскаго двора къ трактату 22 мая 1746 г. кромѣ сепаратныхъ артикуловъ. *П. С. З. № 9812.*

Того же числа. Декларація о помощи Англійскому королю въ случаѣ нападенія на его ганноверскія владѣнія; учинена въ *С.-П.-бургѣ* русскими министрами и гр. Бернесомъ.

1753 г. іюня 16. Артикулъ *секретнѣйшій* о возобновленіи постановленія касательно взаимной помощи противъ Турціи; *въ Москвѣ;* чрезъ гр. Бестужева, гр. Воронцова и б. Претлина.

1756 г. дек. 31. Актъ приступленія къ оборонительному трактату заключенному 1 мая 1756 г. между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами; * въ *С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполн. гр Бестужева-Рюмина, гр. Воронцова, гр. Эстергази (цесар.) и Дугласа (франц.). *П. С. З. № 10680.*

1757 г. янв. 22. Конвенція о возобновленіи тракт. 1746 года и о содержаніи вооруженной силы во все продолженіе начавшейся войны въ *С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполн. графовъ Бестужева, Воронцова и Эстергази. При ономъ 4 *сепаратные* артикула о приглашеніи другихъ державъ приступить къ сей конвенціи, особенно же Швеціи, имѣющей интересъ не допускать усиленія Пруссіи, о возвращеніи курф. Саксонскому его земель, и одинъ *сепаратный секретный* касательно субсидій со стороны Вѣнскаго двора Русскому. *П. С. З. № 10687.*

1757 г. марта 22. Декларація королевы Венгро-Богемской о готовности ея стараться чтобы Саксонскому курфирсту (королю Польскому Магдебургъ и нѣкот. др. земли достались при заключеніи мира.

1757 г. ноября 5. Актъ приступленія къ Стокгольм. конвенц. 10го мар. 1757 (см. *А., со Швеціей*) и декларація между Россійскимъ, Цесарскимъ и Шведскимъ дворами о томъ что порядокъ наблюденный въ актѣ приступленія и настоящей декларціи и въ подписаніи оныхъ не послужатъ предосужденіемъ альтернативу, установленному между подписавшими дворами, и что французскій языкъ употребленный въ помянутомъ актѣ не будетъ служить примѣромъ. *Въ С.-П.-бургѣ;* чрезъ уполн. гр. Бестужева, гр. Воронцова, гр. Эстергази, маркиза Лопиталя и Поссе. *П. С. З. № 10774.*

1760 г. марта 7. Актъ приступленія Росс. двора къ Версальскому, между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами, договору (30 дек. 1758 г.) о продолженіи общими силами войны противъ Прусскаго короля; ** *въ С.-П.-терб.;* чрезъ уполн. гр. Воронцова, генер. Шувалова, гр. Эстергази и маркиза Лопиталя. *П. С. З. № 11036.*

---

* Трактатъ этотъ, заключенный въ Версали съ цѣлію не допустить распространиться въ Европѣ войнѣ происходившей между Франціей и Англіей въ Америкѣ, установлялъ миръ и дружбу, подтверждалъ трактаты начиная съ Вестфальскаго, установлялъ взаимную гарантію обоюдныхъ владѣній въ Европѣ, а со стороны Франціи—гарантію Прагматической Санкціи и опредѣлялъ взаимную помощь войсками съ оборонительною цѣлію.

** Договоръ 30-го декабря 1758 г. заключенъ съ цѣлію не только охранять спокойствіе Европы и особенно Римской имперіи, но и поставить короля Прусскаго въ такое положеніе чтобъ онъ былъ не въ состояніи нарушать всеобщую тишину; вслѣдствіе сего трактатъ 1-го мая 1757 г. подтверждался; установлялись условія касательно субсидій и помощи войскомъ императрицѣ-королевѣ и королю Шведскому, выговаривалось содѣйствіе возвращенію королю Польскому саксонскихъ владѣній.

1760 г. марта 10. Актъ приступленія къ Копенгагенскому между Французскимъ и Датскимъ дворами трактату 4 мая 1758 г., * къ коему приступилъ и Вѣнскій дворъ. *Въ С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполн. гр. Воронцова, ген. Шувалова, маркиза Лопиталя и ф.-д. Остена. При семъ особливая декларація Вѣнскаго двора отъ того же числа о гарантіи со стороны онаго ожидаемому соглашенію между Даніей и герцогомъ Голштинскимъ. *П. С. З. № 11038.*

1760 мар. 21. Трактатъ оборонительнаго союза на основаніи трактата 1746 г. При семъ артикулы *сепаратные* и *тайные*, касающіеся содѣйствія прекращенію несогласій между Даніей и Голшт. герцогомъ и войны съ Пруссіей, взаимной помощи, приглашенія къ союзу императора Германскаго, подтвержденія соглашенія 1746 года относительно Порты. Въ *С.-П.-бургѣ*; чрезъ уполн. гр. Воронцова, ген. Шувалова и гр. Эстергази. *П. С. З. № 11041.*

1760 марта 21. Конвенція въ замѣну учиненной 22 янв. 1757 г. о продолженіи войны противъ Прусскаго короля, выставляя все то войско коимъ располагать могутъ и не менѣе 80 т., а Россія и флотъ; о справедливыхъ вознагражденіяхъ за ущербъ нанесенный королемъ, а именно королевѣ-императрицѣ возвратить Силезію и Глацъ, а Россіи Прусск. королевства, если императрица-королева получитъ Силезію и Глацъ; о приглашеніи къ союзу другихъ державъ, о возвращеніи курф. Саксонскому его владѣній, о субсидіи съ австрійской стороны. *П. С. З. № 11042.*

---

* Трактатомъ 4-го мая король Датскій обязывался: собрать въ Голштиніи 24.000 войска и содержать оное во все продолженіе войны (Семилѣтней) и признать нападеніе на владѣнія вел. кн. Россійскаго за нападеніе какъ бы на его собственныя земли. Король Французскій обѣщалъ содѣйствовать обмѣну помянутыхъ владѣній на графства Ольденбургское и Дельменгорстское или же, при общемъ замиреніи, доставить справедливый эквивалентъ. Далѣе король Датскій обязывался не помогать Англіи и Пруссіи, а король Французскій—защищать его, въ случаѣ нападенія на него.

2007044140